

Александр Широкоград

Друзья и Враги России

ПЕРСИЯ — ИРАН

ИМПЕРИЯ НА ВОСТОКЕ

Annotation

Иран — самое древнее из ныне существующих государств. Торговые связи Руси и Персии не прерывались более тысячи лет. А для русских людей Персия была сказочной страной. И в самом деле, Персия — это не Запад, но и не Восток. Это — особый мир. Ну а политическая и экономическая роль Ирана в современном мире растет из года в год.

В представленной книге автор попытался популярно рассказать о непростых отношениях России с нашим великим южным соседом.

- [Александр Широкоград](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)

- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)

- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)

- [224](#)
 - [225](#)
 - [226](#)
 - [227](#)
 - [228](#)
 - [229](#)
 - [230](#)
 - [231](#)
 - [232](#)
 - [233](#)
 - [234](#)
-

Александр Широкоград
ПЕРСИЯ - ИРАН. Империя на Востоке

Глава 1

ВЕЛИЧИЕ ТРЕХТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ИМПЕРИИ

Первым классическим источником древнего Ирана принято считать Эламские летописи. Государство Элам (самоназвание — Халтамти) возникло в третьем тысячелетии до нашей эры на юго-западе современного Ирана в провинциях Хузистан и Лурестан. Столицей государства стал город Сузы.

Во втором тысячелетии на территорию нынешнего Ирана несколькими волнами вторгаются племена Ариев. Они же дали Ирану его имя — «родина Ариев».

Название Персия (Парсуа) впервые встречается в ассирийских документах в IX веке до н.э. В районе Персидского залива в VII веке до н.э. ведущее положение занимало племя персов, во главе которого стоял род Ахеменидов.

В 593 г. до н.э. Астиаг из рода Ахеменидов покорил древнее Эламское царство и овладел его столицей Сузы.

По версии греческого историка Геродота Астиаг выдал свою дочь за другого персидского князя — Камбджа (Камбиза). От их брака родился персидский царь Куру (Кир).

В 539 до н.э. Кир занял Вавилонию, а к концу своего правления расширил границы государства от Средиземного моря до восточных окраин Иранского нагорья. Столицей государства он сделал город Пасаргады на юго-западе Персии.

Сын Кира Камбис захватил Египет и провозгласил себя фараоном. После его смерти в 522 г. до н.э. персидским тронм завладел мидийский жрец, но через несколько месяцев его сверг представитель более молодой ветви династии Ахеменидов Дарий. При нем под властью Персии оказалась северо-западная часть Индии вплоть до реки Инд и Армения до гор Кавказа. Дарий даже организовал поход во Фракию (современная территория Турции и Болгарии).

В правление Дария с 522 г. по 485 г. до н.э. греки в западной части Малой Азии подняли восстание. Поддержанное греками в островной и европейской частях Греции, оно положило начало греко-персидским войнам, длившимся почти полтора века.

Тут я сделаю маленькое авторское отступление. Возникает вопрос, а какое отношение греко-персидские войны имеют к русско-персидским связям? Естественно, никакого, но зато самосознание современных иранцев в очень многом определили великие победы и завоевания династии Ахеменидов. И сейчас иранцы считают себя потомками самого древнего и могущественного государства в мире. Трудно сейчас назвать Республику Египет наследницей государства Фараонов или современных итальянцев и греков — наследниками Древнего Рима и Эллады. Ну а нынешний Иран, пусть с некоторой натяжкой, можно считать наследником государства Ахеменидов и последующих империй на Иранском нагорье.

В VIII и VII веках до н.э. жрец Заратуштра (греч. Зороастр) реформировал древние арийские религии. Суть религии, проповедуемой Зороастром, составлял резкий дуализм, в область которого входит все существующее на земле. Представителем и главой всего доброго признается светлое существо Ахура-Мазда (Ормузд) — мудрый владыка, великий и чистый. Представителем всего дурного и злого — мрачный Ангра-Майниус (Ариман). В непрерывной борьбе между Ормуздом и Ариманом и окружающими их духами принимает участие и человек, жизни и деятельности которого, таким образом, придается известное нравственное содержание. Трон Ормузда окружен шестью высшими духами — Амеша-Шпендами, помимо этого, ему повинуются еще многие другие благие духи.

Зороастр требовал от каждого человека, чтобы он рано вставал, усердно обрабатывал свое поле и тщательно ухаживал за садами. Предписывалось также соблюдение чистоплотности. Самым нечистым из всего нечистого почиталось мертвое тело, и самым трудным считалось очищение себя после прикосновения к покойнику.

Забегая вперед, скажу, что к настоящему времени в Иране осталось около 35 тысяч последователей учения Зороастра^[1], которых мусульмане называют габарами, то есть «неверными». В соседней Индии их около 115 тысяч. Приверженцев зороастризма в Индии называют «парсами». Это потомки переселенцев, покинувших Персию в X веке н.э.

Весной 334 г. до н.э. армия Александра Македонского переправилась через Геллеспонт (Дарданеллы) и двинулась на Персию. В нескольких сражениях персидский царь Дарий III был разбит, а в 330 г. до н.э. убит своими соратниками. В том же 330 г. до н.э. македонская армия заняла центральную часть Иранского нагорья.

После смерти царя Александра его полководцы поделили империю на части. Иранское нагорье досталось начальнику македонской конницы

Селевку, основателю династии Селевкидов.

Вскоре местная знать начала борьбу против иноземцев. В сатрапии Парфия, расположенной к юго-востоку от Каспийского моря в местности, известной под названием Хорасан, восстало кочевое племя парнов и изгнало наместника Селевкидов. В 250 г. до н.э. первым правителем Парфянского государства стал Аршак I, правивший до 248/247 г. до н.э.

Между парфянами и Селевкидами велись непрерывные войны, закончившиеся лишь в 141 г. до н.э. после захвата парфянами под предводительством Митридата I города Селевкии на реке Тигр — столицы Селевкидов. На другом берегу Тигра, напротив Селевкии, Митридат основал новую столицу Ктерифон и распространил свою власть на большую часть Иранского нагорья. Его наследник, Митридат II, правивший с 123 г. до н.э. по 87/88 г. до н.э., еще дальше раздвинул границы государства. Он принял титул «царь царей» (шахиншах) и стал властителем обширной территории от Индии до Месопотамии, а на востоке до Китайского Туркестана.

Парфяне считали себя прямыми наследниками государства Ахеменидов, и их древняя культура включила в себя элементы эллинистической культуры.

В годы царствования Фраата III (70—58/57 гг. до н.э.) Парфия вступила в период непрерывных войн с Римской империей, который длился почти три века. Парфяне разгромили армию под командованием Марка Лициния Красса при Каррах в Месопотамии, и теперь граница между двумя империями пролегла по Евфрату. В 115 г. н.э. римский император Траян захватил Селевкию, но парфянская держава устояла. В 161 г. царь Вологес III напал на римскую провинцию Сирию и опустошил ее.

Однако бесконечные войны в течение многих лет обескровили парфян, а попытки одолеть римлян на западных границах ослабили их власть над Иранским нагорьем. Во многих районах вспыхнули восстания. Сатрап Фарса (Парсы) Ардашир, сын религиозного лидера, объявил себя правителем как прямой потомок Ахеменидов. Он разбил несколько парфянских армий и убил в битве последнего парфянского царя Артабана V, взял Ктесифон и нанес сокрушительное поражение коалиции, пытавшейся восстановить власть Аршакидов.

Ардашир (годы правления 224—241) основал новую империю — государство Сасанидов (от древнеперсидского титула «сасан», или «командир»). Его сын Шапур I (241—272), сохранив элементы прежней феодальной системы, сумел создать в высшей степени централизованное государство. Армии Шапура сначала двинулись на восток и заняли все

Иранское нагорье до реки Инд, а затем повернули на запад против римлян. В битве при Эдессе (близ современной Урфы, Турция) Шапур захватил в плен римского императора Валериана вместе с его 70-тысячной армией.

В государстве Сасанидов особую роль играла государственная религия — зороастризм. Зороастрийские храмы и представители высшего жречества владели обширными землями, обрабатывали которые в основном рабы.

Верхушка зороастрийского духовенства стала одной из наиболее могущественных прослоек господствующего класса и играла далеко не последнюю роль в политической жизни государства. Так, во власти жрецов находились образование и суд, а вся трудовая жизнь народа проходила под их неусыпным контролем.

В III — начале IV веков правители государства Сасанидов охотно давали убежище на своей территории христианам, поскольку видели в них союзников в тылу у римлян. Когда же христианство стало господствующей религией враждебного Рима, Сасаниды начали преследовать христиан в своей стране и поддерживать представителей различных еретических учений (например, ариан), оппозиционных официальной христианской церкви.

В 488 г. в Персии философ Маздак создал религиозно-философское учение, тесно связанное с манихейством и зороастризмом. Принципиальное отличие маздакизма от манихейства состояло в утверждении закономерности и неизбежности победы светлого начала над злым, причем победы не где-то в потустороннем мире, а в земной материальной жизни. Светлое начало, по учению маздакитов, действует сознательно, а темное — бессознательно и случайно. Отсюда — полная возможность борьбы со злом и требование активного вмешательства человека в уничтожение зла на земле. Конкретным проявлением зла и темного начала в глазах маздакитов являлось социальное и имущественное неравенство. Оно в первую очередь и должно было быть уничтожено.

Перераспределение собственности, уравнивание имущества, правовое равенство являлось основными требованиями маздакитов. Согласно одному из источников, маздакиты так излагали эту часть своей программы: «Если кто-нибудь владеет излишками в движимой и недвижимой собственности, женщинах и рабах, мы у него отберем и дадим поровну другим, так, чтобы ни один человек не смог бы заявлять свое право иметь больше, чем другой».

Осуществляя программу своих социальных требований, маздакиты отнимали землю у представителей знати и делили их богатства. Земли,

захваченные у знати, присоединялись к общинной территории. Рабы, инвентарь, рабочий скот, хранившиеся в амбарах знати запасы зерна делились между общинниками.

На несколько лет маздакитам удалось заручиться поддержкой шахиншаха Кавада I. Одной из причин, заставившей Сасанидского правителя пойти на временный союз с маздакитами, явилось его стремление сломить могущество знати. Однако в 529 г. Кавад I сумел разгромить движение маздакитов.

После падения Рима место традиционного врага Сасанидов заняла Византия. При сыне Кавада I Хозрове I персидская армия в 540 г. захватила важнейший экономический центр Сирии — Антиохию на Оронте, и вышла к Средиземному морю. Множество пленных, уведенных из Антиохии, в основном ремесленников, поселили в специально построенном для них предместье Ктесифона.

Византия и Персия боролись также за Лазику. Но Сасаниды не смогли укрепиться в Лазике и обеспечить себе выход к Черному морю. На востоке Кавказа Хозров I возвел мощную систему укреплений в Дербентском проходе, таким образом преградив обычную дорогу кочевников Предкавказья во владения Сасанидов.

Больших успехов добились персы на юге. В 570 г. они захватили Йемен (на юго-востоке Аравии) и вытеснили оттуда эфиопов — союзников Византии. Захват Йемена обеспечивал Сасанидам господство над морскими и отчасти сухопутными путями транзитной торговли из Индии на Запад, что имело крайне важное значение для персидского государства.

В 605 г. в ходе новой войны с Византией персидские войска вторглись в Армению, заняли Месопотамию и двинулись через Малую Азию к Константинополю. Они захватили Халкедон на азиатском берегу Босфора. Но у персов не оказалось судов для переправы, так что от осады Константинополя им пришлось отказаться.

А тем временем другая персидская армия вторглась в Сирию и Палестину, где в 614 г. захватила Иерусалим. Сасанидские войска впервые появились в Африке и завладели Нижним Египтом. Но в 622 г. византийские войска перешли в контрнаступление в Малой Азии и на Кавказе. В 627 г. они вступили в Азербайджан, взяли его столицу Ганзак и некоторое время удерживали Ктесифон.

В конце 80-х гг. VI века часть персидской знати во главе с Бахрамом Чобеном (Деревянным) подняла восстание против центральной власти. Бахрам с войсками вступил в Ктесифон и объявил себя царем. Сасанидский шахиншах Хозров II обратился за помощью к Византии, пообещав взамен

уступить ей территории на западе Сасанидского государства. Мятежники в Ктесифоне не выдержали совместного удара византийских, армянских и оставшихся верными Хозрову персидских войск и были разбиты.

В 634 г. на Персидское государство напали арабы. В 637 г. в битве при городе Кадисии против арабов выступили главные силы персидского государства, объединенные в так называемую «великую армию Рустема». Однако ни численное превосходство персов, ни их боевые слоны не смогли остановить натиска арабских войск. Битва при Кадисии решила судьбу столицы Сасанидского государства — Ктесифон был сдан без боя. Там арабы захватили несметные сокровища. Каждый участник похода получил по 12 тысяч дирхемов. Всего было роздано добычи примерно на 900 млн. дирхемов.

В 636 г. между Хирой и Евфратом арабы построили город Куфу, куда перенесли резиденцию главнокомандующего и наместника завоеванных областей. Хотя Ктесифон и был большим городом, центром политической и экономической жизни Сасанидского государства, завоеватели так и не решились в нем обосноваться.

В 638 г. арабы захватили район Мосула. Многие местные сатрапы отказались подчиняться персидским властям и перешли на сторону арабов.

В 642 г. под Нехавендом произошла последняя крупная битва, данная персидскими войсками. Нехавенд пал, после чего арабы легко овладели городами Рей (ныне Тегеран), Казвин, Кумис и вступили на территорию современного Азербайджана. В 644 г. арабы заняли города Хамадан, Кум, Каман, Исфahan. В 651 г. близ Мерва был убит последний шахиншах из династии Сасанидов — Иездигер III, правнук Хозрова I. В том же году арабы завладели всем государством Сасанидов, за исключением областей на юге Каспийского моря, а также вторглись на территорию современного Афганистана.

Со времени арабского завоевания в Персии стала постепенно распространяться новая для местного населения религия — ислам, но лишь к концу X века она стала религией большинства жителей. При этом местные феодалы принимали ислам охотнее, чем другие слои населения. Принимая ислам, они хотели сохранить и упрочить свое привилегированное положение в обществе. Купцы также принимали ислам, поскольку мусульманское купечество платило пошлины в половинном размере по сравнению с немусульманами.

С конца VII века делопроизводство в канцеляриях всего Багдадского халифата, в том числе и в Персии, было переведено на арабский язык, который стал общепринятым языком.

Недовольство местного населения и центробежные силы в халифате привели к усилению кризиса феодальных княжеств, лишь номинально зависимых от Багдада.

В 821 г. в Хорасане образовался наследственный эмират Тахиридов (821—873). В 861 г. в Систане (Сеистане) образовался эмират Саффаридов (861—900). Саффариды в 873 г. захватили владения Тахиридов. К северу от Хорасана их государство граничило с образовавшимся в IX веке государством Саманидов.

В 900 г. саффаридское войско было наголову разбито около Балха войском Исмаила Саманида. Хорасан и через несколько лет вся восточная Персия вошли в состав таджикского государства Саманидов с центром в Бухаре и находились в его составе целое столетие.

В прикаспийских районах, особенно в Гиляне и Дейлеме, образовалось несколько мелких государств. В Западной Персии к 935 г. сложилось государство Бундов (935—1055). В 945 г. Буиды захватили Багдад и завладели политической властью, отстранив халифов от государственных дел. Формально они управляли от имени халифа, за которым признавалась духовная власть в мусульманском мире, и именовались «амир-аль-умара» («эмир эмира»). Им подчинялись Арабский Ирак с Багдадом и Басрой, Хузистан, Фарс, Керман, районы Хамадана, Исфахана и Рейя.

В 1221 г. татарские войска Джебэ и Судэдэй-багатура вторглись в Северную Персию. Татары учинили резню в городах Балх, Мерв, Херат, Туе, Нишапур, Сабзавар, Рей, Казвин, Хамадан. В Азербайджане той же участи подверглись города Марага и Ардебиль, а в Ширване — Байкалам и Шемаха.

К середине XIII века большая часть Персии и Закавказье были захвачены татарами. Непокоренными остались лишь владения исмаилитов в горах Альбурса и в Кухистане, а также владения багдадских халифов в Арабской Персии и в Хузистане.

В 1251 г. в Монголии состоялся курултай, на котором великим ханом избрали Мэнгу, сына Тулуй-хана, внука Чингисхана. Тогда же решили начать подготовку к большому походу для окончательного завоевания Персии и для захвата других стран Западной Азии. Командование походом возложили на Хулагу-хана.

В 1253 г. войско Хулагу-хана вышло из Монголии, но лишь в январе 1256 г. перешло Аму-Дарью и вторглось в Хорасан.

Хулагу-хану удалось завоевать последние независимые территории Персии, а в начале 1258 г. он взял Багдад. По словам персидского ученого XIII века Рашид ад-Дина, все богатства халифа и его казны, «все, что

собирали в течение 600 лет, горами нагромодили вокруг ханской ставки».

Затем татары захватили Васит, перерезав там около 40 тысяч жителей. Важнейший персидский порт Басра сдался без боя. А жители Хилы (умеренные шииты-имамиты) навели понтонный мост через Евфрат и радостно вышли навстречу завоевателям. Здесь сказалась общая тенденция политики Хулагу-хана — опираться на религиозные меньшинства.

Хулагу-хан самовольно, то есть без санкции Каракорума, создал новое государство — пятый улус Монгольской империи, в 1261 г. признанный великим ханом Хубилаем. Хулагу-хан, правивший улусом с 1256 по 1265 год, носил титул ильхана («хана племени»), то есть улусного хана. Этот титул перешел и к его преемникам.

Государство ильханов Хулагуидов с самого своего образования только номинально зависело от великого хана. А с принятием ислама в 1295 г. ильхан Газан и формально перестал признавать власть великого хана, ставшего теперь «неверным».

Государство ильханов Хулагуидов включало в себя всю Персию, нынешний Афганистан (кроме Балхской области, входившей в Чагатайский улус), Месопотамию, Закавказье и даже западную часть полуострова Малая Азия. Трапезундская империя, Киликийская Армения и островное королевство Кипр стали вассалами Хулагуидов, они платили им дань и поставляли вспомогательное ополчение. Под видом «подарков» дань Хулагуидам периодически выплачивала и Византийская империя.

Государство Хулагуидов систематически вело войны с правителями Золотой Орды. При этом в разноплеменном золотоордынском войске почти каждый раз оказывались русские дружины. Надо ли говорить, что воспоминания об этих походах были крайне неприятны как московским князьям, их дьякам и летописцам, так и позже имперским и советским историкам. Так что мы почти не знаем о походах этих дружин.

Известно лишь, что ярославский князь Федор Чёрмный и князь Михаил Белозерский стали видными полководцами золотоордынского хана Менгу-Тимура. Позже Федор Чёрмный с помощью татар захватил власть в Ярославле и был причислен к лику ярославских святых.

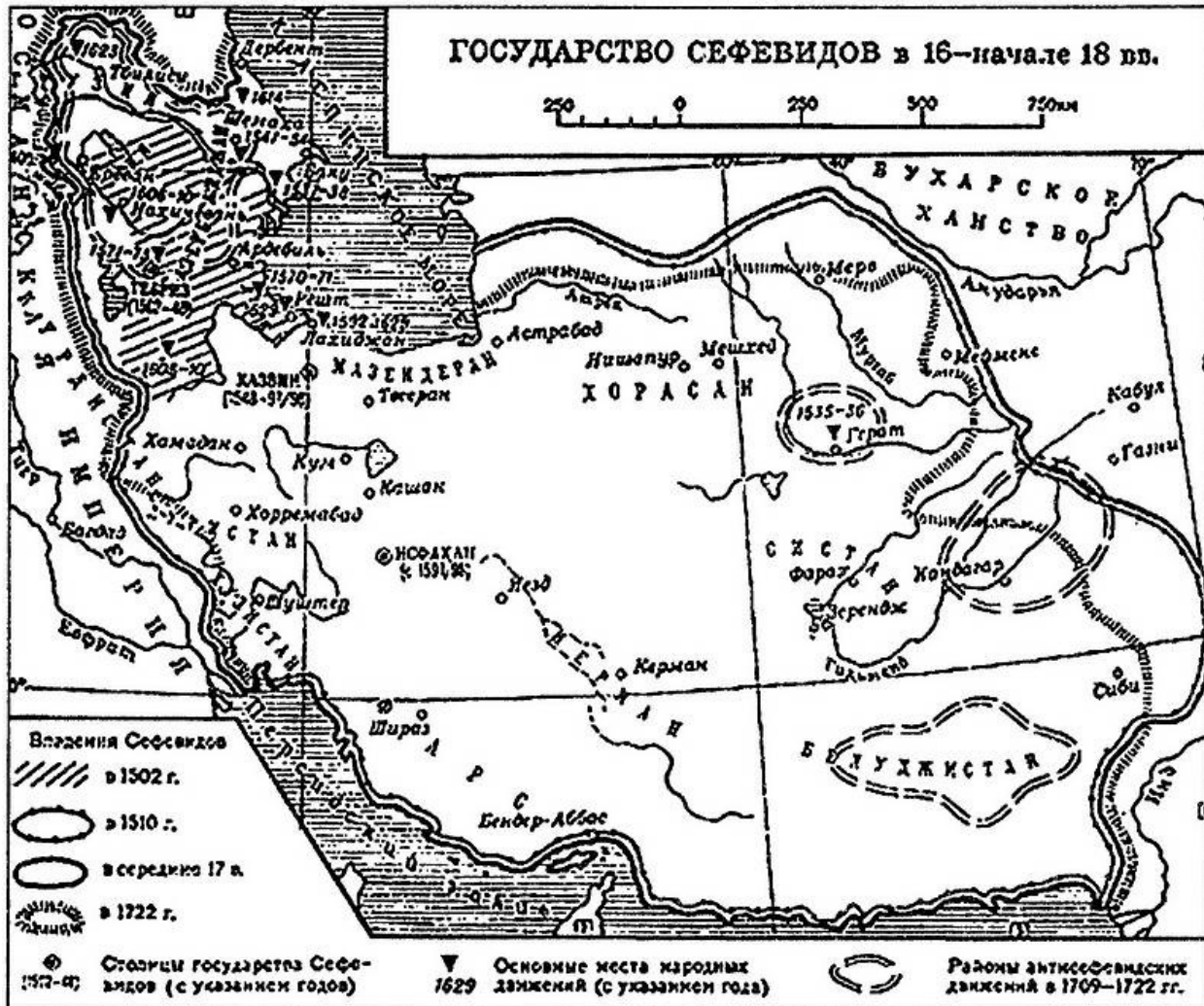
Постепенно власть ильханов стала слабеть. И Абу-Саид Бахадур-хан (1316—1335) стал последним ильханом, власть которого признавалась во всем государстве. С его смертью в государстве Хулагуидов началась серия междоусобных войн нескольких феодальных кланов, как монгольских, так и примкнувших к ним персидских, боровшихся за власть и возводивших на престолы в разных областях марионеточных ильханов из потомков Чингисхана. Междоусобица длилась до 1353 г., и результатом ее стал

распад государства Хулагуидов на несколько независимых государств с династиями как монгольского (но уже не чингизидского), так и тюркского или персидского происхождения.

В 1380—1393 гг. все персидские гособразования оказываются под властью свирепого Тимура. Но его наследникам не удалось надолго удержать страну.

Во второй половине XV века в городе Ардебиле (Южный Азербайджан) усилилось влияние наследственных духовных феодалов Сефевидов — богатых землевладельцев. Происхождение свое они вели от главы суфийского ордена Ардебиля — Сефи ад-Дина (1252—1334)^[2].

«Святое» происхождение и связанный с этим ореол божественности шахской власти облегчали Сефевидам обосновать свое право на шахский трон и держать в повиновении угнетенные массы народа. Помимо части населения их поддерживали кочевые племена, преимущественно в Малой Азии, в районах Армянского нагорья и Сирии, исповедовавшие умеренный шиизм. Эти племена получили название кызылбашей («красноголовые») за то, что носили чалму, уложенную складками с двенадцатью красными полосами по числу почитаемых ими двенадцати имамов.

Государство Сефевидов в XVI—XVIII веках

В 1499 г. кызылбаши во главе с Исмаилом Сефевидом, недовольные централистской политикой Османского государства и не желавшие признавать власть Ак-Койюнулу, восстали, вторглись во владения ширваншаха в Северном Азербайджане и опустошили Ширван. Затем они двинулись на юг и разгромили главные силы Ак-Койюнулу. В 1502 г. Исмаил занял Тебриз и был объявлен шаханшахом Персии, а Тебриз стал столицей. Шиизм умеренного толка имамитов был объявлен государственной религией. Так было положено начало сефевидской династии (1502—1736).

Глава 2

РУСЬ ПРИХОДИТ НА КАСПИЙ

В IX—XII веках арабские ученые стояли на голову выше западноевропейских. Современные историки удивляются их познаниям в области географии, истории, основ мореходства и т.д. Возникли даже предположения о связи арабов с инопланетянами. В трудах арабских ученых неоднократно упоминаются русы — мореплаватели и воины, в IX—XI веках регулярно плававшие в Черном и Средиземном морях. Причем арабы именовали Черное море Русским морем. Термин «Черное море» появился после захвата турками Константинополя в 1453 г., заодно они переименовали Эгейское море в Белое. Во второй половине XIX века Эгейскому морю вернули историческое название, а Черному — нет.

Эти данные арабских ученых подтверждаются византийскими и западноевропейскими хрониками. Увы, русские летописи молчат о походах русов.

Согласно арабским источникам, впервые русы появились на юге Каспийского моря в 880 г. По свидетельству арабского историка Ибн Исфендийара, они напали на город Абаскуна.

Ибн Исфендийар сообщает и еще о двух походах русов на южное побережье Каспия, состоявшихся в начале X века. Большинство историков датируют их 909—912 гг. «В этом году в море появилось шестнадцать кораблей, принадлежащих русам, и пошли они в Асаскун, как и во время Хасана [ибн] Зайда Алида, когда русы прибыли в Асаскун и вели войну, а Хасан Зайд отправил войско и всех перебил. В это время, когда появилось шестнадцать кораблей русов, они разрушили и разграбили Абаскун и побережье моря в той стороне, многих мусульман убили и ограбили... В следующем году русы прибыли в большом числе, подожгли Сари и округи Пянджах хазара, увели в плен людей и поспешно удалились в море...»^[3].

Затем арабский историк и путешественник ал-Мас'уди (? — 956 гг.) писал, что «после 300 года хиджры (912/13 г.) около 500 русских кораблей, каждый из которых вмещал по сотне человек, получили разрешение от хазарского правителя на проход из Черного в Каспийское море. Условием прохода было обещание русов передать правителю Хазарии половину добычи, захваченной ими на Каспии. Выйдя в Каспийское море, русы стали совершать жестокие набеги на страны, лежащие вдоль его южного и

западного побережий».

«...суда русов рассеялись по морю, и их отряды отправились в Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун на гурганском берегу, в область нефтяных источников и в Азербайджан, потому что главный город Азербайджана отстоит от моря всего на три дня пути. Они проливали кровь, захватывали женщин и детей, грабили имущество, снаряжали отряды для набегов, уничтожали и жгли [дома] ... При возвращении из набегов они удалялись на острова, расположенные у нефтяных источников и в нескольких милях оттуда» (Мас'уди. Т. II. С. 20—21; Бартольд. 1963. С. 829).

По словам ал-Мас'уди, «действия русов вызвали смятение у прикаспийских народов, дотоле видевших на Каспии одни торговые и рыболовецкие суда. В бассейне Каспия русы оставались "много месяцев", укрываясь на морских островах поблизости от Баку. Хотя на обратном пути русы, как и было обусловлено, послали хазарскому царю половину добычи, они подверглись нападению со стороны проживавших в Хазарии мусульман, которых возмутили грабительские действия русов в исламских областях Прикаспия. К хазарским мусульманам присоединились и проживавшие в Итиле христиане, скорее всего, купцы. Правитель Хазарии предупредил русов о готовившемся против них ударе, предотвратить который он якобы не мог. Русы, уцелевшие после битвы с хазарскими мусульманами в низовьях Волги, бежали вверх по реке, но были перебиты буртасами и волжскими булгарами»^[4].

Подробный рассказ еще об одном походе русов в Прикаспий, состоявшемся в первой половине X века, сохранился у историка Ибн Мискавейха (? —1030 гг.).

В 332 г. (943—944) войско русов проплыло по Каспийскому морю. Обогнув Апшеронский полуостров и достигнув устья реки Куры, русы поднялись по ней вверх до Ширванского ханства.

Персидский наместник Марзбек и правитель города Барда собрали войско и двинулись навстречу русам. «Напали на них, не зная их силы, и считали, что они побегут путем армян и византийцев. А когда выстроились в ряд воины, то не прошло и часа, как бросились русы ужасной атакой, разбили войско и взяли в плен добровольцев и все войско, кроме дейлемитов. Они устояли [еще] час и были уничтожены все, кроме тех, кто был верхом на лошади. Преследовали [руссы] убегающих до города, и бежали все, кто имел [какие-нибудь] средства передвижения, [хотя бы] верблюда; [все] военные и гражданские. Покинули они город, поселились в нем русы и завладели им»^[5].

Затем русы выиграли еще несколько сражений. Но вскоре среди русов началась эпидемия какого-то желудочного заболевания, и оставшиеся в живых на ладьях отправились домой.

Так кто такие русы?

Ряд отечественных и особенно западноевропейских ученых считают, что русы — это норманны. Однако арабские и византийские источники четко разделяли норманнов (варягов) и русов. Замечу, что арабы, называя Черное море бахр ар-рус, именовали Балтийское море бахр Варанк (бахр — море). Таким образом, они прекрасно знали, где плавают варяги, а где — русы.

Некоторые историки связывают слово «рос» — «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни, и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsi», что означает «гребцы» или «плавание на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, адвигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» — «русь» происходит от слова «корабль».

Итак, поначалу славяне и византийцы называли русью дружины норманнов и славян, передвигающиеся на гребных судах. Через несколько десятилетий это слово стало ассоциироваться с дружиной киевского князя, а затем — с его владениями и его подданными.

Ну а теперь возникает еще более сложный вопрос — откуда русы приходили на Каспий? Они могли приходить из Ладоги, Киева, древнего Смоленска (Гнездовское городище) и т.д. Но арабские источники говорят о таинственном острове русов, откуда и начиналось большинство морских походов.

Впервые об «острове русов» написал арабский историк Ибн Русте в 7-м томе энциклопедического труда «Дорогие ценности», составленном в 903—913 гг.

«О русах Ибн Русте сообщает, что они живут на острове, окруженном озером. Правитель русов носит титул хакан и выполняет функции судьи. Русы плохие наездники и передвигаются на кораблях, совершая набеги на другие народы... В земле русов нет деревень, но зато много городов, где чужеземцев встречают гостеприимно»^[6].

Похожий рассказ об «острове русов» есть и в труде персидского историка XI века Гардизи «Краса повествований» («Зайн ал-ахбар»),

составленном при дворе Газневидов (на территории современного Афганистана) в начале 50-х гг. XI века.

«В отличие от Ибн Русте, Гардизи утверждает, что остров русов окружен не озером, а морем. Гардизи также приводит численность населения острова — 100 тысяч человек — и сообщает, что правитель острова получает десятину с торговых операций. Имеющиеся разночтения говорят о том, что Гардизи пользовался не трудом самого Ибн Русте, а имел какие-то общие с ним источники. По словам Гардизи, этими источниками были труды Ибн Хордадбеха и ал-Джайхани.

Сообщения о славянах и русах, аналогичные данным Ибн Русте и Гардизи, сохранились в сокращенных вариантах у целого ряда других арабо-персидских ученых X—XVI веков. Среди них следует упомянуть Мутаххара ибн Тахира ал-Мукаддаси (X в.), автора шеститомной энциклопедии «Книга творения и истории». Краткое изложение рассказа о славянах и русах помещено в географическом разделе четвертого тома энциклопедии. Ал-Мукаддаси, так же как и Ибн Русте, пишет о том, что остров русов располагается на озере, но добавляет при этом, что остров представлял собой крепость. Кроме того, ал-Мукаддаси называет число жителей острова — 100 тысяч человек. Согласно ал-Мукаддаси, ближайшими соседями русов были славяне»^[7].

Арабские географы XIII—XIV веков Ибн Са'ида и ад-Димашки «связывают рассказы арабо-персидских ученых об "острове русов" с сообщением ал-Идриси о городе Русийа, локализуемом в Керчи. И Ибн Са'ид, и ад-Дамашки говорят не об одном, а о нескольких островах, населенных русами, помещают эти острова в Азовском море и считают город Русийа главным городом русов»^[8]. Можно привести и еще ряд сообщений арабских авторов.

Так где же был расположен знаменитый «остров русов»? «Споры о местонахождении "острова русов" начались еще в прошлом веке и породили огромную историографию, на которую к тому же определенное влияние оказала полемика между норманистами и их оппонентами. Специалисты-востоковеды (Х.Д. Френ, Ф. Шармуа, В.Р. Розен, Ф. Вестберг, В.В. Бартольд, А.П. Новельцев и другие) помещали его на севере Европы — в Скандинавии, в районе Новгорода, на Верхней Волге. К такому выводу их подталкивал не только анализ самих сообщений об "острове русов", но и вся совокупность ранних данных о русах в мусульманской литературе, указывающая на их северное происхождение.

Иной точки зрения придерживались исследователи-невостоковеды

(А.Д. Чертков, Е.Е. Голубинский, Г.В. Вернадский, Б.А. Рыбаков и др.), предлагавшие искать "остров русов" не на севере, а на юге Восточной Европы — в Киеве, в Тмутаракани, в Крыму, в дельте Дуная»^[9].

Попросту говоря, русские ученые дяди помещали остров туда, где он более соответствовал их теориям, но не приводили никаких серьезных доказательств.

Увы, сама география говорит за то, что «остров русов» находился именно в Тмутараканском княжестве.

Вспомним и о походах русов IX—X веков на Каспии и Северном Кавказе. Откуда они приходили и куда уходили? Теоретически они могли приходиться из Ладоги или, в лучшем случае, из Тимерева под Ярославлем, но куда более вероятно, что русы приходили из Тмутаракани.

Наконец, сами кавказские правители периодически приглашали отряды русов для войны с соседями. Понятно, что пока посол доберется до Ладоги и вернется обратно с дружиной русов, пройдет не менее года. А получить помощь от тмутараканских русов было делом нескольких недель.

По данным академика Г.В. Вернадского, одним из первых князей Тмутараканских был Олег — сын киевского князя Игоря Рюриковича. «По свидетельству древнеарабских и древнееврейских историков, Олег Игоревич погиб около 934—944 гг., во время неудачного похода из Тмутаракани в Азербайджан»^[10].

Столица княжества Тмутаракань (Тматорокань, Матарха) отождествляется с современной станицей Тамань на Таманском полуострове. В том месте еще в VI веке до н.э. греки основали город-колонию Гермонассу.

В III—VIII веках там было небольшое византийское поселение. А примерно в VIII веке на короткое время город захватили хазары и переименовали его в Таматарха. Затем русские изгоняют хазар, и Таматарха становится русской Тмутараканью.

В ходе первых серьезных раскопок средневековых слоев на Таманском городище в 1955 г., проводимых экспедицией под руководством Б.А. Рыбакова, был отрыт фундамент русской церкви, а также обнаружена славянская керамика X—XI веков.

А сейчас обратимся к географическому положению современной станицы Тамань, чуть позже нам это очень пригодится.

«Высокий прибрежный холм Таманского городища даже в наши дни после многочисленных постепенно уничтожающих его разрушений — обвалов берегового обрыва, строительства крупных объектов, в частности,

суворовской крепости, с последующим их разрушением, представляет собой весьма заметное и на ряде участков просто недоступное естественное укрепление. Восточный обрывистый край городища обрамлял ручей. С запада холм "отрезан" от основного массива берега глубокими и широкими оврагами. С юга городище омывалось водами озера, сейчас совершенно высохшего. Размеры городища более 160 000 кв.м»^[11].

Да и сейчас станица Тамань находится на маленьком полуострове с перешейком шириной 7 км, причем на нем множество озер и болот. Риторический вопрос, что мог сказать купец, прибывший в этот город в VIII—IX веках? Топографических планов местности не было. Купцу было недосуг, да и неинтересно обследовать окрестности города. Наконец, поймав его за таким занятием, местные власти, естественно, приняли бы купца за лазутчика и в лучшем случае повесили бы. Понятно, что, вернувшись домой, он рассказывал, что был в городе на острове. Так и было: арабские купцы рассказывали, что город находился на острове, и прибавляли «русов»!

Так произошло первое знакомство персов и арабов (не будем забывать, что Персия тогда входила в состав халифата) с русскими.

Говоря о русско-персидских отношениях, следует сразу уточнить, что такое Азербайджан. У нашего читателя не только старшего возраста, но и родившегося после «перестройки», Азербайджан ассоциируется с Азербайджанской ССР, а после — независимой Азербайджанской республикой.

Однако до 1918 г. территорию на Кавказе, лежащую к северу от реки Араке, ни в России, ни в Персии, ни в других странах мира никто не называл Азербайджаном.

Труды древних географов и исламских авторов свидетельствуют, что земля к северу от реки Араке, которая теперь известна как Азербайджан, прежде была известна как Албания (Албан). Классические авторы, Страбон и другие, называли эту область Албания, армяне — Алванк (Агванк), тогда как персы называли ее Аран. Историк бывшей Азербайджанской ССР Алиев в своей статье «Источники, связанные с древней историей Кавказской Албании», писал, что в Парфянскую эпоху восточная часть Кавказа называлась «Ардан». Греческие материалы ссылались на это место как «Албания». Известный советский ученый Бартольд считал, что в эпоху исламизации, согласно арабским источникам, это имя приобрело форму «Ал-Ран» или «Аран», которое, вероятно, есть трансформация древнего парфянского названия «Ардан». Согласно дореволюционному «Малому энциклопедическому словарю» Брокгауза и Ефрона, Азербайджан —

северо-западная провинция Персии на русской границе.

А вот передо мной XVIII том «Военной энциклопедии», изданный в 1915 г. в Санкт-Петербурге. Там в статье «Персия» на странице 381 говорится: «Араке — пограничная река между Закавказьем и Азербайджаном».

Впервые термин Азербайджан в применении к территориям севернее Аракса был использован «Демократической партией Турецких Мусават-федералистов» в мае 1918 г., провозгласившей в этом регионе «Азербайджанскую республику». Первое время этот режим держался на турецких штыках. 28 апреля 1920 г. большевики взяли Баку и вскоре объявили о создании «Советской Социалистической Республики Азербайджан».

Глава 3

ДЕЛА ПОСОЛЬСКИЕ

В XII—XIV веках русские княжества не имели дипломатических отношений с Персией. Но торговые связи практически не прерывались. Другой вопрос, что документальных подтверждений о них не сохранилось. Ну а поиск древних судов на Нижней Волге и Каспии почти не ведется, и мы практически ничего не знаем о торговых судах, связывавших Русь и Золотую Орду с Персией. До нас дошел лишь рассказ «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, дважды посетившего Персию в ходе своего знаменитого путешествия 1468-1474 гг.

Из летописи мы узнаем, что при Иване III из Москвы в Персию ездил с посольством некий Марк Руф. Но с какой целью и чем закончился его вояж, неизвестно.

В 1556 г. русские воеводы ликвидировали Астраханское ханство. В отличие от Казани, русские войска в Астрахани не сделали ни единого выстрела. Так вся Волга стала русской рекой, а Россия и Персия — соседями. Не будем забывать, что в XVI веке морской путь в 900 верст от Астрахани до южного берега Каспия — пустык по сравнению со 100 верстами по суше на Кавказе.

Вскоре между соседями по Каспию установились дружеские отношения. Московское государство и Персию объединяли взаимовыгодные торговые связи. В Астрахани для приезжающих купцов был устроен персидский и бухарский дворы (кварталы). А главное, обоим государствам было против кого дружить.

В начале 1569 г. турецкий султан Селим II отправил в поход на Астрахань 17 тысяч турок и 50 тысяч крымских татар. В первых числах сентября турки осадили Астрахань, но взять ее не смогли и отправились, несолоно хлебавши, назад, понеся огромные потери, большей частью санитарные, а не боевые.

Параллельно турецкие султаны вели непрерывные захватнические войны против Персии. Так, в 1578 г. по приказу султана Мурада III в персидские владения вторглась огромная армия Мустафы-паши. Турки захватили Грузию и Ширван.

Персидскую армию возглавил сын шаха Мухаммада Худабенды Хамзамирза. Осенью 1578 г. его армия вступила на территорию Ширвана и 28

ноября у Моллахасн разбила двадцатитысячное полчище крымских татар. Но из-за внутренних раздоров наступление персов на том прекратилось.

В 1585 г. в Азербайджан вторглась турецкая армия под командованием Осман-паши. В сентябре турки заняли Тебриз, разграбили его и разрушили. Большая часть жителей погибла. Но уже в начале октября из-за нехватки провианта турки были вынуждены покинуть полуразрушенный город, оставив там лишь небольшой гарнизон.

А в это время племена туркмен, текели и зулькадар начали мятеж, который был с трудом подавлен сыном шаха Хамза-мирзой. Но вскоре его убил собственный цирюльник, подосланный одним из мятежных эмиров.

В результате наследником шаха стал тринадцатилетний Абуталыб-мирза. Но большинство кызылбашских племен его не пожелали признавать и в 1587 г. заняли сторону хорасанских эмиров, которые выдвигали шахом свою кандидатуру — Аббаса-мирзу, другого сына шаха. Сам же шах Мухаммад Худабенды был оставлен своим войском и вскоре скончался.

Незадолго до своей смерти шах Мухаммад отправил посольство в далекую Московию с целью организации антиосманской коалиции. До Москвы посольство добралось лишь в 1588 г. От имени шаха послы обещали царю Федору Иоанновичу, что в случае участия русских войск в войне на Северном Кавказе отдать России Баку и Дербент, даже если они будут заняты не русскими, а персидскими войсками.

Турки допекали Россию, и предложение шаха Мухаммада звучало заманчиво. Из Москвы в Персию в том же 1588 г. отправилось посольство боярина Григория Борисовича Васильчикова в сопровождении персидского посланника Хади-бека (Анди-бека, Андиди-бея). Васильчиков вез с собой царские грамоты на имя шаха Мухаммада Худабенды, поскольку в России еще не знали о приходе к власти Аббаса I.

Вопрос о войне с османами требовал безотлагательного решения, а на возвращение в Москву за новой грамотой могло потребоваться полгода — год. И тогда Васильчиков пошел на авантюру. Он переписал грамоту на имя Аббаса I и привесил к ней печать от запасного документа.

Главной целью московского посольства являлось утверждение российских владений на Тереке и Кавказе до Грузии и Шемахи, а также подтверждение обещаний персов уступить России Баку и Дербент, если их удастся очистить от турок.

Васильчиков в ходе переговоров убеждал Аббаса I в возможности присоединения к антитурецкой коалиции западноевропейских государств только с помощью московского государя и лично Бориса Годунова. Прием послов был подчеркнуто уважительным: так, в нарушение придворного

этикета и общепринятых персидских традиций Аббас I по просьбе Васильчикова отменил положенное для послов по протоколу целование ноги у шаха и согласился соблюсти обычай русского царя — возлагать руку на голову посла по завершении его речи.

Названный в грамоте «брат наш Аббасово величество» Аббас I не только сделал вид, что не заметил переписанной грамоты, но и принял посольство настолько великодушно, что вызвал удивление как у своих подданных, так и у Васильчикова, который позже писал царю: «А шах Аббас меня, холопа твоего, принял с великой любовью и хочет с тобою государем в бротцкой любви и дружбе и в соединенье, и городов Баки и Дербени тебе государю поступаетца, и на всех недругов твоих государевых и своих хочет с тобою государем стояти заодин».

Шах Аббас не отказался от обещаний русскому царю, данных еще свергнутым им отцом Муххамадом Ходабенде. Шах подтвердил все обещания персидской стороны и отправил вместе с Г.Б. Васильчиковым новое персидское посольство в Москву.

Прибыв в Москву, персидский посол заявил Борису Годунову, что перемирие, заключенное им с султаном, есть только хитрость, что он отдал туркам в заложники шестилетнего племянника своего — но это ничего не значит. На вопрос боярина, как сие понимать, посол ответил без обиняков: «Один племянник шахов у турецкого, двое у шаха посажены по городам и глаза у них повынуты; государи наши у себя братьев и племянников не любят»^[12].

Справедливости ради замечу, что в Московии тогда царили такие же азиатские нравы— Иван III, Василий III и Иван IV так тщательно вырезали всех без исключения своих родственников, что после смерти в 1598 г. бездетного царя Федора Иоанновича наследовать было некому, и престол занял его шурин Борис Годунов.

Почти одновременно с посольством Васильчикова по просьбе кахетского царя^[13] Александра II на Кавказ было послано пятитысячное русское войско под началом князя Хворостина. Он разгромил войско хана Тарковского Шевкала, досаждавшее кахетинцам. Русские взяли столицу Шевкала Тарки. Но удержать крепость Хворостин не смог из-за отсутствия продовольствия и постоянных набегов горцев. Понеся большие потери, русское войско вернулось восвояси. Тем не менее Федор Иоаннович «уже принял титул государя земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкасских и горских князей»^[14].

Как видим, кахетский царь Александр II призвал русских, но сам не

пожелал им помочь ни войском, ни поставками продовольствия. После ухода русских он решил задобрить персидского шаха Аббаса и позволил своему сыну Константину принять магометанство. Но это не помогло, поскольку Аббас хотел полного подчинения Кахетии и велел отступнику Константину убить отца и брата за преданность Москве, что тот и сделал. А в это время в Дагестане русские под началом воевод Бутурлина и Плещеева вторично утвердились было в Тарках, но турки выбили их оттуда.

Двусмысленное, если не сказать предательское, поведение шаха Аббаса раздражало Москву, и в 1598 г. в Персию было отправлено новое посольство под началом князя Андрея Дмитриевича Звенигородского. Миссия князя не внесла определенности в русско-персидские отношения, и в том же году в Персию отправилось большое посольство во главе с князем Василием Васильевичем Тюфякиным и дьяком Емельяновым.

Из Москвы посольство выехало во второй половине мая и двинулось через Нижний Новгород, Казань и Астрахань. 5 августа посольство на судне вышло в Каспийское море, но 8 августа в 150 верстах от Астрахани внезапно скончался князь Тюфякин. Его тело отправили в Астрахань, а посольство возглавил дьяк Емельянов.

7 сентября, после месячного плавания по морю, судно подошло к гилянскому берегу. На севере Персии в то время бушевало моровое поветрие, и в городе Лахиджане все русские послы были вынуждены прервать путь, так как слегли из-за болезни. Но персидские власти, ссылаясь на приказ шаха, насильно повезли больных людей дальше, невзирая на страшную жару. Зрелище было ужасное: «Который не может на лошади сидеть и тех привязывали к лошади, чтоб не свалился, а иной, свалился с лошади, тут и умрет; а иново на стан мертвого привезут, привязана к лошади...»

Отъехав от Лахиджана всего десять верст, умерли дьяк Семен Емельянов и его слуга Иван Кузьмин. Иеромонах Никифор совершил церковное отпевание. Теперь руководство посольством перешло к подьячему Дубровскому.

При переходе в Дильман умерло еще три человека, а в Дильмане — еще семеро, в том числе и Иван Дубровский. Перед смертью он передал документы посольства священнику Никифору и толмачу Дербышеву со словами: «Государевы грамоты — помрите, а не можете шаху отдать; хороните и берегите накрепко, так, как вам Бог по сердцу положит».

Теперь посольство возглавил переводчик Дербышев, но и он по прибытии в Казвин вскоре умер. Главой посольства фактически стал

иеромонах Никифор, поскольку он был единственным грамотным из всех оставшихся в живых членов дипломатической миссии. За месяц пребывания в Персии посольство потеряло половину своего состава — 38 человек из 75.

Шах Аббас приехал в Казвин и потребовал к себе иеромонаха Никифора с кречетником Чернцовым. (Посольство везло в подарок шаху ловчих птиц, при которых состояли кречетники.) Никифор утверждал, что он «богомolec черньчишко, прислан для душ крестьянских, а не для посольского дела...», но ему все равно пришлось идти к шаху.

Однако Аббас встретил пришедших ласково, принял подарки, посадил на почетное место выше других послов и до поздней ночи угощал вином. Но оставшиеся в живых члены русского посольства не имели полномочий на ведение переговоров. И шах, продержав некоторое время посольство при себе, 14 апреля 1598 г. дал им прощальную аудиенцию. Послы получили шахские подарки. Иеромонаху Никифору шах подарил заячью шубу бархатную «по колено».

5 июня оставшиеся в живых 30 человек московского посольства отправились на корабле по Каспию в обратный путь. В море они попали в шторм, два раза на них нападали разбойники — неизвестные люди в районе Талыша и турки под Баку. Последнее нападение едва не закончилось трагедией. Из-за полного штиля русское судно стояло на месте. Воспользовавшись этим, пираты на нескольких лодках попытались взять посольский корабль на абордаж. Иеромонах Никифор писал, что государевы люди отбивались два дня и две ночи, пока «пришла сила Божия, буря сильная та, которою нас Бог из рук злодеев отняв унес».

И лишь к 15 августа 1598 г. посольство прибыло в Астрахань, проплавав по Каспийскому морю 70 дней. 23 сентября семь человек — иеромонах, кречетники и слуги — отправились в Москву, куда и прибыли в конце 1598 г. или начале 1599 г.

В ноябре 1599 г. ко двору царя Бориса прибыли сразу два персидских посольства. Посольство во главе с Пер Кули-беком было ответным на посольство князя Тюфякина и имело грамоты на имя царя Федора. Второе посольство направлялось в Европу через Московию. Его возглавлял сановник Хусейн Али-бек, близкий родственник шаха Аббаса. Вторым послом и фактически руководителем миссии был англичанин Энтонн Ширли.

Переговоры с Пер Кули-беком ничего не дали, и царь Борис повелел отправить в Персию посольство во главе с князем Александром Федоровичем Жирово-Засекиным. В помощь князю были посланы дьяки

Темир Засецкий и Иван Шаронов, а также подьячий Петр Данилов. Памятуя о трагической судьбе посольства Тюфякина, дьякам и подьячему были даны полномочия возглавить посольство в случае смерти его старших начальников.

Жирово-Засекин должен был сообщить шаху, что Борис вступил на трон по завещанию царя Федора Иоанновича, и заключить военный союз. За помощь Москвы шах должен был отдать не только Дербент и Баку, но и город Шемаху — столицу Шамаханского царства.

Царь Федор, а позже Борис Годунов именовали шаха Аббаса братом. Но, как говорится, «Восток — дело тонкое», и тут имелись весьма любопытные нюансы.

Дело в том, что Иван Грозный, взяв Казань и Астрахань, объявил себя «Белым царем». Ранее Белым царем считался основатель Золотой Орды Батый, сын Джучи, старшего сына Чингисхана.

А шах Аббас считал себя наследником Хулагу-хана, другого внука Чингиза. Однако отец Хулагу — Толуй (Тули) был младшим сыном Чингисхана. Таким образом, в «табели о рангах» восточных владык потомки Джучи—Батыя были несравненно выше рангом и статусом, нежели остальные правители. Только они имели право называться Белыми царями. Замечу, что только в русской литературе XVII—XX веков золотоордынские ханы именуется ханами, а в русских летописях XIII—XVI веков они именуется исключительно царями.

Таким образом, обращение московского царя к шаху «брат мой» следует понимать не в западноевропейском смысле, согласно которому все короли между собой равноправные братья. Здесь же понятие братства обозначало не равноправные взаимоотношения, а отношения старшего брата (царя) с младшим братом (персидским шахом).

В царском указе была четко определена процедура подписания договора. Аббас должен был на той «грамоте правду учинить, смерть дать». «Учинить смерть» означало принести клятву на Коране. А это у мусульман означало присягу на подданство.

Посольство Жирово-Засекина в ноябре 1600 г. присоединилось к посольству Пер Кули-бека в Казани. Зимой оба посольства провели в Саратове. 1601—1602 гг. Засекин провел в Персии, несколько раз был принят шахом, но договор так и не был подписан. Вернулся в Москву Жирово-Засекин только 28 августа 1603 г.

Затем началась Смута, и царю Борису стало совсем не до Персии.

Взойдя на престол, Лжедмитрий I решил начать широкомасштабную войну с османами. В мае 1606 г. Гришка Отрепьев решил отправить в

Персию посольство во главе с князем Иваном Петровичем Ромодановским. Он должен был получить достоверные сведения о персидско-турецкой войне и разработать план совместных военных действий. Но в конце мая Лжедмитрий I был убит, и на московский престол сел Василий Шуйский, который под давлением находившихся в Москве польских и папских послов не стал отменять посольства в Персию, поэтому в верительных грамотах князя Ромодановского попросту вычеркнули имя Дмитрия и вписали имя нового царя Василия.

А тут нам придется немного вернуться назад. Дело в том, что после включения Астрахани в состав Московского государства на Каспии появились казаки-разбойники — донские, запорожские и волжские.

Так, в 1580 г. хан большой ногайской орды Урус жаловался Ивану Грозному на нападения казаков на ногаев на Нижней Волге. Иван Грозный отвечал: «На Волге многие литовского короля литовские казаки живут, Федька Безстужев с товарищи. А приходят с Днепра. И приходят твоих людей громят. И литовский король с вами ссорити. И мы велели послати из Астрахани на Дон. И на Волгу тех воров сыскивати. А сыскав, велели их казнити»^[15].

Поскольку ни хан, ни сам царь точно не знали, чьи казаки Федьки Безстужева, Иван счел за лучшее «повесить» разбой на «литовских», то есть запорожских казаков.

И действительно, в конце XVI — начале XVII века разбои на Волге периодически приводили к параличу торговли на целые навигации.

В 1572 г. отряд волжских казаков разгромил город Сарайчик на реке Яик (переименованной Екатериной II в Урал) — столицу Ногайской орды. В 1577 г. отряд стрельцов под началом стольника Мурашкина разгромил «воровское гнездо» волжских казаков. Часть казаков вместе с атаманом Ермаком Тимофеевичем подалась к купцам Строгановым, другие с атаманом Андреем двинулись на Терек, а третьи под началом атамана Нечая вновь разгромили Сарайчик.

В 1585 г. атаман Матвей Мещеряк вывел 700 казаков на реку Яик в район устья реки Илек и на острове Кош-Яик построил городок. Так возникло Яицкое казачество.

С разрешения русского правительства торговлей на Волге и Каспии решили заняться англичане. В 1558 г. англичанин Дженкинсон купил в Астрахани бус, погрузил на него свои товары и отправился к полуострову Мангышлак. Там он перегрузил товары на верблюдов и добрался до Бухары. В следующем году он возвратился, а в 1562 г. приехал опять и на этот раз торговал в Персии. После этого англичане ходили через

Каспийское море в 1564, 1565, 1568 и 1569 гг., пытаясь пробиться в Индию, но безуспешно.

В мае 1572 г. отряд из 150 казаков напал на английский корабль, который возвращался из Персии и стоял на якоре близ устья Волги. Англичане, по их словам, убили и ранили почти треть казаков, но, в конце концов, сдались. Товары были разграблены, а капитана и команду казаки отпустили в Астрахань. Отправленные в погоню стрельцы на стругах изловили этих казаков и перебили их.

Зимой 1605/1606 г. на Тереке собралось довольно много (2—4 тысячи) «вольных» казаков. Казаки собрали по обычаю «круг», на котором стали решать принципиально важный вопрос, где «добыть зипуны». Поначалу было выдвинуто предложение «идти на Кур реку, на море, громить Турских людей на судах, а будет-де и там добычи не будет, и им-де было козаком к Кизыльбашскому шаху Аббасу служить».

Но по здравому размышлению казаки решили, что грех в столь смутное время уходить на чужбину, куда выгоднее грабить Московское государство.

Дабы придать оному мероприятию законный характер, они провозгласили бродягу Илейку царевичем Петром, сыном царя Федора Иоанновича, и отправились в Астрахань, а затем вверх по Волге.

В конце 1613 г. Астрахань была захвачена казаками атамана Ивана Заруцкого. Вместе с ним прибыла и его любовница Марина Мнишек с малолетним сыном Иваном. Заруцкий отправил послов к шаху Аббасу и попросил послать персидские войска в Астрахань. Шах милостиво принял посланцев, но по своему обычаю тянул время.

Тем временем царские войска двинулись к Астрахани. 12 мая 1614 г. Заруцкий бежал из Астрахани, а 25 июня атаман вместе с Мариной и ее сыном был выдан казаками царским воеводам.

В 1609 г. через Московское государство возвращались посольства Рахуллы-бека и Али Кули-бека, отправленные шахом к австрийскому императору Рудольфу II и польскому королю Сигизмунду III еще в 1604 г. В Астрахани Рахулла-бек умер, и посольство возглавил Тахмасп-бек. На обратном пути из Польши он был ограблен тушинскими казаками, а в 1611 г. выслан в Нижний Новгород, где находился до 1614 г.

В 1607 г. Аббас отправил к царю Василию Шуйскому посольство под началом амира Али-бека. После того как войско самозванца отступило от Москвы, это посольство по приказу Шуйского также отправили в Нижний Новгород, где персы находились до весны 1613 г. С воцарением династии Романовых Посольский приказ пригласил их в Москву, где они были

приняты царем Михаилом Федоровичем. В Персию Али-бек выехал в 1613 г.

Вместе с персидским посольством из Москвы отправилось и русское посольство нового царя Михаила Федоровича во главе с дворянином М.Н. Тихановым и подьячим А. Бухаровым.

Посольство возвратилось из Персии в Москву в 1615 г., где им сразу же устроили строгий допрос — почему на прощальной аудиенции у шаха они были без русских «однорядок» — длинных однобортных кафтанов без воротника, а оделись в подаренные им персидские халаты? «Забыв свою русскую природу и государские чины ездили есте на отпуске к шаху в его Шахове платье, вздев на себе по два кафтана аземских... И вы тем царскому величеству учинили нечесть же: неведомо, вы были у шаха государевы посланники, неведомо — были у шаха в шутех». По традиции русские послы за границей могли появляться только в национальной одежде. В «коробьях окованных» они везли с собой пышное посольское платье, которое надевалось лишь в самых торжественных случаях — редко когда собственное, а чаще взятое напрокат из царских кладовых. Это роскошное облачение должно было демонстрировать богатство и величие русских государей, поддерживать их престиж в глазах иностранцев. В странах Востока русским послам по обычаю также жаловали парадное платье. Зная об этом, в Москве опасались, как бы подобные правила не нанесли урона государевой чести.

Принимая Тиханова и Бухарова, Аббас «объявил, что хочет быть с царем Михаилом в крепкой дружбе, помогать ему и ратными людьми, и казною, если и царь будет помогать ему и тем и другим; смотря на небо, шах сказал: "Бог меня убьет, если я брату моему царю Михаилу Федоровичу неправду сделаю". Шах извинился перед государем в том, что сначала, по просьбе Марины и Заруцкого, обещал помочь им ратными людьми, казною и хлебными запасами: они его уверили, что при них находится московский царь Иван Димитриевич, а Москва занята литовцами, от которых они хотят ее очищать; как же скоро он, шах, узнал о воровстве Маринки и Заруцкого, то не дал им никакой помощи»^[16].

По некоторым данным, шах даже передал в руки Тиханова посланцев Заруцкого Ивана Дохлова и Якова Гладкова.

Царь Михаил крайне нуждался в деньгах, поэтому в 1616 г. к шаху был отправлен дворянин Федор Леонтьев с единственной целью — просить у шаха денег «в помощь против литовских людей, и в конце 1617 года шах прислал легкую казну, серебра в слитках на 7000 рублей»^[17].

Царю Михаилу, а точнее, правящей от его имени инокине Марфе денег показалось мало, и к шаху было отправлено «большое посольство» во главе с Волховским, наместником князя Михаила Петровича Барятинского. В помощь ему дали дворянина Ивана Ивановича Чичерина (предка первого советского наркома иностранных дел). Посольство насчитывало 158 человек — толмачи, охрана (стрельцы), купцы, слуги, кречетники. Был в составе посольства и поп.

23 мая 1618 г. посольство выехало из Москвы, по суше добралось до Костромы, а далее по Волге — до Астрахани, затем — морем до Низовой пристани, и далее опять сухим путем по маршруту Шемаха — Ардебиль — Казвин, где 4 ноября того же года впервые встретилось с шахом Аббасом.

Шах принял послов достаточно сухо. Он приказал вызвать младшего посла Тюзина и сделал ему выговор «с сердцем»: «Приказываю с тобою словесно к великому государю вашему, и ты смотри ни одного моего слова не утай, чтоб оттого между нами смуты и ссоры не было; я государя вашего прошение и хотенье исполню и казною денежною его ссужу, но досада мне на государя вашего за то: когда мои послы были у него, то их в Москве и в городах в Казани и Астрахани запирали по дворам как скотину, с дворов не выпускали ни одного человека, купить ничего не давали, у ворот стояли стрельцы. Я и над вами такую же крепость велю учинить, вас засажу так, что и птице через вас не дам пролететь, не только вам птицы не видать, но и пера птичьего не увидите. Да и в том государь ваш оказывает мне нелюбовь: воеводы его в Астрахани и Казани и в других городах моим торговым людям убытки чинят, пошлины с них берут вдвое и втрое против прежнего, и не только с моих торговых людей, но и с моих собственных товаров, и для меня товары покупать запрещают: грошовое дело птица ястреб, купил его мне мой торговый человек в Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и татарина, у кого купил, сажали в тюрьму, зачем продавал заповедный товар? Вы привезли мне от государя своего птиц в подарок, а я из них только велю вырвать по перу да и выпущу всех — пусть летят, куда хотят. А если в моих землях мои приказные люди вашего торгового человека изубытчат, то я им тотчас же велю брюхо распороть»^[18].

После этого разговора московских послов долго не отпускали. Князь Барятинский так и умер в Мерсии, а Чичерин и Тюхин вернулись в Москву только в 1620 г. вместе с послом шаха Булат-беком. Аббас писал в грамоте, поданной послом: «Желаем, чтоб между нами, великими государями, дружба, любовь и соединение были по-прежнему, а если какое дело ваше случится у нас в государстве, то вы нам о нем объявите, и мы станем его с

радостью исполнять. Пишем к вам о дружбе, любви и соединении, кроме же дружбы и любви ничего не желаем».

Посол объявил боярам о желании шаха, чтобы царь велел поставить в Кумыцкой земле города, «вследствие чего между шахом и царем никого другого в соседях не будет, и недругам своим оба будут страшны».

Булат-бек также пожаловался на обиды, чинимые персидским купцам воеводами, таможенниками и толмачами.

Неудачу посольства Чичерин свалил на дьяка Тюхина. Московские бояре приговорили: «Михаилу Тюхина про то про все, что он был у шаха наедине, к приставу своему Гуссейн-беку на подворье ходил один и братом его себя называл, польских и литовских пленников из московской тюрьмы взял с собою, и в Персии принял к себе обосурманившегося малороссийского казака, — расспросить и пытаться накрепко, ибо знатно, что он делал для воровства и измены или по чьему-нибудь приказу».

Бедолаге выдали 70 ударов, две встряски, клещами горячими спину жгли, но в измене и воровстве Тюхин так и не признался. О литовских пленниках он сказал, что ему их дали из разряда по челобитной, а казака взял себе в Персии толмачом. Пристав называл его «кардашом» (братом), и он называл также пристава, без всякого на то злого умысла. Но бояре все равно приговорили Тюхина за измену и воровство сослать в Сибирь и посадить в тюрьму в одном из сибирских городков.

Совсем по-другому шах принял московских посланников Коробьина и Кувшинова, отправленных в Персию в 1621 г. Аббас осыпал их любезностями, поднимая руки к небу, говорил: «Государство мое, и люди мои, и казна моя — все не мое, все Божие, да государя царя Михаила Федоровича, во всем волен Бог да он, великий государь».

В 1624 г. послы шаха Аббаса Русан-бек и Булат-бек поднесли патриарху Филарету драгоценный подарок — срачицу Христову, похищенную в Грузии.

Но как русским послам в Персии, так и персидским в Москве хронически не везло. Так, на Русан-бека царь нажаловался шаху, что тот делал всякие непригожие дела и его, царя, слушивался, за что Русан, возвратившись на родину, и поплатился головой.

Вместе с Русан-беком в Персию отправились московские послы князь Григорий Тюфякин, Григорий Феофилатьев и дьяк Панов. Аббас на них нажаловался царю, что по прибытии в Персию он, Аббас, находился под Багдадом и попросил послов прислать к нему туда кречетов, но они не прислали. Когда же послы явились перед шахом, то поднесли ему две или три живые птицы, а от остальных только хвосты и перья. Еще с послами

были присланы царем «оконничные мастера», но этих мастеров послы не доставили к шаху вовремя, а к шаху не пошли представляться из-за того, что не могут представляться вместе с другими послами. Шах позвал послов на площадь посмотреть на «конские ученья», но послы отказались. Наконец, послы не пошли к шаху в том платье, которое он им подарил.

Но во всех этих «прегрешениях» послы были не виноваты, так они поступали по царскому наказу, о чем бояре и заявили ханскому послу. Но Михаил Федорович поверил шаху, что послы прогневили его, и поэтому повелел наложить на них наказание. И действительно, на послов была наложена опала за то, что когда за столом у шаха они пили за царское здоровье, князь Тюфякин не допил своей чаши. За такую вину следовало бы посла казнить, но царь для сына своего царевича Алексея и по просьбе отца патриарха Филарета приказал только посадить послов в тюрьму, предварительно отобрав все их поместья и вотчины. Помимо этой вины нашлись и другие провинности послов. Так, в городе Ардебиле князь Тюфякин приказал украсть татарченка, которого продал в Кумыцкой земле, а в Кумыцкой земле велел украсть девку и тайно вывез ее, засунув в сундук.

Русские купцы практически непрерывно торговали в Персии. Каждый год в мае из Нижнего Новгорода в Астрахань выходил так называемый «весенний караван». В его составе были купцы, ехавшие в Астрахань и Персию, а также «государевы люди» и их семьи, отправлявшиеся на места новой службы. Часто к каравану присоединялись посольства, как русские, так и зарубежные. Караван шел под охраной стругов со стрельцами и пушками.

Замечу, что русские послы неоднократно пытались получить у Аббаса привилегии для наших купцов, но каждый раз получали вежливый отказ.

Зато 1 октября 1616 г. шах издал указ, предоставлявший большие торговые льготы британской Ост-Индийской компании. А на следующий год, после прибытия агента компании с большим грузом товаров, шах Аббас разрешил организовать английские фактории в Ширазе и Исфахане. Англичане получили право иметь своего представителя при дворе шаха, свободно торговать по всей стране, иметь при себе оружие и применять его в случае необходимости, свободно совершать свои религиозные обряды, они были неподсудны местным законам.

Торговля персидским шелком через Персидский залив оказалась делом очень выгодным. Покупка шелка в Персии обходилась вполовину дешевле, чем в Халебе (Алеппо) — центральном шелковом рынке Османской империи. Англичане стремились к установлению своей монополии на

торговлю персидским шелком. В обмен на предоставляемые льготы они обещали шаху помощь военных судов Ост-Индийской компании против португальского флота.

В 1623 г. соединенным силам сефевидских войск и англичан удалось взять Ормуз и выбить оттуда португальцев. Их укрепления были разрушены, а порт перенесли на материк (в Гомбрун) и переименовали в Бендер-Аббас («Гавань Аббаса»). После этого англичане получили новые льготы в Персии. Главными из них были получение половины доходов таможи Бендер-Аббаса, право основать здесь свою факторию, право вывоза шелка и др. Это право, предоставленное сначала англичанам, а потом и голландской Ост-Индийской компании, затрагивало интересы армянской компании из Новой Джульфы, обладавшей ранее монополией на торговлю шелком.

К середине XVII века голландская Ост-Индийская компания, получавшая большие льготы и успешно соперничавшая с англичанами, оттеснила последних на второй план. Иностранные компании предпочитали больше ввозить товаров, чем вывозить. Опасными явлениями для экономики Персии стала заметная утечка серебряной монеты, а также вывоз золотых и серебряных предметов.

Как видим, русско-британское противостояние в Персии началось уже в первой половине XVII века и будет продолжаться во все последующие века.

Глава 4

ПЕРСИЯ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

6 мая 1623 г. по указу государя и великого князя всея Руси Михаила Федоровича и великого государя святейшего патриарха московского и всея Руси Филарета Никитича московский купец Федор Афанасьевич Котов с восьмью товарищами отправился «с царскими товарами» за море в Персию.

Купец плыл на речных судах по Москве-реке, а затем по Оке и Волге. Я опускаю подробности путешествия по этим рекам и отмечу лишь один момент: «На Ахтубе стоит Золотая Орда, в которой еще задолго до основания Астрахани были построены царский дворец, палаты, дома и мечети — все каменные, а теперь все эти здания ломают и камень возят в Астрахань для различных каменных работ».

«Золотой Ордой» Котов называет огромный город — столицу татарских ханов Сарай-Берке или Новый Сарай, воздвигнутый еще в конце XV века. Как видим, даже в XVII веке развалины его дворцов, мечетей и особняков поражали воображение русского человека.

В Астрахани «царские товары» были перегружены с речных судов на «гилянские бусы», то есть морские суда, принадлежавшие Полянскому хану, вассалу персидского хана. Котов отмечал, что перегрузка произошла не в Астраханском порту, а у острова «Четырех бугров», то есть, как будут говорить в XIX веке — на 12-футовОхМ рейде.

Итак, 8 августа 1623 г. партия товаров была перегружена на два буса, которые и отправились на юг, держась недалеко от западного берега.

Но предоставляю слово очевидцу:

«Шемаха стоит в укрытии между высокими горами. Город каменный, небольшой и невысокий, и посады каменные. Кругом города проходит ров, ворота обиты железом, а посад, базары и караван-сарай стоят за городом. В Шемахе семь караван-сараяв — все каменные, и во всех есть вода, которая течет по каменным трубам, проведенным с гор под землей. Караван-сарай стоят между базарами тезиков [тезичей — тезики, персидские купцы. Так же Котов называет и вообще персов], в них торгуют русские и армяне, здесь же находятся лезгинские, гилянские, бухарские и другие караван-сарай. Раньше Шемаха принадлежала турецкому султану, но шах захватил

ее одновременно с Шабраном.

Старый город в Шемахе, стоящий около посада, и турецкие мечети шах разрушил и построил свой. В Шемахе много всяких товаров и шелков — крашенных и сырца. Шелк красят в Шемахе, а шелк-сырец производят в деревнях около нее. На расстоянии двух с половиной верст на север от Шемахи находятся два сада — сад шаха и сад шемахинского хана; в них растут разные овощи и цветы; есть там каменные палаты и вода в каменных бассейнах. Напротив тех садов высоко на горе находятся развалины каменного города, который называют городом Александра [то есть построенного Александром Македонским]. В Шемаху товары привозят из турецкой земли. Путь из Шемахи есть в турецкую землю, и про тот путь будет написано ниже, а здесь описан лишь путь к персидскому царю в Исфахан.

От Шемахи до Ардебилля десять дней пути: сначала полдня идти через высокие горы, а как горы пройдешь, так еще идти два дня степью до реки Куры, которая похожа на Москву-реку. Около реки расположена большая деревня и имеется базарчик. Через реку перекинут мост на судах, и по мосту протянута с берега на берег железная цепь. Здесь взимают рахтаны [таможенную пошлину] по две абасы с верблюда. Такой большой реки нет во всей шахской области. В старину здесь проходила граница с турками.

От Куры-реки идти пять дней степью: ни городов, ни посадов, ни деревень, ни караван-сараяв нет. В этой степи в юртах живут муганы и кочуют зимой и летом. Эта степь называется Муганской. В ней нет ни хлеба, ни овощей, ни лесов, только змеиные и мышьи норы.

От Муганской степи до Ардебилля идти еще три дня горами. По пути есть деревни и караван-сарай. Ардебиль — посад, а не город. Базарами, караван-сараями, дворами и всем остальным он больше и лучше Шемахи. Все строения каменные, много лавок, больше двадцати караван-сараяв, много всяких товаров и овощей. Из Гиляна, с устья реки Куры и с моря привозят рыбу, похожую и цветом, и вкусом на русскую семгу.

В Ардебиле находятся султан и даруга. В конце площади в Ардеби-ле по распоряжению шаха построена большая мечеть, похожая на русский монастырь, которую называют Шах Сефи. В ней похоронены его отец, дед и сын Диво-мурза [Диво-мурза — Диви-мирза, сын Аббаса I, похороненный в Ардебиле]...

От Зенджана до Султании день пути, а идти нужно полями, равниной между гор. Султания была древним царством. Город был каменный, очень большой. В том большом городе — кремль, в котором, говорят, больших домов было больше 20 тысяч, кроме домов, находившихся в большом

городе и посадах. Ныне этот большой город разорен до основания, а от кремля остались только одна стена, две башни, ров, и все заросло. А теперь только небольшой посад, базар и караван-сарай; все эти здания — каменные. Ворота и столбы бывшего царского дворца тоже каменные. В кремле стоит большая высокая каменная мечеть со многими куполами, в которой имеются четыре больших притвора. Стены мечети по пятнадцать и больше саженьей.

В одном притворе покоится царь со своим сыном Салтамунитом. Говорят, что это царство было древнее, его около ста лет назад захватил шах Софеи, дед нынешнего шаха. В притворе, где покоятся в каменных гробницах царь с сыном, сделаны медные решетки, украшенные большими, очень красивыми золочеными яблоками, на которых вырезаны травы и нанесены серебряные насечки. Видеть это дивно...

От Султании до Абхара два с половиной дня ходу равниной, между гор. По дороге течет неглубокая речка, коню по брюхо. В Абхаре крепости нет, есть лишь посад — торговые ряды и караван-сарай, занимающие небольшую площадь, но все строения каменные. Харчу и всяких овощей много, есть и товары. Вокруг всего посада — сады.

От Абхара до Казвина идти два дня. Казвин — большой и известный посад, а крепости в нем нет. В Шемахе и Ардебиле посадов, базаров и караван-сараяв больше, чем в Казвине. Зато в Казвине находятся шахские дворцы с большими воротами и площадь. Площадь в Казвине — большая и ровная, обнесена деревянными решетками, вокруг тянется ров с водой. На площади устраивают различные зрелища: борются борцы, дают кукольные представления, носят в руках и выпускают живых змей, предсказывают судьбу по книгам, здесь же продают много всякого харчу и овощей. Детей обучают грамоте тоже на этой площади. А базаров, караван-сараяв, всяких товаров, садов много, и посаженный лес содержат. Воровства здесь нет. В Казвине содержатся шахские звери — слоны и тигры. Тигр будет описан ниже. Из Казвина есть путь в турецкую землю на Багдад.

От Казвина равниной, между горами, идти до Саве шесть дней. В Саве — небольшой посад, крепости нет, но есть каменные базар и караван-сарай. Овощей всевозможных много.

От Саве до Кума два дня пути равниной между горами. В Куме есть плохо сделанная, похожая на садовый забор, глиняная крепость и башни. При въезде в Кум со стороны Саве построены красивые шахский дворец и караван-сарай. В городе есть базар, караван-сарай, товары; много всяких овощей. Здесь делают хорошие сабли, латы, кольчуги, занимаются и прочим булатным ремеслом. Хлеб здесь хороший, вода холодная. Из Кума

ходят на верблюдах в Мултанейское царство, в Индию; этот путь будет описан ниже. Здесь же говорится лишь о пути в Персидское царство, в Исфахан.

От Кума два дня пути до Кашана равниной, идущей между горами. В Кашане есть только плохая крепость. При въезде в Кашан со стороны Кума находятся шахские дворцы, выходящие воротами на площадь. Город большой — караван-сараев, базаров и товаров много. Здесь делают кашанские шелковые полосатые и клетчатые ткани, бархат и персидскую парчу. Овощей всяких много, а рыбы никакой нет. От Кашана до Натенза два дня пути равниной между горами; стоит Натенз в равнине. На пути от Кашана до Натенза среди степи есть круглая гора, с одной стороны песчаная, с другой — каменистая, вокруг нее идет дорога. С высокой стороны горы есть соленое озеро. Рассказывают, что на эту гору теперь никто не поднимается, и не знают, что на ней есть. Мусульмане рассказывают, что много раз на ту гору люди ходили, но никто с нее не возвращался, — там-де, на горе, погибали. Гора невысокая и небольшая, но ехать около нее страшно. Дня за два пути гору видно издали, и называют ее "Невсходимая".

В Натензе крепости нет, небольшой посад стоит на холмах, базары плохие, а караван-сарай каменный, новый. Овощей всяких много. Над посадом высокая гора поднялась шеломом, на ее вершине построена каменная мечеть. Рассказывают, что в Натензе охотился шах. На эту гору залетел его кречет и разбился. Шах приказал на память поставить мечеть над кречетом. Люди редко поднимаются на эту гору, она очень высока, и поэтому мечеть стоит пустая. От Натенза три дня пути до Исфахана, идти все время равниной, между горами путь очень каменистый.

В Исфахан мы пришли 20 июня 1624 г. Исфахан стоит как бы в ущелье, между высокими горами, на ровном месте.

Исфахан — столица персидского государства, город большой и красиво построен, только крепость плохая, похожая на глиняный забор вокруг садов. Царские дворцы построены так, чтобы ворота выходили на главную площадь. Ворота высокие, над воротами — расписанные золотом палаты. Они стоят одна над другой в три этажа. В эти палаты приходят всякие иностранные послы и купцы. Палаты, в которых живет сам шах, находятся в садах, далеко от ворот; они — низкие. Здесь живут шахские жены. Ворота этого двора также выходят на площадь, но они низкие. Жилые палаты стоят в саду далеко от ворот. Около обоих ворот стоят беки и тюфянчей, а по-русски дети боярские и стрельцы. Между крепостью и посадами находится большая и широкая площадь. Вокруг площади тянется

выложенный камнем ров с водой. По обоим концам площади стоят по два каменных столба высотой в два человеческих роста. На площади, напротив шахских ворот, лежат медные и железные пушки, среди них есть и большие, но лежат они в беспорядке, без станков и без колод, а некоторые забиты песком и землей. Площадь гладкая, ровная, длиной больше четырехсот сажений, шириной около ста сажений. Около площади базарные ряды, кофейни, гостиные дворы, мечети — и все каменные. Гостиных дворов, говорят, больше сотни.

У них на фасаде амбаров и внутри них нарисованы разными красками и золотом разные травы. Торгуют там всякие люди — тезики, индийцы, турки, арабы, армяне, аравляне и евреи. В начале площади на высоких воротах находятся часы. Место для часов расписано золотом и красиво отделано. За часами следит русский мастер. Через ворота ходят в Тынчак — это у них такой же большой базар, как у нас Сурожский ряд. Здесь торгуют всякими товарами, делают деньги. На базаре лавки каменные, с амбарами наверху, своды каменные с красивой крышей. Лавки снаружи и внутри расписаны разными красками и золотом. С двух сторон Тынчи находятся большие ворота с железными цепями для привязывания животных. В Тынче, кроме верхних складов и торговых киосков, есть еще около двухсот русских лавок. Вдоль Тынчи идет базарный ряд, где занимаются медным делом. В том ряду делают и красят набивные ткани. Миткали привозят из Индии и от арабов.

Базар — каменный, с верхними складами, своды каменные. Лавок на том базаре до четырехсот. Как выйдешь из Тынчи направо, мимо шахских ворот, еще есть базар, на котором торгуют разными товарами, продают башлыки, а около шахских ворот делают сабли и шатры. Базар, своды и верхние склады — каменные. На этом базаре, кроме верхних складов, есть еще двести лавок. Между этими базарами есть еще базар. На другой стороне площади, напротив Тынчи, также построен каменный базар с каменными сводами. Здесь делают решетки, сундуки, всякие деревянные изделия, пишут книги, продают чернила и чернильницы.

В центре этого базара шах возводит большую мечеть, которую строят уже шестой год и должны достроить к 7133 (1625) г., а размер мечети в длину от больших дверей восемьдесят сажений, поперек, с приделами, сто сажений. Камень резной. Постройка и обработка камня красивы. В мечети уже есть вода. Мечеть еще не покрыта, но наряжена, как скверная невеста. Она еще не достроена, но над воротами и все внутри уже расписано золотом. Здесь же, перед мечетью, сидит их мулла, который судит мужей с женами, разводит их и выдает грамоты о разводе. С другой стороны мечети

идет ряд того же базара, где делают седла. На базаре, кроме верхних складов, находится девяносто лавок.

Налево от Тынчи, напротив шахских ворот, с другой стороны площади, есть базар, где торгуют всякой всячиной, делают шелковые и хлопчатобумажные товары. Посреди этого базара, напротив шахских ворот, построена большая каменная мечеть. На этом базаре двести лавок. Перечисленные базары находятся около площади. Позади их и по сторонам, и на перекрестках есть еще базары, и все они каменные.

Около площади, налево и направо от Тынчи, построены каменные палаты, которые называются кофейнями; они расписаны красками и золотом, с обеих сторон кофейен сделаны деревянные решетки, сквозь которые кызылбаши смотрят на игру, а денег не платят. Верх у всех кофейен расписан красками с золотом.

Во всех кофейнях выше роста человека протянута переплетенная проволока в виде сетки или шахматной доски. В каждой клетке стоит по стеклянной стопке с фитилем, в них налито кунжутное масло. Эти склянки с маслом зажигают по вечерам. В кофейнях сделаны каменные бассейны с водою, вокруг этих бассейнов пляшут ребята с колокольчиками, а другие бьют в бубны, играют на зурнах и дудках, все они молодые, хорошие. Они одеты в платья, чалмы, кушаки — все с позолотою, а от пояса около живота идут красивые сборки.

На площади торгуют всякими товарами и мелочью, старьем, продают овощи, яблоки, арбузы, дыни, груши, огурцы, виноград разных сортов, из злаков — пшеницу, муку, пшено, просо, дрова и солому пшеничную. А сена нет во всей шахской земле, вместо него продают только скрученную в трубки траву. Все продается на вес на батманы [мера веса в Персии от 3 до 6 кг в зависимости от района] — и дрова, и трава, и мука, и пшеница; и масло, и всякие овощи.

Здесь же, на площади, устраиваются разные зрелища: партиями играют в кости, раскладывают землю и камешки, делая разные узоры, гадают по книгам, дервиши рассказывают о том, как жили их проклятые святые, проповедуют свое учение. О дервишах будет написано ниже. В конце площади, у Тынчи, на верхних складах, устроены большие сараи, покрытые сверху, но открытые с боков. Здесь персы бьют в набаты и в литавры, трубят в большие трубы, которые ревут, словно коровы, и играют на зурнах. Это с правой стороны Тынчи. С левой стороны сделан такой же сарай. Здесь бьют в двадцать набатов, трубят в трубы и играют на зурнах турки, взятые шахом в Багдаде в плен.

Каждый вечер народ удаляют с площади со всем товаром и с харчем,

площадь чистят и ровняют мелким камнем и крупным песком, поливают водою, чтобы не было летом пыли от коней. И тогда на площадь выезжает сам шах, там он развлекается, почти ежедневно заезжает в кофейни, а перед ним пляшут потешные его молодцы и ребята из кофейен. Некоторые молодцы стоят против него на площади с восковыми горящими свечами. Вокруг всей площади горят светильники с нефтью! И так он тешится до позднего вечера: стреляют порохом, селитрою и бумагой, и кружатся по площади, как змеи.

А шах — охотник погулять по площади и базарам и днем, когда не оченьлюдно; тогда перед ним ходят скороходы с батожками, но иногда он гуляет и без скороходов.

От большой площади, от Тынчи, до старой площади версты с полторы, если идти вдоль каменных рядов, в левую сторону. А на старой площади продают всякое зерно, овощи и дрова — и все на вес. Здесь устраиваются различные зрелища — выпускают больших живых змей, гадают, казнят преступников — вспарывают им животы, с живых сдирают кожу и спускают ее на ноги, как покрывало.

25 июня 7132 [1624] г. шах [Аббас I] вернулся после взятия турецкого города Багдада. Его встречали в садах, в армянских и в других слободах Исфахана. А навстречу вышли из города все люди с женами и с детьми, весь народ по статьям: кызылбаши и персы, армяне своим полком с женами и детьми, индийцы своим полком, евреи своим полком с женами и детьми, аврамляне своим полком, курды своим полком; отдельно своим полком стояли пешие все гулящие девки. Все остальные были на конях, ехали красиво, щеголевато. Скороходы с барсами, в чистом платье, украшенном золотом, держа в поводу быстрых коней, ехали впереди шаха. Перед ним же, на ходу, пляшут молодцы из кофейен, бьют в ладоши, а пляшут они с индийскими колокольчиками.

Встреча шаха была устроена за пять верст от главной площади. Дорога шла между садами армянских, еврейских, аврамлянских и тебризских слобод. Шахские сады содержатся в порядке и тянутся до того места, где сам шах живет. Вокруг них возведены каменные ограды и сделаны по обе стороны садов частые ворота, расписанные золотом. На воротах — палаты с балконами впереди, и все расписано золотом. Версты за две от площади в этих садах сделан большой каменный бассейн, наполненный водой. В середине бассейна поставлена медная труба, из которой бьет вверх из-под земли вода выше роста человека.

Доехали до моста, построенного в шахских садах через реку Испоганьку. Эта река невелика, мелка, ее и человек, и конь могут перейти вброд,

она проходит через сады и слободы. В ней водится рыба, похожая на русских подъязыков, только вкус другой, да и той очень мало. Кроме этой рыбы, никакой другой нет.

Не доходя до моста, от улицы начинаются идущие через сады в поля большие и многолюдные слободы, которые называются Жулфы — армянская, аврамлянская, еврейская, тевризская; в каждой находится храм своего вероисповедания. Через реку построен большой и высокий каменный мост длиною в 150 сажений, шириною в 40 сажений. А по обе стороны моста возведены высокие и широкие, как городские, стены, на верх которых ведут каменные лестницы. Сквозь стены сделан проход для людей, а от прохода вниз, к воде, также ведут лестницы. По обе стороны моста на стенах сидели женщины ряда в два, а где могли — и в три.

При встрече шаха, когда он ехал из-под Багдада, они кричали во весь голос, били себя руками по губам, благодаря чему голос раздваивался. Здесь же, на мосту, трубили в большие трубы, играли на зурнах, били в литавры и в набаты. Когда проходил шах, все мужчины, женщины, ребята и девушки кричали и плясали. Этот крик был так оглушителен, что нельзя было друг с другом словом перемолвиться, а теснота была такая, что невозможно было ни ехать, ни идти пешком — друг друга давили, разрывали платье, отрывали стремяна, а пеших топтали. В персидском царстве был такой закон: если кто-либо из мужчин и женщин от семи до восьмидесяти лет не идет встречать шаха, тех казнят — животы вспарывают»^[19].

Далее Котов рассказывает о праздниках и обычаях персов:

«Когда выезжает сам шах, а с ним все ханы, султаны, приближенные, служилые люди и все мужчины с женами и с детьми, тогда выезжает и даруга, а по-нашему городской боярин, ведающий в Исфакхани разными делами: он судит и казнит виновных. Этот даруга был грузинским царевичем. За ним несут древко, на одном конце которого рогатина, а на другом копье, украшенное золотым яблоком, и украшенный топор. Верблюда на том подготовленном месте валят на землю, ноги у него связывают, на ноги и на голову ему садятся с ножами человек тридцать мясников. К верблюду подъезжают шах, его приближенные, послы и купцы других государств. Шах, сидя на коне, начинает говорить фатху, а по-нашему молитву, по окончании ее он махнет рукою даруге. Даруга подъедет на коне к верблюду, возьмет у копыеносца копье и с коня вонзит копье между ребрами верблюда, сам отъедет, а копье оставит в нем. После этого шах, все его приближенные, послы, купцы и весь народ быстро возвращаются обратно — конные скачут, а пешие бегут. Мясники тотчас же

голову верблюда отрежут, рассекут его самого на куски и понесут ко дворцу шаха. А когда шах и весь народ поедут улицей, через сады, местами, о которых было раньше написано, то по тем улицам и мосту из-за тесноты от людей и коней едва можно проехать. Наверху вдоль всего моста в несколько рядов сидят женщины и вопят во весь голос, рукою бьют сами себя по губам, чтобы голос раздваивался. И этот крик страшно слушать.

Возвратившись в передние сады, шах опять поднимается на балкон над воротами, которые ведут из сада; с ним его приближенные, послы и купцы. Верблюжью голову сюда же привозят на лошади, и на каменном помосте перед шаховым балконом ее высоко поднимают на руках мужчины, потом опускают на землю, а сами вопят, и так поднимали и опускали голову раз пять, а после этого подняли мужчину сначала на плечи, потом на поднятые руки выше своих голов и держали его так долгое время, пока шах стоял на балконе и говорил молитву по своей вере; по окончании ее мужчину опустили на землю. Верблюжью голову, ноги и мясо принесли на большую площадь. Там связанные между собой люди стали по своим полкам, и вот началось побоище за верблюжью голову; тебризцы бились с исфаханцами страшным боем на конях и пешие и убивались до смерти. Осилевший полк берет верблюжью голову и относит ее к шаху, и последний тот полк награждает. А кто в этом бою не участвует, про тех людей докладывают даруге, и он им делает внушение и читает наставление...

Зима в персидской земле короткая. Пашут землю, сеют пшеницу и ячмень около рождества Христова и крещения. Около великого заговенья и после него, в Великий пост, начинает выпадать снег: ночью падает, а днем тает. На горах снега выпадает много, а на полях — нет. Так продолжается до Благовещенья. Земля не замерзает, и всякий скот — овцы, коровы, кони, буйволы, ишаки и верблюды — все в поле травой сыты бывают; загонов для них не делают. На Георгиев день поспевают хлеб, и его жнут, а овощи поспевают еще раньше. В Исфахани вторично сеют хлеб, и он вырастает к успешью. Однако хлеб поспевают не везде одновременно: в одном городе его жнут, в другом в это время сеют.

В Гилянской земле около моря теплее, чем в других городах. К великому заговенью расцветают различные цветы. Хлеб в Гилянской земле, в Фарабаде, поспевают быстро; но он здесь вредный — люди от него теряют рассудок, и место здесь нездоровое. А лесов в Гиляне около моря много, а также рыбы — севрюги, осетрины, белуги. Во всей шахской земле, кроме Гиляна, лесов нет никаких, только горы. И рек нет никаких — вода всюду проведена с гор, воду проводят по полям и этим орошают нивы. А дождей,

за исключением Гилянской земли и Шемахи, нигде не бывает.

Персы и кызылбаши носят озямные, киндячные, дорогильные, кумачные или кутняные кафтаны, вокруг пояса большие кушаки, а сверху кушаков вишневые шали, на голову надевают чалму, на ноги — чулки и башмаки. Женщины ходят, закутавшись в тонкие миткали, ни лица, ни глаз не видно. На ногах носят суконные чулки и башмаки; у некоторых чулки бархатные.

Все женщины и девушки носят штаны. Косы заплетают длинные, до пояса и до пят. Некоторые плетут по две, три и четыре косы, вплетают в косы и чужие волосы, этим украшают себя. В ноздрях носят золотые кольца с драгоценными камнями и жемчугом. Их исподнее платье состоит из узкого кафтана и рубахи без вышивки, а на груди, около шеи и на лбу они носят нитки жемчуга. Персы и кызылбаши называются мусульманами потому, что их попы делают обрезание у мужчин. Отрезанный конец плоти нанизывают на нить и носят у себя на воротах...

У аврамлян, которые были у шаха на встрече, лица смиренные, у всех большие бороды, волосы черные. А жен держат по две, по три, и по пяти, и по семи, и по сколько кто захочет и сможет. Платье они носят широкое, у всех кирпичного цвета, сделанное из верблюжьей шерсти, на голове носят чалму, ходят босиком, штаны носят всего лишь до колен. На женщинах платье желтое, сделано из той же верблюжьей шерсти. Говорят, что они веруют в Авраама и зовутся аврамляне. Когда кто-нибудь у них умирает, они ставят его около своей мечети, подпирают вилами под горло, чтобы не упал, и он стоит до тех пор, пока не прилетит птица и не выклюет у него глаз. Если выклюет правый глаз, это значит, умерший — праведник, выклюет левый — значит, не угодил Богу. ПотохМ их хоронят в земле.

Что касается до мултанеев в Исфакхани, а по-нашему индийцев, то у них веры разные — одни придерживаются мусульманства, другие веруют в солнце. Как утром начинается восход солнца, так они молятся ему!

А другие мултanei мажут переносицу около лба желтою краскою. Если из них кто-нибудь умрет, их вывозят за город или за посадки в поле, где и сжигают на костре, а пепел развеивают. Говорят, что умерший пошел, мол, на небо. Называются эти индийцы христианами. Все индийцы носят платье из белого миткаля, белую чалму на голове, а ростом невелики, лицом бледные, сухие и смуглые.

А евреи, мужчины и женщины, носят вишневое платье, по внешнему виду похожее на стихари у русских дьяконов с оплечьем, а по подолу кругом оторочка, на голове у некоторых чалмы, у других — шапки, как клубуки. У женщин на голове большие желтые платки, лиц они не

закрывают, станом плоски. У мужчин бороды большие, лица чистые. Это пусть будет им на погибель и бесконечную муку.

В персидском царстве их не любят, убивают и озлобляют, называют их "чагатами", а некоторые — "жигутами" [от искаженного персидского "джахудийя", то есть евреи].

Из шахского города Казвина ходят в турецкую землю на Багдад и Басру. А Багдад, говорят, важное место. Это большой каменный город; под ним протекает река больше Москвы-реки, жилых дворов и людей много; а некоторые дома в Багдаде еще до покорения его шахом были пустые. Говорят, что в древности в Багдад было переселение из первого Вавилона. Персы и армяне до сих пор называют Багдад Вавилоном. Перед взятием Багдада шахом в 7131 [1623] г., говорят, с неба песок сыпался на хлеб, и этого песку было до половины колена. От Багдада до Басры шесть дней пути. Басра была турецким городом, но взял его Карчегахан [Карчкан-хан, один из приближенных шаха Аббаса I, занимавший многие видные посты в государстве] после того как шах взял Багдад. И с этого времени город Басра стал граничить с землями турецкого султана. От Багдада и Басры начинается земля арабских кочевников. Там их Мухаммед похоронен, в арабской земле. Могила всего лишь за три недели пути от Басры. Останки Мухаммеда лежат в пустой мечети. От Басры ходят в Царьград, в турецкую землю. Здесь арабы не черные: черные арабы живут около Индии.

Теперь будет описан путь из персидской земли в Индию. Из шахского города Кума есть выючный путь в Мултанейское царство, или в Индию. От Кума два дня пути до Верамина, от Верамина до Тегерана день пути, от Тегерана до Фарабата восемь дней пути, от Фарабата до Мешхеда пятнадцать дней пути, от Мешхеда до Кандагара сорок дней пути. Здесь проходит граница между шахскими и индийскими землями. Город Кандагар шах взял в 7130 [1622] г., и он стал пограничным с Индией шахским городом. А от города Кандагара все время идти на восход солнца.

От Исфахана есть путь в Индию через Кашан и на Кум, а от Кума — на Верамин, об этом было написано выше.

От Исфахана же есть путь туда, куда Белым морем [видимо, Котов так называет Аравийское море] на кораблях приходят торговать немцы. От Исфахана есть также путь на Фарабат, от Фарабата до Мешхеда пятнадцать дней пути. От Мешхеда до Кандагара сорок дней пути. А от Кандагара, по направлению правее солнечного восхода, сказывают, около сорока дней пути до Белого моря. На этом Белом море стоит город Урмуз. И у того города пристань корабельная; сюда приходят немецкие, английские и французские корабли. Из того города Урмуза выючным путем на верблюдах

приходят через те города, про которые было написано выше, в Исфахан, в персидское царство, немецкие люди с товарами и деньгами покупать шелк-сырец.

Раньше город Урмуз был индийским, но его взяли шах и немцы вместе. А сейчас, говорят, что тот город Урмуз целиком принадлежит шаху.

Теперь несколько слов о мусульманской вере:

Мусульмане молятся на небо, сидя на коленях и воздев к небу руки. Когда идут молиться, то моют руки по локоть, и ноги, и зад, и передний срам.

В персидской земле грамоты пишут от имени шаха по всем городам.

Сначала пишут золотом "Божья милость", под этими словами, оставляя три-четыре строки, пишут титул: "Его шахское величество, государь над всеми государями, шах Аббас", затем пишут название города, в который посылают грамоту, например, в Шемаху, или Ардебиль, или другой город, затем пишут кому: "ардебильскому султану Свирли" или какому-либо другому хану, о том, чтобы знал, мол, что в эту пору посол или купец праведного и милостивого великого государя Владимирского, который над государями государь, пользуется милостью царской, бьет царю челом. Затем уже пишут о деле.

А всякие письма и грамоты в противоположность нашему письму пишут справа налево»^[20].

Я умышленно выделил в отдельную главу рассказ Котова — купца или разведчика, пусть каждый называет как хочет. Главное же, что именно так русские люди в допетровские времена представляли себе государство Сефевидов.

Глава 5

КАК СТЕНЬКА РАЗИН ПЕРСИДСКУЮ КНЯЖНУ УТОПИЛ

С начала XVII века по Каспию постоянно рыскали пиратские флотилии волжских и донских казаков. Так, в 1621 г. у персидских берегов действовали независимо друг от друга две флотилии: атамана Богдана Чернушкина и атамана Тренка Уса.

В 1622 г. русские послы Иван Кондарёв и дьяк Бормосов проездом в Константинополь оказались на Дону. Послы доносили в Москву, что в казачьих городках они видели «волжских воров»: «...атамана Богдана Чернушкина с товарищами человек с 50, ходят в рубашках тафтяных, в кафтанах бархатных и камчатых, а были они на море и громили персидские суда»^[21].

В 1627 г. под нажимом царского правительства Войсковой круг донских казаков постановил: «Впредь и навсегда, чтобы никто с Дону не ходил для воровства на Волгу, а ежели кто объявится на Дону, тому быть казненным смертью»^[22].

Добавлю, что под «воровством» имелось в виду пиратство на Волге и Каспии. Именно с того времени прошла казацкая поговорка: «На Волге быть — ворами слыть».

В 1631 г. тысяча донских и запорожских казаков встретились в устье Волги с тысячей яицких казаков и отправились на Каспий «добывать зипуны».

В 1633—1634 гг. «русские флибустьеры» разоряли районы Баку, Дербента и всей Гилянской провинции. После окончания успешного похода казаки вернулись на Дон и Яик.

В 1636 г. пятьсот донцов с атаманом Иваном Поленовым учинили нападение на крупный персидский порт Ферахабад, разгромили и сожгли его. На обратном пути Поленов встретил струги другого донского атамана — Ивана Самары. Оба отряда объединились и напали на караван русских купцов, который шел с товарами в Ферахабад. «В утешение» ограбленным купцам казаки говорили, что, мол, там уже некому товары ваши покупать. В дельте Волги атаманы разгромили еще один купеческий караван.

Между прочим, Поленов спланировал целую операцию по захвату на

Каспии голштинского корабля «Фридрих», но по ряду причин сие мероприятие сорвалось. О самом же Фридрихе мы поговорим позже.

Тут невольно возникает вопрос, а почему астраханские воеводы пропускали воровских казаков на Каспий? Надо полагать, донские и волжские казаки отлично знали все протоки дельты Волги, что позволяло им миновать Астраханскую крепость. Тем не менее главной причиной была алчность воевод. Не зря в народной песне поется о том, как воевода вымогал у Стеньки Разина дорогую шубу: «Возьми себе шубу, чтоб не было шума». Вот так, без лишнего шума, и ходили в оба конца наши «флибустьеры».

Естественно, что жалобы персидских купцов и послов астраханские воеводы пропускали мимо ушей. Посему в 1641 г. персидский посол подал царю Михаилу грамоту от шаха Сефи, где говорилось: «С вашей государевой стороны всякие набродные, худые люди безыменные, беглые, собравшись, приходят на гилянские и на мазандеранские места, воюют, людей бьют, грабят, в полон берут, то же делают и над торговыми людьми, которые ходят по морю. Государь наш с вами будет стоять заодно»^[23]. Тут же посол жаловался на воевод, притеснявших персидских купцов, но притесняли не только воеводы. В челобитной говорилось: «Прежним персидским послам было позволено торговать, продавать и покупать; ворота были у них отворены, всяких чинов люди ходили и торговали без боязни; а мы сидим взаперти, никого к нам не пускают; Григорий Никитников нам приказывает, что торговать велено с ним одним, и мы шаховых товаров до сих пор ни на один алтын не продали, от страху никто к нам не ходит»^[24].

Шах призывал царя совместно известить казаков.

Бояре отвечали послу, что «давно отправлен царский указ воеводам — посылать на казаков ратных людей, побивать их, а взятых в плен казнить; пусть и шах в своей земле этих воров велит ловить и побивать, великий государь за них стоять не будет. Что касается до воеводских обид, то великому государю неизвестно, какие это обиды? В каких городах и от каких именно воевод? Объявите имена, и государь велит сыскать; и русским купцам в Персии от Шаховых воевод и приказных людей бывает насилье большое»^[25].

А разбои казаков на Каспии по-прежнему продолжались. В 1647 г. флотилия казачьих стругов вошла в устье реки Куры и поднялась вверх на несколько десятков верст. Естественно, что все селения на обоих берегах были разграблены.

В 1649 г. персы опять пожаловались в Москву. На сей раз новый царь Алексей Михайлович возмутился и послал большую судовую рать на Каспий. Лет на пятнадцать на море стало тихо, и купцы начали постепенно забывать о разбоях.

Характерно сообщение казака Кондрата Малафеева на расспросе в 1650 г. у царицынского воеводы. В конце 40-х гг. XVII века несколько сот казаков во главе с атаманом Иваном Кондырёвым ходили с Яика морем в Персию и грабили «кизелбашские города». Однако, узнав о строгих мерах царя, побоялись возвращаться ни на Дон, ни на Яик, ни в «государевы города». В результате 150 казаков пошли на службу к калмыкскому князю Дайчину. Кондырёв и его казаки вместе с калмыками участвовали в набеге на Астрахань в 1650 г.

Следует заметить, что Москва хотя и пресекала разбои на Каспии, но к донцам относилась довольно либерально. И вот из Москвы была срочно послана грамота с требованием «перезывать» казаков Ивана Кондырёва на Дон и уведомлением о прощении государем их «вин».

В 1664 г. персидский шах Аббас II (1642—1666) издал указ об освобождении от всех пошлин и поборов русских купцов, приезжавших в Персию, а также о предоставлении им ряда льгот. В свою очередь шах обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой о дозволении Армянской компании, состоявшей из персидских подданных, вести торг и осуществлять транзит шелка и других товаров на территории России. Армяне должны были платить большую пошлину царю, но зато русские должны были гарантировать безопасность людей и товаров. 31 мая 1667 г. царь Алексей Михайлович удовлетворил просьбу шаха и пожаловал Армянской компании соответствующую грамоту.

«Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». В 1667 г. около двух тысяч донских казаков во главе с выборным атаманом Степаном Тимофеевичем Разиным явились на Волге вблизи Царицына и построили на берегу укрепленный городок. Для начала Стенька ограбил большой караван судов в Астрахани. Царские стрельцы, сопровождавшие караван, сдались без боя. Колодники, которых везли в ссылку в Астрахань, а также несколько десятков гребцов присоединились к казакам. Торговых же людей казаки после пыток перевешали или утопили.

Так началась карьера славного атамана. Разинцам через протоку Бузан удалось обойти Астрахань и прорваться в Каспий.

Вскоре казацкие струги дошли до устья реки Яик. Поднявшись до Яицкого городка (с 1775 г. город Уральск), Разин обманом захватил крепость и перебил стрелецкий гарнизон. Атаман решил сделать Яицкий

городок своей операционной базой. Оттуда казаки выходили грабить рыбные промыслы русских купцов в дельте Волги, периодически нападали на соседей-калмыков.

С берегов Яика Разин рассылает «прелестные» письма к казакам на Дон и в Малороссию. Гетман Дорошенко ласково принял посланцев Стеньки, но начинать войну с Москвой не пожелал. Не хотели ссориться с Алексеем Михайловичем и зажиточные казаки на Дону. Лишь 800 человек голытьбы во главе с атаманом Сережей Кривым явились в Яицкий городок.

Но дальше оставаться в городке Разину становилось опасно. Калмыки объединились и начали бить разбойников-казаков, а главное, рано или поздно следовало ждать прихода большого государева войска.

И вот весной 1668 г. казаки покидают Яицкий городок, спускаются по Яику, а дальше морем идут на юг. Разинцы страшно разорили персидское побережье от Дербента до Баку. Советские историки из кожи вон лезли, доказывая, что Стенька в Персии строго соблюдал классовый подход — грабил только богатых, а бедных, наоборот, защищал. Вот как описывает деяния Разина советский писатель А.Н. Сахаров: «Грозой шли казаки по взморью, врываются в селения, рассыпались с гиканьем и свистом по домам, рубили саблями, били кистенями шаховых солдат, тащили из домов персиянок за длинные черные волосы, хватали ковры, оружие, посуду, ткани, подталкивали пиками к стругам пленных мужчин, на ходу обряжались в дорогие халаты, увешивали шею золотыми и жемчужными ожерельями, напяливали на закрученные, негнувшиеся от долгой гребли пальцы дорогие перстни.

Бедноту Разин строго-настрога наказал не трогать, не грабить и в ясырь не волочь: к бедным избам, к земляным лачугам не подходить, зато богатых купчин, шаховых приказных людей, местных князей, домовитых крестьян шарпай сколько хочешь. А когда грабили казаки невзначай или с умыслом здешних "голых" людей — зверел атаман, кидался с чеканом на обидчика, кричал: "Мы не разбойники и не воры! Мы честные казаки! Зачем же ты, б...й сын, мараешь доброе казацкое имя? Мало тебе купцов и князей, на "голых" людей руку поднял, забыл, кто ты сам-то есть, ах ты, собака!.."»^[26].

Увы, казаки грабили и убивали всех подряд. А женщин насиловали, выбирая их, ориентируясь не на социальную принадлежность жертвы, а на ее внешность, и исходя из своих возможностей.

Между тем у царя с шахом Аббасом II были вполне дружеские отношения, они «дружили» против Османской империи. Узнав о проделках Стеньки, Алексей Михайлович отправил к шаху специального

посланца — немца на русской службе полковника Пальмара. В царевой грамоте говорилось, что после заключения в 1667 г. Андрусовского мира с польским королем объявились в понизовых местах разные воровские люди, и против них царь послал свое войско, чтобы побить их и разорить. «И ныне после бою и разоренья достальные воровские люди от устья Волги-реки на Хвалынское море побежали, избывая своей смерти, где бы от наших ратных людей укрытца. А наши царского величества ратные люди за ними вслед неотступно промысл чинят, и чтоб тех воров искоренить и нигде б их не было. А вам бы, брату нашему Аббас шахову величеству, своей персидцкой области околь моря Хвалынского велеть остереганье учинить, и таким воровским людям пристани бы никто не давал и с ними не дружился, а побивали бы их везде и смертью уморили без пощады»^[27].

Весь июнь 1668 г. казаки провели на побережье между Дербентом и Баку, однако ни одной крепости им взять не удалось. Разинцы обошли Дербент, Шемаху и Баку. В июле казаки дошли до Гилянского залива и начали грабить богатую область Мазандеран. От успехов у атамана закружилась голова, и он повел свое воинство на крупный город Решт. Но тут казаки нарвались на войско местного губернатора Будар-хана. Как позже показали свидетели — астраханские купцы Никита Мусорин и Таршка Павлов: «Те воровские казаки приехали под шахов же город Ряш и стали стругами у берега. И ряшский-де хан выслал против их шаховых служилых людей з боем, и те-де шаховы люди их, воровских казаков, побили с 400 человек. А атаман-де Стенька Разин с товарищи говорили шаховым служилым людям, что они хотят быть у шаха в вечном холопстве, и они б с ними не бились»^[28].

Действительно, Степан Тимофеевич действовал классически, по «варяжскому рецепту» — получив отпор, нанимался кондотьером на службу.

Будар-хан согласился, но потребовал, чтобы казаки сдали персам все свои струги и пушки, а им в свою очередь будет разрешено отправить посланцев в Исфахан к шаху, который и должен был решить судьбу разинцев. А пока суть да дело, пять дней казаки торговали и пьянствовали в Реште. Согласно преданию, Степан Тимофеевич, будучи сильно во хмелю, затеял драку с горожанами, которая переросла в большое сражение. С трудом казаки пробились к морю и отбили у персидской стражи собственные струги. Выйдя в море, Разин приказал идти вдоль побережья на восток, а затем высадиться на пустынном берегу.

А шах Аббас II поначалу милостиво принял русских посланцев, но тут,

наконец, прибыл полковник Пальмар, и шах понял, с кем он имеет дело. Немедленно разинских посланцев заковали в кандалы, а воеводе Мехмету было приказано с большим войском идти на казаков.

Приведя в порядок разбитое воинство, Стенька опять двинулся на восток и внезапно напал на небольшой город Фарабат. Он располагался примерно в 400 км восточнее Решта, и местные жители слыхом не слыхивали о Разине. Город был разграблен и сожжен. Затем Разин двинулся к расположенному неподалеку городу Астрабаду, который постигла участь Фарабата.

Зиму 1668/1669 г. разинские казаки провели на полуострове Миян-Кале между Фарабатом и Астрабадом. Пленные персы построили деревянные дома для жилья, а также возвели земляной вал на перешейке, соединяющем полуостров с материком, и казаки поставили там пушки.

Зимой и ранней весной разинцы периодически совершали налеты на туркменские поселки на юго-восточном берегу Каспия. В одной из стычек с туркменами был убит Сережа Кривой.

Разорив туркменское побережье, Разин в мае 1669 г. двинулся на запад — в Гилянский залив. Традиционно пограбив побережье, Разин отправился севернее и устроил себе базу на Свином острове недалеко от Баку.

В июле 1669 г. к Свиному острову подошел персидский флот под началом Менеды-хана. Флот — это сказано слишком громко: у персов было 50 плоскодонных лодок-сандалов.

Сражение у Свиного острова хорошо описано в донесении секретаря шведского посольства в Персии Кемпфера: «Казаки выскочили на нескольких стругах из-за острова и бросились в открытое море. Персы, увидев это, подумали, что они бегут, хотя на самом деле они сделали это, чтобы лишь заманить их, а поэтому казаки уходили все дальше и притворялись, что не могут управлять своими судами. Это поощрило персов преследовать их с громом труб и барабанов. Хан лично был с ними и поднял флаг на своей бусе. Они также соединили свои бусы цепями, надеясь захватить врага как бы в сети, чтобы никто не убежал. Но это оказалось большим преимуществом для казаков. Так как персы начали стрелять в них, и когда они были достаточно далеко от берега, новый генерал казаков [по сведениям Кампфера, Разин на время боя сдал командование одному из старшин], решив, что теперь уже пора, приказал своему пушкарю, который был очень опытным парнем, стрелять в большое судно с флагом, что он и сделал, нацеливая свою пушку в то место корабля, которое было под водой, где находился порох; ядра были внутри пустые и наполнены нефтью с ватой, и так как выстрел произвел желаемый эффект,

то есть взорвал часть бусы и поджег остальную часть, то хан ретировался на другое судно. В этом замешательстве, так как судно, начав тонуть, не только само тонуло, но и потащило за собой другое, казаки подошли ближе, приостановили обстрел, прикрепили свои суда к персидским, у которых были высокие палубы, и казаки убивали персов шестами, к которым были привязаны пушечные ядра; некоторые из персов предпочитали броситься в море, чем попасть в руки врагов. Остальные были убиты казаками, которые ничего не смогли взять с их бусов, кроме пушки»^[29].

Менеды-хану удалось уйти с тремя сандалами. Зато в плен попал его сын Шабалда и, возможно, дочь.

После боя Разин решил вернуться на Дон, так, по крайней мере, он объявил казакам. Близ дельты Волги казаки нагнали персидский караван судов, шедший в Астрахань. На одном из судов находились и аргамаки — дорогие подарки шаха царю. Надо ли говорить, что караван был ограблен казаками, а уцелевшие при абордаже персы стали пленниками.

Навстречу Разину астраханский воевода князь Прозоровский отправил второго воеводу князя Семена Львова с 36 стругами, на которых разместилось 4000 астраханских стрельцов. Встреча произошла в дельте. Увидев царские струги, казаки повернули в море. Львов гнался за ними двадцать верст, но догнать не смог и послал казакам милостивую царскую грамоту. Тогда Разин вернулся, и начались переговоры.

К воеводе Львову прибыли двое выборных казаков и говорили: «Все войско бьет челом, чтоб великий государь пожаловал, велел вины их отдать и отпустить на Дон с пожитками, а мы за свои вины ради великому государю служить и головами своими платить, где великий государь укажет; пушки, которые мы взяли на Волге в Судах, в Яицком городке и в шаховой области, отдадим, отдадим в Царицыне».

Князь Львов велел, чтобы эти двое казаков поклялись за все войско, и с тем поплыл обратно в Астрахань, а за ним плыл Стенька со своим воинством.

25 августа в Астрахани отмечалось большое торжество. Воевода князь Прозоровский сидел в приказной избе, и туда направился Разин с товарищами. Подойдя к избе, казаки положили бунчук, знамена, сдали пленных персиян и пообещали, что пушки тоже отдадут и русских служилых людей отпустят без задержки. Разин бил челом перед воеводой, чтобы царь велел отпустить их на Дон, а сейчас шестерых выборных казаков отправить в Москву «бить великому государю за вины свои головами своими». Выборные были отправлены.

Сказать, что разинцы произвели в Астрахани фурор — это ничего не

сказать. Казаки шли по улицам города под восторженные крики жителей. Все они с ног до головы были увешены золотыми и серебряными украшениями, на пальцах сверкали перстни с драгоценными камнями, такие же бесценные камни украшали шашки, на шеях болтались тяжелые золотые цепи, за поясами торчали пистолеты с золотой насечкой и на боках висели сабли стоимостью в целое состояние.

Десять дней жили казаки в Астрахани. Сколько было ими пропито тысяч золотых рублей — можно только гадать. Сам Стенька ходил по улицам и бросал в народ золотые монеты. В эти дни пьяный Стенька собственноручно публично утопил в Волге знатную персиянку. Судя по всему, она была дочерью Менеды-хана. Это был сильный популистский жест. Среди астраханцев пошел слух, что утопленная наложница — дочь самого персидского шаха. Голландец на русской службе Л. Фабрициус в своих записках упоминает не только об утоплении принцессы-наложницы, но и о ее младенце-сыне от Разина. По словам Фабрициуса, Разин отдал ребенка на воспитание астраханскому митрополиту и дал ему на это тысячу рублей золотой монетой.

Кстати, казаки и до Разина, и после него привозили с собой множество пленников разных национальностей, но их всех чохом называли персиянками. Видимо, с этим связано и название станицы на Дону — Персияновка, недалеко от нынешнего Новочеркасска. Ведь многие из воровских казаков были женаты. Менталитет донских казаков не допускал многоженства, и вот пришлось казакам строить отдельную станицу для «жен выходного дня».

В Астрахани Разину пришлось отдать воеводе Прозоровскому 13 морских стругов и тяжелые пушки (5 медных и 16 железных), но 20 легких пушек он удержал у себя. «Эти пушки, — сказал атаман, — надобно нам на степи для проходу от крымских, азовских и всяких воинских людей, а как дойдем, то пушечки пришлем тотчас же».

Сколько Стенька дал «на лапу» князю — история от нас утаила.

4 сентября 1669 г. струги Разина отправились вверх по Волге. Это было днем окончания персидского похода и начала большой войны с Москвой.

Персидский поход и гульба в Астрахани произвели огромное впечатление на всю Россию. Разин из обыкновенного «воровского» атамана вдруг превратился в сказочного богатыря, сравнимого с Ильей Муромцем и князем Олегом Вешим. О нем говорили: «Стенька Разин богат приехал, что и невероятно быти мнится: на судах его веревки и канаты все шелковые и паруса также все из материи персидской шелковые учинены». Замечу, то же

самое рассказывалось и о ладьях князя Олега, и внесено в летопись. Пошли слухи, что Разин чародей и знает ся с нечистой силой.

Деньги и слава создали атаману предпосылки для похода на Москву!

Глава 6

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА СТРОИТЕЛЬСТВА КАСПИЙСКОГО ФЛОТА

Если честно говорить, то первый большой корабль для Каспия построили не русские, а голштинцы. В 1634 г. шлезвиг-голландский герцог Фридрих III пожелал завести у себя торговлю персидским шелком и обратился к царю Михаилу с просьбой о разрешении ему провоза товаров по русским владениям. В Москву от герцога прибыло специальное посольство, в составе которого был Олеарий, оставивший известное описание путешествия в Московию и Персию. Посольство радушно приняли в Москве, и царь не только дал согласие на пропуск товаров, но и разрешил построить в Нижнем Новгороде 10 военных кораблей для первой экспедиции в Персию.

При этом бояре поставили условие: «...лес покупать им у наших людей вольною торговлею, а плотников к тому корабельному делу, к их корабельным мастерам на прибавку, наймовать наших подданных охочих людей, а наем им платити по договору с ними вольною торговлею, а первое — *от тех плотников корабельного мастерства не скрывать*».

И вот в начале января 1635 г. в Нижний Новгород прибыли голштинские мастера — немец из Любека Кордес, швед Иостен и еще трое неизвестного происхождения, названные в деле посольского приказа Зелер, Стирпомяс и Крону. Руководить постройкой должен был Ганс Бтрек (Hans Vtrek), сын немца, жившего в Немецкой слободе в Москве, посему в русских документах он числился Иваном Бережитским. Было нанято и 50 русских плотников.

Из-за ряда организационных и технических проблем вместо десяти кораблей летом 1635 г. построили только один, названный в честь голштинского герцога «Фридрих» («Friderik»).

Чтобы пройти многочисленные волжские мели и перекаты, корабль построили плоскодонным длиной 120 футов (36,6 м), шириной 40 футов (12,2 м), высотой 13 футов (3,96 м), их которых осадка 7 футов (2,13 м). Корабль имел три мачты — две для прямых парусов и бизань для носового паруса.

«Фридрих» мог ходить на веслах. На каждой из 12 пар весел сидело по два гребца. Корабль был покрыт сплошной палубой и имел целый ряд

помещений — в трюме для служилых и рабочих людей и шесть кают в кормовой рубке для старших чинов голштинского посольства.

Кроме корабля в Нижнем Новгороде были построены и большие шлюпки. Капитаном «Фридриха» назначили немца Кордеса.

Корабль вышел из Нижнего Новгорода со 125 пассажирами на борту, из которых 78 человек были членами посольства и немецкие купцы, 12 человек иностранных морских офицеров и матросов, 30 человек (3 офицера и 27 нижних чинов) охраны из находившихся на русской службе шотландцев и 5 русских плотников. Корабль был нагружен различными товарами для Персии и «на случай нападения разбойников» снабжен двумя десятками пушек малого калибра.

«Фридрих» покинул Нижний 30 июля 1635 г., то есть в самый разгар «меженного» мелководья. Да еще зачем-то взяли лоцмана, 8 лет не плававшего по Волге, В итоге на первом же плесе — между Нижним и устьем Камы — корабль 8 раз садился на мель. Лишь вечером 13 августа, на 14-й день пути, экспедиция достигла Казани.

18 августа прошли Тетюши. К вечеру на пустынном берегу путешественники заметили около 70 конных казаков. По сему поводу Кордес приказал провести артиллерийские ученья с боевой стрельбой. Казаки скрылись и более не показывались. Тем не менее по ночам прислуга стояла у заряженных пушек. А в устье реки Усы шотландцы чуть было не обстреляли из пушек стрелецкие посты, приняв их костры за казацкие.

За Переволокой (между Доном и Волгой) путешественники нагнали караван из 16 больших и 6 малых судов. Это было русское посольство, следовавшее в Персию, а также восточнее купцы и стрельцы для охраны. «Радости путников не было границ: они приветствовали встречу и выстрелами из всех своих пушек, и веселой музыкой трех бывших на корабле трубачей, и громкими радостными кликами. Отныне страх перед казаками, грозным призраком стоявший все время путешествия по Волге, исчезал»^[31]. Теперь «Фридрих» и стрелецкие струги могли отбить любое нападение.

Участник экспедиции Олеарий писал, что после Черного Яра вдали от берега «не видать уже ни одного деревца, и везде только сухая, погорелая почва и степь»^[32]. Земледелие здесь невозможно, поэтому единственным занятием жителей, не имевших ни домов, ни селений, являлись разбои. Путешественники на каждом шагу слышали о «подвигах» этих «героев», но теперь уже не так их боялись, как вначале плавания. Так, 7 сентября они встретили большую барку, разграбленную казаками. Это судно вышло из

Астрахани 3 недели назад, и члены его экипажа уже 4 дня ничего не ели, поскольку разбойники не только выгрузили все товары, но и забрали все продовольствие. Голштинцы дали им мешок сухарей. А через несколько верст, у острова Насоновского, путникам рассказали, что в узком и кривом водовороте между островом и прибрежной горой, носившей то же название, что и остров, несколько лет назад казаки устроили засаду. Мимо на стругах проплывал отряд стрельцов, посланный на поимку этих самых казаков. А казаки неожиданно выскочили из засады и напали на отряд, перебив при этом несколько сотен стрельцов.

8 сентября, при проходе мимо мыса Поповицкая Юрка (позже на этом месте возникло селение Попоевское) путешественники узнали, что место это получило название в честь сына одного русского священника (поповича), ставшего казачьим атаманом и собиравшего здесь свою шайку.

9 сентября «Фридрих» пристал к Черному Яру. Местные жители рассказали, что городок этот построен 9 лет назад на месте «страшного убийства и грабежа», учиненного четырьмя сотнями казаков над сильно растянувшимся торговым караваном с полуторатысячной «командой». И пока подоспела ушедшая далеко вперед охрана, казаки перебили половину «команды».

Сами участники экспедиции неоднократно видели скрывавшихся в прибрежных кустах казаков, по которым стреляли не только из ружей, но и из пушек.

В полдень 15 сентября, через полтора месяца тревожного и тяжелого плавания, «Фридрих» бросил якорь на астраханском рейде.

В Астрахани, как и на всем пути от Нижнего Новгорода, корабль голштинцев был предметом всеобщего любопытства. Персидские мореходы, прибывшие на своих судах, находили его слишком длинным для безопасного плавания в Каспийском море и советовали укоротить мачты, но Кордес проигнорировал их мнение.

10 октября «Фридрих» покинул Астрахань. Пройдя всего одну милю, путешественники вынуждены были бросить якорь и простоять на одном месте двое суток, так как сильный ветер не позволял идти дальше. 12 и 13 октября из-за ветра и мелководья пришлось тащить корабль на якорях, продвигаясь по миле в день. 14 сентября при попутном ветре пошли вперед «довольно быстро» и заночевали в 15 верстах от взморья, «где Волга заперта частоколом или тыном от вторжения рыщущих по морю казаков и охраняется постоянно сотнею стрельцов». 15 октября «Фридрих» подошел к самому выходу на взморье, в 12 милях от Астрахани. Здесь было множество небольших, поросших тростником холмов и островов, обтекаая

которые Волга и впадала в море, причем создавалось впечатление, что это целый ряд отдельных рек или рукавов. На протяжении 6 миль здесь шла сплошная тина, а воды над ней было не более 1,2—1,5 м, самое большее 1,7 м. Корабль часто садился на мель, вяз в тине, так что за 7 дней, пока ветер дул к морю, «после очень хлопотливого перетягивания корабля то туда, то сюда», удалось пройти не более 4 миль.

Самыми трудными днями выдались 18 и 19 октября. 18-го «Фридрих» наехал на мель, и команде потребовалось 5 часов непрерывной работы, чтобы перебраться через нее. Но дальше путешественники обнаружили еще большую мель, не глубже 1,2 м. Пришлось с таким же трудом тащить судно обратно на прежнее место. А за ночь при поднявшемся северо-западном ветре судно «совершенно обсохло» и глубоко засело в ил. Пришлось выгружать весь груз и якоря в специально для этого захваченную татарскую шюту (барку) и корабельную шлюпку. «Весь экипаж не с человеческой, но с лошадиной, тяжелой работой трудился, не пивши, не евши целый день, усиливаясь сдвинуть корабль с места, однако он решительно не трогался»^[33]. В конце концов, работы пришлось прекратить. К тому же спустился такой густой туман, что путники «едва могли видеть что-либо на расстоянии длины корабля». Корабль стоял совершенно беспомощный, и казаки могли напасть на него, подплыв на своих легких и мелководных лодках. Вдруг голштинцы с борта заметили какую-то «русскую барку» и со страху пальнули в нее из пушки. Ядро в цель не попало, но с барки очень здорово обматерили немцев. Олеарий всего не понял, но записал, что слышалась «резкая брань».

21 октября, к вечеру, вода начала прибывать, но на следующий день с моря поднялась сильная буря (моряна), так что корабль простоял на якоре еще целых 5 дней, пока буря не утихла.

27 октября, когда ветер немного стих, голштинцы снова загрузили корабль и отпустили татарскую шюту. Но едва «Фридрих» прошел милю, как снова завяз в тине. Пришлось вернуть отпущенных татар. Только к утру 28 октября корабль оказался на чистой воде и в тот же день, после 18 дней невероятных трудов и усилий, вышел в открытое море.

Здесь я умышленно подробно дал пересказ Олеария, чтобы показать, с какими трудностями сталкивались древние мореходы на Нижней Волге и в ее дельте.

«Фридрих» взял курс на юг и через две недели пришел к принадлежащему России городу Теркам, а оттуда направился к Дербенту. Ветер сначала был попутный, но вскоре переменялся, а в ночь на 12 ноября стал настолько крепким, что путешественники, не имевшие ни надежного

лоцмана, ни верной карты, не решились нести паруса в темную ночь в незнакомом море и закрепили их, отдавшись на волю ветра. Две русские лодки, находившиеся при корабле, на бакштове (одна для промеров, другая для выгрузок), затонули. Та же участь постигла и корабельную шлюпку.

Вскоре открылась сильная течь. Волнами сломало рулевые петли. Матросы вынуждены были снять руль. Кордес приказал бросить якорь, но это не помогло, волны разбивали корабль. В конце концов, было решено обрубить якорный канат. Корабль, уже начавший разрушаться, будучи плоскодонным и не имевший киля, плотно сел на мель метрах в 60 от берега. Один из матросов, обвязавшись веревкой, кинулся за борт, доплыл до берега и с помощью сбежавшихся местных жителей подтянул корабль еще ближе. Всем находившимся на «Фридрихе» удалось спастись, а корабль был разбит волнами. Произошло это 14 ноября у Низабата, на берегу Дагестана.

Так погиб первый большой военный корабль на Каспии. Пусть он шел под голштинским флагом, но был построен на русской земле руками русских плотников. А голштинский флаг через столетие станет государственным флагом Российской империи.

Через 30 лет, 19 июня 1667 г., царь Алексей Михайлович издал указ о строительстве кораблей для Каспия. Общее руководство строительством было возложено на боярина Афанасия Ордин-Нащокина.

Нащокин начал с того, что с помощью проживавшего в Москве «голландского гостя» Фана Сведена выписал из-за границы корабельных мастеров, а также все необходимые для кораблестроения и мореходства инструменты и материалы. Фан Сведен получил широкие полномочия и грамоты самого царя и отправился в Антверпен, Амстердам и Лондон. Оттуда он привез 25 мастеров во главе со своим дальним родственником, шотландцем Давидом Бутлером, ставшим сразу же душой всего дела.

Строительство судов началось 14 ноября 1667 г. в селе Дединове^[34]. Село это являлось личной собственностью царя — дворцовым селом, и находилось на левом берегу Оки в 25 верстах ниже Коломны.

26 мая следующего года на воду были спущены трехмачтовый корабль, яхта и два шлюпа. Осенью 1668 г. корабль получил название «Орел». Длина его составляла 80 футов (24,4 м), ширина 21 фут (6,4 м) и осадка около 5 футов (1,5 м). О размерах других судов данных не сохранилось. Корабль предполагалось вооружить восемнадцатью 6-фунтовыми пушками и четырьмя 3-фунтовыми пушками. На яхте предполагалось установить две 6-фунтовые пушки, а на шлюпах — по одной. Фактически же было прислано пять 6-фунтовых, одна 5-фунтовая, две 4-фунтовые, одиннадцать

3-фунтовых и три 2-фунтовые, то есть всего 22 пушки.

Общая стоимость постройки всех судов составила 9021 рубль, из которых около 6500 рублей пошло на жалование иностранцам, и только 2521 рубль пошел на оплату и всех материалов, и русских рабочих, которые получали по 2 алтына в день на готовых харчах.

Вся небольшая эскадра из четырех судов под командованием Бутлера вышла из Дединова вниз по Оке 7 мая 1699 г. Как видим, «Орел» отправился раньше, чем «Фридрих», когда вода стояла выше, тем не менее и он часто садился на мель.

В августе, после трехмесячного плавания, флотилия прибыла в Астрахань, где и зазимовала, ожидая инструкций из Москвы о дальнейшем движении в Персию. За зиму Бутлер построил в Астрахани еще 24-весельную галеру по образцу венецианских «каторг». Галера эта предназначалась для действий против начавших бунтовать казаков. Но в июне 1670 г. Астрахань была взята Степаном Разиным, и «Орел» сожжен вместе с другими судами экспедиции Бутлера, кроме одного шлюпа, на котором бежала часть мастеров-иностранцев.

Сам Бутлер вместе с лекарем Термундом и парусным мастером Стрюйсом уехал из Астрахани на струге вдоль западного побережья Каспийского моря, попал в плен сначала в Персию, где прожил 10 лет, а потом на Кавказское побережье, где был продан в рабство и вскоре убит. Стрюйс и Термунд в конце концов спаслись и возвратились на родину.

Первая попытка России обзавестись флотом на Каспии, да и военными кораблями вообще, закончилась неудачей. Для создания флота нужны были более энергичные люди и значительно больше денег.

Глава 7

КАК ПЕТР ВЕЛИКИЙ ОКАЗАЛСЯ НА КАСПИИ

Царь Петр, занятый войной со шведами, никогда не забывал и о Каспийском море. По его указу для Каспия в Казани постоянно строились различные суда: с 1701 г. — каты, с 1715 г. — бригантины, с 1716 г. — шхуны и шнявы, с 1719 г. — гукоры, с 1722 г. — гекботы и т.д.

Это были небольшие парусные или парусно-гребные суда, вооруженные пушками малого калибра (от 1 до 8 фунтов). Они больше предназначались для перевозок войск и грузов, чем для боевых действий. И это было вполне оправдано из-за мелководья на Волге и из-за отсутствия боевых кораблей у вероятного противника на Каспии.

В 1714 г. до Петра Великого дошли слухи, что на берегах реки Амударьи найдены богатейшие «золотые россыпи», и что хивинский хан решил скрыть это от русских и приказал отвести воды Амударьи от Каспийского к Аральскому морю. Насколько верны были эти слухи, у современных ученых нет единого мнения. Клондайка на Амударье явно нет и не было. А вот, по крайней мере, один из рукавов Амударьи в XIV—XVII веках соединялся с Каспийским морем. Его появление некоторые историки связывают с разрушением монголами многочисленных плотин на Амударье.

Так или иначе, но Петр заинтересовался Средней Азией.

В начале 1716 г. в Астрахань был отправлен князь Александр Бекович-Черкасский, бывший уже прежде на Каспийском море и описавший часть его берегов.

К этому времени в Астрахани находилось несколько десятков небольших морских грузовых судов — котов и шмаков. Посадив на них около шести тысяч солдат, драгун и купцов, Бекович в сентябре 1716 г. вышел из Астрахани на Каспий. Через несколько дней он пристал к берегу Тюб-Караганского залива.

Там Бекович приказал построить крепость святого Петра, а сам Двинулся дальше и основал Красноводские укрепления у одноименной косы. Там же Бековичу показалось, что он нашел и старое русло Амударьи, когда она впадала в Каспийское море. На Красноводской косе Бекович оставил гарнизон, в который вошли Астраханский и Азовский пехотные

полки. Командовать постройкой крепости было поручено полковнику фон дер Видену.

На обратном пути в конце ноября 1716 г. Бекович зашел в Тюб-Караганский залив. Крепость там строилась, но около 700 солдат были больны, а русское кладбище насчитывало уже 120 могил — климат давал себя знать.

20 февраля 1717 г. Бекович вернулся в Астрахань. А через два месяца он двинулся в Хиву сухим путем. С Бековичем шли 600 драгун и около 3 тысяч иррегулярной конницы — яицких и гребенских казаков, татар и др.

Вскоре всякая связь с отрядом Бекович была утеряна. Лишь в октябре 1717 г. в Астрахань прибежал яицкий казак татарин Ахметев, бывший в этом отряде. Он показал, что хивинцы перебили отряд Бековича.

Что же касается двух крепостей на берегах Каспия, основанных Бековичем, то 3 октября 1717 г. полковник фон дер Виден приказал эвакуировать Красноводскую крепость из-за болезней и высокой смертности солдат. На тринадцати судах гарнизон отправился в Астрахань. По пути флотилию настигла буря, и погибло около 400 человек. Примерно тогда же была эвакуирована и крепость святого Петра.

30 августа 1721 г. в городе Ништадте был заключен долгожданный мир со Швецией. Сенат и Синод поднесли царю титул «Отца отечества Всероссийского Императора и Петра Великого. Петр недолго церемонился и принял их»^[35].

Петр решил, что императору не подобает долго сидеть дома, и надумал начать войну с Персией. Позже подобострастные царские и советские историки напишут, что он-де боялся захвата прикаспийских земель турками, что он хотел защитить русских купцов в Персии и т.д. На самом же деле особых оснований начинать захват этих территорий у Персидской империи не было. Наоборот, разгром русскими войсками персидского шаха мог привести к распаду страны. И вот тогда-то турки и могли захватить большую часть территории Персии.

Нападения же на русских купцов были следствием нестабильности в стране, которая могла только усилиться с началом войны.

Еще в 1715 г. в Персию отправилось посольство Артемия Петровича Волынского. Фактически это была разведывательная миссия. Он и визирь 30 июля 1717 г. подписали коммерческий трактат, ратифицированный в 1718 г. обоими монархами. По этому трактату России предоставлялся ряд торговых привилегий. В частности, право на приобретение в Персии шелка-сырца, запрещенное для всех европейцев.

8 июля 1717 г. Волынский доносил канцлеру Г.И. Головкину, что шах

Гуссейн (Хусейн, годы правления 1694—1722) и его вельможи довели страну «до ручки»: «...свои дела идут у них беспутно, как попало, так и делают безо всякого рассуждения; от этого так свое государство разорили, что, думаю, и Александр Великий в бытность свою не мог войною так разорить. Думаю, что сия корона к последнему разорению приходит, если не обновится другим шахом; не только от неприятелей, и от своих бунтовщиков оборониться не могут...»

По возвращении из Персии Волынский был назначен астраханским губернатором и уже в этом качестве вступил в переговоры с картлийским^[36] царем Вахтангом VI. Последний был рад вступить в союз против шаха.

Поводом к вторжению русских в Персию стали действия лезгинского князька Дауд-бека и казы-кумыцкого князька Суркая. 21 июля 1721 г. Дауд-бек и Суркай подошли к городу Шемахе, 7 августа взяли город и стали грабить и жечь богатые дома. Русские купцы, обнадеженные завоевателями, что их грабить не будут, оставались спокойны. Однако вечером того же дня около четырех тысяч вооруженных лезгин и кумыков напали на русские лавки в гостином дворе, приказчиков разогнали саблями, а некоторых и побили, товаров же разграбили на 500 тысяч рублей. Один только Матвей Григорьев Евреинов — богатейший в России купец — понес убытки на 170 тысяч рублей и вконец разорился.

Волынский немедленно отписал царю: «Мое слабое мнение доношу по намерению вашему к начинанию, законнее сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите вступить за свое; второе не против персиян, но против неприятелей их и своих; к тому ж и персиянам можно предлагать (ежели они бы стали протестовать), что ежели они заплатят ваши убытки, то ваше величество паки их отдать можете (т.е. завоеванное), и так можно пред всем светом показать, что вы изволите иметь истинную к тому причину. Также мнится мне, что ранее изволите начать, то лучше и труда будет меньше».

В декабре 1721 г. Петр отвечал Волынскому: «Письмо твое получил, в котором пишете о деле Дауд-бека и что ныне самый случай о том, что вам приказано предуготовлять. На оное ваше мнение отвечаю, что сего случая не пропустить зело то изрядно, и мы уже довольную часть войска к Волге маршировать велели на квартиры, отколь весною пойдут в Астрахань. Что же пишете о принце грузинском, оного и прочих христиан, ежели кто к сему делу желателен будет, обнадеживайте, но чтоб до прибытия наших войск ничего не зачинали (по обыкновенной дерзости тех

народов), а тогда поступали бы с совету»^[37].

15 мая 1722 г. царь отслужил молебен в Успенском соборе Кремля, под пушечную пальбу сел на «москворецкий струг» и отплыл вниз по Москве-реке в Астрахань. Струг этот представлял собой довольно крупное гребное судно длиной 42,7 м и шириной 6,7 м. Через каждые 60 верст струг причаливал к берегу, где его ждала новая смена гребцов. 17 мая Петр был уже в Коломне, 30 мая — в Нижнем Новгороде, а 19 июня — в Астрахани.

2 июля Петр отправил в Грузию князя Бобриса Туркестанова с предписанием для царя Вахтанга VI: «Напасть на лезгинцев в их земле и дать о том нам знать в Астрахань, к Теркам или Дербенту, где будем, и ждать приказа, куда быть. Когда пойдет на соединение, то бы заказал под смертною казнию не грабить, не разорять, не обижать»^[38].

18 июля из Астрахани вышла целая армада судов. У персов не было военных кораблей специальной постройки, поэтому армаду конвоировали всего восемь военных судов Каспийской флотилии, самыми сильными из которых были три шнявы — «Астрахань», «Святая Екатерина» и «Святой Александр».

Двадцать две тысячи пехотинцев были посажены на двести островных лодок и 45 ластовых судов^[39]. Формально командовал армадой генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин, но фактически распоряжался всем сам царь.

Сухим путем в Персию пошла конница. В ее составе было 9 тысяч регулярной кавалерии, 20 тысяч донских и малороссийских казаков, а также 30 тысяч татар. В некоторых изданиях говорится и о калмыцкой коннице. На самом деле участие ее в операции планировалось, но собрались калмыки только после окончания похода.

27 июля 1722 г., в день Гангутской победы, русские войска высадились на берег в Агразанском заливе. Первым ступил на берег Петр. Из-за мелководья шлюпки не могли причалить, тогда царь встал на широкую доску, и четыре гребца перенесли его на берег.

Дождавшись подхода кавалерии, Петр двинулся к Дербенту. Город сдался без боя. 23 августа за версту от города царя встретил дербентский наиб (наместник), пал на колени и поднес два серебряных ключа от городских ворот.

Петр в письме к Сенату так описывал свой поход: «Мы от Астрахани шли морем до Терека, а от Терека до Аграхани, отколь послали универсалы, а там, выбрався на землю, дожидались долго кавалерии, которая несказанный труд в своем марше имела от безводицы и худых

переправ... Потом когда приближались к сему городу [Дербенту], то наиб сего города встретил нас и ключ поднес от ворот. Правда, что сии люди нелицемерною любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили. Из Баки такие же письма имеем, как из сего города (Дербента) прежде приходу имели, того ради и гварнизон туда отправим, и тако в сих краях с помощию божию фут получили^[40], чем вас поздравляем».

В Дербенте русским досталось 230 пушек.

Петр произвел наибо в генерал-майоры и назначил командиром персидской ланд-милиции (то есть иррегулярных войск).

По приказу императора недалеко от стен Дербента были выстроены форты Милукенти и Аргабугаме.

Заняв Дербент, Петр намеревался двинуться к конечной цели своего похода — городу Шемахе. На пути из Дербента русские войска должны были соединиться с армией Вахтанга VI, сосредоточенной в Гяндже и состоявшей из грузинских и армянских войск.

29 августа на Каспии разыгрался шторм. Двенадцать ластовых судов с продовольствием для армии, стоявшие на открытом рейде Дербента, были выброшены на берег. Большая часть продовольствия погибла — мука подмокла и т.д. Другой отряд из тридцати транспортных судов, шедший в Баку, почти весь погиб у острова Чечень.

Петр хорошо запомнил голод во время Прутского похода и счел за лучшее ретироваться. В Дербенте был оставлен русский гарнизон под командованием полковника Юнгера, а остальные части двинулись на север.

4 октября 1722 г. Петр прибыл в Астрахань, а 6 ноября он отправляет в Гилян (провинцию Персии на побережье Каспия) четырнадцать судов с двумя батальонами пехоты под командованием полковника Шипова. Непосредственно судовым отрядом командовал капитан-лейтенант Соймонов. Получив приказ занять Решт, Шипов спросил у царя: «Довольно ли двух батальонов?» Петр ответил: «Стенька Разин с пятьюстами казаками персиян не боялся, а у тебя два батальона регулярного войска!»

Русские суда, воспользовавшись сильным попутным ветром, в конце ноября подошли к городу Решту и заняли его.

В марте 1723 г. Соймонов с частью отряда ушел к устью реки Куры. Воспользовавшись этим, местные персы попытались выбить русских из Решта, но благодаря грамотным действиям полковника Шипова персы были разбиты. Большую роль в этом сыграл огонь судовой артиллерии, заставивший замолчать персидскую батарею. Судами командовал капитан-лейтенант Золотарев.

28 мая 1723 г. морем в район Решта прибыло пополнение — два

батальона пехоты при 24 пушках под командованием полковника Левашова. Теперь русские прочно удерживали район Энзели — Решт.

Чтобы получить «сухопутную коммуникацию» между русскими войсками в Дербенте и Реште, Петр решил занять город Баку и прилегающую часть побережья. Царь приказал генерал-майору Михаилу Афанасьевичу Матюшкину: «Идти к Баке как наискорее и тщиться оный город, с помощью божиею конечно, достать, понеже ключ всему нашему делу оный, а когда бог даст, то оный подкрепить сколько мочно и дожидаться новых гекботов с провиантом и артиллериею, которой быть в городе и с людьми. Велено послать 1000 человек, но ежели нужда будет, то прибавить сколько надобно и беречь сие место паче всего, понеже для него все делаем. Всех принимать в подданство, которые хотят, тех, чья земля пришла к Каспийскому морю»^[41].

В июле 1723 г. двадцать русских судов появились перед Баку. Матюшкин отправил в город письмо, где утверждал, что он пришел защищать Баку от мятежников, действовавших против персидского шаха. Но местные власти отвечали, что они верные подданные шаха и четыре года отбиваются от мятежника Сауда, так что не нуждаются ни в чьей помощи и защите.

Тогда Матюшкин приказал высадить десант. Атака персидской конницы, стремившейся помешать высадке, захлебнулась под огнем судовой артиллерии. У стен Баку русские выстроили две осадные батареи. 22 июля началась бомбардировка города, в которой помимо осадных батарей приняли участие и семь гекботов^[42] с тяжелыми мортирами. Семидневная бомбардировка подействовала на персов, и 28 июля Баку сдался.

Русские батальоны вступили в город с распущенными знаменами и барабанным боем. В Баку было взято 80 пушек. Начальник гарнизона и его 700 подчиненных попросились на русскую службу. Матюшкин удовлетворил их просьбу.

Вслед за Баку русские войска высадились в устье Куры и заняли прилегающий район побережья.

Петр произвел Матюшкина в генерал-лейтенанты. 17 сентября царь писал новому генерал-лейтенанту: «Поздравляю со всеми провинциями, по берегу Каспийского моря лежащими, понеже посол персидский оные уступил».

Договор был подписан в Петербурге 12 сентября 1723 г. и состоял из следующих главных статей:

1. Его императорское величество всероссийский обещает его шахо-ву величеству Тахмасибу добрую и постоянную свою дружбу и высоко-монаршеское свое сильное вспоможение против всех его бунтовщиков и для усмирения оных и содержания его Шахова величества на персидском престоле изволит, как скоро токмо возможно, потребное число войск в Персидское государство послать, и против тех бунтовщиков действовать, и все возможное учинить, дабы оных ниспровергнуть и его шахово величество при спокойном владении Персидского государства оставить.

2. А насупротив того его шахово величество уступает императорскому величеству всероссийскому в вечное владение города Дербень, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции: Гилян, Мазандеран и Астрабат, дабы оными содержать войско, которое его императорское величество к его шахову величеству против его бунтовщиков в помощь посылает, не требуя за то денег.

Присоединение к России Закаспийских земель

Петр уже хозяйничал в уступленных областях. В мае 1724 г. он писал Матюшкину: «1) крепость Св. Креста доделать по указу, в Дербенте

цитадель сделать к морю и гавань делать; ...3) Гилянъ уже овладена, надлежит Мазандераном также овладеть и укрепить, а в Астрабатской пристани ежели нужно делать крепость, для того работных людей, которые определены на Куру, употребить в вышеписанные дела; 4) Баку укрепить;

5) о Куре разведать, до которых мест можно судами мелкими идти, чтоб подлинно верно было; 6) сахар освидетельствовать и при слать несколько, также и фруктов сухих; 7) о меди также подлинное свидетельство учинить, для того взять человека, который пробы умеет делать; 8) белой нефти выслать тысячу пуд или сколько возможно; 9) цитроны, сваря в сахаре, прислать; одним словом, как владение, так сборы всякие денежные и всякую экономию в полное состояние привести стараться всячески, что армян призывать и других христиан, если есть, в Гилянъ и Мазандеран и оживать (поселять), а басурман зело тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавлять, а именно турецкого закона (суннитов). Также, когда осмотрится, дал бы знать, сколько возможно там русской нации на первый раз поселить. О Куре подлинного известия не имеем: иные говорят, что пороги, а ныне приезжал грузинец, сказывает, что от самой Ганжи до моря порогов нет, но выше Ганжи пороги; об этом, как о главном деле, надлежит осведомиться, и, кажется, лучше нельзя, как посылкою для какого-нибудь дела в Тифлис к паше. Сие писано, не зная тех сторон, для того дается на ваше рассуждение: что лучше — то делайте, только чтоб сии уступленные провинции, особливо Гилянъ и Мазандеран, в полное владение и безопасность приведены были»^[43].

Для ратификации договора, заключенного в Петербурге Измаил-беем, в Персию отправились Преображенского полка унтер-лейтенант князь Борис Мещерский и секретарь Аврамов. В апреле 1724 г. они въехали в персидские владения. На послов напала вооруженная толпа, однако охрана сумела разогнать бунтовщиков. Шах Тахмас Кули-Хан милостиво принял Мещерского, но уклонился от ратификации договора.

Тем не менее, для удержания прикаспийских областей, отнятых у персов, требовались большие силы. Так, в 1729 г. там дислоцировалось 17 пехотных и 7 конных полков. Кроме того, имелись иррегулярные конные отряды из грузин, армян и горных черкесов.

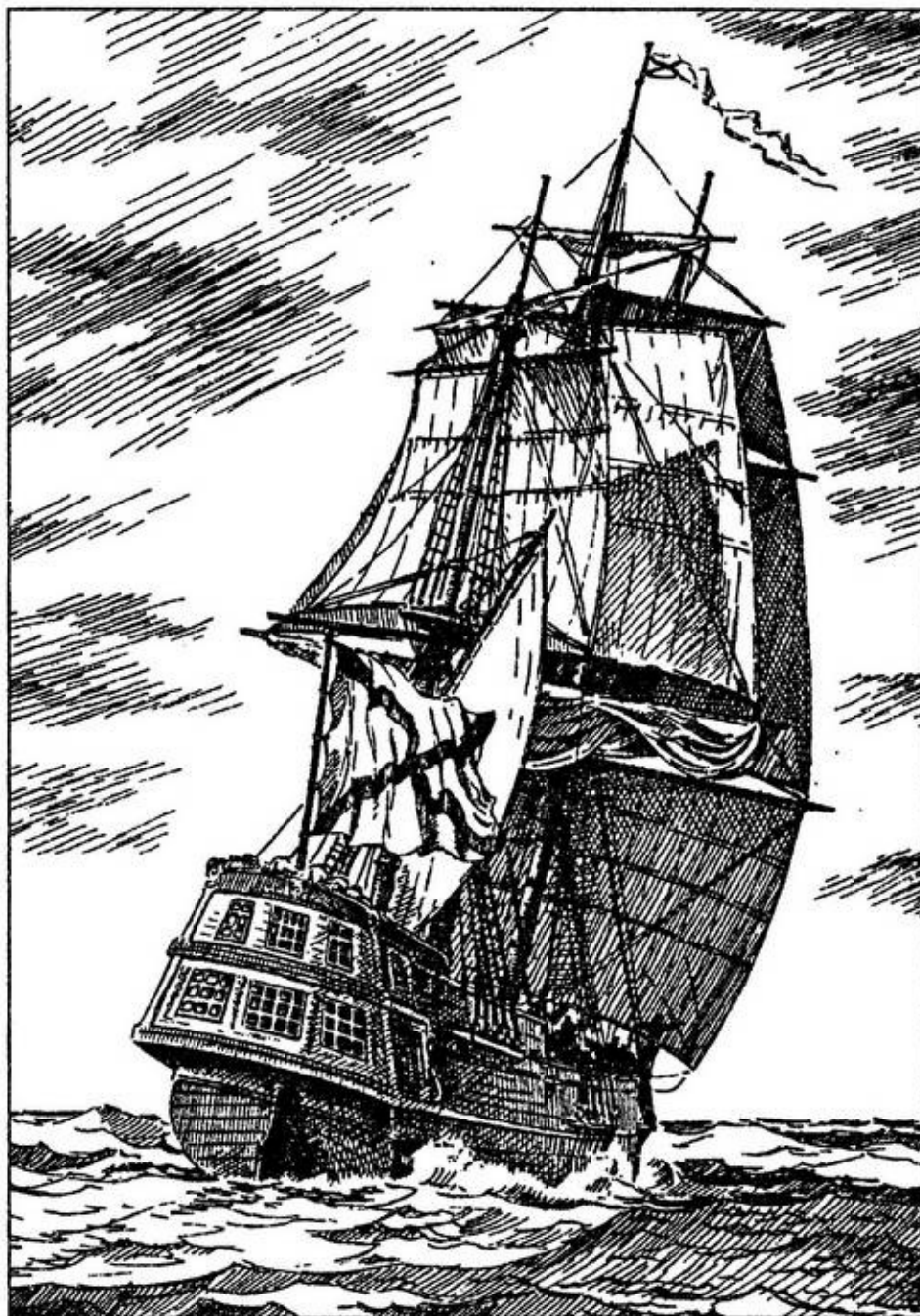
Несмотря на смерть Петра I, русские войска не ушли с южного побережья Каспия. Алексашка Меншиков, правивший от имени Екатерины I, приказал генерал-лейтенанту Матюшкину вновь двинуться в Персию. В 1725 г. русские войска заняли Астрабад и Торку. После этого шах был вынужден ратифицировать договор 1723 года.

В 1733—1734 гг. русские войска были введены в Речь Посполитую в связи с попыткой Станислава Лещинского овладеть польским престолом. Оттоманская империя сама претендовала на польские земли и начала подготовку к войне с Россией. Правительство Анны Иоанновны решило вступить в союз с Персией против Турции.

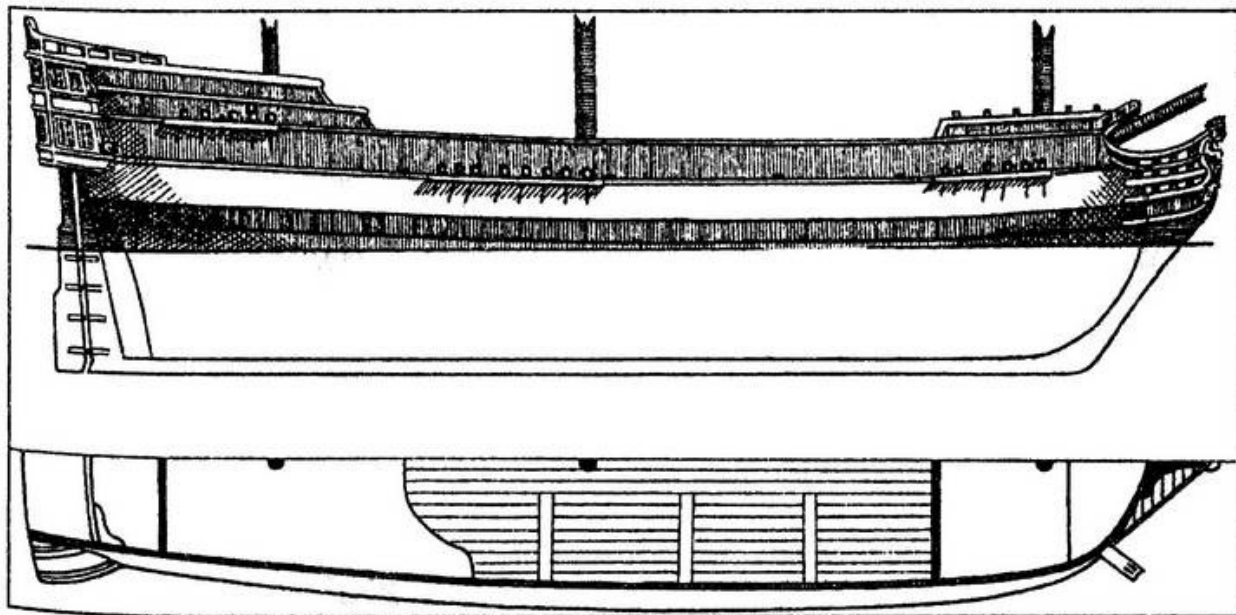
Персы к этому времени находились в состоянии войны с Турцией. Русское правительство ради войны с турками решило пожертвовать прикаспийскими землями. Русский посол князь С.Д. Голицын 16 декабря 1734 г. объявил Тахмасу Кули-Хану, что императрица Анна Иоанновна, «имея полную надежду на скорое очищение Персии от неприятелей, согласна... возвратить ему остававшиеся в русском владении персидские города под тем условием, что города эти никогда не будут отданы в неприятельские руки... Кулы-хан так обрадовался, что изменился в лице и объявил, что готов все сделать, чтоб отблагодарить императрицу, за такую милость пусть императрица располагает им как своим последним слугою, и, обратясь к стороне Генжи, крикнул: "Горе вам! Не только вы все, но и сам ваш султан погибнет от персидской сабли, если бог продолжит мою жизнь"»^[44].

В 1735—1739 гг. русские войска оставили южное побережье Каспия, а также Баку и Дербент.

Персидский поход был последним и далеко не самым удачным походом Петра Великого. Баку, Дербент, Энзели и Решт могли быть заняты небольшими десантными отрядами, что позже и произошло. Однако удержать территории на юге Каспийского моря было крайне сложно, поэтому решение, принятое Анной Иоанновной, можно считать единственно верным.

Гекбот «Астрахань» (1723 г.) Рис. А. Карелова

Чертеж и план верхней палубы гекбота «Астрахань»

Следствием персидского похода Петра стало создание регулярного флота на Каспии. В ноябре 1722 г. царь издал указ об учреждении в Астрахани военного порта. Замечу, что ряд историков утверждают, что этим же указом Петр основал там и Адмиралтейство. На самом же деле в Астрахани в 1722 г. была построена верфь, а Адмиралтейство по-прежнему находилось в Казани. И только в 1827 г. его перенесли в Астрахань.

Позже ноябрь 1722 года был официально объявлен временем основания Каспийской военной флотилии и отмечается до сих пор.

К 1730 г. в составе флотилии было 21 судно (гекботы, гукоры и т.д.), а в «добавку ж 9 оных имеются на мели», 6 ботов больших, 30 ботов ординарных. На тех судах «обреталось» 1047 морских служителей. А на верфи числилось 186 мастеров и рабочих.

Глава 8

КАК АНГЛИЧАН И ПЕРСОВ ВЫПРОВОДИЛИ С КАСПИЯ

К 1730 г. британская торговля с Персией процветала, несмотря на периодические обострения отношений в связи с территориальными претензиями персидских шахов на афганские и индийские территории. «Просвещенным мореплавателям» была разрешена покупка шелка-сырца, а также ввоз в Персию британских промышленных товаров и сукна.

Главным торговым портом англичан был Бендер-Аббас (бывший Гомбрун), расположенный у самого входа в Персидский залив. Однако в 1761 г. англичане его закрыли «ввиду его нездорового климата». С 1763 г. главным английским портом стал Бендер-Бушир. Особую роль в этом сыграл временный перенос персидской столицы в Шираз в 180 верстах северо-восточнее Бушира.

В начале царствования Анны Иоанновны британский купец и дипломат Джон Эльтон предложил русским властям совместно получать прибыль от торговли с Персией при официальном представительстве Англии: «Британским купцам необходимо должно также учредить дом в Мешхеде с отделением в Реште. Главе дома следует присвоить звание королевского консула и агента компании. Такое звание главы торгового дома придаст ему большой вес в глазах персов и прочно поставит дело предпринимателей, и тем более необходимо, что бы Ост-Индская компания держала агента в Исфагане, Россия в настоящее время имеет консула в Реште»^[45].

В 1734 г. русское правительство дало разрешение англичанам торговать с Персией, плавая по Волге к Каспийскому морю.

В 1737 г. в Оренбурге появился английский капитан Джон Элтон, где стал заниматься «астрономией». Там «просвещенный мореплаватель» завел дружбу с астраханским губернатором Василием Татищевым и в 1742 г. отправился на Каспий сделать какие-то губернаторские гешефты. Позже Татищев оправдывался: «...якобы я с английским капитаном Элтоном, который в Персии, общий торг имею»^[46]. За Элтона и другие хищения Татищев был снят с должности губернатора и отдан под суд.

Ну а капитан Элтон вместе с другим англичанином — Воордоорфом

— в 1742—1744 гг. проплыл вдоль берегов Каспия и произвел картографические съемки. Мало того, он предложил персидскому шаху Надиру (1736—1747) строить на Каспии корабли «европейского маниру». Шах радостно согласился, и Элтону удалось построить два военных корабля.

Императрица Елизавета Петровна была крайне возмущена деятельностью англичан на Каспии. 24 апреля 1746 г. «при докладе об иностранных делах она рассуждала, что английские купцы действуют в Персии так, что для России могут быть от этого дурные следствия, что они там уже построили два корабля и еще строить хотят, а для России было бы очень вредно, если бы у персиян заведен был флот. Англичанам позволено торговать с Персиею через Россию; но от этой торговли велика прибыль только англичанам, а здешней империи, особенно купцам и фабрикантам, помешательство и убытки происходят; очень жаль, что такое позволение дано, и всеми мерами надобно эту английскую торговлю прекратить. Канцлер [А.П. Бестужев] отвечал, что такие известия и в коллегии Иностранных дел получены, что один военный корабль в Персии построен, а другой заложен и что в этом один из англичан, недобрый человек, именем Элтон, упражняется, а беглые из России разбойники помогают; от коллегии английскому двору сделаны представления, чтоб этот Элтон вызван был из Персии, и объявлено, что если он вызван не будет, то и торговля англичан с Персией вся пресечена будет. От английской компании к этому Элтону писано, чтоб выехал из Персии, за что обещана ему погодная пенсия по смерти до 2000 рублей; но он, несмотря на то, оттуда не едет, а иначе поступить с ним английскому двору нельзя, ибо известно, что английский народ вольный»^[47].

Торгующие с Персией англичане держали на Каспии два собственных корабля. Однако англичане погрузили на них большое число парусов и такелажа, купленных в России. Понятно, что это все предназначалось для строительства персидских военных судов. Замечу, что Россия со времен царя Алексея Михайловича и, по крайней мере, до 1917 г. не допускала строительства персидских военных судов на Каспии.

Посему императрица Елизавета Петровна приказала: английские суда в Астрахани задержать. Ходить в Персию им было запрещено, англичанам предложили возить в Персию свои товары на русских судах, а свои суда продать русским купцам.

Елизавета изволила заметить: «...так как эта коммерция для здешней империи не только не полезна, но и опасна быть видится, то о поправлении этого дела надобно прилагать старания, а лучше эту коммерцию отклонить

и вовсе прекратить».

В августе 1746 г. этот вопрос вновь встал, так как было получено известие, что один персидский корабль с пушками, уже достроенный и оснащенный, подошел к Дербенту и потребовал от русских судов салютовать ему, «а командир и его команда били и другие озлобления делали русским купцам». Елизавета попеняла Бестужеву, что все это происходит из-за того, что англичанам разрешено торговать с Персией через Россию, а когда у персиян появится морской флот, станет еще хуже. «И потому английскую коммерцию в Персию теперь непременно пресечь и английскому послу о том объявить; а каким бы образом это заведенное у персиян строение судов вовсе искоренить, о том в Сенате вместе с коллегиею Иностранных дел советоваться и меры без упущения времени принимать»^[48].

20 июня 1747 г в военном лагере под Хабушаном (Харосаном) заговорщики ночью прокрались в опочивальню Надир-шаха и закололи его кинжалами. Бестужев, докладывая императрице о смерти шаха, предложил послать в Гилян русские войска «на помощь персиянам против турок в случае внезапного нападения последних»^[49]. Канцлер повторил свое прежнее предложение «о сожжении построенных в Персии кораблей и о захвачении Элтона».

21 августа Елизавета приказала пригласить в коллегию Иностранных дел для обсуждения персидских дел и разработки плана действий генерала графа Румянцева, генерал-прокурора князя Трубецкого, генерала Бутурлина, адмирала Апраксина и тайного советника барона Черкасова.

27 августа этот совет постановил: «1) удостовериться в смерти шаха Надира;... 5) отправить нынешней же осенью как можно скорее к гилянским берегам до 1000 четвертей пшеничной муки для продажи тамошним жителям на деньги или для мены на шелк; 6) воспользоваться смутю в Персии и смертью шаха для искоренения корабельного строения, заведенного Элтоном: для этого предписать находящемуся в Гиляни резидентом Черкасову подкупить из бунтовщиков или других персиян, чтоб сожгли все корабли, построенные или еще строящиеся, сжечь также заведенное там адмиралтейство, анбары, парусные и прочие фабрики и инструменты, что можно будет, то бы все сожгли, а иное разорили б до основания, к чему хотя несколько их разных людей уговорить, чтоб они это сожжение как можно скорее сделали, и за то им хотя бы и знатную сумму из казенных денег выдать. Если б это не удалось, можно тем командирам, которые на судах с продажным хлебом к гилянским берегам будут

отправлены, поручить, чтоб они как на походе в море, так и в бытность при берегах всегда примечали и, где им персидские корабли попадутся, всячески старались если возможно, скрытно, а по нужде хотя и явно зажечь и таким образом сделать, чтоб они вовсе пропали; также командиры приложили бы старание, будучи там на малых судах, тайно или под видом разбойников съездить в Ленгерут и случая искать находящиеся там корабли и всякое адмиралтейское строение сжечь и до основания разорить. Равномерно и о том стараться, чтоб заводчика этого корабельного строения Элтона оттуда достать, или уговорить, или тайно схватить, или у персиян за деньги выпросить и немедленно в Астрахань отослать»^[50].

Императрица одобрила этот доклад, подписанный графом Алексеем Бестужевым.

Финал британской авантюры со строительством персидского флота на Каспии состоялся в октябре 1752 г. Канцлер Бестужев доложил императрице о награждении морских офицеров и служителей, которые в 1751 г. из Астрахани были посланы к персидским берегам и там тайно сожгли два корабля, построенные Элтоном. Елизавета велела каждого повысить на один чин и раздать им три тысячи рублей. Куда делся сам Элтон, установить не удалось.

В 1800 г. в Тегеран (с 1786 г. столица Персии) прибыл с секретной миссией капитан Джон Малькольм. В январе 1801 г. он от имени британской короны подписал договор с шахом. Персы обещали начать войну с Афганистаном, если его правитель совершит нападение на Индию, и впредь не пропускать французов в Персию. В договоре также говорилось, что если французская армия высадится в зоне Персидского залива, то «оба договаривающихся государства будут действовать совместно, чтобы изгнать и истребить французские войска».

На самом же деле сей договор был направлен против России.

Вспомним, что после блестящих побед Суворова в Италии и Ушакова в Средиземном море Англия и Австрия заняли антирусскую позицию. И это при том, что именно они втянули Россию в войну с Францией. Император Павел был взбешен. И в этот момент Первый консул Французской республики, еще формально находившийся в состоянии войны с Россией, отправляет Павлу послание с предложением союза. Император ответил консулу согласием.

Наполеон Бонапарт вернулся к своей любимой идее — походу на Индию. На сей раз уже не только с французскими, но и с русскими войсками. Но взбалмошный Павел опередил Бонапарта. 12 января 1801 г. император отправил атаману Войска Донского генералу Орлову 1-му

несколько рескриптов. В них предписывалось немедленно поднять казачьи полки и двинуть их к Оренбургу, а оттуда прямым путем в Индию, чтобы «поразить неприятеля в его сердце». Отряд Орлова насчитывал 22 507 человек при 12 пушках и 12 единорогах.

Британский кабинет зорко следил за контактами царя и Первого консула. Английский посол сэра Уитворт через свою любовницу Жеребцову (урожденную Зубову) установил связи с высокопоставленными противниками Павла.

Одной из контрмер англичан было заключение договора с Персией, а второй мерой — покушение на русского императора. В ночь на 12 марта 1801 г. Павел I был убит гвардейскими офицерами в своей спальне в Михайловском замке.

Одним из первых распоряжений нового императора Александра I была отмена индийского похода; Фельдъегерь из Петербурга догнал войска лишь 23 марта. К этому времени казаки уже прошли 700 верст и находились в Киргизских степях.

Итак, русско-персидская война в 1801 г. была предотвращена. Однако британские офицеры-инструкторы так и остались в армии шаха, продолжало поступать и оружие.

В 1805 г. персидские войска вторглись в Грузию. Шах Фатх Али-шах (1797—1834) поклялся «выгнать из Грузии, вырезать и истребить всех русских до последнего человека»^[51]. У генерала Цицианова было всего 8 тысяч человек, да и то разбросанных по всему Закавказью. А только главные силы персов — армия наследного принца Аббас-Мирзы — насчитывали 40 тысяч человек. Эта армия двинулась на Тифлис. Но на реке Аскерами персы встретили отряд полковника Карягина в составе 17-го полка и тифлисских мушкетеров. С 24 июня по 7 июля они отбивали атаки 20 тысяч персов, а потом прорвались сквозь их кольцо, перевезя по телам убитых и раненых, обе свои пушки. У Карягина было 493 человека, а после боя в строю оставалось не более 150. Отряд закрепился на татарском кладбище в урочище Карагач, откуда, страдая от жажды и отбивая атаки, совершал смелые вылазки. В ночь на 28 июня отряду Карягина внезапной атакой удалось овладеть замком Шах-Булах, где они держались десять дней до ночи на 8 июля, когда скрытно вышли оттуда, незамеченные противником. Вполне допускаю, что персов было куда меньше, чем 20 тысяч, но Карягин, безусловно, молодец.

С началом навигации 1805 г. в Астрахани была сформирована эскадра из фрегата, четырех галиотов, яхты и шкоута под командованием капитан-лейтенанта Ф.Ф. Веселаго. На суда эскадры был посажен десант под

командованием генерал-майора И. И. Завалишина (около 800 человек при трех пушках).

23 июня 1805 г. эскадра подошла к персидскому порту Энзели. Три галиота под огнем персов высадили десант. Персы, не приняв боя, бежали. Однако попытка Завалишина овладеть городом Решт провалилась, и десантный отряд был принят на суда.

Русская эскадра отправилась в Баку. После безуспешных переговоров о сдаче города был высажен десант, а суда начали бомбардировку, на которую крепость отвечала огнем своей артиллерии. Русский десант, преодолев упорное сопротивление бакинцев, овладел господствующими над крепостью высотами, на которые, за неимением лошадей, орудия пришлось втаскивать людям. Бомбардировка крепости продолжалась, при этом две мортиры разорвались, а снаряды оставшихся четырех 12-фунтовых пушек не приносили серьезных повреждений трехаршинным массивным стенам Бакинской крепости. Поэтому, когда пришло известие о приближении на помощь Баку войска кубинского хана, русский десант возвратился на суда.

Тем временем Цицианов сумел собрать войска и 28 июля 1805 г. при Загаме (в двух переходах от Елизаветполя) разбил войско Аббас-Мирзы, и персидская армия в беспорядке бежала.

Князь Цицианов приказал Завалишину вновь осадить Баку и сам двинулся к нему на помощь с 1050 пехотинцами, 332 кавказскими казаками и конными татарами при 10 орудиях. Подойдя к Баку, Цицианов потребовал у хана Бакинского Гусейн-Кули присягнуть русскому царю, в противном случае угрожая взять крепость штурмом, 8 февраля 1806 г. Гусейн-Кули согласился встретиться с Цициановым, но во время переговоров приближенные хана убили Цицианова и открыли огонь из крепости по русским. Завалишин не решился на штурм и отступил.

В сентябре 1806 г. русские войска под командованием генерала Булгакова вновь двинулись на Баку. Местный хан Гусейн-Кули бежал в Персию, а 3 ноября город сдался и присягнул русским. Бакинское, а затем и Кубинское ханства были объявлены русскими провинциями и, таким образом, к концу 1806 г. русское владычество было утверждено на всем побережье Каспийского моря до устьев Куры. К тому же времени была окончательно присоединена к Грузии (имеется в виду русская Грузия) Джаро-Белоканская область.

На место князя Цицианова был назначен граф Гудович, которому пришлось со слабыми силами вести войну на два фронта — против Персии и против Турции (с которой к тому времени началась война), и

одновременно поддерживать порядок в только что усмирённой стране.

В течение 1806 г. были заняты Куба, Баку и весь Дагестан, а персидские войска, попытавшиеся снова наступать, разбиты у Каракапета.

В 1807 г. Гудович воспользовался несогласованностью действий противников и заключил с персами перемирие. Теперь остался один противник — турки. Гудович двинул войска одновременно по трем направлениям — на Каре, Потю и Ахалкалаки, но нигде не добился успеха. Тогда турецкий Юсуф-паша с 20-тысячным войском перешел в наступление. Но Гудович успел собрать свои силы и 18 июня на реке Арпачае разбил турок.

Кампания 1808 г. была менее удачной. Гудович осадил Эривань, занятую персами, но безуспешно.

В 1809 г. главнокомандующим был назначен генерал Тормасов. В эту кампанию боевые действия велись в основном на Черноморском побережье. С персами шли безрезультатные переговоры, а турки постепенно вытеснялись из Закавказья.

В 1810 г. отряд маркиза Паулуччи разбил турок под Ахалкалаками. Русские овладели турецкой крепостью Потю, а в июле 1810 г. после бомбардировки с суши и с моря сдался Сухум.

В конце 1811 г. с турками было заключено перемирие, а в мае следующего года — Бухарестский мир. Но с Персией война продолжалась.

19 октября 1812 г. генерал Котляревский дерзкой атакой разбил персидскую армию при малой крепости Асландуз.

9 августа 1812 г. персидское войско под командованием сердара Эмирхана, при котором состояли английские инструкторы во главе с майором Гарриссом, завладело крепостью Ленкорань. (Забавно — Наполеон шел на Москву, а офицеры союзной Англии воевали в Ленкорани!)

Русское командование решило отбить Ленкорань. 17 декабря 1812 г. генерал Котляревский с двухтысячным отрядом выступил из Ах-Оглана и после тяжелого похода в стужу и метель через Муганскую степь 26 декабря подошел к Ленкорани.

В ночь на 1 января 1813 г. русские пошли на штурм крепости. С моря Ленкорань обстреливали корвет, бомбардирский корабль, люггер и шкоут Каспийской флотилии.

Как написано в «Военной энциклопедии»: «В результате оказалось почти поголовное истребление гарнизона: сам Садык-хан и более 2500 персиян пали на стенах и внутри крепости, остальные погибли в речке и в море, пленных же не было. Трофеями были: 2 знамени, 8 английских орудий и большие запасы пороха, снарядов и провианта. Но и мы потеряли

убитыми и ранеными 41 офицера и 909 нижних чинов, то есть более половины отряда, причем в некоторых частях потери достигали 75%. Извлеченный из-под груды трупов Котляровский, с вытекшим правым глазом, с раздробленной верхней челюстью и с простреленной ногой, все же остался живым и за свой беспримерный подвиг был пожалован орденом святого Георгия 2-й степени»^[52].

12 октября 1813 г. в урочище Полистан в Карабахе на реке Зейве Россия и Персия подписали трактат (Гюлистанский мир). Россия окончательно приобрела ханства Карабахское, Ганжинское, Ширванское, Шикинское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, часть Тальшского, Дагестан, Грузию, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию.

Российским и персидским подданным позволялось ездить сухим путем и морем свободно в оба государства, жить в них, кто сколько пожелает, «и купечество отправлять, также и обратный выезд иметь без всякого задержания».

Кроме того, Персия отказывалась держать военный флот на Каспийском море. «В рассуждении же военных судов, то как прежде войны, так равно во время мира и всегда российский военный флаг один существовал на Каспийском море, то в сем уважении и теперь предоставляется ему одному прежнее право с тем, что кроме российской державы никакая другая держава не может иметь на Каспийском море военного флага»^[53].

Однако Гюлистанский мир не способствовал установлению добрососедских отношений между Россией и Персией. Персы не желали мириться с потерей вассальных закавказских ханств, и пограничные инциденты случались довольно часто.

Глава 9

ТУРКМАНЧАЙСКИЙ МИР И УБИЙСТВО ГРИБОЕДОВА

Второй правитель из династии Каджаров Фахт Али шах правил страной достаточно долго, с 1794 по 1834 г., но был довольно посредственным политиком. После 1813 г. власть постепенно перешла к его второму сыну Аббас-Мирзе (1789—1833), объявленному наследником престола в обход старшего брата Магомета Али. Дело дошло до того, что британское и русское посольства располагались не в Тегеране при дворе шаха, а в Тебризе при дворе наследника.

Аббас-Мирза и первый министр Аллаяр-хан были настроены явно антироссийски. Наследник прилагал все усилия к перевооружению персидской армии и обучению ее английским уставам. Однако современники шутили, что европеизация персидской армии происходит только снаружи.

В начале 1825 г., еще при жизни императора Александра I, Персия нарушила Гюлистанский мир, заняв пограничные с Карабахом земли между реками Капанакчай и Чудур.

Главкомандующий русскими войсками на Кавказе Алексей Петрович Ермолов приказал нескольким ротам окружить небольшое пространство, отделяющее озеро Точку от окрестных гор. Этот участок земли персияне считали своей территорией.

В начале 1826 г. Николай I, желая сохранить дружеские отношения с южным соседом России, отправил к шаху и наследнику специального посланника — генерал-майора А.С. Меншикова. Царь предложил размен «взаимно-занятых земель», но и уступить часть Тальшипского ханства.

Меншиков был принят ласково, но все его курьеры к Ермолову задерживались. Тем временем персидские войска двигались к русским границам. В конце концов князь понял замысел персов и бежал из Тегерана в Тебриз, где русское посольство уже было арестовано в полном составе. Меншиков каким-то образом оказался в Эривани (Ереване), где ему удалось избежать смерти.

К этому времени персидская армия состояла из 38,5 тысячи человек регулярной пехоты, обученной английскими офицерами, 5 тысяч нерегулярной пехоты, 94 тысяч кавалерии, не считая конного корпуса

«охраной стражи» Аббаса-Мирзы. Он же сформировал и артиллерийский корпус из 42 полевых пушек и тысячи человек прислуги.

16 июля 1826 г. Аббас-Мирза, переправившись через Араке у Худоперинского моста, вступил в принадлежавшую России Карабахскую провинцию. Слабый русский отряд, состоявший из девяти рот 42-го егерского полка, четырех орудий и одного Донского казачьего полка, под началом полковника Реута, не мог остановить многочисленных сил неприятеля, оставил крепость Елизаветполь и отошел к крепости Шуше.

Между тем не только в районе Шушеной в Тальшинском, и Ширванском ханствах вспыхнули восстания мусульманского населения.

3 сентября авангард Действовавшего корпуса (3 тыс. человек, не считая иррегулярной конницы при 14 пушках) под начальством генерал-майора князя Мадатова разбил при Шамхоре 15-тысячную армию персов и 5 сентября занял Елизаветполь.

Известия о вторжении персов были получены Николаем I в Москве во время празднеств в честь его коронации. Царь сделал вид, что разгневан неподготовленностью русских войск к войне по вине Ермолова. На самом деле император подозревал кавказского героя в связях с декабристами и, замечу, не без оснований. Помимо всего, Ермолов, узнав о кончине Александра I, немедленно привел войска к присяге Константину, а вот получив манифест о восшествии на престол Николая I, тянул с присягой три дня. Тем не менее отправить сразу в отставку знаменитого полководца, героя Наполеоновских войн, главнокомандующего русскими войсками на Кавказе с 1816 г. Николай не рискнул. Он отправил на Кавказ своего любимца генерал-адъютанта Н.Ф. Паскевича с издевательским письмом к Ермолову. Там говорилось: «...в случае нездоровья или другого непредвидимого препятствия вверить ему [Паскевичу] командование корпусом, как старшему, после Вас [то есть Ермолова]».

Поручив Паскевичу командование войсками, Ермолов подал прошение об отставке, мотивируя ее тем, что «не имел счастья заслужить доверенность» государя, он понимает хорошо, как должна беспокоить его, государя, мысль, что «при теперешних обстоятельствах дела здешнего края поручены человеку, не имеющему ни довольно способности, ни деятельности, ни доброй воли».

27 марта 1827 г. Ермолов был уволен от должности и поселился в Москве.

К началу сентября 1826 г. основные силы персидской армии подошли к Елизаветполю. 13 сентября генерал Паскевич атаковал их и наголову разбил. Против 35 тысяч персов (из них 15 тысяч регулярной пехоты) при

24 орудиях у русских было 10 319 бойцов, тоже при 24 орудиях. Потери персов составили 2000 человек убитыми, а 1019 человек с четырьмя знаменами и двумя орудиями попали в плен. Остальные разбежались. Русские потеряли 295 человек.

Аббас-Мирза поспешил удалиться за Араке только с одной артиллерией, а его пехота и конница рассеялись по горам.

Сражение под Елизаветполем решило исход кампании. Крепость Шуша после 47-дневной обороны была деблокирована, а в октябре 1826 г. вся территория империи очищена от персов.

В мае 1827 г. Паскевич стянул войска к Эчмиадзину и в июне выступил оттуда на город Аббас-Абад, выслав 20-ю дивизию генерала Красовского блокировать Эривань.

Аббас-Абад был взят 7 июля, но под Эриванью дела складывались хуже некуда. Солдат и офицеров 20-й дивизии косила лихорадка, и в строю оставалось не более 4000 человек. Красовский снял осаду и отвел дивизию на Ашатаракские высоты. Аббас-Мирза с тридцатитысячным войском двинулся за ним. Он не решился атаковать сильную русскую позицию в лоб, обошел ее и стал между Красовским и Эчми-адзином. Тогда Красовский 16 августа пошел в атаку на Аббас-Мирзу, с огромными потерями пробился сквозь его войско и прикрыл Эчми-адзин. Русские потеряли при этом 24 офицеров и 1130 нижних чинов. Это были самые большие потери за все войны с Персией.

Обеспечив войска провиантом, Паскевич приступил к решительным действиям. 19 сентября 1827 г. он взял сильно укрепленный Сердар Аббас, 23 сентября подошел к Эривани и 1 октября штурмом овладел ей. Трофеи составили 48 орудий и 4 знамени. В плен взято около 3 тысяч человек, среди которых и комендант крепости Гуссан-хан.

Местность вокруг Сердар Аббаса не позволяла обложить крепость со всех сторон. Тогда Паскевич подверг ее сильной бомбардировке, вынудившей остатки гарнизона бежать. Из полуторатысячного гарнизона 650 персов были перебиты и 100 взяты в плен. Русским достались 14 орудий.

За всю осаду русские потеряли не более 100 человек. За отличие при штурме Эривани 7-й карабинерский полк стал называться Эриванским, а Паскевич был возведен в графское достоинство и награжден орденом святого Георгия 2-й степени.

Взятие Эривани нанесло Персии окончательный удар. В октябре 1827 г. русским покорилась вся ее северо-западная часть. 14 октября был взят Тавриз (Тебриз), и 21 октября персы запросили мира.

Мирные переговоры длились около четырех месяцев, и 10 февраля 1828 г. в Туркманчае ровно в полночь был подписан мир. Этот момент предложил персидский астролог, как наиболее благоприятный для прочного мира. И астролог не ошибся — с тех пор Россия больше не воевала с Персией.

По Туркманчайскому миру Персия уступала России ханства Нахичеванское и Эриванское и выплачивала 20 миллионов рублей контрибуции, а также закреплялась статья Гюлистанского договора о запрещении Персии держать военные суда на Каспии.

Стоит обратить внимание на вроде бы незначительные детали договора, поскольку они будут иметь далее принципиальное значение.

Так, статья XIII гласила: «Все военнопленные обеих сторон, взятые в продолжение последней войны или прежде, а равно подданные обоих правительств, взаимно впадшие когда-либо в плен, должны быть освобождены и возвращены в течение четырех месяцев... Обе державы предоставляют себе точное и неограниченное право требовать таковых во всякое время и обязуются возвращать их взаимно по мере того, как они будут оказываться или когда поступят о них требования».

Однако в статье XIV говорилось: «Ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет требовать выдачи переметчиков и дезертиров, перешедших в подданство другой до начатия последней войны или во время оной»^[54].

Туркманчайский договор подписали генерал-адъютант Иван Паскевич и действительный статский советник Александр Обресков, а с персидской стороны — принц Аббас-Мирза.

Значительную роль в заключении договора сыграл Александр Сергеевич Грибоедов. Некоторые исследователи утверждают, что Туркманчайский договор был написан именно им.

В 1806—1812 гг. Грибоедов последовательно заканчивает три факультета Московского университета — словесности, юридический и физико-математический.

В 1812 г. Грибоедов пошел добровольцем в гусары. В марте 1816 г. он вышел в отставку, а в следующем году был зачислен в Коллегию иностранных дел.

На Кавказ Грибоедов попал из-за скандальной истории. Не надо доказывать, что балерины Санкт-Петербурга вели пуританский образ жизни. Но семнадцатилетняя Авдотья Истомина явно преуспевала на поприще Венеры.

Свыше года балерина жила у штабс-ротмистра Шереметева. Когда

ротмистр был в отъезде, наш Александр Сергеевич увез ее после спектакля к себе домой, точнее, в квартиру, где он жил вместе с приятелем графом Завадовским. В итоге балерина провела с графом двое суток. Взбешенный Шереметев вызвал Завадовского на дуэль. Но, поскольку ротмистр считал виновником инцидента Александра Сергеевича, то после дуэли Шереметева с Завадовским должна была состояться дуэль их секундантов — Якубовича и Грибоедова.

На дуэле 12 ноября 1818 г. на Волковом поле первым стрелял Шереметев. Его пуля только задела сюртук Завадовского, который ответным выстрелом тяжело ранил соперника в живот, и на следующий день тот скончался. Якубович, как и положено секунданту, немедленно повез раненого домой, так что вторая дуэль не состоялась.

Дуэли были запрещены под страхом сурового наказания, но Николай I реагировал на них исключительно из собственных симпатий и антипатий. Завадовский был выслан за границу, а Якубович — на Кавказ.

Грибоедов формально был прощен императором, но оказался в крайне неудобном положении. Министр иностранных дел граф Нессельроде предложил Александру Сергеевичу на выбор миссию в Филадельфии (Соединенные Штаты) или в Персии. И вот 4 марта 1819 г. Грибоедов покидает Петербург и едет в Персию.

Как уже говорилось, русская миссия (посольство) находилась в городе Тебризе при дворе принца Аббаса-Мирзы. Главой посольства (поверенным в делах) был Семен (Симон) Иванович Смилоевич-Мазарович, а Грибоедова назначили к нему секретарем.

Онний Мазарович родился в Венеции. В Россию прибыл в качестве врача в 1807 г. В 1817 г. он продолжал числиться врачом, а в 1818 г. был назначен русским поверенным в делах в Персии. Любопытно, что русское подданство Симон принял лишь в 1836 г. Лихо иноземцы делали карьеру в ведомстве Нессельроде!

Поначалу Грибоедов был доволен Мазаровичем. Александр Сергеевич писал в 1818 г. своему шефу: «Факт тот, что с тех пор, как я принадлежу вам в качестве секретаря, я не нахожу, чтобы зависимость бедного канцелярского чиновника была так ужасна, как я себе представлял. Это чистый вздор....»

«Мазарович покуда очень мил, много о нас заботится и уважителен и весел», — помечает Грибоедов в январе 1819 г. в путевых записках.

Но уже в 1822 г. Н.Н. Муравьев в своих записках писал: «Грибоедов ходил к Аббас-Мирзе и объяснил ему сие, говоря: что государь не требует союзников, но дает только ему знать о сем. Аббас-Мирза, обрадованный

сим случаем, обещался выставить 50 тысяч воинов и идти на турок, что он и сделал. На другой день Мазарович, увидевшись с ним в саду, стал ему о том же говорить; но вместо того, чтобы соблюсти осторожность, он просил Аббас-Мирзу быть союзником нашим, и в знак благодарности, когда тот объявил свое согласие, схватил у него руку и поцеловал ее. Вот поступок, достойный иностранца, наемщика в нашей службе!»^[55]

Конфликт Грибоедова с главой посольства стал причиной перевода поэта в феврале 1822 г. из Тебриза в Тифлис в подчинение главнокомандующему русскими войсками Ермолову, секретарем по части иностранных дел.

В январе 1826 г. Грибоедов был арестован по делу о заговоре декабристов. Александра Сергеевича привезли в Петербург и посадили на гауптвахту Главного штаба. Содержался он достаточно вольно: общался с друзьями и даже гулял по городу. Вскоре Грибоедова признали непричастным к тайному обществу. Николай I написал на деле: «Выпустить с очистительным аттестатом» и приказал произвести в надворные советники, выдав годовое жалование «не в зачет».

Как уже говорилось, Александр Сергеевич принимал самое активное участие в переговорах Паскевича с персами. В донесении царю о заключении Туркманчайского мира Паскевич отметил заслуги Грибоедова: «Я осмеливаюсь рекомендовать его, как человека, который был для меня по политическим делам весьма полезен».

Не случайно, что именно Грибоедов был отправлен в Петербург с текстом подписанного в Туркманчае мирного договора.

Поэта принял сам император и полчаса разговаривал с ним. На высочайшей аудиенции было объявлено, что Паскевич получил титул графа Эриванского и миллион рублей, а Грибоедов — чин статского советника, орден Св. Анны 2-й степени и четыре тысячи червонцев. Замечу, в империи чин V класса статского советника соответствовал должности вице-директора департамента, вице-губернатора, а в армии — генерал-майора.

14 апреля 1828 г. Николай I подписывает Манифест о войне с Турцией. Грибоедов назначается полномочным министром (послом) в Персию. (Мазарович уехал из Тебриза еще в 1826 г.) Перед отъездом Александр Сергеевич предложил Нессельроде отсрочить выплату шахом остатков контрибуции, но получил категорический отказ.

Поэт предчувствует свою гибель и, приехав в Тифлис, всячески тянет время. 22 августа 1828 г. в Сионском соборе Тифлиса происходит венчание Александра Сергеевича с пятнадцатилетней Нино Чавчавадзе, дочерью генерал-майора Александра Чавчавадзе. А уже в сентябре молодые

отправляются в Тебриз. 6 октября чета Грибоедовых прибыла на место.

9 октября 1828 г. под грохот артиллерийского салюта принц Аббас-Мирза принял из рук Грибоедова ратифицированный императором Туркманчайский трактат.

Грибоедов исправно выбивал из персов контрибуцию. Мало того, Александр Сергеевич потребовал выдать русских дезертиров, из которых персы сформировали «Русский батальон». Ряд отечественных авторов ошибочно считают, что этого «требовал Туркманчайский трактат». Но мы уже знаем, что выдаче подлежали только военнопленные (статья XIII), а никак не дезертиры (статья XIV). Так что это была самодеятельность Александра Сергеевича. Мне возразят: может, на этот счет было указание Нессельроде? Так не грех было бы и «накапать» императору на начальника, подстрекавшего подчиненного к нарушению трактата, да еще в условиях войны с Турцией.

9 декабря 1828 г. Грибоедов выехал в Тегеран. С ним отправились первый и второй секретари посольства Мальцев и Аделунг, камердинер Грибов, Рустам-бек, обеспечивавший хозяйственные нужды миссии с помощью тридцати слуг, конвой из шестнадцати кубанских казаков, а также представитель персидской стороны Назар Али-хан с его шестью стражниками.

29 декабря миссия прибыла в Тегеран, где Грибоедов планировал оставаться не более недели. Ему отвели просторный дом, принадлежавший начальнику фальконетной артиллерии Мухаммед-хану Зембуракчи-баши, в южной части города, поблизости от ворот Дарвазе, рядом со столичной резиденцией англичан. Восемьдесят человек почетного караула и пятнадцать феррашей-посыльных всюду сопровождали Грибоедова.

Александра Сергеевича несколько раз принял шах Фатх-Али. На второй аудиенции Грибоедов вручил шаху копию договора и список дезертиров, подлежащих выщачи. Шах молчал, посол тоже. Фатх-Али долго терпел, а потом сказал: «Отпускаю». Грибоедов обиделся и в следующем письме назвал Фатха-Али шахом, а не как положено — шахиншахом.

Лично мне непонятно, зачем нужно было ехать в Тегеран к шаху, хотя уже много лет все знали, что все дела в Персии вершит Аббас-Мирза. Единственным разумным аргументом, объясняющим визит в Тегеран, было бы хотя бы косвенное участие русского посла в заговоре против принца. Но, увы, таких данных у меня нет.

К Грибоедову в дом явился евнух шахского гарема, казначей и главный хранитель драгоценных камней шаха армянин мирза Якуб Маркарян и попросил помочь ему уехать на родину. Кроме того, в посольстве укрылись

две жены из гарема Алаяр-хана, зятя шаха и его министра. Одна из них была по национальности армянка, а другая немка. Обе насильно были вывезены из русских пределов.

Формально и Маркарян, и обе женщины попадали под действие статьи XIII, и Грибоедов должен был отправить их в Россию.

Но русский посол обязан был уважать и восточный менталитет. Евнух и жены являлись полной собственностью их господина, а персам, подписывавшим Туркманчайский трактат, и в голову не пришло, что под статью XIII могут попасть их жены и евнухи. Ну а, кроме того, Якуб Маркарян знал слишком много тайн шахского двора.

Таким образом, Грибоедов во многом сам спровоцировал народное возмущение. Хотя, разумеется, дело не обошлось и без влияния английских дипломатов. Шах вполне мог обеспечить безопасность русских, но с умыслом не сделал этого.

30 января 1829 г. разгневанная толпа предприняла штурм дома, где находилось русское посольство. Всего было убито 37 русских. Труп Грибоедова оказался столь изуродован, что его опознали лишь по шраму на руке. Нападавшие потеряли, по русским источникам, от 19 до 80 человек.

Тело русского посла отправили на родину и, согласно его завещанию, 18 июня 1829 г. предали земле близ церкви Св. Давида в Тифлисе. Николай I назначил вдове единовременное пособие в 30 тысяч рублей ассигнациями и пенсию 5 тысяч рублей в год. Больше Нино не вышла замуж и умерла в 1857 г. от холеры.

Шах отправил в Петербург с извинениями одного из своих младших сыновей — Хосров-Мирзу. Тот преподнес Николаю I подарок — один из крупнейших в мире алмазов, а также передал, что виноватые строго наказаны: муджтехид Мирза-Масих выслан, а Аллаяр-хан бит палками по пяткам. На аудиенции император уменьшил контрибуцию на два миллиона рублей, но когда Хосров-Мирза заговорил о территориальных уступках, Николай возразил: «Благодарите Бога, что моими войсками предводительствовал не Ермолов, они были бы непременно в Тегеране».

Ряд отечественных исследователей считают, что царь ненавидел Грибоедова за связи с декабристами и был рад его гибели, или даже специально послал поэта на смерть. Подобные предположения достаточно спорны. Очевидно лишь одно — Грибоедов оказался пешкой в политической игре Николая I, персидских сановников и британских дипломатов.

Глава 10

НЕФТЬ, КОРАБЛИ И ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ

В Крымскую войну 1853—1855 гг. Россия осталась без союзников. Эта фраза стала аксиомой для отечественных историков. Увы, мало кто знает, что нашим союзником тогда была Персия.

До 1747 г. персидские шахи владели территорией Афганистана и с тех пор не оставляли мысли вернуть ее назад.

В 1837 г. Мохаммед шах Каджар (1834—1848) осадил Герат, но из-за ультиматума Англии осенью 1838 г. был вынужден снять осаду.

В начале 1856 г. Наср ад-Дин шах (1848—1896) решил ввязаться в феодальную распрю в Афганистане между Дост-Мохаммед-ханом и Мохаммед Юсуфом, вновь осадил и на сей раз захватил Герат.

Англия немедленно объявила войну Персии, оккупировала ряд пунктов персидского залива (Мохаммеру, Бушир), направила свою флотилию вверх по Каруну до Ахваза и таким образом перерезала все южноперсидские торговые пути. По Парижскому договору 1857 г. Персия обязалась эвакуировать территорию Афганистана (к которой был отнесен и Герат) и признала его полную независимость. Кроме того, персидское правительство согласилось в случае каких-либо столкновений с афганцами обращаться к Англии.

Можно лишь удивляться глупости наших дипломатов и военных, которые не помогли шаху оружием и войсками. Выход персидских и русских войск к границам Индии мог ускорить большое восстание сипаев, которое, как известно, началось в 1857 г.

С 60-х гг. XIX века Персия становится ареной англо-русского соперничества. В 1863 г. шах предоставил Англии концессию на телеграфную линию от Занекина на персидско-турецкой границе через Тегеран до Бендер-Бушира на берегу Персидского залива. От этого пункта был проложен подводный кабель в Индию. В 1867 г. английское правительство получило согласие России и Пруссии на сооружение через их территории телеграфной линии в Индию. В 1870 г. англичане получили от шаха концессию на продолжение этой линии индоевропейского телеграфа от русской границы по персидской территории. Несмотря на то что телеграфная линия сооружалась в Персии английской компанией за

счет персидской казны, эксплуатация телеграфа была предоставлена компании, то есть англичанам. Телеграфные конторы пользовались в Персии правом экстерриториальности. Охрана телеграфных линий, особенно в кочевых районах Южной Персии, давала возможность английскому правительству и его колониальным властям в Индии находить предлоги для вмешательства в дела Персии, что усиливало позиции Англии в этой стране.

Россия также проявила большую заинтересованность в персидских делах. Как уже говорилось, торговля с персами велась с древнейших времен. А вот несколько примеров из XIX столетия. В 1832 г. шуйский купец Степан Посылин ввез в Тавриз на 900 тыс. рублей ситцев, миткаля и сахара. Однако общий русский баланс оставался пассивным. Так, в 1834 г. всего было ввезено товаров в Персию из России на 2 млн. рублей, а вывезено приблизительно на 5 млн. рублей.

Сильно вредила русской торговле конкуренция со стороны англичан. Последние, помимо использования старинной караванной дороги Трапезунд — Тавриз, широко пользовались транзитом товаров через Закавказье, на которое долго не распространялся русский протекционный тариф 1827 г. Ежегодно из Трапезунда отправлялось в Персию товаров на 5 млн. рублей.

В 1872 г. британский олигарх Ю. Рейтер (владелец всемирно известного телеграфного агентства, носящего его имя) обратился к персидскому правительству с просьбой предоставить ему концессию небывалого объема, и тогда Рейтер занял бы монопольное положение в важнейших отраслях экономики страны. Первый министр (садразам) мирза Хусейн-хан активно содействовал Рейтеру, а Хусейн-хану помогал персидский посланник в Англии Муксин-хан. До сих пор в деле с выдачей концессией Рейтеру осталось много белых пятен. Русские дипломаты располагали сведениями, что англичане выплатили Хусейн-хану 60 тыс. туманов, а Муксин-хану — 30 тысяч. Еще два персидских сановника получили более скромные взятки — по 4 тыс. туманов. Важную роль сыграли и поддержка английского правительства, и его миссии в Тегеране.

Персидское правительство, согласно договору, разрешило британскому олигарху Рейтеру основать в Лондоне компанию для осуществления на территории Персии «общественно-полезных работ, являющихся целью данной концессии». Этой компании предоставлялось на 70 лет «исключительное» право на сооружение железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива, а также таких веток от этой дороги, какие сам концессионер сочтет необходимыми, включая соединение с железными

дорогами других стран «в сторону Европы или Индии». Это условие договора предоставляло Рейтеру практически полную монополию на строительство железных дорог в Персии.

Но этим не исчерпывались привилегии концессии. Рейтеру и его возможным компаньонам на 70 лет предоставлялось «полное и исключительное» право эксплуатировать на всей территории Персии каменноугольные шахты, железорудные, медные, свинцовые и нефтяные разработки, а также «все прочие шахты по их [концессионеров] усмотрению». Персидское же правительство должно было ежегодно получать 20 % чистого дохода от железных дорог концессионера и 15% от его шахт и рудников.

Еще Рейтеру предоставлялось «исключительное право» на проведение на всей территории Персии оросительных работ, включая «изменение течения рек, строительство плотин, рытье колодцев, каналов и водоемов. А в результате концессионер получал право свободно распоряжаться всеми землями, которые после подведения к ним воды станут пригодными для земледелия. Он же и устанавливал, но с согласия персидского правительства, "продажную цену воды". Российский МИД по поводу этой статьи договора констатировал: "Вопросы ирригации являются, как известно, жизненно важными на Востоке. Власть, передаваемая таким образом в руки английских капиталистов, неизбежно будет огромной"»^[56].

Также Рейтеру предоставлялось «исключительное и полное право» на эксплуатацию всех государственных лесов Персии. А персидское правительство гарантировало Рейтеру на весь вложенный им капитал годовой доход в размере 5 % плюс 2 % на амортизацию, что обеспечивалось доходами от шахт, вод, лесов и таможен Персии. Гарантия эта вступала в силу после завершения Рейтером строительства железной дороги от Решта на берегу Каспия до Исфахана. Для обеспечения концессионеру необходимых для такой гарантии доходов ему на правах аренды сроком на 25 лет предоставлялось управление всеми персидскими таможнями.

Если же персидское правительство пожелало выдать кому-либо привилегию на учреждение банка, то Рейтер имел бы предпочтительное право на ее приобретение перед всеми другими соискателями. Такое же предпочтительное право ему предоставлялось на предприятия по снабжению газом, мощению улиц, благоустройству Тегерана, на дорожные работы, устройство почты, телеграфа, мельниц, фабрик и заводов.

Этот чудовищно кабальный договор был подписан 25 июля 1872 г. и ратифицирован шахом. Однако персидское правительство, прекрасно

понимая всю одиозность сего договора, долго держало его в секрете. Ведь если бы концессия Рейтера была реализована, то Персия превратилась бы в настоящую колонию Англии, и вся экономика страны попала бы в руки английского капитала.

Концессия вызвала недовольство среди персов и возмущение в Петербурге. Весной 1873 г. шах Наср ад-Дин отправился в путешествие по Европе и в мае прибыл в Петербург. Канцлер Горчаков при встрече заявил шаху, что русское правительство «очень поразил» ратифицированный им концессионный договор, который сильно скомпрометировал шаха и уронил его достоинство в глазах русского правительства. Горчаков дал понять Наср ад-Дину, что в случае сохранения концессионного договора в силе у Персии возникнут осложнения в отношениях с Россией.

Шах был сильно напуган и обещал Горчакову расторгнуть договор с Рейтером, что и сделал, воспользовавшись тем, что Рейтер не успел развернуть железнодорожное строительство в установленный контрактом 15-месячный срок. За это время Рейтер только соорудил земляную насыпь длиной около 2 км, однако организовал торжественную церемонию открытия работ, на которую ни шах, ни другие представители персидского правительства демонстративно не явились.

23 октября 1873 г. мирза Хусейн-хан по приказу шаха известил Рейтера о расторжении концессии, а 28 октября об этом было объявлено всему персидскому народу через многотиражную газету «Иран». Наср ад-Дин поспешил сообщить русскому посланнику, что он отказался перенести срок начала работ: «Рейтер не выполнил обещания, я аннулирую контракт и прошу телеграфировать князю Горчакову, что я выполнил свое обещание и надеюсь, что он со своей стороны будет содействовать поддержанию дружбы и хороших отношений между Россией и Персией»^[57].

Теперь русское правительство попыталось взять в свои руки строительство железных дорог в Персии. Вопрос этот обсуждался 1 января 1874 г. (20 декабря 1873 г.) на Особом совещании под председательством канцлера Горчакова. Было признано «весьма желательным и полезным во всех отношениях» провести железную дорогу от Тифлиса до Тавриза. Участники совещания исходили из того, что персидское правительство гарантирует 6—7% годовых на действительную стоимость отрезка дороги, пролегающего по персидской территории, а русское правительство приобретет выпущенные облигации, то есть обеспечит потребный капитал. Обеспечением гарантии послужили сборы персидской таможни на реке Араке, «которая может быть слита с нашею и образовать международные таможенные учреждения на границе».

Делу придали вид частного предприятия, возглавляемого отставным военным инженером генералом Фалькенгагеном. Русский посланник должен был поддержать его ходатайство перед шахом и подчеркнуть разницу с концессией Рейтера: «Не имея широких размеров последней, оно [предприятие Фалькенгагена] тем не менее направлено к развитию промышленности и торговли Персии; оно не захватывает, подобно предприятию Рейтера, монополии всех отраслей промышленности и торговли страны и не вторгается в область правительственных учреждений»^[58].

Если бы удалось осуществить этот проект, то объемы русской торговли в Северной Персии стали бы преобладающими, а стратегические позиции России усилились бы. Но осенью 1874 г. шах отклонил предложение Фалькенгагена. Русский посланник объяснил этот отказ «опасением персиян полного русского влияния в [Персидском] Азербайджане». Однако срыв проекта Рейтера уже был крупным успехом русского правительства в Персии.

Между тем сама Россия интенсивно строила железные дороги в Закавказье. Так, в 1872 г. была введена в строй железная дорога Поти — Тифлис длиной в 309 верст, а в 1883 г. эту дорогу продолжили на восток до Баку и дотянули ветку до Батума. В 1900 г. Баку было соединено железной дорогой с Дербентом и Петровском (с 1922 г. Махачкала). Сам же Петровск с 1894 г. был связан через Владикавказ и минеральные воды с Новороссийском, Ростовом и всей имперской сетью железных дорог.

Одновременно с присоединением Туркмении к России приступили к строительству Закаспийской железной дороги. К 4 октября 1880 г. железнодорожный путь был уложен от Красноводска до Мулла-кары, на протяжении 22,5 версты, а к началу января 1881г.— уже до 115-й версты. В 1885 г. железная дорога достигла Ашхабада, в 1886 г. — Чарджуй, а в 1888 г. — Самарканда. Кстати, тут стоит заметить, что в начале XX века подавляющее большинство русских стратегических железных дорог были казенными, то есть принадлежали государству.

Интересно, что русское правительство, поддерживая интересы своих товаропроизводителей, в 1883 г. закрыло транзит для иностранных товаров по Закавказской железной дороге. А в 1885 г. был заключен договор с Наср ад-Дин шахом, согласно которому ни одна иностранная держава не могла получить железнодорожную концессию в Персии до тех пор, пока Россия не приступит к сооружению железных дорог.

Русское правительство не спешило создавать в Персии железнодорожные сети, а пока ограничилось постройкой шоссейной

дороги Решт — Тегеран, закончив ее к 1900 г. В том же году запрет на строительство железных дорог западными странами был продлен еще на 10 лет. В 1900—1912 гг. были построены шоссейные дороги Энзели — Решт, Казвин — Хамадан и Джульфа — Тавриз.

В начале XX века русские инженеры вели изыскательские работы с целью постройки железной дороги протяженностью 345 верст от станции Алят Закаспийской железной дороги берегом Каспийского моря до Решта, а от Решта — к Тегерану. Но к 1914 г. этот проект так и остался на бумаге.

В итоге к началу Первой мировой войны в Персии вообще не было железных дорог, если не считать шестиверстной узкоколейной линии трамвайного типа от Тегерана до пригородной мечети Шах Абдул-Азим.

Во второй половине XIX века приграничные с Персией территории и Каспийское море стали стратегически важными для России в связи с добычей там нефти. Первый в мире нефтеперерабатывающий завод был построен в 1823 г. в России в районе города Моздок крепостными крестьянами братьями Василием, Герасимом и Макаром Дубиниными. В Америке лишь десять лет спустя были проведены первые опыты по перегонке нефти. Но, несмотря на это, в те годы освещение даже столицы России Петербурга осуществлялось американским продуктом, называвшимся сначала фотонафтилем или фотогеном. Замечу, что именно в связи с этим возникло и русское название светлого топлива — «керосин»: в то время фотонафтиль продавался в Петербурге в лавке американца Самуэля Кера, на вывеске которой было написано: «Кер и сын». Нетрудно догадаться, что население предпочло это более звучное название.

Еще со времен персидского владычества кустарная добыча нефти в районе Баку велась по системе откупов, выдаваемых властями. В 1872 г. русское правительство ввело новые «Правила». Нефтеносные участки земли передавались в частные руки с публичных торгов за единовременную плату. Был разрешен беспрепятственный поиск нефти на всех свободных казенных землях Кавказа «лицам всех состояний — как русским подданным, так и иностранцам». За пользование отводами промышленник обязан был платить арендную плату по 10 рублей за одну десятину. Предельный срок аренды был определен в 24 года.

На керосиновое производство «Правилами 1872 года» был установлен акцизный налог, исчисляемый с объема перегонных кубов.

В декабре 1872 г. в три этапа прошли торги по обозначенным нефтеносным участкам. И финансовые результаты декабрьских торгов 1872 г. превзошли все ожидания министерства финансов. За 51 год, пока нефтяные промыслы Апшеронского полуострова находились в «откупном и

казенном содержании», государство получило совокупный доход в размере 5966 тыс. рублей. А первые торги позволили казне сразу получить сумму в размере 2 980 307 рублей^[59]. Не менее впечатляющие были результаты первого года после отмены откупной системы на Апшеронском полуострове, когда произошел существенный рост объемов нефтедобычи. В 1873 г. было добыто 3952 тыс. пудов нефти, то есть за один год достигнут существенный рост в 2,6 раза по сравнению с 1872 г.^[60]

А осенью 1876 г. в добычу нефти включился крупный петербургский заводчик Роберт Нобель. За 25 тысяч рублей он приобрел у «Тифлисского товарищества» небольшой керосиновый завод в Черном Городе (промышленно-заводской район Баку), перестроил завод по своему плану и начал производить опыты с целью улучшения техники перегонки нефти и очистки получаемого керосина. Роберт Нобель проработал в Баку до осени 1876 г., но тяжело заболел и уехал на лечение, а руководить производством в Баку прибыл его брат Людвиг.

Роберт приобрел завод и нефтеносный участок в Балаханах (вблизи Баку) при финансовой поддержке младших братьев Людвиг и Альфреда, так как Роберт вернулся в Россию совсем без денег. В письме от 31 октября 1875 г. Людвиг сообщает Альфреду: «Роберт вернулся в Баку из поездки на восточное побережье, обнаружив замечательные залежи нафты... И тебе, и мне удалось добиться независимости, надо помочь и Роберту наладить свое дело»^[61].

В 1879 г. Людвиг, сменивший заболевшего Роберта, выступает инициатором основания товарищества на паях под фирмой «Братья Нобель и К^о» с основным капиталом в 3 млн. рублей. В проекте устава говорилось: «Учредители Товарищества Людвиг Нобель в Санкт-Петербурге, Роберт Нобель в Баку, Альфред Нобель в Париже и гвардии полковник Петр Бильдерлинг».

«Товарищество...» совершенно по-новому подошло как к добыче нефти, так и к ее переработке, транспортировке и продаже. Вместо дешевых земляных ям для хранения нефти фирма построила резервуары. Известные русские инженеры В.Г. Шухов и А.В. Бари, с которыми сотрудничали Нобели, впервые в России построили клепаные резервуары, первый трубопровод, усовершенствовали оборудование для производства керосина. «Товарищество...» наладило производство танкеров и железнодорожных цистерн, а также построило собственные склады.

Добыча нефти стремительно росла.

За 17 лет, прошедших после отмены откупа, добыча увеличилась в 135

раз, а за 26 лет — в 606 раз. Доля России в мировом промышленном производстве нефти в 1881 — 1885 гг. составляла уже 3,4 %.

В 70-е гг. XIX века основным экспортным направлением для российских нефти и нефтепродуктов была Персия. Так, в 1880 г. туда из Баку вывезли 179,69 тыс. пудов нефти и нефтепродуктов, включая 57,9 тыс. пудов керосина, 53,96 тыс. пудов нефтяных остатков, 67,8 тыс. пудов сырой нефти.

В Европе русский керосин в небольших объемах появился впервые в 1882 г. Это была первая попытка выхода российских нефтепродуктов на европейский рынок.

В 1884 г. из порта Батуми было вывезено за границу 3 745 653 пудов нефти и нефтепродуктов, в том числе 2 753 157 пудов керосина, 634 616 пудов смазочных масел, 352 450 пудов нефтяных остатков и 5430 пудов сырой нефти. Из Баку в Персию было вывезено 180,1 тыс. пудов нефти и нефтепродуктов, включая 116,7 тыс. пудов керосина, 8,39 тыс. пудов нефтяных остатков, 55,1 тыс. пудов сырой нефти. В том же году в порты Одессу, Севастополь, Керчь и Херсон было доставлено 1 741 544 пудов нефти и нефтепродуктов, включая 1 528 544 пудов керосина.

Бакинские нефтепромышленники 31 октября 1886 г. писали Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе князю А.М. Дондукову-Корсакову: «Бакинская нефтяная промышленность достигла такой степени развития, что без затруднения могла бы снабжать осветительным и смазочным материалами не только всю Россию, но и большую часть Европы в потребном для них количестве»^[62].

В 1890 г. Россия поставила на экспорт 41 млн. пудов керосина, в том числе на европейский рынок — 28,7 млн. пудов. А из США было поставлено 523 295 тыс. галлонов керосина, из которых в Европу — 343 078 тыс. галлонов. Таким образом, российский экспорт составлял уже 41,1 % от американского. А по европейскому рынку это соотношение достигло 43,9 %.

В 1866 г. полковник в отставке Александр Шпаковский изобрел первую паровую форсунку для сжигания мазута. Позже многие российские изобретатели предлагали более эффективные конструкции, что привело к широкому использованию нефтетоплива. Изобретение и широкое распространение нефтяной форсунки имело огромное значение в развитии техники, а главное — теперь не уничтожалось огромное количество мазута.

В конце 80-х гг. XIX века в качестве эксперимента две миноноски Балтийского флота — «Лук» и «Сова» — были переведены с угля на мазут. В 1899—1900 гг. на мазут перевели первый крупный корабль —

черноморский броненосец «Ростислав», которым командовал великий князь Александр Михайлович.

Автомобильный бум вызвал резкое увеличение спроса на бензин. В 1886 г. в мире было всего 4 автомобиля, к 1900 г. — свыше 10 тысяч, а через 10 лет — уже 10 миллионов. Кроме автомобилей бензиновые двигатели в начале XX века ставились на моторные катера, аэропланы, а также использовались в генераторах электроустановок, например, в мобильных радиостанциях.

Несколько меньшее чем бензиновые, но все же значительное распространение получили и двигатели, работавшие на керосине. Так, к примеру, до перехода на дизели керосиновыми двигателями оснащались подводные лодки России, Германии, Англии и ряда других стран. А главное, с ростом благосостояния городских обывателей и крестьян керосиновые лампы постепенно освещали всю Россию, задолго до «лампочки Ильича».

Стоимость нефти стремительно падала. Если в 1873 г. цена за пуд составляла 45 копеек, то уже в следующем году — 2 копейки.

В конце концов добыча нефти в России превысила американскую. Так, в 1889 г. в США (в Пенсильвании) было добыто 4 млн. баррелей, а в Баку — 16,7 млн. баррелей. В 1901 г. бакинский нефтяной район давал 95% общеимперской добычи нефти; в этот год добыча нефти в России распределялась следующим образом: 667,1 млн. пудов из Бакинской губернии и около 34,7 млн. пудов из Терской области. Число рабочих, занятых на нефтяных промыслах Российской империи, увеличилось от 7 тыс. в 1894 г. до 27 тыс. в 1904 г., из которых 24,5 тыс. трудились в бакинском нефтяном районе. В 1904 г. в России было 150 нефтеперерабатывающих заводов, из них 72 находились в Баку.

В 1899—1901 гг. Баку, дав более половины всей мировой добычи нефти, вывел Россию на первое место, оставив позади такие страны, как США, Аргентина, Перу и др. Бакинский керосин полностью вытеснил американский сначала из русских городов, а затем и из зарубежных.

В 1877 г. было завершено строительство первого в России нефтепровода между промыслами поселка Сабунчи и заводами Черного города. К 1890 г. в бакинском нефтяном районе было проложено 25 нефтепроводных линий длиной около 286 км, по которым перекачивалось до 1,5 млн. пудов нефти в сутки с промыслов на заводы.

В начале XX века был построен транскавказский нефтепровод Баку — Батум. Теперь с батумского нефтяного терминала морские танкеры везли нефть в страны средиземноморского бассейна.

В 1909—1913 гг. добыча нефти в России составляла в среднем 9,3 млн. тонн.

Но для перевозки нефти из Баку нужен наливной флот, а для его охраны — военная флотилия.

В 1867 г. главная база Каспийской военной флотилии была переведена из Астрахани в Баку, а территория военного порта в Астрахани вместе с механическим заводом и тринадцатью мастерскими передана пароходному обществу «Кавказ и Меркурий».

У современного читателя передача большей части военного имущества частной фирме автоматически ассоциируется с жульническими 1992 г. — начала 2000-х гг. Однако тогда имела место вполне продуманная акция, имевшая важное военно-политическое значение. Поэтому о пароходном обществе «Кавказ и Меркурий» стоит сказать особо.

В 1848 г. купцы В.В. Скрипицын и Н.А. Жеребцов основали пароходное общество «Меркурий» с основным капиталом в 750 тыс. рублей. Первоначально пароходы этого общества плавали по Волге и Каме. Было открыто регулярное грузопассажирское сообщение на линии Рыбинск — Астрахань.

В начале 1856 г. статский советник Н.А. Новосельский при поддержке наместника Кавказа князя Барятинского основал пароходное общество «Кавказ» для плавания по Каспийскому морю. А уже 25 апреля того же года произошло слияние обоих обществ в одну компанию «Кавказ и Меркурий».

Когда Маккензи, британский консул в Реште и Энзели, узнал о создании русского акционерного общества «Кавказ», он в своих депешах в «Форин офис» настаивал на немедленных превентивных действиях в Средней Азии. Маккензи призывал «любой ценой» взять под английский контроль «Решт-Энзелийский порт». Занятие этого порта позволило бы Британской империи утвердиться на всем Каспийском море. «Обладая этим орудием, мы легко овладели бы торговлей всей Средней Азии», — писал Маккензи.

Британский консул указывал на особую важность открытия торгово-политического агентства в Астрахани: «Присутствие британского ока в Астрахани будет необходимым условием перевеса торгового баланса в нашу пользу» и «существенным шагом нашей торговли и политики на Востоке».

Однако еще в 30-х гг. XIX века Николай I заявил: «У англичан нет никаких торговых интересов на Каспийском море, и заведение их консульств в этой стране не имело бы иной цели, кроме заведения интриг». Александр II также отказал англичанам, но в более мягкой форме.

С XVIII века почтовое сообщение на Каспии велось исключительно военными судами. Естественно, это было неудобно флотилии и дорого обходилось казне. А теперь по уставу общества «Кавказ и Меркурий» оно обязывалось построить в течение двух лет не менее 15 пароходов и содержать почтовое сообщение на Каспийском море, а также перевозить по указанным в уставе ценам казенные грузы разного рода. За это общество получало ежегодную субсидию от казны — 34 тыс. рублей и некоторые льготы и привилегии, в том числе бесплатный отвод земель на побережье Волги и Каспия, право покупки казенных пароходов и др.

Общество «Кавказ и Меркурий» быстро добилось коммерческого успеха на Волге и выдвинулось в первый ряд пароходных предприятий, постепенно приобретая, благодаря установленным связям с правительственными кругами, некоторые преимущества. Так, ему была передана по особому контракту с казной перевозка по Волге и Каспию войск, почты, различных казенных материалов и пр.

Теперь становится понятно, почему власти сделали столь щедрый подарок компании в виде астраханского порта. Были и другие подарки. Например, в 1860 г. Каспийская военная флотилия передала обществу железный пароход «Ленкорань».

На Волге существовало множество пароходных компаний, но ни одна из них не получала от правительства ни копейки, что ставило их в невыгодное положение. Дело в том, что конкуренты пароходов — железные дороги — получали большие субсидии от властей. Исключение составляло общество «Кавказ и Меркурий». За содержание пароходных сообщений и перевозку почты ему выплачивалось особое «помильное вознаграждение», а в 1884 г. — еще и ежегодная выплата в размере 300 тыс. рублей. В результате «Кавказ и Меркурий» стал почти монополистом в перевозках на Каспии, хотя туда прорвались и другие пароходства. В отличие от остальных морей, морскими перевозками на Каспии могли заниматься только подданные Российской империи. К 1888 г. только к астраханскому порту было приписано 90 частных пароходов и 1152 парусных судна. По числу приписанных пароходов Астрахань была на втором месте в империи после Одессы, а по парусникам — на первом.

У внимательного читателя уже возник вопрос, а как перевозили нефть по Каспию и Волге. С незапамятных времен ее возили на судах в герметичных бочках. Естественно, стоимость бочек была высока, да и погрузка—выгрузка их стоила недешево.

С укупоркой и перегрузкой перевозка нефти от Астрахани до Нижнего расценивалась до 30 копеек с пуда, не считая доставки до Астрахани и

стоимости самих бочек (12—14 руб. за штуку). К началу 80-х гг. XIX века вместе с начавшимся увеличением добычи нефти был найден способ более удобной и дешевой ее перевозки.

В 1873 г. братья Николай и Дмитрий Ивановичи Артемьевы, занимавшиеся перевозкой нефти из Баку в Астрахань обычным в то время способом — в бочках на парусных шхунах, впервые устроили, в виде опыта, в трюме кусовой лодки «Александр» особые ящики для налива нефти. Стенки ящиков и борта лодки имели воздушный промежуток, предохранявший лодки от затопления в случае нарушения обшивки. Выгрузка нефти из ящиков производилась ручным насосом. Опыт оказался удачным. В том же году Артемьевы построили баржу с такими же приспособлениями для перевозки нефти с астраханского взморья до Царицына, а в следующем, 1874 году подобная баржа была отправлена ими с нефтью уже до Нижнего Новгорода. Вскоре на новшество Артемьевых обратила внимание крупнейшая нефтепромышленная фирма «Товарищество Бр. Нобель».

В 1876 г. Людвиг Нобель заказал на заводе «Мотала» (Швеция) первую в мире наливную шхуну «Зороастр», которая в 1878 г. и прибыла по Мариинской системе и Волге на Каспий. Для транспортировки керосина по Волге Людвиг Нобель приспособил сначала деревянные баржи с поставленными в их трюмах круглыми железными цистернами емкостью в 32 тыс. пудов. В 1881 г. им были построены два специальных наливных парохода — «Калмык» и «Татарин», грузоподъемностью каждый от 40 до 50 тыс. пудов с наливом керосина уже прямо в трюмы судов, разделенные железными переборками на ряд отсеков. Мазут также стали перевозить наливом — по Каспийскому морю в шхунах, а по Волге — в деревянных баржах.

В конце XIX века большинство наливных барж на Волге были деревянными, но уже строились и железные. Строительство железных барж тормозила их более высокая стоимость, в 3—5 раз выше, чем деревянных. Первая перепись волжских судов в 1884 г. показала следующее: из 5896 барж общей грузоподъемностью 2988,9 млн. тонн лишь 32 металлические. Интересно, что первую металлическую баржу в США построили только в 1891 г.

С 1900 по 1906 г. в России было построено 195 железных барж грузоподъемностью в среднем каждой баржи в 450 тыс. пудов. Инициаторами их строительства выступили крупные фирмы, перевозящие в основном нефть, такие, как «Товарищество Бр. Нобель», «Восточное общество» и др. Помимо того, что крупные компании, в отличие от мелких,

имели в своем распоряжении свободные средства на замену деревянного флота железным, в решении этой проблемы была и прямая экономическая выгода, поскольку перевозка нефти в железной барже большей вместимости обходилась почти в пять раз дешевле, чем в деревянной. При этом срок службы деревянных барж обычно составлял 8—15 навигаций, а железных — до 30 навигаций.

Кроме того, нефть просачивалась из деревянных барж, несмотря на все ухищрения судостроителей. В результате поверхность Волги на всем ее протяжении от Нижнего Новгорода до Астрахани в период навигации покрывалась тонкой мазутной пленкой. И в 1904 г. был принят закон об обязательной замене деревянных наливных судов железными. Согласно этому закону, предполагалось заменить более тысячи деревянных барж. Однако и к 1917 г. по Волге плавали деревянные баржи. Да что в 1917 году! В 1923 г. в нефтешлоте Волги находилось еще 259 деревянных барж, из которых в рабочем состоянии только 63.

С 1880 г. интенсивно развивается и морской флот на Каспии. Для него в Нижнем Новгороде, Перми, Петербурге, Гельсингфорсе и Або строятся современные товаро-пассажирские и наливные суда (наливные шхуны). При этом суда, построенные в Петербурге и на финских верфях, проходили на Волгу по Мариинской системе каналов, а в некоторых случаях доставлялись в Астрахань и Баку в разобранном виде.

В 1888 г. на Каспии был введен в строй первый большой пассажирский пароход «Император Александр III». В 1887 г. вошла в строй первая наливная шхуна «Тегеран» вместимостью 327 т нефти, и т.д.

Таблица 1. Данные типовых наливных судов на Каспии^[63]

* БРТ — брутто-регистрационный тоннаж.

Таблица 2. Данные типовых товаро-пассажирских и почтово-пассажирских судов на Каспии

Элементы и характеристики	Товарные (т), товаро-пассажирские (тп), почтово-пассажирские (пп) суда			
	«Батум» (тп)	«Бакинец» (тп)	«Элиас» (т)	«Императрица Александра» (пп)
Место постройки	Або	Воткинский завод	Гельсинг- форс	Спасский затон
Год постройки	1882	1901	1897	1896
Вместимость, брт	900	472	312	1456
Главные размерения, м:				
длина	65,2	51,2	58,0	74,1
ширина	8,9	7,9	7,34	10,4
осадка в грузу	3,8	1,7	2,9	3,0
Число и мощность паровых машин, л. с.	2 × 275	1 × 240	1 × 240	2 × 550
Скорость, уз.	8,5	8	9	12
Пассажировместимость, чел.:				
пассажиры 1-го и 2-го класса	15	35	—	24—47
пассажиры 3-го класса	160	133	500	380

В навигацию 1902 г. на Каспии плавало 47 почтово-пассажирских и товаро-пассажирских пароходов, 96 товарных и наливных пароходов и свыше 400 парусных товарных и наливных судов.

К 1914 г. торговый флот увеличился по тоннажу и получил новые более совершенные суда. Число почтово-пассажирских пароходов достигло 12, а вместимость их составляла 4015 брт. Соответственно, товаро-пассажирских судов было 54, а их вместимость — 21 тыс. брт, товарных судов было 24 вместимостью 7431 брт, танкеров (наливных шхун) — 112 вместимостью 74,5 тыс. брт. Нужды коммерческого флота на Каспии обеспечивали 50 буксирных, спасательных и ледокольных судов. Итого на Каспии плавали 252 парохода и теплохода общей вместимостью 111 тыс. брт. Следует заметить, что среди них было очень много старых судов: 50 судов прослужили свыше 30 лет и 65 судов — от 20 до 30 лет.

Кроме того, на Каспии плавали 556 товаро-пассажирских и наливных парусных судов. Средняя вместимость их составляла 200 брт.

Таблица 3. Грузооборот важнейших каспийских портов (тыс. т)

Порты	1905 год		1912 год	
	Погрузка	Выгрузка	Погрузка	Выгрузка
Баку	5388	448	4949	690
Петровск	174	276	428	287
Астрахань	403	5099	532	4783
Красноводск	192	384	191	555

В морской торговле Каспийского моря первое место занимала нефть, затем — сахар, лес, спички, сундуки, фарфор, мануфактурные товары, соль, рис, хлопок, рыба, фрукты, коконы, ковры, шелк, шерсть.

Несколько слов стоит сказать и о рыболовстве. Практические все рыбные промыслы на Каспии принадлежали подданным Российской империи. В 1893 г. предприимчивые армяне — братья Лианозовы сумели получить от правительства Персии рыболовную концессию, дававшую им права на добычу осетров в южной части Каспийского моря. В прошлом у берегов Персии не было интенсивного рыболовства, отчасти из-за того, что море там более глубокое и более опасное, чем в северной части. Впрочем, в числе причин были и местные традиции. Жителями южного берега Каспия были мусульмане-шииты — персы и азербайджанцы. Большинство из них считали осетров и их икру нечистой пищей. Некоторые из местных рыбаков отказывались даже прикасаться к осетрам. Братьям Лианозовым пришлось набрать русскую команду для работы на своих судах. Однако икра была хуже, чем в районе Астрахани. Одна из причин заключалась в том, что икру брали у незрелых осетров в открытом море, а не у идущих на нерест в реки. Но благодаря проникновению Лианозовых в персидские воды увеличивалась зона промысла, и рос общий вылов осетров в Каспийском море.

Неограниченный лов осетровых рыб привел к существенному снижению их популяции к 1917 г. Но тут грянула Гражданская война, а осетрам — «мать родна». Отлов рыбы в несколько раз уменьшился, и популяция к 1921 г. восстановилась.

В завершение следует рассказать о Каспийской военной флотилии. Как уже говорилось, ее главная база в 1867 г. была перенесена из Астрахани в Баку. А еще раньше, в 1842 г. ее оперативную базу (станцию) перенесли с острова Сара близ Ленкорани на персидский остров Ашур-Аде в юго-восточном углу Каспийского моря. На острове базировали два стационара (вооруженные пушками паровые шхуны), а гарнизон острова составлял 130 человек при двух пушках.

К 1828 г. в состав флотилии входили 14 боевых судов, 2 парохода и 6 парусных транспортных судов. К концу 60-х гг. XIX века пароходы

вытеснили парусные суда.

Говоря о военных судах на Каспии, следует отметить интересную деталь. На Балтике, Черном море и других театрах русские корабли, как правило, в мирное и в военное время несли одинаковое вооружение. Но на Каспии во второй половине XIX века обстановка была достаточно мирная, а вот море неоднократно показывало свой свирепый нрав. Поэтому суда Каспийской флотилии в те годы имели вооружение военного времени и вооружение мирного времени. Тяжелые пушки в мирное время хранились в арсенале, а суда флотилии плавали с легким вооружением. Так, к примеру, три однотипные паровые винтовые шхуны типа «Персиянин», построенные в 1858—1859 гг. в Нижнем Новгороде, в мирное время в 1860—1870 гг. плавали с четырьмя 6-фунтовыми и одной 1-фунтовой гладкоствольными пушками, а в военное время на них было положено ставить одну 30-фунтовую пушку № 1^[64] и четыре 24-фунтовые карронады. В середине 70-х гг. XIX века гладкоствольные пушки «мирного времени» на всех трех шхунах заменили на четыре 4-фунтовые нарезные пушки обр. 1867 г. Эти шхуны использовались в качестве стационаров на острове Ашур-Аде.

Самыми сильными по огневой мощи во второй половине XIX века на Каспии были паровые канонерские лодки. С 3 июня по 20 августа 1862 г. по Мариинской системе с Балтики были переведены две канонерки — «Пищаль» и «Секира». Эти лодки были построены в 1856 г. в Петербурге. Водоизмещение их составляло 180 т, паровая машина имела мощность 80 номинальных лошадиных сил^[65]. Канонерки имели на вооружении гладкоствольные орудия: одну 60-фунтовую пушку № 1 и две 24-фунтовые карронады. Однако деревянные корпуса обеих лодок оказались слишком слабыми для плавания по Каспию, и 22 марта 1869 г. их сдали в порт.

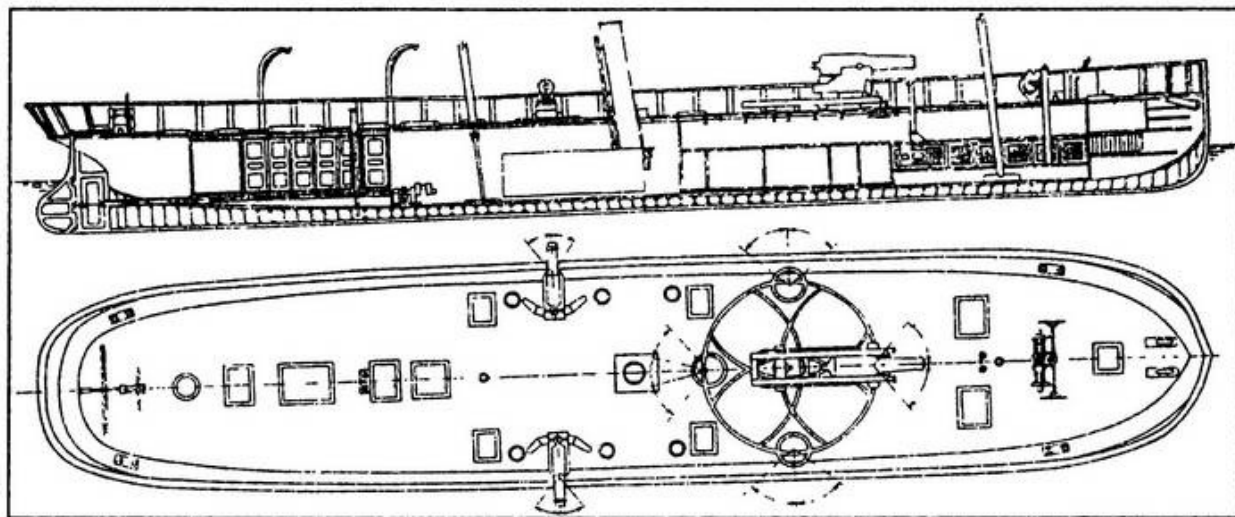
Летом 1862 г. по Мариинской системе перешла еще одна канонерская лодка — «Тюлень», построенная в 1860 г. в Гавре. Ее водоизмещение составляло 215 т, машина мощностью 40 номинальных л. с. позволяла развивать скорость 9 узлов. Вооружена канонерка была одной 60-фунтовой пушкой № 1 и двумя 4-фунтовыми нарезными пушками, заряжаемыми с дула. В 1877 г. лодка прошла капитальный ремонт в Баку и прослужила до 1892 г.

Еще две канонерки были построены на Каме в 1865—1866 гг. Они получили названия первых канонерок, сданных к порту: «Пищаль» и «Секира». В боевой состав Каспийской флотилии их ввели в 1872 г. Водоизмещение лодок составляло 328 т и 346 т соответственно, машина мощностью 70 номинальных л. с. В 1875—1877 гг. обе лодки перевели с

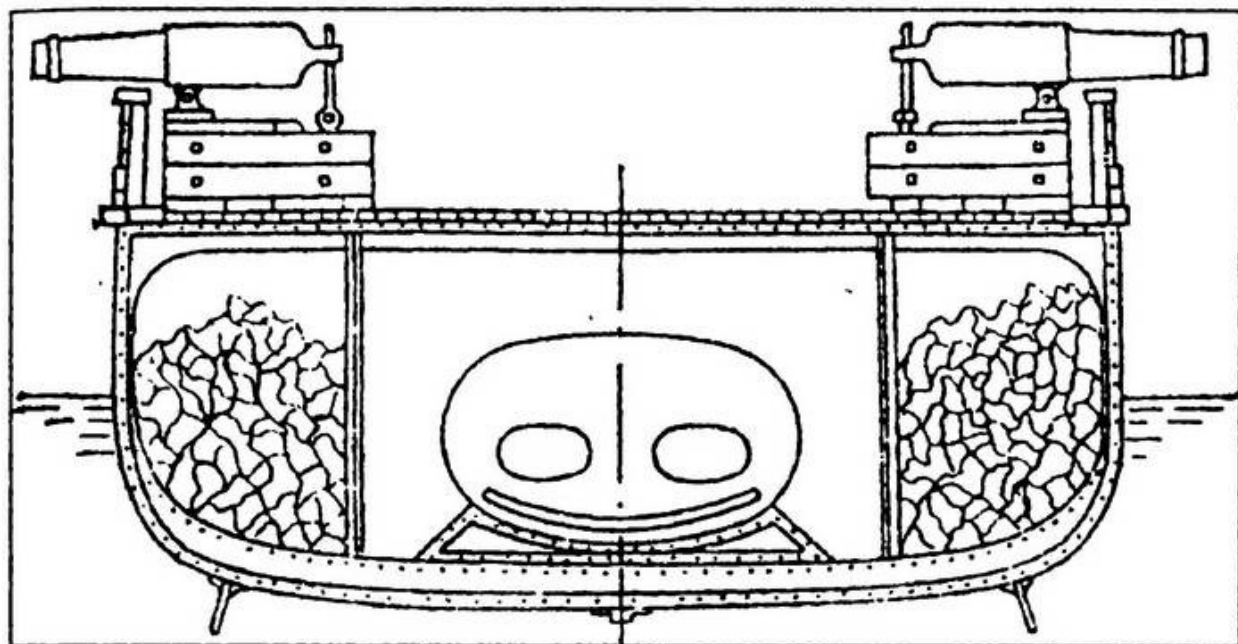
угля на мазут. Вооружение лодок состояло из одной 6-дюймовой, двух 9-фунтовых и двух 4-фунтовых пушек обр. 1867 г. Обе лодки были сданы к порту в 1899—1900 гг.

К середине 1906 г. в составе Каспийской флотилии осталось всего три вооруженных парохода (посыльных судна) — «Астрабад», «Геок-Тепе» и «Красноводск».

Для таможенной службы на Каспии использовался крейсер пограничной стражи «Часовой». Слово «крейсер» не должно вводить нас в заблуждение: его водоизмещение равнялось всего 230 т, машина мощностью в 300 л. с. позволяла развивать скорость 11 узлов, дальность плавания составляла 1500 миль. Вооружение крейсера состояло из одной 4-фунтовой пушки обр. 1867 г. Крейсер был построен в Бьернеборге (Финляндия) в 1874—1875 гг. Затем его по Мариинской системе перевели на Каспий. Там он патрулировал восточное побережье от Красноводска до залива Гассан Кум — устья реки Атрек, то есть сухопутной границы России. Там он не только ловил суда контрабандистов, но и не раз пресекал работорговлю. В начале 1898 г. «Часовой» был обращен в гидрографическое судно.

Разрез и план верхней палубы канонерских лодок «Секира» и «Пицаль»

Канонерская лодка «Секира». Поперечный разрез по котельной

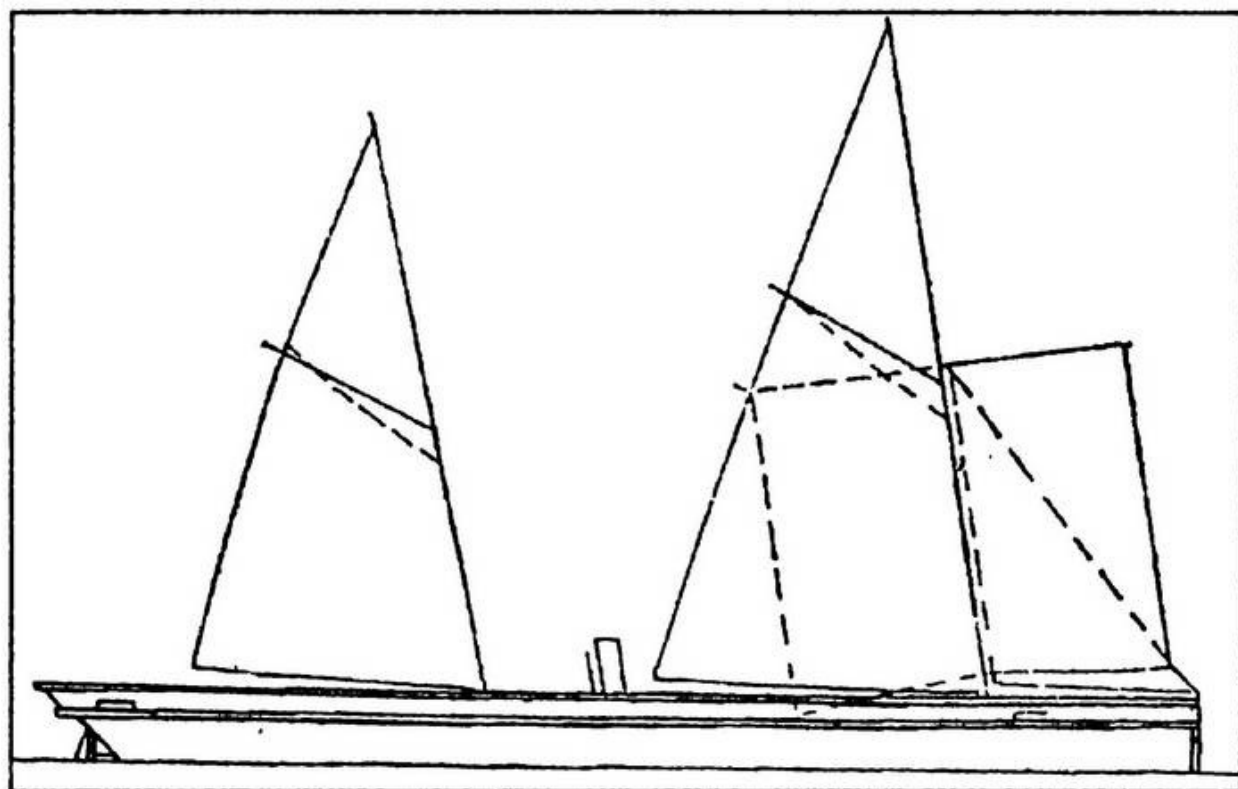

Схема парусного вооружения канонерских лодок «Секира» и «Пицаль»

В начале XX века в строй было введено новое пограничное судно — яхта «Кречет» водоизмещением 30 т, с дизельным двигателем в 150 л. с.

Каспийской флотилии не пришлось непосредственно участвовать в боевых действиях. Однако в 1880—1881 гг. флотилия обеспечивала действия русских войск в Туркмении и строительство Закаспийской железной дороги. Руководил перевозками капитан 2-го ранга С.О. Макаров, герой Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Макаров помимо военных судов мобилизовал все пароходы общества «Кавказ и Меркурий», а также свыше ста частных парусных шхун. Только за навигацию 1880 г. для нужд Закаспийской железной дороги было доставлено свыше 40 тыс. т грузов.

Обычная же служба флотилии сводилась к охране рыболовных промыслов и ловле туркменских лодок, промышлявших пиратством. Помимо того ее суда несли «стационарную службу» в Энзели и других персидских портах. Сам вид вооруженных русских судов заставлял персов относиться с почтением к русским подданным.

Глава 11

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ВОЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ РОССИИ

К 70-м гг. XIX века русско-персидские отношения заметно улучшились. Россия была важным торговым партнером Персии, а главное, стратегическим союзником против ее извечного врага — Турции.

В ходе войны 1877—1878 гг. Персия оказала определенную помощь русской Кавказской армии. Шах Наср ад-Дин даже хотел вступить в войну на стороне России, но Александр II пожелал, чтобы Персия оставалась нейтральной, поскольку в сложившейся ситуации это было выгодно России, так как в противном случае ей пришлось бы держать на персидской границе значительные силы армии.

Александр III, а позже и Николай II начали смотреть на персидских шахов как на своих вассалов.

Дело в том, что еще в Гюлистанском договоре 1813 г. в статье IV говорилось: «Е. в. император всероссийский... торжественно за себя и преемников своих обещает тому из сыновей персидского шаха, который от него назначен будет наследником Персидского государства, оказывать помощь в случае надобности, дабы никакие внешние неприятели не могли мешаться в дела Персидского государства и дабы помощью высочайшего российского двора персидский двор был бы подкрепляем»^[66].

А в Туркманчайском договоре 1828 г. в статье VII император всероссийский обязался принца Аббас-Мирзу «по вступлении его на престол почитать его законным государем сей державы»^[67].

Эту статью в Петербурге трактовали так, что только Россия имела исключительное право вмешиваться во внутренние дела Персии.

В мае 1873 г. шахиншах Наср ад-Дин прибыл с визитом в столицу империи. На перроне Николаевского вокзала его встречал Александр II с великими князьями. Шах побывал в Мариинском театре, где давался балет «Царь Кандаш». Он был в восторге от танцев балерин и от их нарядов. По возвращении в Тегеран шах передел... весь свой гарем. Жены облачились поверх цветастых панталон в короткие пышные юбки по типу балетных пачек, которые в Персии называли «шалитех», а также жилетки, белые или черные носки и атласные туфли. Единственное, с чем правоверные шиитки

не захотели расстаться, были платки, покрывавшие голову так, чтобы ни шея, ни уши не были видны. А поскольку Наср ад-Дин еще в 1858 г. увлекся фотографией и устроил во дворце фотостудию с лабораторией, то шах лично запечатлел для потомства самых любимых жен.

Но больше всего в Петербурге Наср ад-Дину понравилась джигитовка лейб-казацкого полка. В беседе с императором шах попросил оказать содействие в создании в Персии казачьих частей. Александр II ответил на просьбу шаха согласием. Вскоре в Персию был направлен полковник Генштаба Домантович с несколькими отобранными им урядниками Кубанского войска — виртуозами в джигитовке, стрельбе и владении холодным оружием. Согласно шахскому указу, 1 июля 1879 г. в Персии была сформирована Персидская казачья Его Величества шаха бригада, командиром которой назначался полковник Домантович. При этом последний оставался на русской службе и регулярно отправлял в Россию отчеты о своей деятельности.

Статус, состав и обучение бригады принципиально отличались от всех других частей персидской армии. Командиром бригады численностью 1750 человек обязательно был русский офицер Генерального штаба, а сама бригада содержалась исключительно за счет России. Военной подготовкой казаков-персов занимались только русские инструкторы.

Подготовка же офицеров производилась при бригаде в кадетском корпусе. Обучение велось шесть лет и по всем предметам на русском языке, за исключением персидской литературы и религиозных дисциплин. Выпускники кадетского корпуса отлично говорили по-русски, знали русскую историю, культуру, традиции. По окончании корпуса кадетов производили в офицеры. Получить образование в кадетском корпусе считалось очень престижно, так что кадетами становились сыновья высокочтитованной персидской знати

Казаки бригады несли караульную службу при шахе, при всех губернаторах и министрах, при необходимости подавляли восстания недовольных центральной властью племен. По словам персидского командования и зарубежных военных специалистов, казачья бригада являлась единственной дисциплинированной, отвечающей требованиям времени частью персидской армии.

Казаки бригады носили форму Кубанского казачьего войска, а русские офицеры-инструкторы — Терского. Инструкторы — офицеры и Урядники — могли носить вне службы свою полковую форму (донцов, уральцев и т.п.), но ношение ими штатской одежды не допускалось. Входивший в состав бригады гвардейский полк был одет в красные черкески и белые

папахи. Из его казаков состоял конвой только двух лиц в Персии — шаха и командира бригады. Вооружение казаков состояло из кавказского кинжала и сабли, а также винтовки системы Бердана.

Может возникнуть провокационный вопрос: ну, какую роль 1750 человек могли играть для столь огромного государства?

Дело в том, что Персия до 1914 г. не имела регулярной армии, разумеется, по европейским понятиям. У шаха была стража из нескольких сотен человек. В военное время сельские общины должны были выставлять ополчение. До двухсот тысяч всадников должны были выставлять вожди кочевых племен, номинально подчинявшиеся шаху.

Персия в силу Полистанского договора с Россией (1813 год) не имела права содержать военные суда на Каспии. Но этот запрет в принципе и не был нужен. На юге Персия не имела никаких ограничений, но ее флот в Персидском заливе состоял только из одного парохода, купленного в Пруссии в 1855 г. и совмещавшего функции флагмана персидского флота и яхты шаха.

Завоевание Россией Средней Азии и, в частности, Туркестана привело к дальнейшему укреплению стратегических позиций России у северных рубежей Персии. Русское влияние доминировало во всех северных провинциях страны: в Персидском Азербайджане, Гиляне и Мазендеране. Утверждение России в Туркмении значительно усилило русское влияние в Хорасане, прекратились набеги туркменских феодалов на эту провинцию, и была проведена четкая граница. 9 декабря 1881 г. в Тегеране была подписана конвенция о разграничении между русскими и персидскими владениями к востоку от Каспийского моря. Персы, находившиеся в рабстве у туркменских ханов, вернулись на родину.

Русские власти завербовывали в свои агенты ханов и вождей племен Хорасана. Для этого все средства шли в ход: подкуп, запугивание, поддержка и протекция, скупка земли и феодальных прав. Центром такого рода деятельности в Хорасане стал Ашхабад — резиденция администрации вновь созданной Закаспийской области. Затем таким центром стал Мешхед, где в 1889 г. было учреждено русское генеральное консульство.

Экспансия России в Хорасане способствовала получению концессий на строительство шоссейной дороги от Ашхабада до Кучана. Дорога была закончена в 1882 г. и обеспечила связь русских владений с Мешхедом. Русская торговля вытесняла из Хорасана английскую. В северных провинциях, а затем и во всей Персии стали преобладать русские товары. Персия стала важным рынком для русской текстильной, сахарной и нефтяной промышленности.

С середины 50-х гг. XIX века все побережье Персии от Астары до Горгана было занято русскими рыбными промыслами. В 1908 г. уже упомянутое «Товарищество Южно-Каспийских рыболовных промыслов Г.С. Лианозова» было крупнейшим промышленным предприятием на территории Персии, принадлежавшим русским промышленникам. В «Товариществе...» работало около 800 человек — российских подданных, и более трех тысяч персиян. Сумма инвестиций товарищества в годы Первой мировой войны составляла 9 млн. рублей.

Денег Наср ад-Дину постоянно не хватало, поэтому приходилось брать займы под большие проценты. Шах брал деньги даже у русского царя. Чтобы рассчитаться с долгами, он стал продавать иностранцам лицензии на различные виды предпринимательства, в том числе учреждение банков. В результате зависимость Персии от иностранного капитала резко возросла. Монопольное право на выпуск банкнот было отдано английскому банку, который вскоре стал проводить политику в интересах Британии. Затем Наср ад-Дин отдал лицензию на табак английскому майору Тальботу, на 50 лет предоставив ему монополию на производство, продажу и экспорт табака. От этого пострадали тысячи землевладельцев, выращивавших табак, что привело к волнениям и выступлениям народа против засилья иностранцев, а также возникновению антишахских тайных организаций.

1 мая 1896 г., во время церемонии празднования пятидесятилетия царствования Наср ад-Дина, шах был убит. Убийца — Мирза-Реза Кермани — был духовным последователем видного мусульманского политического деятеля Сейида Джамал ад-Дина Асадабади (Афгани). На престол вступил сын убитого хана Мозаффар ад-Дин (1896—1907).

Новый шах превосходно знал французский, по его повелению на персидский язык были переведены десятки французских, английских, немецких и русских книг. Мало того, он решил персидскую азбуку перевести с арабской вязи на... кириллицу.

В начале 1902 г. британский бизнесмен Вильям Нокс д'Арси получил у шаха концессию на добычу нефти. Статья 6 концессионного соглашения гласила, что д'Арси получает монопольное право разрабатывать и эксплуатировать месторождения нефти, газа, асфальта и битума по всей территории Персии в течение 60 лет. Не распространялась концессия только на пять северных областей и провинций: Персидский Азербайджан [68], Гилян, Мазендеран, Астрабад и Хорасан. Эти территории были исключены из соглашения по требованию русского посланника.

После нескольких лет неудачных поисков нефти англичанами, 26 мая 1908 г. в районе Месджеде-Солеймана (Майдане-Нафтун) из скважины

глубиной около 340 м забил нефтяной фонтан. С этого момента и началась промышленная добыча нефти в Персии.

14 апреля 1909 г. в Лондоне была учреждена Англо-персидская нефтяная компания (АПНК), эксплуатирующая нефтяные месторождения в концессионной зоне. Первоначальный капитал компании составлял 2 млн. фунтов стерлингов, большая часть этой суммы принадлежала компании «Бирма Ойл Компани». АПНК скупала все акции ранее действовавших в Персии английских компаний и стала единственным обладателем концессионных прав, в свое время полученных Д'Арси.

Добыча нефти в Персии принесла огромные доходы как британскому правительству, так и частным компаниям. Впоследствии Уинстон Черчилль с удовольствием отмечал, что доходы эти в целом «оказались более чем достаточны не только для оплаты топлива, потребляемого кораблями адмиралтейства, но и для строительства большого британского военно-морского флота, причем без единого пенни, полученного от налогоплательщиков»^[69].

В середине XIX века англичане построили большую военно-морскую базу и сильную береговую крепость в Адене, на юге Аравийского полуострова. С тех пор британские военные суда постоянно дежурили в Персидском заливе. Английские корабли, базировавшиеся на Аден, имели возможность в любой момент быстро доставить на южное побережье Персии англо-индийские войска из Бомбея и Карачи. Договор между Англией и кувейтским шейхом Мубараком, заключенный 23 января 1899 г., фактически положил начало установлению британского протектората над территорией Кувейта.

В британских правительственных кругах давно вынашивалась идея о разделе Персии между Россией и Англией. В 1892 г. вышла книга лорда Керзона «Персия и персидский вопрос», которая стала для британских колонизаторов как бы библией по персидским делам. В своей монографии лорд издевательски отзывался как о России, так и о русском народе. Замечу, что это тот самый Джордж Натаниэл Керзон (1859—1925 гг.), который в мае 1923 г. предъявил знаменитый ультиматум советской республике. В своей книге Керзон выдвинул идею раздела Персии с Российской империей. Заявив, что Россия вот-вот захватит северные провинции, Керзон продолжал: «Через всю Персию может быть проведена линия от Сеистана на востоке, через Керман и Йезд на Исфахан и далее на запад на Буруджир, Хамадан и Керман-шах, к югу от которой никакое враждебное политическое влияние не может быть терпимо»^[70].

Пытаясь изобразить из себя защитников Персии, англичане не только желали ее раздела, но и поощряли внутри страны центробежные силы в лице феодалов южных племен — бахтиар, кашкайцев, белуджей и др.

Если с Россией у Персии торговля была взаимовыгодной, то с Англией баланс складывался в пользу последней. Англичане видели в развитии англо-персидской торговли и в британских капиталовложениях не только экономические выгоды, но и укрепление своего политического влияния в Персии.

Одновременно с усилением влияния России в Северной Персии, в Южной укреплялось господство Англии. В Тегеране обе державы с переменным успехом вели борьбу за влияние на шаха и его правительство. Но в целом в конце XIX века чаша весов склонялась в пользу России.

При этом следует заметить, что, обратив особое внимание на северные провинции Персии, ни русское правительство, ни русские промышленники не забывали о юге страны и о Персидском заливе. Так, в конце XIX века «Русское общество пароходства и торговли» учредило регулярную грузопассажирскую линию Одесса — порты Персидского залива, на которой работали только русские пароходы.

Чтобы несколько отрезвить «просвещенных мореплавателей» и показать флаг в Персидском заливе, МИД и Морское ведомство послали туда канонерскую лодку «Гиляк». В марте 1900 г. канонерка «Гиляк» посетила порты Басра, Махиммеру и Кувейт. Прибытие русского корабля побудило шейха Мубарака, опасавшегося как усиления влияния англичан, так и попыток Турции восстановить свою власть в Кувейте, обратиться в апреле 1901 г. к правительству России с просьбой о покровительстве. Россия, не желая обострять отношения с Великобританией, в мае того же года отклонила это предложение, но продолжала посылать корабли в Персидский залив, рассчитывая демонстрацией военно-морской мощи укрепить свой авторитет на Среднем Востоке.

Визит «Гиляка» взбесил англичан. В порт Бендер-Аббас был послан британский крейсер «Помона». Его командир пытался доказать персидскому губернатору, что русские немедленно высадят десант и захватят город. В британских и персидских газетах также были инспирированы статьи о русском десанте в заливе.

Так, в середине ноября 1901 г. в Персидский залив вошел новый русский крейсер «Варяг» по пути на Дальний Восток. («По пути» — это писалось в отчетах Морского ведомства, а реально — это крюк в четыре тысячи верст в одну сторону). «Варяг» со 2 по 18 декабря посетил порты Бендер-Бушир, Кувейт, Нангу и Бендер-Аббас. Четырех-трубный красавец

крейсер произвел крайне благоприятное действие на местных шейхов и шахских чиновников. Благо, британские суда, бывавшие в Персидском заливе, имели одну или две трубы.

Сразу же по убытии «Варяга» из Англии в самом спешном порядке в залив был направлен новейший крейсер «Амфитрит» с четырьмя трубами и силуэтом, очень похожим на «Варяг».

Тогда наше Морское ведомство поставило в этом соревновании точку, направив в 1902 г. в Персидский залив пятитрубный (!) крейсер «Аскольд». Лондону крыть было нечем — у них вообще не было пятитрубных судов. Ну а в 1903 г. в залив прибыл трехтрубный русский крейсер «Боярин».

Главной целью политики России в Персии считалось постепенное подчинение последней «своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя»^[71].

Британский разведчик подполковник Робертсон четко определил суть британской политики в Персии как «поддержание статус-кво», а в случае нарушения статус-кво обеспечение того, чтобы никакая иная держава не установила своего господства в Персидском заливе или в Южной Персии. «Персия осталась единственным регионом, где Россия имеет дело с одной только Англией. Позиция России по отношению к Северной Персии — "позиция ошеломляющего превосходства". Сильная позиция на фланге Индии, даже если не будет использована для вторжения, будет представлять постоянную угрозу и "сделает нас более стоворчивыми по отношению к Черному морю и Персидскому заливу"»^[72]. Робертсон считал, что следует определить линию, за которую России не будет позволено продвигаться, и предложил провести такую линию из Сеистана через Керман, Йезд и Исфахан на Керманшах. «В случае согласия России на такое разделение наша часть должна быть либо сразу аннексирована, либо организована в протекторат, либо превращена в буферное государство под руководством лучшего персидского вождя, какого мы только сможем найти»^[73].

Однако разделение страны не давало гарантии вечного мира. Англии пришлось бы держать там значительное количество войск, достаточное для отражения вторжения русских, то есть не менее пятидесяти, а то и ста тысяч солдат. И Робертсон знал, что такого количества войск в распоряжении его правительства попросту нет. Он замечал по этому поводу: «Кажется, вряд ли стоит говорить еще что-нибудь, чтобы показать, что мы не сможем придерживаться вышеизложенной политики, если только

наша военная система не будет революционным образом изменена».

Россия же не желала раздела Персии на сферы влияния. Робертсон приводит цитату из «Биржевых ведомостей»: «Раздел сфер влияния в Персии невозможен. Персия, вместе с омывающими ее берега водами, должна оставаться объектом русской материальной и моральной защиты». А «Новое время» писало: «Пусть Англия раз и навсегда поймет, что нам не нужна Индия, а нужен только Персидский залив, и вопрос решен».

Единственным способом противостоять России, по мнению Робертсона, было удержание Бендер-Аббаса и островов Персидского залива.

В августе 1905 г. в Петербурге прошли переговоры с шахом и его премьер-министром. Русские дипломаты сформулировали персам условия финансовой помощи их стране, которая могла привести Персию к односторонней экономической зависимости от России и ограничить права шахского правительства в ряде важных вопросов. Но переговоры эти закончились безрезультатно.

После поражения России в войне с Японией и последовавшей затем Первой русской революции персидское правительство решило отказаться от идеи прорусской ориентации своей страны.

Любопытно, что к этому времени русское правительство вложило в Персию 72 млн. рублей. Правительство шаха задолжало России 29 млн. рублей по долгосрочным и 3,2 млн. рублей по краткосрочным долговым обязательствам. Наследному принцу Моххамату-Али была выделена сумма в 1,6 млн. рублей

Глава 12

ПЕРВАЯ ПЕРСИДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В конце 1905 г. в Персии начались антишахские выступления. Их возглавило духовенство. Поводом для этих выступлений послужил инцидент, происшедший в Тегеране 12 декабря 1905 г. В этот день правитель города приказал наказать нескольких богатых купцов, отказавшихся снизить цену на импортный сахар. К купцам применили традиционное для Персии тех лет наказание — их били по пяткам. А на следующее утро в знак протеста против такого надругательства в Тегеране не открылась ни одна торговая лавка и ни одна производственная мастерская.

9 сентября 1906 г. шах Мозаффар ад-Дин утвердил положение о выборах от сословий в меджлис, и в декабре того же года в Тегеране начал работу меджлис первого созыва. К концу 1906 г. был утвержден Основной закон Персидского шахства — в стране объявлялась конституционная монархия. Согласно статье 16 Конституции, все основные законы, «необходимые для укрепления основ государства и высочайшей власти, а также для ведения дел в стране и устройства правительственных учреждений», должны были быть одобрены меджлисом. В Конституции говорилось, что персидские газеты «могут печатать ход всех прений меджлиса, но при условии — не изменять и не извращать смысла». Теперь правительство не имело права без согласования с меджлисом раздавать концессии и разрешать учреждение частных компаний. Статья 25 гласила, что соглашения о государственных займах, как внутренних, так и внешних, должны были заключаться «с ведома и одобрения меджлиса».

А 8 января 1907 г., через неделю после ратификации Конституции, скончался шах Мозаффар ад-Дин. Новым шахом стал его сын Мохаммад-Али (1907—1909), бывший при жизни отца правителем Персидского Азербайджана. Он обещал поддерживать новый конституционный порядок. Однако сразу же возникли трения между шахом и меджлисом — любая предлагаемая меджлисом реформа с ходу отвергалась шахом.

Один из лидеров оппозиции, муджахид ага Сейид Мохаммад Табатабан начал систематически обличать в меджлисе казачью бригаду. Он протестовал против ее формы, эполет и наград в русском стиле, а также против традиции отдавать честь русскому посланнику в Тегеране, а не

военному министру Персии. Сейид Мохаммад сомневался в боеспособности бригады.

Персидские офицеры составили комитет, который расследовал состояние финансов бригады и обнаружил, что ее командир полковник Чернозубов присваивал их жалованье. Русские офицеры подтвердили это обвинение, и Чернозубов уехал в Россию, а 15 сентября 1907 г. в Тегеран прибыл новый командир — полковник Владимир Платонович Ляхов.

Ляхову было 38 лет. За плечами — служба в лейб-гвардейском Измайловском полку и академия Генштаба. Но назначение Ляхова определило его «геройское» поведение в Осетии, где он с 7 января 1906 г. командовал карательными отрядами.

Русское правительство, хотя и опасалось негативной реакции Лондона, но все более склонялось к интервенции в Персию. Повод вскоре нашелся. 13 апреля 1908 г. русский офицер Двоглазов с несколькими солдатами перешел на персидскую территорию и был убит там кочевниками-шахсевенами. Этот инцидент русские раздули до невероятных размеров. Русский посол в Персии Гартвиг представил персидскому министру иностранных дел протест, в котором говорилось, что это шахсевены пересекли русскую границу и убили Двоглазова на территории России. 16 мая министр иностранных дел А.П. Извольский сообщил Гартвику, что три племенных вождя в районе Астары, где был убит Двоглазов, получили от русских требование заплатить компенсацию и предупреждение, что в случае, если бандитизм не прекратится, русские сожгут деревни всех, кто принимал участие в грабеже или укрывал бандитов, и строго накажут виновных.

Несколько слов стоит сказать о чрезвычайно воинственном племени шахсевенов. По-персидски «шахсевен» переводится как «любящий шаха». Ряд современных азербайджанских историков считают шахсевенов потомками племени айрумов — азербайджанских тюрков. В конце XVI века часть айрумов откочевала с территории современного Азербайджана в Персидский Азербайджан. Из них шах Аббас I сформировал отряды гвардии, именовавшиеся шахсевенами. За верную службу вожди шахсевен получили земли в районах Ардебиля, Мугана и Казвина. Шахсевены — кочевники, сохранившие многие домусульманские обычаи.

Согласно Гюлистанскому договору, шахсевенам было позволено кочевать как на российской, так и на персидской территориях вблизи границы. Однако в 1884 г. царские власти из-за ряда инцидентов с шахсевенами запретили им появляться на территории империи. Забегая вперед, скажу, что сейчас в Иране проживает 270 тысяч шахсеванов, а в

СССР в ходе всех переписей шахсевенов записывали азербайджанцами.

Английской консул Стивене докладывал из Батума, что русские войска вошли в Персию с приказом сжигать деревни на пути экспедиции: «В соответствии с этим несколько деревень в радиусе 12 верст от границы сровняли с землей, и, выполнив так задачу экспедиции, генерал Снарский и его отряд в настоящее время отходят на российскую территорию»^[74].

Прежде чем вывести войска на российскую территорию, генерал Снарский предъявил губернатору Азербайджана ультиматум. Он заявил, что послан царским наместником для взыскания компенсации, в которую вошла и стоимость карательной экспедиции.

Персидское правительство приняло условия ультиматума, что еще больше обострило ситуацию в стране. В конце мая 1908 г. Тегеран находился в основном под контролем оппозиции. Шахский дворец опустел — большая часть вельмож разбежалась по домам.

Ранним утром 22 мая 1908 г. по улицам Тегерана галопом промчались подразделения казачьей бригады — два кавалерийских полка и батарея конных пушек. Часть войск окружила здание меджлиса, а другая часть — шахский дворец.

Из ворот дворца вылетела карета, сопровождаемая русскими офицерами. Через полчаса она влетела на территорию казарм казачьей бригады. Лишь тут Мохаммед-Али сумел пересилить страх. Он вышел из казармы и важно заявил: «Мои предки завоевали себе престол силой оружия, и я мечом моим буду его оборонять. Если надо, я стану во главе моей верной бригады... чтобы победить или умереть»^[75]. А 9 июня шах объявил в Тегеране военное положение и временно назначил генерал-полковника Ляхова генерал-губернатором, с подчинением ему всех войск и полиции.

23 июня 1908 г. Ляхов отправил своих казаков на штурм меджлиса и мечети Сипах-Лазар. Бой длился свыше семи часов. Меджлис подвергся обстрелу артиллерией с использованием гранат и шрапнели. Несколько сот защитников меджлиса и мечети были убиты, несколько десятков повешены казаками Ляхова. Казаки и шахская стража начали массовые грабежи частных домов. Найти защиту от карателей можно было лишь в британской миссии. Чтобы не позволить сотням людей бежать к англичанам, посол Гартвиг приказал Ляхову окружить британскую миссию казаками. «Это был беспрецедентно наглый шаг. Англичане были поражены наглостью казачьего полковника»^[76]. Дело дошло до того, что Ляхов пригрозил обстрелять британскую миссию из пушек, если там укроют

конституалистов (противников шаха).

Действия Ляхова вызвали протест во многих странах мира. 15 ноября 1908 г. социал-демократическая фракция в III Государственной думе сделала запрос правительству о действиях Ляхова в Персии. Естественно, что наши «демосфены» Столыпин, Извольский и К° сумели отболтаться.

Тем не менее Ляхова пришлось отозвать из Персии. К 1917 г. Ляхов уже имел чин генерал-лейтенанта. С ноября 1918 г. — в Добровольческой армии, с лета 1919 г. — вышел в отставку и поселился в своем доме в Батуме. Там на Ляхова было совершено неудачное покушение. 30 апреля 1920 г. он все же был убит неизвестными. Было ли это мстью за Осетию или Персию, можно только гадать.

Но вернемся в Тегеран. Шах начал расправы над оппозицией. Он приказал временно распустить меджлис и энджомены^[77]. Многие газеты были закрыты, в Тегеране введено осадное положение. В других персидских городах энджомены были вообще разогнаны, а губернаторами областей и провинций были учреждены верные шаху сановники.

8 февраля 1909 г. в центре провинции Гилян городе Реште вспыхнуло антиправительственное восстание. На помощь персидским оппозиционерам прибыли профессиональные кавказские революционеры, многие из которых состояли в рядах РСДРП. Они-то и сыграли основную роль в подготовке и дальнейшем развитии восстания. Особо отличились грузинские революционеры. В ходе восстания к его участникам присоединились многие проживавшие в Реште азербайджанские турки, в основном торговцы и ремесленники, а также местные армяне. Среди восставших был и либеральный деятель Сардар Мохи со своими приближенными.

Между правительственными войсками и повстанцами завязались перестрелки, в ходе которых погибли 56 солдат, губернатор Гиляна, два чиновника, персидский казак-охранник и многие другие.

На следующий день бывший шахский сановник Сепакдар был провозглашен правителем Гиляна и предводителем восставших, хотя кавказские революционеры не очень одобряли его кандидатуру.

Через несколько дней рештские повстанцы победили сторонников правительства и в городе Казвине. Там к восставшим присоединилась группа крестьян. Предводители конфедерации бахтиарских племен Сардар Асад и Самсам ос-Салтане предложили конституционалистам Гиляна и Казвина объединиться и двинуться на Тегеран. 3 июля их объединенные силы вошли в столицу, и после нескольких стычек со сторонниками шаха Тегеран оказался полностью в руках восставших. Мохаммед Али шах со

своими приближенными укрылся в летней резиденции российской миссии в предместье Тегерана Зергенде.

Высший совет, в который вошли каджарский принц, депутаты разогнанного меджлиса, бывшие министры, религиозные авторитеты, крупные купцы и саррафы (менялы), принял решение о низложении Мохаммед Али шаха, а новым шахом был провозглашен его двенадцатилетний сын Ахмед. Регентом стал предводитель царствующего племени Каджар, либерально настроенный Мирза Али-Реза хан Азуд оль-Мольк.

Свержение шаха в известной степени устраивало Лондон, но совершенно не устраивало Петербург. В северные районы Персии были введены небольшие отряды русских войск. Еще летом 1907 г. по Мариинской водной системе с Балтики перешли на Каспий миноносцы «Пылкий» и «Пронзительный». Их появление у персидских берегов произвело фурор. П. Стрелянов писал: «В 1907 году, на Энзелийском рейде, появился русский миноносец и стал на якорь. На другой день, утром, был день тезоименитства Государыни Императрицы. Командир миноносца произвел установленный салют. При первых выстрелах Энзели опустело. Жители бросились в погреба, часть их поспешно, в лодках и пешком, направились по дороге к Решту»^[78].

Глава 13

ПОЛНОМАСШТАБНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

И в этот момент царское правительство решилось на широкомасштабную военную интервенцию. Из секретного донесения № 1124 Главного штаба от 20 июня 1909 г.:

«Ввиду ожидавшегося в Тавризе нападения на консульства и европейские учреждения и подданных со стороны революционеров и населения Тавриза, доведенного от отчаяния голодом, Главнокомандующему войсками Кавказского военного округа телеграммой от 7-го сего апреля сообщено, что Государь Император повелел немедленно двинуть форсированным маршем в Тавриз отряд достаточной силы для защиты русских и иностранных учреждений и подданных, подвоза к ним продовольствия, а также для поддержания обеспеченного сообщения Тавриза с Джульфою».

Кавказский наместник граф Воронцов-Дашков направил в Джульфу отряд под командованием генерал-майора Снарского в составе: двух батальонов 1-й Кавказской стрелковой бригады; двух сотен 1-го Сунженско-Владикавказского генерала Слепцова полка Терского казачьего войска; двух сотен 1-го Полтавского Кошевого атамана Сидора Белого полка Кубанского казачьего войска; трех батарей (скорострельной, горной и мортирной) и одной роты сапер.

Переправившись через реку Араке, отряд под командованием генерал-майора Снарского двинулся на Тавриз.

Из инструкции начальнику отряда: «...совместное с русскими войсками пребывание в населенных пунктах и передвижение по охраняемым русскими войсками дорогам каких-либо вооруженных отрядов и партий, деятельность которых имела бы разбойничий характер, — не допускается...

Решение вопроса об употреблении в дело оружия зависит исключительно от войскового начальства. Раз принятое решение должно быть приводимо в исполнение бесповоротно и с полной энергией».

В июне 1909 г. в Персию был направлен 1-й Лабинский полк генерала Засса, 27 октября в состав Ардебильского отряда вошли сотни 1-го Кубанского полка Кубанского казачьего войска.

В Персии от войск Туркестанского военного округа содержались

консульские конвои. С июня 1909 г. они располагались: в городе Мешхеде — сотня и взвод при трех офицерах 1-го Таманского генерала Безкровного полка Кубанского казачьего войска; в Гумбет-Хаузе — сотня казаков того же полка и сотня Туркменского конного дивизиона; в Турбет-Хейдаре — сотня 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска, а также отдельные команды в Кермене и других местах.

Управление генерал-квартирмейстера (генерал-майора Юденича) Штаба Кавказского военного округа разработало три операционных направления, по которым производился ввод российских войск в Персию в 1909 г. и в 1911 г. Это были следующие направления:

Первое: Джульфа — Тавриз — Тегеран;

Второе: Энзели — Решт — Казвин — Тегеран;

Третье: Астара — Решт — Казвин — Тегеран.

Первое направление было самым длинным. Оно проходило по Азербайджану, где бродило огромное количество недружелюбно настроенных воинственных кочевых племен. Это было самое трудное направление, но оно давало возможность овладеть самой важной частью Персии — Азербайджаном.

Второе направление — через порт Энзели. В то время порт еще был недоступен для судов с большой осадкой. Глубина в порту — до 5 футов, то есть 1,5 м. Поэтому десанту приходилось пересаживаться с глубокосидящих пароходов на лодки на расстоянии 500—700 м от берега.

1-й Лабинский полк в составе экспедиционного отряда высадился на южном побережье Каспийского моря, в порту Энзели. Высадку русского десанта обеспечивала конвойная сотня под командой есаула Абашкина. С военных транспортов на больших лодках отправляли сначала пехоту, артиллерию, вьюки и седла, а лошадей выгружали прямо в воду. Затем в лодках переправлялись сотни, держа за поводья плывущих лошадей.

Лабинский полк двинулся в походном порядке через Решт на Казвин, где соединился с отрядом генерал-майора Довбор-Мусницкого.

Основной проблемой в походе были нестерпимая жара и нехватка пресной воды. На привале одновременно надо было напоить большое количество людей, лошадей и верблюдов. Колодцы иссякали, и солдаты расчищали завалившиеся от времени старые колодцы, довольствуясь тем небольшим количеством воды, которое они могли дать. По заведенному порядку к колодцу допускались сначала люди, потом артиллерийские лошади, за ними — казаки и, наконец, верблюды.

Начальник охраны дороги Хой—Урмия капитан Арешев докладывал: «Курды захватили дорогу и грабят караваны». В своем рапорте он писал об

армянских фидаях-дашнаках: «...они ничем не выразили своих симпатий к России, а наоборот, пропагандируют против нас курдов и персов. Я полагаю, что к дашнакам, хорошо консульству известным, должна быть обращена наша месть. Разбогатеv, торгуя и живя под покровом русского флага, они при таком к нам отношении первые достойны смерти. Я, как армянин, более чем кто-либо этим возмущен. Капитан Арешев»^[79].

Губернаторы западных провинций Персии вели среди курдов антирусскую пропаганду враждебного для России характера. «Они усиленно советуют курдам делать нападения на наши разъезды с тем, чтобы наши репрессии в отношении курдов восстановили бы против России последних». (Из донесения военных агентов в Штаб Кавказского военного округа.)

Консул из Ардебиля писал посланнику в Тегеране: «Шахсевены прячут имущество, распродают скот, закупили патронов, приготовились к быстрому сосредоточению. В случае необходимости, они могут уйти в Турцию и избежать наказания, что делает шахсевен крайне опасными. Вновь доношу о неотложной необходимости теперь же покончить с ними»^[80].

За разбои и грабеж генерал Снарский призывал вешать и расстреливать виновных. Кроме того, он ввел коллективные наказания в виде наложения контрибуций на курдские племена и взятие заложников. Замечу, что подобная деятельность генерала поощрялась высшим начальством. Так, кавказский наместник граф Воронцов-Дашков писал: «Имея дело с кочевниками, надо знать, что среди них мирных от немирных отличить трудно... между тем иной войны с разбойничьими кочующими племенами шахсевен не может быть, как только жечь их селения, истреблять имущество и угонять стада...»^[81].

В северо-восточных районах Персии русские купцы несли страшные убытки. Их грабили все — и персидские правительственные войска, и туркмены. Из донесения за июль 1909 г. Штаба Туркестанского военного округа: «...в Астрабаде грабежи туркмен помешали подвозу хлопка и шерсти к портам. Не могли быть своевременно отправлены на нижегородскую ярмарку и другие товары. Пострадали русско-подданные и наши клиенты... среди главарей раздавались призывы двинуться на Мешхед и перерезать всех русских».

Прибывший русский отряд из пулеметов разогнал «вооруженные скопища туземцев», которые пытались не пропустить русских в помещение русско-персидского банка.

Генерал Самсонов писал военному министру В.А. Сухомлинову: «Разбойники, потерпев неудачу в Мешхеде, благодаря энергичным действиям наших войск, рассеялись и кочуют по всему Хорасану Персидские власти обнаружили в борьбе с ними полную несостоятельность».

Посол из Тегерана о дерзких грабежах на Ардебильско-Таврической дороге констатировал: «Единственный выход из создавшегося положения — карательная экспедиция против разбойничьих родов, в виде разгрома их шаяк, поголовного их разоружения».

Рассмотрим несколько примеров боев между русскими войсками и повстанцами.

«30 мая 1911 года, в Турбети-Хейдари подверглись нападению разбойников несколько казаков 1-го Кавказского полка, командированных консулом для сопровождения каравана с семьями служащих. 16 сентября, в Казвине, фидаи стреляли по казакам 1-го Лабинского полка, под командой начальника конвоя консульства хорунжего Некрасова.

4 ноября, 1-го Горско-Моздокского полка сотник Бичерахов с 20 казаками 3-й сотни, сопровождая состоящего при Российской православной Урмийской миссии иеромонаха Григория, в 20 верстах от Хоя, подвергся обстрелу курдов (не менее 100 чел.), занявших горный кряж. Приказав казакам спешиться и рассыпаться в цепь, атакуя курдов на открытой местности и заходя им во фланг, сотник Бичерахов последовательно получил две раны — в левую ногу и в грудь навывлет, а третьей пулей контужен в правую ногу. Раненому оказал помощь урядник. Не в состоянии двигаться, но, не потеряв сознания, сотник продолжал командовать цепью через урядника и послал сообщение командиру дивизиона в Хой. Подоспевшие казаки рассеяли курдов.

В рапорте командира 1-го Горско-Моздокского полка полковника Арютинова отмечалось, что "часть огня велась из маузеровых ружей, каковых нет ни у персов, ни у курдов. Вся команда проявила удивительную храбрость и умелость". (12.01.1912 г. сотник Бичерахов был представлен к ордену Св. Владимира 4-й ст., нижние чины награждены знаком отличия ордена Св. Анны)»^[82].

8 декабря 1911 г. «федаины» (повстанцы) захватили большую часть Тавриза. Русский консульский квартал в Тавризе оказался блокирован повстанцами. Защита квартала производилась несколькими сотнями солдат Лабинского и Мингрельского полков под командованием полковника Чаплина. Периодически на крыше консульства появлялся титулярный советник А.А. Введенский, чтобы пострелять из «трехлинейки» по

«федаинам».

10 декабря на Тавриз через Джульфу двинулся 1-й Полтавский полк под командованием полковника Нальгиева. Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа граф Воронцов-Дашков писал военному министру Сухомлинову: «13 декабря к Тавризу подошел 5-й стрелковый полк с четырьмя горными орудиями и сотней Горско-Моздокцев, сделав в течение двух дней 100 верст по глубокому снегу и через два перевала... Четыре сотни Полтавцев в 40 верстах впереди Джульфы».

Сотня 1-го Горско-Моздокского полка сразу же вступила в перестрелку с атакующими пост персами. Русский отряд с горными пушками на рысях двинулся к мосту Аджичай, откуда открыли огонь по Тавризу, «дабы уведомить Тавриз о прибытии выручки. В версте от моста, с левого берега Аджичая, по отряду открыта стрельба, на которую отряд не отвечал, а продолжал продвигаться вперед в боевом порядке».

А в это время командир 3-й сотни 1-го Полтавского полка подъесаул Крыжановский с казаками и двумя ротами с пулеметами захватили пост. Отряд окружил Тевриз и, не входя в город, выбил оттуда персов.

«В 5 часов пополудни из осажденного Тавриза прибыл есаул Сомов с 15 сунженцами, кружным путем обойдя город. Есаул доложил, что состояние отряда [находившегося в Тавризе] бодрое и что с подходом моего отряда им больше ничего не угрожает... В 3 часа дня 14 декабря на крышах домов появились белые флаги, а на цитадели был поднят русский флаг»^[83].

Консул Тавриза коллежский советник А.Я. Миллер писал: «Днем 15-го декабря в три часа дня Титулярный Советник Введенский совместно с командиром конвоя подъесаулом Федоренко и двумя казаками на многолюдной улице города при толпе, явно враждебно настроенной, с явной опасностью для жизни, по моему приказанию, энергично способствовал задержанию и аресту главаря тавризской революции Сиккет-уль-Ислами... 16-го декабря Сиккет-уль-Ислам по приговору военно-полевого суда повешен»^[84].

Кроме того, по приговору русского военно-полевого суда были повешены еще пятнадцать взятых в плен федаинов. Любопытно, что, помимо всего прочего, федаинам инкриминировалось применение «разрывных пуль». Об оных «разрывных пулях» даже донесли в Санкт-Петербург. Откуда они взялись в Персии и почему хотя бы одну не доставили в столицу в Артиллерийский комитет для изучения, документы умалчивают. Судя по всему, какой-то дурак принял раны солдат, нанесенные древними кремневыми ружьями калибра 12—19 мм, за

разрывные, а умники с удовольствием пустили это вранье по инстанциям.

Кроме того, несколько десятков, если не сотен жителей Тавриза были убиты казаками и солдатами при штурме. Еще коллежский советник Миллер приказал взорвать в городе четыре дома, принадлежавшие, по его мнению, повстанцам.

В ходе штурма Тавриза русские потеряли свыше 40 человек убитыми и около 50 ранеными.

Боевые действия развернулись по всей Северной Персии. Вот сообщение русского консула в Реште: «Убиты полицмейстер и два купца персы... за их приверженность к русским. 7 декабря было произведено покушение на местного губернатора. 8 декабря персы произвели нападение на патруль, ранены офицер и унтер-офицер... с крыши мечети была произведена стрельба по нашим войскам. Найдено два склада винтовок и патроны, в здании энджумена отобрано около 300 ружей и много патронов. Для усиления гарнизона прибыла сотня казаков».

Министр торговли и промышленности сообщал военному министру: «9.12.1911 г. Третий день в Энзели забастовка. Пароходы не выгружаются и не нагружаются. Лавки закрыты... в Энзели стычка между русскими войсками и населением. Ранены офицер и солдаты. На Астаринских промыслах служащие и рабочие, ввиду угроз со стороны населения, находятся в большой тревоге. 12.12. 1911 г. Бойкот русских товаров продолжается. Склады забиты товарами, предназначенными в глубь Персии и в Россию. Полное разорение русской торговли».

Из рапорта начальника Казвинского отряда Главнокомандующему войсками Кавказского военного округа графу Воронцову-Дашкову: «В Реште обнаружены шайки... терроризировавшие население, организовавшие убийства видных купцов персов, не подчинившихся требованию бойкота русских товаров. Всюду производилась стрельба. Русскоподданные и русская колония охранялись казаками»^[85].

8 декабря в Энзели толпа забросала камнями русский патруль. Солдаты отвечали огнем на поражение.

Из донесения консула: «Арестован мулла, призывающий в мечети народ к вооруженному восстанию и к изгнанию русских из Персии, организовавший убийство Энзелийского Губернатора и нападение на наш патруль».

«Во время прохождения по городу 6-й сотни Кубанского и 6-й сотни Кизляро-Гребенского полков, по казакам из домов и с крыш была открыта сильная стрельба. Из засады все персы были выбиты. "В двух домах обнаружен склад патронов и оружия. Отобрано 165 ружей разных систем, 3

ящика трехлинейных боевых патронов, 42 ящика с новыми берданочными гильзами, полученными из Вены и адресованные в Тегеран".

Консул в Реште Некрасов поручил 6-м сотням Кубанского и Гребенского полков обезоружить шайку, занимавшую в центре города караван-сарай. Есаул Репников, расположив гребенскую сотню на окраине площади, со своими кубанцами направился в конюшни губернаторского дома — арестовать расположившихся там всадников. "Едва соединенные сотни вступили на площадь, как были со всех сторон обстреляны с улиц, с крыш домов и из окон зданий. Казаки, руководимые лихими офицерами есаулом Репниковым, подъесаулом Кибировым, хорунжими Глебовским и Григорьевым, быстро рассыпались в цепь, умело применились к местности и открыли ответный меткий огонь".

Перестрелка продолжалась около часа, когда командиры сотен из-за наступившей темноты решили выбить противника из домов и "подняв людей, ворвались смелым порывом в арсенал и караван-сарай.

Найдено много оружия, подобрано до 20 раненых и 10 трупов. У нас потерь не было. Убита одна и ранены шесть лошадей".

В перестрелке 8 декабря участвовали и лабинцы. Консул Некрасов, желая лично осмотреть размещение казаков, выехал на площадь, взяв с собой лабинскую сотню. Подъезжая к площади, услышали со стороны караван-сарая частые выстрелы. "...Есаул Абашкин спешил сотню, укрыл коляску и коноводов и повел спешенных к площади по переулкам. Для связи к кубанцам был послан урядник Нефедов с тремя казаками...". Пробираясь по улицам, казаки наткнулись на 10—15 вооруженных персов, бегущих прямо на них. Увидев казаков, персы быстро юркнули в двери дома, выставив оттуда стволы своих ружей. "Один из персов выстрелил в урядника, но ружье дало осечку, а урядник ответным выстрелом уложил перса наповал. Затем молодецкий урядник Нефедов, схватившись за дуло другого ружья, сильным движением вытянул перса вместе с ружьем на улицу, где казаки его и зарубили шашками".

10 декабря. "Шемахинцами и казаками был обыскан дом губернатора, — докладывал начальник отряда, — причем найдено и отобрано 3 горных орудия, 3 полевых, 1 мортира, 2 знамени, более 1000 ружей трехлинейных, Лебеля и разных систем и до 50 тыс. патронов к ним, а также склад бомб и 62 ящика с артиллерийскими снарядами. Я распорядился охранять оружие особым караулом, а затворы и замки от орудий запаковать в ящики и отправить под охраной в Энзели для препровождения в Баку".

Секретная телеграмма командира канонерской лодки "Каре" капитана 2-го ранга Викорста из Энзели — морскому министру: "13.12.1911 г. в

Реште... обнаружен склад бомб, по просьбе консула послал туда пулемет и 2-х минеров под конвоем казаков"»^[86].

6 апреля 1912 г. отряд капитана Масловского в составе четырех офицеров и 84 казаков при подходе к селению Сенджава был обстрелян ружейным огнем. Перестрелка длилась 4 часа. Генерал-майор Афа-ко Пациевич Фидаров отправил к Сенджаве подкрепление в составе 62 казаков, 15 человек пехоты, посаженных на лошадей, две 76-мм горные пушки обр. 1909 г. с «приказанием наказать дерзнувших напасть шахсевен».

Получив подкрепление, 7 апреля капитан Масловский захватил селение. Из его донесения генерал-майору Фидарову: «Продолжая наступление, после семичасового боя, атакою взяты крепость и все позиции противника. Наши потери: хорунжий 1-го Лабинского ген. Засса полка Бабиев ранен в живот не опасно для жизни, убиты 2 казака, ранены серьезно 2 казака, легко ранено 6 того же полка. Противник потерял убитыми и тяжело ранеными более 100 человек, легко ранеными неизвестно, в числе убитых наиболее сильные главари Шюкюр-хан с 2 сыновьями»^[87].

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять — шахсевены не захотели впускать русских в свое село, за что и поплатились. Ну а «крепость» просто приснилась Масловскому.

22 мая 1912 г. генерал-майор Фидаров решил очистить Ардебильскую котловину от шахсевен и двинул туда двести человек 2-го батальона 206-го Сальянского полка, пять сотен 1-го Лабинского полка и две 76-мм горные пушки 6-й батареи 52-й бригады.

Вот выдержки из донесений генерала:

«Начался бой, который продолжался 9,5 часа. Шахсевены, заняв сильные позиции, упорно оборонялись, несколько раз бросались верхом в атаку большими массами. Генерал Фидаров выслал 7-ю роту сальянцев и подчинил левый фланг командиру 1-й сотни есаулу Абашкину. 2-я сотня лабинцев, увлекшись преследованием, попала под сильный огонь шахсевен с высот, командир сотни был ранен...

В 7.40 утра двинул ко 2-й сотне, дабы оказать ей содействие, через овраг 3-ю сотню. В 7.50 артиллерия открыла огонь, дабы сбить противника с гребня оврага... В то же время шахсевены появились в больших массах на высотах, почему приказал есаулу Абашкину обеспечить фланг и тыл отряда...

Капитан Зуев открыл огонь залпами, облегчив движение сотен. Когда

подъесаул Тимошенко со 2-й сотней (40 человек) врубился в неприятельские цепи, по пути изрубив и сбив 50 человек конных, справа и слева показались конные массы шахсевен, которые бросились с трех сторон в атаку на сотню. Подъесаул Тимошенко был убит, 5 казаков убиты и 5 ранены...

Хорунжий Некрасов в пешем строю выбил 25—30 курдов с камней. Но окруженная сотня стала отходить, Некрасова с 10 казаками атаковали шахсевены.

Был убит 1 казак и двое ранены. Хорунжий приказал уходить к резерву, забрав раненых. Казаки вынуждены были подчиниться. Некрасов хотел садиться на коня, его конь был ранен. Тогда он с вестовым Кашцевым начали отстреливаться. Вестовой, убив несколько шахсевен, был убит сам, а хорунжий Некрасов стал уходить. Курды бросились на него. Сотне и роте за гребнями высот это не было видно...

Хорунжий Некрасов отбивался, стреляя из нагана, причем три раза переснарядил его, затем, раненный в правую руку и ногу, отбивался кинжалом, не желая сдаваться, что ему предлагали шахсевены. Боролся лежа, так как нога была перебита...

Тогда курды окружили его и один высокий шахсевен с огромным, как меч, кинжалом, всегда имеющимся у каждого из них, бросился на Некрасова и страшным ударом по голове опрокинул его на спину. Хорунжий Некрасов... вонзил свой кинжал в шахсевена, который свалился всей тяжестью своей на него. Но курды не успели добить офицера — показались казаки...

На левом фланге 7-я рота перешла в наступление через овраг... Шахсевены были сбиты и скрылись, но вскоре за высотой появились их массы в несколько сот человек, которые бросились в атаку на роту 40—50 человек и казаков (в сотнях было по 50 человек). Атака была отбита...

Тогда шахсевены, собравшись за высотой Т., вторично бросились конной атакой еще большей массой, причем некоторые доскакали на 30 шагов. Но и вторая атака была отбита с большими потерями для шахсевен...

Патронов почти не было. Командир роты приказал отойти к краю гребня, чтобы встретить в штыки новую атаку...

Шахсевены пытались подойти к лежащим впереди стрелковой позиции раненым и убитым нашим, дабы надругаться и добить их, но залповый огонь 5-й сотни через головы роты не допускал их подойти. Шахсевены, не решаясь атаковать в конном строю, поползли массой на роту, но в это время подвезли патроны, и шахсевены были осыпаны пулями...

Они смешались, и началось беспорядочное бегство, рота их преследовала совместно с казаками, подбирая убитых и раненых. К 3,5 часа дня противник был рассеян и загнан в снежную полосу хребта Савелан....

Местность представляла большие преимущества оборонявшимся шахсевенам, приходилось сбивать их шаг за шагом с каждого гребня, с каждой высоты, причем они, сбитые с одной, занимали следующую, командующую над предыдущей, позицию. Условия местности и значительное количество превосходящего противника затянули бой на 9 часов, но мужество и взаимная выручка офицеров и нижних чинов одолели врага...

Наши потери: в Лабинском полку убиты командир 3-й сотни подъесаул Тимошенко, 6 казаков и 1 умер от ран; ранены подъесаул Кофанов и хорунжий Некрасов, последний тяжело, 9 казаков, из них 4 тяжело, 1 казак пропал без вести; Сальянского полка 3 убитых, 7 раненых. Шахсевен было не менее 2 тысяч. Противник потерял более 100 человек»^[88].

Вот любопытный документ:

«Его Императорскому Величеству.

26.10.1912 г. Казвин. Командир 1-го Кизляро-Гребенского Ген. Ермолова полка Терского казачьего войска.

Рапорт.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что командир дивизиона вверенного мне полка... получил донесение от разведчиков 5-й сотни о том, что сел. Чайнаки занято персидскими мятежниками с присоединившимися к ним шахсевенами, всего около 600 человек, и о том, что шайкой этой предполагается сделать нападение на дивизион, решил предупредить это и самому напасть на шайку.

Вызвав из порта Энзели канонерскую лодку "Красноводск" для совместных действий с дивизионом со стороны моря, на рассвете 22-го октября, подойдя к сел. Чайнаки, повел наступление. В то же время с "Красноводска" по мятежникам был открыт орудийный огонь. Спешенный дивизион в числе 125 казаков бросился в селение, из которого мятежники открыли сильный огонь, но были выбиты, отступили в горы, где и рассеялись. В дивизионе смертельно ранен казак 4-й сотни Еремин. Со стороны мятежников убито 26 и ранено 31.

Казак Еремин происходит из казаков ст. Червленной Кизлярского отдела Тверской области.

Полковник Рыбальченко»^[89].

20 октября 1912 г. в Ардебиле ханы шахсевенских племен дали клятву впредь ни при каких обстоятельствах не поднимать оружие против русских. На русско-персидской границе наступило спокойствие. Благо, 22 шахсевенских хана и бека были взяты русскими в заложники по приказу генерал-майора Н.Н. Юденича.

В марте 1912 г. генерал-майор Редько штурмом взял Мешхед. Британские войска в свою очередь заняли Бушир, Шираз и несколько других городов Южной Персии.

Буржуазное правительство, пришедшее к власти в результате свержения шаха, пригласило в 1911 г. в Тегеран группу американских финансистов во главе с Морганом Шустером. Последний был назначен главным казначеем Персии, нечто типа министра финансов. Шустер потребовал себе огромных полномочий. Он настоял, чтобы без его визы правительственными органами не производилось никаких бюджетных расходов. Шустер создал даже свою жандармерию, якобы для взимания налогов и обеспечения других бюджетных поступлений. Таким образом, американский банкир стал в Персии чем-то вроде финансового диктатора, под дудку которого плясало персидское правительство.

Шустер попытался назначить начальником финансовой жандармерии враждебно настроенного по отношению к России английского офицера Стокса, но русское правительство повело борьбу против этой кандидатуры.

Решающий конфликт Шустера с русским правительством возник по внешне пустяковому поводу. Персидское правительство конфисковало имущество брата свергнутого шаха. Шустер направил в его имение свих жандармов. Но их опередил местный русский генеральный консул. Он заявил жандармам, что владелец поместья является должником русского Учетно-ссудного банка, и поэтому его имущество не может отойти персидскому правительству, а пойдет в счет погашения долга русскому банку. И русский консул с помощью казаков своего конвоя не допустил жандармов к имуществу брата Мохаммеда-Али. На следующий день к шустеровским жандармам подошло подкрепление, и они силой выгнали казачью охрану из имения. При этом двое русских консульских служащих были обстреляны жандармами.

5 ноября 1911 г. русское правительство потребовало через своего посланника удовлетворения за нанесенное консульству оскорбление. В случае отказа оно грозило выслать войска на персидскую границу. Требование было удовлетворено. Тогда русское правительство с согласия

Англии 29 ноября направило персидскому правительству ультиматум с требованием удаления Шустера с его поста. Шахское правительство с радостью бы уволило Шустера, но тот успел сколотить в меджлисе свою группировку, которая воспрепятствовала его увольнению. В ответ русский отряд из Решта через Казвин двинулся на Тегеран. Перепуганные персидские правители уволили Шустера.

24 декабря 1911 г. персидское правительство и регент, опираясь на бахтиар, разогнали меджлис, а затем и все демократические организации. Персидская революция была окончательно подавлена. Монархия и феодальное землевладение уцелели в Персии при прямой поддержке России и Англии.

20 марта 1912 г. персидское правительство официально признало русско-английское соглашение 1907 года о разделе Персии на сферы влияния.

Согласно этому соглашению, подписанному 18 (31) августа 1907 г. в Петербурге, сферой интересов условно обозначалась территория в Персии к северу от линии Касре — Ширин — Исфахан — Иезд — Хакк и до точки стыка русской, персидской и афганской границ. В эту зону Англия не должна была вступать и домогаться там политического, экономического, торгового, транспортного и других видов влияния и преимуществ. Сферой английских интересов определялась область в Персии к югу от линии, идущей от афганской границы через Газик — Бирдженд — Керман и оканчивающаяся в Бендер-Аббасе, в которую Россия не должна была вступать и домогаться там каких бы то ни было интересов.

Территория между этими линиями объявлялась временно нейтральной, где стороны должны действовать только по предварительной договоренности.

Реализация соглашения 1907 года в 1912 г., естественно, не привела к идиллии в отношениях русских и британцев в Персии. Так, большим «камнем преткновения» стала деятельность «Англо-Персидской компании» в нейтральной зоне. Тем не менее после 1912 г. англичане стали проявлять куда меньше агрессивности, чем раньше. Их уже мало волновало, что русские войска стоят в Казвине в нескольких дневных переходах от Тегерана.

Между тем русские войска не только боролись в Персии с революционерами и просто бандитами, но и обеспечивали территориальную неприкосновенность Персии. Турецкое правительство, воспользовавшись анархией, царившей в Персии, ввело войска в ее западные области. Русские войска получили приказ вытеснить турок, по

возможности не доводя дело до войны.

К январю 1912 г. турки заняли проходы на перевалах между Хоем и Дильманом и полосу к западу от караванного пути Хой — Урмия. Всего на западе Персии дислоцировалось 6000 турецких пехотинцев при 12 скорострельных пушках и пулеметная рота.

Председатель Совета министров В.Н. Коковцев писал наместнику на Кавказе графу И.В. Воронцову-Дашкову: «В ответ на состоявшееся усиление турецких войск в Урмийском районе... а равно с целью произвести известное давление на Порту... считаю желательным спешно усилить наши отряды в Хое и Урмии и наши посты по дорогам.

...представляется желательным произвести передвижение наших войск с таким расчетом, чтобы окружить турецкие посты... и тем принудить их удалиться...»^[90].

Весной 1912 г. русские войска начали вытеснять турок из западных областей Персии. Делалось это следующим образом: «В течение двух месяцев наши отряды произвели ряд совершенно одинаковых экспедиций, в которых, как писал генерал Масловский (тогда начальник штаба одного из отрядов), "к намеченному отряду турок направлялся внезапно и скрытно отряд из трех родов оружия, силою значительно больше турецкого. Отряд выступал вечером, с расчетом подойти к туркам до рассвета. При приближении к турецкой заставе или отряду наш отряд выделял из себя заставу, сильнейшую турецкой, и направлял ее обходом с задачей отрезать туркам путь отступления в пределы Турции. Заняв удобный для наблюдения и обороны пункт, эта наша заставка водружала на видном месте русский флаг. То же делал и остальной отряд, расположившийся перед фронтом турок. С наступлением утра пробуждавшаяся турецкая часть, к своему изумлению и испугу, обнаруживала один, а потом и другой русские отряды.

При первой экспедиции турецкий начальник, выйдя с белым флагом в сопровождении нескольких человек, в энергичных выражениях потребовал объяснения, на каком основании русские войска выставили свои заставы и отряды на их территории. На это начальник русского отряда спокойно ответил, что территория не турецкая, а персидская, и раз турки выставили свои отряды и заставы, то тоже будут делать и русские. При этом турецкому офицеру было объяснено, что впредь наши заставы никого не будут пропускать из Турции, то есть ни подкрепления, ни снабжения. Турецкий офицер удалился и после короткого размышления увел свой отряд на соседний турецкий пост...

После этого случая турецкие части почти всегда, очевидно, получив

инструкции из Турции, уже ничего не спрашивали, а, завидев утром русские войска, снимались и уходили кружным путем в Турцию.

Таким образом, мирным путем, без дипломатических осложнений, одной угрозой, наши части к концу июня 1912 г. очистили весь западный Азербайджан от турецких войск"»^[91].

Русские войска заняли Хой, Дильман и Урмию, а также торговые пути между этими городами, что сильно подорвало влияние турок в захваченной ими полосе.

Осенью 1913 г. в северо-западных районах Персии вновь начались антирусские выступления курдов. Так, 15 июня 1913 г. вице-консул Голубинов и отряд из тридцати казаков 1-го Горско-Моздокского полка под командованием хорунжего Агоева, ехавшие из Урмии, были обстреляны курдами недалеко от села Гулистан.

Получив донесение об инциденте, начальник Урмийского отряда тут же отправил им в помощь отряд под командованием подполковника князя Павленова из 5-го Кавказского стрелкового полка. В отряд вошли две роты, команда разведчиков, два взвода 1-го Горско-Моздокского полка и два орудия.

В 16 часов 15 июня этот отряд вышел из селения Сир и, «пройдя в 15 час 45 верст, из коих 33 версты в темную ночь, по плохой, частью вьючной дороге», прибыл в Полистан в 7 часов утра 16 июня. В версте от селения отряд встретил вице-консул Голубинов, сообщивший начальнику отряда, что «Абдулла-Бек отступил к селению Диза и просил поторопиться с наступлением, дабы не дать тому уйти в Турцию».

Подполковник Павленов, дав отряду полчаса передохнуть, в половине восьмого выслал для рекогносцировки селения Дизы полусотню казаков и команду разведчиков. «Рекогносцировка показала, что окраина селения занята цепью курдов, и что ими заняты также дома и башни. Полусотне сотника Сосиева приказано было действовать на левом фланге, а взводу хорунжего Агоева — на правом».

Казаки открыли огонь из обеих пушек, но особых успехов не добились, так как «мелинитовые снаряды или производили разрушение внутри зданий, или разрывались уже по вылете из построек. Наступление происходило при сильном огне по совершенно ровной и открытой местности». Атака продолжалась до утра. Князь Павленов в ходе боя был ранен. А ночью курды оставили селение Диза, потеряв в бою 31 человека убитыми и 11 тяжело ранеными.

Более крупный конфликт с курдами произошел у селения Сир. Начальник Азербайджанского отряда генерал-майор Воропанов доносил,

что «вследствие произведенных курдскими главарями грабежей селений, 13 июля в 6 час вечера он двинулся из сел. Сир тремя колоннами в составе: 6-и рот 5-го стрелкового полка, 2-х сотен Горско-Моздокского и сотни Полтавского полков при 2-х горных орудиях и 4-х пулеметах, выслав заранее вперед две сотни казаков под командой войскового старшины Сомерова. С рассветом 14-го, кавалерия ввязалась в бой и вела его успешно. Курды оборонялись упорно, делая попытку охватить, и заходили в тыл».

С подходом стрелков и артиллерии курды были оттеснены на главный пограничный хребет — к турецкой границе. «Наибольшая тяжесть легла на кавалерию. Войска вели себя безукоризненно. Горцы [казаки Горско-Моздокского полка] потеряли убитыми Сотника Баева и ранеными 4 казака, из них 2 серьезно»^[92].

С началом 1914 г. турецкие эмиссары начали вести среди мусульманского населения Персидского Курдистана и Азербайджана пропаганду джихада. Наиболее интенсивно велась подрывная работа в Урмийском округе. Турецкие пограничные власти по приказу ванского вали, как писал вице-консул Введенский, «вошли в тайные сношения почти со всеми курдами Урмийского района, обещая им оружие в достаточном количестве, при условии поддержки Турции в вероятном столкновении с русскими».

Из Турции прибывало много странствующих дервишей, которые призывали курдов готовиться к войне с неверными. Среди этих дервишей были и переодетые офицеры. Антирусскую агитацию среди курдов вел и германский агент в Урмии Нейман, пользовавшийся содействием турецкого консула. Высланный из Урмии стараниями русского вице-консула, он поселился у курдского шейха. Нейман имел письмо от муджтехидов Кербелы, в котором курды призывались забыть религиозную рознь между суннитами и шиитами и выступить против неверных.

Под влиянием этой турецко-германской агитации уже с 20-х чисел сентября 1914 г. в районе Урмии после годичного перерыва вновь начались нападения курдов на местных жителей и русские подразделения. Первым стал Курдобек, 20 сентября напавший на Тергевер. Введенский писал: «На курдов у нас не должно быть никакой надежды в Урмийском районе, и рассчитывать на так называемых "сторонников" положительно нельзя, так как турки придают движению характер священной войны и, с другой стороны, предоставляют курдам полную свободу грабежей и занятия любой части Урмийской территории».

В октябре 1914 г. беспорядки в Урмийском округе усилились. Курдские

отряды терроризировали все местное христианское население. Отряды турецких курдов ежедневно границу пересекали и нападали на русские войска. Особенно оживленно действовали курды в районе Тергевера. Вождь харки Керим-хан даже предложил персидскому вице-губернатору покинуть Тергевер. Турецкая агентура уверяла местных курдов, что русские, занятые войной с Германией, не в силах удержать оккупированные ими провинции Персии.

Антирусские выступления курдов вскоре начались и в южных районах Урмийского округа, где активно действовали германский агент Хаджи Сайд, приказчик Шюнемана, и сын Абдул-Кадыра сейид Мухаммед.

Напряженная ситуация складывалась и в других районах Персидского Курдистана. Турецкие курды многократно вторгались в пределы Макинского ханства, грабя и убивая его жителей. В районе Соуджбулака отряды местных курдов возглавил турецкий офицер Али-эфенди. В окрестностях Хоя курдские ханы Абдулла и Темир Джанго, подстрекаемые ванским вали Джевдет-беем, пытались поднять восстание среди макинских курдов.

Против христианского населения Западной Персии начался повсеместный террор. Особенно сильно пострадали урмийские ассирийцы, селения которых курдские отряды безжалостно сжигали и разоряли. Ассирийцы бежали в Урмию, но и там активно действовала инспирируемая турками «пятая колонна». Ассирийцы и другие христиане вынуждены были братья за оружие, предоставляемое русскими.

Фактически с октября 1914 г. в Персидском Курдистане возникла организованная Турцией и Германией партизанская война курдского населения против русских войск и отрядов самообороны местных христиан. На территорию Персии проникали и небольшие подразделения турецких регулярных войск, действовавшие заодно с курдами. Так, в первых числах октября границу в районе Сомая — Барадоста пересек турецкий отряд в 200 человек, к которым присоединились курды Измаил-аги Кардара. Турецкий отряд нарушил границу и в районе Котура, снес только что поставленные пограничные столбы и захватив несколько деревень.

Таким образом, русско-турецкая война началась не с «севастопольской побудки» 29 октября 1914 г., когда линейный крейсер «Гебен» обстрелял главную базу Черноморского флота, а с боев в Персидском Курдистане.

Глава 14

ПЕРСИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В октябре 1914 г. в Стамбуле велись переговоры между Талаатом, Энвером и великим визиром Саидом Халим-пашой, с одной стороны, и персидским послом — с другой. Турки предложили такой проект соглашения: персы с помощью Германии и Турции формируют армию в 100 тысяч человек. За это Персия уступает Турции спорную часть Урмийского округа. Турция и Персия принимают совместные меры по умиротворению и «приведению к порядку» курдских племен и образованию из них кавалерийских полков, а Германия снабдит их оружием и инструментами. Шахское правительство, конечно, не решилось принять этот проект, но его участие в этих переговорах показывает колебания тегеранских властей.

После этого турки попытались вынудить Персию пойти на важные политические уступки. 30 сентября 1914 г., в ответ на представление персидского министра иностранных дел Ала ос-Салтане по поводу нарушения турками границы, турецкий посол в Тегеране Асим-бей от имени своего правительства обещал, что Турция будет уважать нейтралитет Персии лишь при условии вывода русских войск из Азербайджана (персидского). Еще более определенно высказался по этому вопросу Асим-бей в беседе с премьер-министром Персии Мостоуфи оль-Мемалеком, состоявшейся 3 октября. Турецкий посол заявил, что в случае дальнейшего присутствия русских войск в Персии «будет невозможным для его правительства уважать персидский нейтралитет».

Под нажимом Турции шахское правительство было вынуждено просить российские власти отозвать русские войска, на что получило категорический отказ. Русский посланник И.Я. Коростовец заявил Ала ос-Салтане, что присутствие русских войск в Персии «единственный фактор безопасности подданных России и других зарубежных стран», и указал в связи с этим на бесчинства курдов.

1 ноября 1914 г. был обнародован фирман шаха Ахмеда о нейтралитете Персии, и одновременно опубликована инструкция правителям областей и провинций, в которой шах призывал их строго придерживаться нейтралитета во взаимоотношениях с представителями воюющих держав.

Теперь у немцев и турок оставалась одна надежда — поднять против

русских и англичан полунезависимые племена. На северо-западе Персии основным объектом агитации турецко-германской агентуры стали персидские курды. Эта агитация оказала гораздо большее влияние на курдские племена Персии, чем Турции. Большинство шейхов — религиозных лидеров персидских курдов, как суннитов, так и шиитов, выступили с поддержкой джихада. Среди них был и шейх Наджмеддин — «духовный глава всех кочевников Курдистана», как называл его каргузар в Тебризе Наср-од-Доуле. Любопытно, что некоторые племена, особенно к югу от Урмии, поднимались на джихад против воли своих вождей, повинувшись лишь призыву шейхов. Джихад поддержали не только подвластные турецкому правительству лидеры персидских шиитов, но и персидские муджахиды. Один персидский мулла писал: «Никакими словами не описать того, что натворили здесь после отъезда Халиль-бека [командующий турецкими войсками в Иране, дядя Энвер-паши] все эти муджахидины и их демонические приспешники».

Однако главную роль в разжигании религиозного фанатизма у персидских курдов сыграли агитаторы, управляемые непосредственно из Турции. Один из влиятельнейших вождей пограничной зоны сейид Мухаммед написал вождям мукрийских курдов, что по приказу султана и фетве шейха Абдул-Кадыра они должны быть готовы к «священной войне». Турецкое правительство назначило шейха Абдаллаха Джеляль эд-Дина комендантом на границе, поручив ему вместе с курдами начать «священную войну». Из Турции в район Соуджбулака доставили 250 вьюков с оружием и амуницией. И тогда Джеляль эд-Дин с отрядами курдов и арабов направился из Сидеке на Ушну и Урмию, в Персидский Курдистан двинулся и сейид Мухаммед, начали партизанскую войну племена Секкеза, Бане и Сердешта.

В это время объявился шейх Салар од-Доуле, которого турки решили выдвинуть в качестве своего главного представителя среди персидских курдов. В ноябре 1914 г. Салара срочно вызвали из Швейцарии, где он тогда проживал, в Турцию. В начале декабря, получив на расходы 40 тысяч лир, он под именем Хаджи Реза Салара в сопровождении двадцати германских и турецких офицеров выехал из Анкары к персидской границе. По сведениям шахского правительства, турки обещали Салару отдать весь Персидский Курдистан с прилегающими районами.

В ноябре—декабре 1914 г. подрывная деятельность турецко-германской агентуры в Персидском Курдистане и Азербайджане возросла настолько, что начальник Керман-шахского отряда Персидской казачьей бригады подполковник Ушаков в середине ноября 1914 г. писал в своем

рапорте: «Провинции Керманшах и Курдистан стали походить на кипящий котел». Коростовец телеграфировал в первых числах февраля 1915 г.: «Турецкая пропаганда среди кацкайцев, а также в Курдистане принимает тревожные размеры».

Сразу же после вступления Турции в войну (а фактически, как уже говорилось, и раньше) турецкое командование начало в Западной Персии военные действия против России, причем ни одна из воюющих сторон не обращала никакого внимания на персидский нейтралитет.

Сначала выступили только курды, но уже в первых числах ноября турецкие регулярные войска пересекли персидскую границу и вторглись на территорию Курдистана и Азербайджана. Основной ударной силой Турции на персидском театре Кавказского фронта стали персидские и пограничные турецкие курды. Вице-консул П.П. Введенский в середине ноября 1914 г. писал: «Турки в пограничной полосе решили действовать, опираясь на аширеты, выдвигая регулярные части только там, где курды одни не решаются выступить».

В первые недели войны, во время Кеприкейской и Сары-камышской операций, курдо-турецкие отряды захватили западную часть Персидского Курдистана и Азербайджана с городами Хой, Урмия, Соуджбу-лак и др. Под натиском турецких войск, окруженные с фронта и тыла враждебные племена, части Азербайджанского отряда генерала Чернозубова и IV Кавказского корпуса были вынуждены медленно отходить на северо-восток. Вступление турецких войск в города и села пограничных районов Персии повсеместно служило сигналом к началу восстания курдов.

К началу 1915 г. турецкое командование из Восточной Анатолии и района Сулеймании перебросило к персидской границе до 15 тысяч курдов. Из них, а также из персидских курдов по указанию немцев турецкое командование формировало диверсионные отряды для переброски в Закавказье. 14 января 1915 г. русские войска под натиском превосходящих сил турок и курдов ненадолго были вынуждены оставить Тебриз.

На этом успехи турецкой армии на персидском театре Кавказского фронта и закончились. Уже во второй половине января 1915 г. перешедшие в контрнаступление русские войска выбили турок и курдов из Тебриза (31 января) и продвинулись до Дильмена. Непосредственная угроза русскому Азербайджану и Баку была ликвидирована.

Следует заметить, что русские власти действовали против курдов не только кнутом, но и пряником.

Еще до войны русские дипломаты готовились к тому, чтобы в случае вступления Турции в войну на стороне Германии обеспечить действенную

поддержку со стороны как курдов, так и армян, и ассирийцев. Первоочередной задачей стало снабжение курдов, армян и ассирийцев оружием, тем более что уже в начале августа 1914 г. представители ассирийцев обратились к России с соответствующей просьбой. Но русские дипломаты в сентябре—октябре 1914 г. решили пока ограничиться подготовительными мероприятиями, министр иностранных дел Сазонов писал военному министру Сухомлинову: «Не подлежит сомнению, что в случае столкновения с Турцией как курды, так и айсоры (сиро-халдейцы) турецкие могут оказать нам существенную помощь. Для воздействия на первых в нашем распоряжении имеются несколько влиятельных среди курдов лиц, как, например, известный Абдуррезак-бей и шейх Барзан, проживающий ныне на Кавказе». Но начинать агитацию среди них и снабжать их оружием, продолжал Сазонов, преждевременно, «пока отношение Турции к нам в достаточной степени не определилось», дабы не получилось «совершенно нежелательного обострения» отношений с Турцией, хотя и необходимо провести некоторые подготовительные мероприятия в этом плане.

О том же В.О. Клемм, непосредственно руководивший в министерстве иностранных дел персидскими делами, писал в депеше российскому консулу Коростовцу: «Что касается вооружения сирийцев и курдов, равно как и отправления на турецкую границу шейха Барзана и Абдуррезака, то, считая принципиальное их содействие в случае осложнений полезным, признаем пока преждевременным вызывать с их стороны какие-либо действия. Поэтому мы просили военного министра лишь подготовить все необходимое для их вооружения на случай враждебных нам выступлений турок». В ответ на предложения вице-консула Введенского вызвать на турецкую границу шейха Барзани и использовать иракских курдов «для устройства смуты и беспорядков в тылу турецких войск», Клемм рекомендовал не допускать никаких враждебных Турции выступлений курдских вождей. Он писал: «Пригрозите шейхам лишением покровительства, если они будут что-либо предпринимать без нашего указания».

Подоплека такой осторожной позиции русского правительства в отношении национальных меньшинств Восточной Анатолии изложена в письме Сазонова кавказскому наместнику Воронцову-Дашкову от 13 (26) августа 1914 г. министр иностранных дел писал: «В связи с введшимися в Константинополе державами тройственного согласия переговорами, надежда на сохранение мирных отношений с Турцией еще не утрачена. Поэтому крайне желательно избегать всего, что могло бы вызвать

конфликт. В случае войны курды, армяне и айсоры могут нам конечно быть очень полезными, почему следует поддерживать с ними дружественные отношения, настойчиво рекомендуя им, однако, ничего не предпринимать без нашего указания. Если бы они подняли восстание и затем не были бы нами поддержаны, то нашему престижу был бы нанесен непоправимый удар. Не представляем себе, в чем могла бы выразиться автономия Курдистана, и считали бы опасным возбуждать в курдах определенными обещаниями какие-либо несбыточные надежды. Оружие и патроны следует изготовить, как мы и писали военному министру».

Стоит отметить, что русское правительство так и не определило свое отношение к курдскому вопросу в Турции, не выработало определенной линии в отношении национальных требований курдского народа. Курдский вопрос интересовал Петербург лишь в той мере, в какой курды могли затруднить или облегчить военные операции на малоазиатском театре.

Кавказский наместник Воронцов-Дашков в вопросе об использовании в интересах России курдов и других национальных меньшинств Турции занял более решительную позицию, нежели министерство иностранных дел. Начальник штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Юденич 18 (31) августа 1914 г. писал начальнику Генерального штаба Янушкевичу, что план командования Кавказского ВО и наместничества сводился к следующему: Необходимо провести мероприятия по подготовке восстания дерсимских курдов, которые могут подняться в любой день, но для этого необходимо иметь 4—5 тысяч рублей. Желательно также использовать и других курдов, недовольных турецким правительством, в первую очередь иракских, для чего надо шейху Махмуду Барзанджи и другим предводителям выделить денежные подарки и пособия (по 2—3 тыс. руб. каждому), чтобы они могли поднять восстание в районе Багдада — Сулеймании — Мосула. Против Турции могут выступить также Котурский хан Симко и племя зерза, им также нужно предоставить денежные субсидии. В общей сложности для организации восстания курдов, армян и ассирийцев, по мнению штаба Кавказского ВО, следовало выделить 25 тыс. винтовок, 12 млн. патронов и 20—25 тыс. рублей деньгами.

В первой половине сентября 1914 г. в Тифлисе был разработан план создания вооруженных отрядов из курдов, армян и ассирийцев. Наместник Воронцов-Дашков сообщал о предложениях, направленных ему от «разных курдских главарей и видных армянских деятелей», берущихся организовать курдов и ассирийцев для выступления против Турции, и отмечал необходимость все же соблюдать осторожность. Поэтому он предложил

немедленно начать подготовку к созданию таких отрядов и предоставить в его распоряжение в соответствии с наметками Кавказского ВО 25 тысяч винтовок и 12 миллионов патронов. Затем Воронцов-Дашков разработал подробности этого плана, которым предусматривалась организация вооруженных отрядов в России на турецкой границе в Олту, Сарыкамьше, Кагызмане и Игдыре; в Персии — в Хое, Дильмене, Маку и Урмии. Наместник советовал на первых порах не выдавать этим отрядам оружие, а поддерживать их только деньгами и подарками.

К концу сентября план подготовки всеобщего восстания курдов, армян и ассирийцев был согласован с Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. Было решено, что отряды будут сформированы в основном в Персидском Азербайджане под наблюдением русских консулов и военных представителей втайне от персидских властей.

С началом Мировой войны одним из первых действий русских властей стал арест в середине августа 1914 г. макинского сердара Муртаза Кулихана и высылка его в Кисловодск, а затем в Тифлис. В ответ на протест персидского правительства посол Коростовец оправдывал арест сердара «как меру предосторожности в виду вероломства сердара и доказанных сношений его с нашими противниками на границе, дабы вызвать восстание курдов». В начале сентября 1914 г. в Маку прибыл отряд генерала Николаева, который был радушно встречен населением, мечтавшим избавиться от произвола Тегерана.

Русское правительство стало укреплять связи с оппозиционными шахскому правительству вождями племен Северо-Западной Персии и некоторыми видными чиновниками прорусской ориентации. Русский генеральный консул в Тебризе предложил губернатору Азербайджана Шоджа од-Доуле возглавить несколько племен для отпора возможной турецкой агрессии, а другому русскому ставленнику — Решиду — организовать курдский корпус численностью до 20 тысяч человек. Русские гарнизоны, особенно в Урмийском округе, получили пополнение, значительно возросло наблюдение за турецко-персидской границей, установлен неусыпный надзор за курдскими племенами, находившимися под турецким влиянием.

После поражения турок под Сарыкамьшем и в Персидском Азербайджане в настроениях персидских курдов наметился перелом. Курды дезертировали целыми отрядами, многие вожди желали перейти на сторону России. Вспыхнули ссоры между племенами, а также между персидскими и турецкими курдами. Этим попыталось воспользоваться шахское правительство, стремившееся (отчасти под давлением Антанты,

неоднократно требовавших от Тегерана прекращения насилий курдов над христианами) прекратить смуту в Курдистане и подчинить курдских вождей своей власти. Однако действия шахских властей только обострили и без того беспокойное положение в курдских районах. Так, по наущению турецких эмиссаров и немецких агентов для устрашения курдов был казнен сердар (губернатор) провинции Курдистан Хусейн-хан Мукри, который, хотя и не обладал уже реальной властью, был единственным сторонником правительства среди курдских племенных вождей.

С марта 1915 г. турецко-германская агентура усилила пропаганду среди персидских курдов. Турецкие эмиссары агитировали курдов в пограничных с Россией районах Северо-Западной Персии. Особенно в этом преуспел германский генеральный консул в Тебризе Литтен.

В Салмасе антирусская агитация турецких и германских агентов сопровождалась разжиганием вражды между различными национальными группами и насилиями над жителями. Особую активность проявили турки и немцы в приурмийском округе и в южных районах Западной Персии, чтобы создать сплошной «курдский» заслон между русскими и английскими войсками и воспрепятствовать обходу русскими войсками правого фланга турецкой армии на Кавказском фронте — южнее озера Ван.

В начале марта 1915 г. для антирусской агитации в Керманшах прибыл германский консул в сопровождении немецких и турецких офицеров. Вскоре курдский отряд, предводительствуемый турецким офицером Мухтар-беем, занял Хамадан. Русский вице-консул в Казвине Бравин предупредил русское правительство, что турки планируют захватить весь район Хамадана — Керманшаха. И, как показали дальнейшие события, он оказался прав.

В начале апреля через Касре-Ширин по дороге в Тегеран проследовали германский посланник князь Рейс и австрийский посланник Логотетти. Они везли с собой 70 ящиков с 40 тысячами ружей системы «Маузер» для раздачи племенам Курдистана и Керман-шаха. Воспользовавшись конфликтом с Персией, который возник из-за репрессий тегеранских властей против некоторых племен, четырехтысячный турецкий отряд занял Касре-Ширин, после чего турки и начали подготовку к наступлению на Керманшах. Но курдские племена кельхор и сенджаби неожиданно оказали им сопротивление, что заставило турецкое командование отложить наступление.

В такой ситуации русское командование решило провести операцию, целью которой было заставить курдов воздержаться от выступлений против России. В мае—июне 1915 г. конный отряд под командованием генерала

Ф.Ф. Шарпантье в составе 36 эскадронов и сотен и 22 орудий совершил рейд на левом фланге 4-го корпуса в направлении Тебриз — Соуч-Бухан и далее по южному берегу озера Урмия. 28 мая был занят Соуч-Бухан. 31 мая русские заняли Ушну.

Таким образом, русские войска заняли главные и самые густонаселенные центры Персидского Курдистана, где турки формировали больше всего курдских отрядов. Русское командование смогло теперь ослабить Азербайджанский отряд и за его счет усилить свои войска на мушском и ванском направлениях. Однако деятельность германо-турецкой агентуры в течение всего 1915 г. не ослабевала. Особо стоит отметить миссию знаменитого разведчика лейтенанта Оскара фон Нидермайера. Военная экспедиция в страны Ближнего Востока была организована по инициативе военного министра Турции Энвер-паши немецким и турецким Генштабами. Она была предпринята с целью вовлечения стран Ближнего Востока в войну и, в частности, чтобы склонить Афганистан к вступлению в войну на стороне Германии, а также чтобы поднять против англичан повстанческое движение в Персии, Афганистане, Белуджистане и Индии, что должно было отвлечь от основных фронтов большие военные силы союзников.

Руководство столь важной экспедицией было доверено лейтенанту исключительно потому, что Нидермайер с 1912 по 1914 г. участвовал в научной военной экспедиции и побывал в Персии, Индии, Аравии, Египте, Палестине и Сирии. Целью экспедиции являлось изучение географии и геологии указанных местностей. Формально эта экспедиция была отправлена от Академии наук Мюнхена.

В составе экспедиции было около 350 человек, в том числе 40 германских офицеров. Рядовой состав был укомплектован из персов, афганцев и индусов, которые, как хорошо знающие местную обстановку, были завербованы из числа военнопленных. Часть рядовых были турецкими солдатами.

Экспедиция состояла из трех групп, у каждой группы были свои особые задачи. Группы назывались: Белуджистанская, Персидская и Афганская.

Задачей Белуджистанской группы являлось проникновение в Белуджистан, чтобы поднять там повстанческое движение местных племен против англичан. Руководил группой профессор Мюнхенского университета Эрик Цугмайер.

Перед Персидской группой стояла задача проникновения в Южную Персию, где в то время дислоцировались британские войска. Группа

должна была поднять на вооруженную борьбу против англичан враждебные к ним племена. Этой группой руководил бывший немецкий консул в Багдаде Сайдер.

Задачей Афганской группы было проникновение в Афганистан, чтобы подкупами и территориальными обещаниями склонить эмира Хабибуллу-хана к объявлению войны союзникам. Предполагалось организовать в Афганистане, а также в Западной Индии повстанческое движение против англичан. Этой группой и руководил интересующий нас лейтенант Оскар фон Нидермайер.

Воспользовавшись тем, что в Луристане (область в Средней Персии) не было русских войск, экспедиция беспрепятственно пересекла страну с запада на восток, продвигаясь безлюдными пустынями — тем же путем, которым Нидермайер шел во время научной экспедиции в 1912—1914 гг. За это время он много раз вел переговоры с эмирами и представителями афганских правительственных кругов. Нидермайер от имени кайзера пообещал эмиру в случае его вступления в войну на стороне Германии оказать ему помощь в создании так называемого «Великого Афганистана», то есть присоединить к нему английский и персидский Белуджистан. Эмир, с одной стороны, был согласен объявить войну союзникам, но с другой стороны, он боялся, что своими силами не сможет противостоять союзникам. И Хабибулла-хан выдвинул условие — переправить в Афганистан несколько германских дивизий. Однако Германия физически не могла этого сделать, и эмир отказался выступать против союзников, заявив о своем нейтралитете, хотя и выполнял его только формально. Нидермайер провел в Афганистане ряд мероприятий, которые вызвали у англичан большое беспокойство и заставили их держать в Индии на афганской границе группировку войск численностью до 80 тысяч человек.

По утверждению Нидермайера, «вся персидская жандармерия работала на немцев. Руководили персидской жандармерией шведские офицеры, которые еще до начала войны были завербованы немцами. В результате немцам удалось создать в Персии, Афганистане и Индии из отдельных племен крупные вооруженные отряды, которые, действуя скрытно, нападали на группы английских солдат. В частности, такие отряды были созданы из: бакриаров, кашчай, калхор в Персии, афридов-махмандов, банеров — в Афганистане и Индии.

С демагогической целью мною [Нидермайером] были проведены следующие мероприятия. По согласованию с эмиром мы (немецкие офицеры) занялись реорганизацией афганской армии и Генштаба. Мы организовали несколько офицерских школ и военную академию, в которой

я являлся начальником учебной части. В качестве преподавателей служили немецкие офицеры, а также значительная часть австрийских офицеров, бежавших в Афганистан из русского плена. Под руководством немецких офицеров была построена оборонительная линия по защите Кабула, которая демонстративно направлялась против Индии. Под моим руководством проведены маневры афганских войск, которые также имели демонстративное направление против Индии. Кроме того, по моей инициативе на границе с Индией был устроен артиллерийский полигон, где постоянно производились артобстрелы.

Проведение этих материалов имело чисто демонстративный характер, так как мы не располагали возможностями для их материального обеспечения. Например: построенная оборонительная линия Кабула состояла только из фортификационных сооружений и совсем не была обеспечена вооружением...

Возвращаясь из Афганистана в Иран летом 1916 года, я узнал, что оставшиеся там для проведения работы наши группы англичанами ликвидированы. Поэтому я, переодевшись в гражданскую персидскую одежду, нелегально перебрался в Турцию, затем прибыл в Германию для отчета о проделанном. Здесь я был принят лично кайзером Вильгельмом II, который остался очень доволен моей деятельностью и лично наградил меня высшим орденом»^[93].

Забегая вперед, скажу, что 6 июня 1945 г. генерал-майор Оскар фон Нидермайер был задержан контрразведкой «СМЕРШ» 1-го Украинского фронта. На допросе в Москве 28 августа 1945 г. Нидермайер заявил, что, «находясь в Иране, я имел широкое общение с представителями русских и английских дипломатических и военных миссий. В разговорах с ними я выяснил те вопросы, по которым информировал Зандерса»^[94]. [Генерал Лиман фон Зандерс — глава германской военной миссии в Турции.]

Но, что любопытно, допрашивавшие даже не пожелали уточнить, о чем идет речь, и быстро перевели разговор на другую тему. Больше о своем «широком общении» с русскими и британскими дипломатами и военными Нидермайер разговор не поднимал. Так что мы никогда не узнаем о секретных переговорах русских властей в Персии с германским разведчиком. Нидермаейр 10 июля 1948 г. был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей. 25 сентября того же года он умер, отбывая срок наказания во Владимирской тюрьме МВД СССР. 28 февраля 1997 г. германский разведчик Нидермайер был реабилитирован Главной военной прокуратурой.

Помимо экспедиции Нидермайера, в 1915 г. в Персии были и другие германские агенты, среди которых выделялись германские эмиссары граф Каниц (военный атташе в Тегеране), Шюнеман, Васмус (действовавший на юге страны). В округе Керманшаха действовал Шюнеман. Он собрал отряд численностью до двух тысяч всадников и собирался двинуться в центральные районы Персидского Курдистана, чтобы, по словам русского посланника в Иране Эттера, «возбудить племена и взять их под свое покровительство». Некоторые племена ему уже удалось привлечь на свою сторону. Рядовым всадникам он платил по 15 туманов, а вождям племен — по 30 туманов в месяц. С помощью курдов Шюнеман и другие германские агенты планировали в первую очередь захватить Хамадан.

Осенью 1914 г. Англия существенно расширяла свое военное присутствие в зоне Персидского залива и в Персии. Британские войска, нарушив персидский суверенитет, 10 октября оккупировали остров Абадан и персидское побережье реки Шатт-эль-Араб. А еще раньше англо-индийские войска захватили форт Фао в Месопотамии. В персидском порту Бушир высадился английский пехотный батальон. Англичане мотивировали свои действия необходимостью охранять нефтепромыслы и предприятия АПНК.

В формировании и проведении новой политики в отношении юга Персии огромную роль сыграл британский резидент в зоне Персидского залива сэр Перси Кокс. Своей резиденцией он сделал Бушир, в 1915 г. он временно перенес резиденцию в Басру. Кокс упорно добивался усиления английского влияния на юге Персии и ослабления связей этого района с тегеранским правительством. В январе 1915 г. в беседе с русским посланником в Тегеране Коростовцем английский посланник в Тегеране Тоунлей жаловался, что Кокс действует «почти самостоятельно». Однако Тоунлей предложил России проводить в северных провинциях Персии такую же «децентрализацию», какую проводил в отношении Юго-Западной Персии Кокс.

Британские дипломаты в годы мировой войны не скрывали от своих русских коллег планов фактического отторжения южной части Персии. Интересна телеграмма российского посланника из Тегерана, в которой излагаются взгляды Тоунлея на послевоенную Персию. В телеграмме явно говорилось о том, что англичане к концу войны планировали положить конец Персии, как государству. Указывая на явные признаки разложения верховной власти, Тоунлей советовал Коростовцу не пытаться останавливать этот процесс. Далее русский посланник писал о «неизбежности англо-русского контроля, как только события в Европе

позволят лондонскому и петроградскому правительствам уделять больше внимания персидским делам... Вообще в воззрениях моего английского товарища за последнее время произошла радикальная перемена: он перестал говорить о возрождении Персии, о поддержании ее суверенитета и самостоятельности».

Чтобы подготовить почву для отторжения после окончания войны не только Южной, но и Центральной Персии, англичане стали добиваться пересмотра условий англо-русской конвенции 1907 г. Англичане изложили свой план в меморандуме, врученном министру иностранных дел России 27 февраля (12 марта) 1915 г. В меморандуме говорилось, что министр иностранных дел Англии Э. Грэй предлагает пересмотреть «касающуюся Персии часть англо-русского соглашения 1907 г. в смысле признания нынешней нейтральной сферы как сферы английской». И 20 марта русское правительство согласилось на изменение прежней договоренности о разделе сфер влияния на Среднем Востоке. «Нейтральная зона» (по определению англо-русской конвенции 1907 г.) в Персии была отнесена к английской сфере влияния, а России, в случае победы в войне и удовлетворения территориальных претензий Англии и Франции, предоставлялось право установить свой контроль над Стамбулом и черноморскими проливами.

В ряде случаев резидент Кокс действовал политически безграмотно. Так, его поддержка ряда племен, например, бахтиар, вызвала раздражение их союзников кашкайцев, тенгистанцев и др. В течение 1915 г. в Южной и Центральной Персии регулярно происходили антибританские выступления туземных племен. В феврале 1915 г. на юге страны повстанцы вывели из строя британский нефтепровод. В декабре 1915 г. губернатор Кермана бахтиарский хан Сардар Зафар открыто поддерживал антианглийское движение повстанцев.

10 ноября 1915 г. в Ширазе началось антианглийское восстание под руководством германского агента Васмуса. Британский консул и все английские подданные были арестованы. В Исфахане отряд бахтиар и муджахидов (ополченцев из сторонников националистов) разгромили отделение Шахиншахского банка.

В конце 1915 г. в городе Куме члены Демократической партии создали «Комитет национальной защиты», который получил поддержку из Кашана и Исфахана. Под натиском наступавших русских войск вооруженные отряды националистов отступили в Исфахан, а затем в Керманшах. Там они под руководством губернатора Лурестана (Пошткуха) Назем ос-Салтане создали оппозиционное «национальное правительство», формально

существовавшее до конца войны. В Керман-шахе находился лидер Демократической партии Солейман Мирза. Еще раньше на сторону буржуазных националистов перешла большая часть местной персидской жандармерии во главе со шведскими офицерами.

В этой ситуации Англия начала активную деятельность по подавлению антибританских выступлений. Английские дипломаты «кнутом и пряником» добивались санкций шахского правительства против германских и турецких эмиссаров. Англичане в основном надеялись на «старших» бахтиарских ханов, проживавших в Тегеране. Английский посланник передал им 200 тысяч туманов.

Русский посланник сообщал в Петроград, что «под предлогом урегулирования некоторых тяжёбных дел Сардар Асада и Самсам ос-Салтане глава английской миссии вчера вручил каждому из них по три тысячи фунтов стерлингов».

Таким образом англичане пытались организовать вооруженное сопротивление бахтиар сторонникам Германии и Турции. Но английскому ставленнику сардару Джангу не удавалось установить свое политическое влияние над находившимися под властью бахтиар районам в Юго-Западной Персии. Но официальные британские представители продолжали оказывать финансовую поддержку сардару Джангу и иль-беги бахтиар Бахадуру Дженгу. Летом 1915 г. Кокс вручил этим ханам по тысяче фунтов стерлингов. Его попытки получить от них если не письменное, то хотя бы устное подтверждение обязательства поддержать Англию в случае вступления Персии в войну на стороне центральных держав не увенчались успехом. Хань объясняли свой отказ тем, что, как подданные персидского шаха, они в вопросах войны и мира вынуждены следовать политике шахского правительства.

Такая позиция бахтиарских ханов, возвысившихся только благодаря поддержке Великобритании, никак не устраивала английских дипломатов. И уже осенью 1915 г. сардар Джанг был смещен, а новым ильханом с подачи англичан стал Голам Хосейн хан (сардар Мохташем). 13 декабря того же года английские представители заключили с ним крайне выгодное для Англии и АПНК соглашение, за что ильхан получил от англичан 1500 фунтов стерлингов, а ильбеги — 1000 фунтов стерлингов. Через два месяца это соглашение подтвердили и «старшие» бахтиарские хань, проживавшие в Тегеране.

В соответствии с этим новым соглашением хань обязались: защищать нефтяные промыслы АПНК; не перекочевывать в районы, примыкавшие к южным границам бахтиарских владений, «за исключением тех случаев,

когда это придется совершить по указанию персидского правительства»; поддерживать дружественные отношения с шейхом Хазалем и не предоставлять убежища его «беглым подданным»; пресекать антианглийскую агитацию и волнения в Бахтиарии; не поднимать оружие против Великобритании и ее союзников, «пока между Англией и Ираном сохранится мир»; в случае расширения антианглийских выступлений в Персии препятствовать участию в них членов подвластных им племен; защищать жизнь английских подданных и охранять их имущество и т.д.

В случае нарушений условий этого англо-бахтиарского соглашения ханами, подписавшими его, их доля в АПНК подлежала конфискации английским правительством.

В начале 1916 г. английские офицеры сформировали на юге Персии отряды наемников, получивших название «Южноперсидские стрелки» («South Persian Rifles»), которыми командовал сэр Перси Сайке. Офицерский состав также был укомплектован англичанами. Главной задачей этих стрелков стала зачистка юго-западных и центральных провинций Персии от действовавших там германских и турецких эмиссаров и агитаторов. Параллельно стрелки воевали с персидскими полукочевыми племенами, нападавшими на британские учреждения и предприятия. Эти мероприятия завершились только к январю 1917 г.

Англичане направили русскому посланнику И.Я. Коростовцу в Тегеран депешу, в которой говорилось, что из Шираза в Исфахан была выслана «партия вражеских агитаторов, задержанных в разное время в Южной Персии... для передачи их в Исфахане русским войскам и выдворения в Россию в качестве военнопленных». Эта «партия» состояла из 66 человек, среди которых были такие известные разведчики, как уже знакомый нам Нидермайер, а также Цугмайер, Шредер, австрийцы, турки, персы (бывшие жандармы, сочувствовавшие немцам и туркам). Все арестованные были переданы русским властям и под конвоем солдат отправлены в Баку, а оттуда — в лагерь военнопленных на небольшом островке Наргин в Каспийском море.

К началу 1917 г. британские воинские части контролировали почти все южные провинции Персии.

Осенью 1915 г. в дополнение к русским войскам, сражавшимся на турецкой границе, из Туркестана в восточную Персию вошел конный отряд из тысячи казаков при четырех пушках, получивший наименование по месту своего назначения — Хорасанский. Этот отряд задержал и арестовал в Хорасане германско-турецкие отряды, следовавшие к афгано-персидской границе, и установил совместно с английским отрядом, достигшим

Сенетана, подвижную завесу от Каспийского моря до Индийского океана.

Из войск Кавказской армии был сформирован кавалерийский корпус генерала от кавалерии Н.Н. Баратова в составе трех батальонов, 39 сотен (всего около 8 тыс. человек) и 20 пушек. Корпус Баратова был перевезен из Баку по Каспийскому морю и 30 октября высажен в порту Энзели. К 11 ноября корпус сосредоточился в районе Казвина.

Между тем в городе Керманшахе собрались прогерманские отряды персидской жандармерии и наемников. В начале декабря они заняли город Хамадан.

Для противодействия им корпус Баратова 6 декабря выступил из Казвина и, выделив часть сил на направление между Хамаданом и Тегераном с целью прикрыть Тегеран и действовать далее на Кашан и Исфахан, с остальными направился к Хамадану. В нескольких стычках прогерманские формирования были рассеяны. 16 декабря русскими был занят Хамадан, а затем — Доулетабад.

Еще в ноябре 1914 г. английские войска при поддержке флота заняли турецкий форт Фао в устье реки Шат-эль-Араба. В реку был введен английский броненосец и другие корабли. Не имея возможности противостоять им, турки оставили Басру — важный порт в 70 милях от устья реки. Затем английские войска при поддержке канонерских лодок двинулись вверх по Шат-эль-Арабу и заняли город Курн, расположенный у слияния Тигра и Евфрата. К концу сентября английский экспедиционный корпус генерала Тауншенда занял линию Кербела — Кут-эль-Амара, а в ноябре, не доходя 35 км до Багдада, достиг района городища Ктезифан.

Английское командование попросило русских оказать помощь британским войскам выдвиганием частей корпуса генерала Баратова в Керманшах и Ханекин. Штаб Кавказской армии дал согласие, но в свою очередь поставил вопрос о командировании английского отряда навстречу русским с тем, чтобы объединенными силами повести наступление на Багдад и далее через Мосул — в пределы основной территории Турции. Однако в Лондоне отвергли этот план из-за боязни проникновения России в районы Месопотамии, богатые нефтью и хлопком.

В результате у городища Ктезифан турки 22 ноября 1915 г. наголову разбили англичан. Остатки экспедиционного корпуса отступили 3 декабря к Кут-эль-Амаре, где и были осаждены турецкими войсками под командованием генерала фон дер Гольца (Гольц-паши). В апреле 1916 г. английский корпус капитулировал в Кут-Эль-Амаре. Генерал Тауншенд сдался с 10 тысячами солдат и офицеров.

В 1916 г. персидскому корпусу Баратова было приказано начать

наступление с целью не допустить переброску турецких войск из Месопотамии (после разгрома англичан) к Эрзеруму.

Генерал Баратов начал наступление в январе. Он повел его в западном направлении к Багдаду, а часть сил направил на юг. В январе-феврале экспедиционным корпусом была занята линия Кянгевер — Доулетабад — Султанабад. В течение февраля и марта русские войска продвинулись до Биджара, Керманшаха и Кашана и, наконец, 20 марта заняли Исфахан — важный узел дорог. В Исфахане был ликвидирован германский пропагандистский центр, ставивший своей задачей взбунтовать многочисленное и воинственное кочевое племя бахтиар и устроить резню русских и англичан в ряде городов.

Тяжелое положение английского корпуса, осажденного в Кут-эль-Амаре, заставило английское правительство просить содействия русских наступлением на Багдад. Поэтому экспедиционный корпус Баратова возобновил свое наступление в западном направлении. В апреле русскими войсками был занят Керинд, в мае — Касриширин, и таким образом русские войска, тесня отступающие турецкие отряды, подошли на багдадском направлении к турецкой границе, причем для связи с англичанами была выслана сотня в Ставку англичан в Зорбатию. Эта сотня, прибыв 22 мая в английскую Ставку, доказала возможность для англичан направить свои войска для совместного действия с русскими. Однако английское командование по-прежнему не желало непосредственно взаимодействовать с русской армией.

Успехи Баратова серьезно обеспокоили германского фельдмаршала фон дер Гольца, командовавшего Шестой турецкой армией, которая в составе 20 тысяч человек находилась в 150 км южнее Багдада у Кут-эль-Амара, и он решил нанести поражение русским. Пленение англичан в Кут-эль-Амаре позволило туркам предпринять наступление против Баратова большей частью своих сил (15 тысяч штыков 13-го корпуса), оставив южнее Кут-эль-Амара лишь 8 тысяч штыков против англичан, силы которых составляли до 25 тысяч человек. 13-му корпусу были приданы германская артиллерия, пулеметы и средства радиосвязи.

Наступление турок против Баратова началось 2 июля 1916 г. Хотя корпус Баратова к этому времени был усилен и насчитывал в своем составе до 13 батальонов и дружин, 65 эскадронов и сотен (10016 штыков и 7392 сабли), 35 орудий, ему уже в середине июля пришлось оставить Ханикин. 15 июля турки заняли Керманшах, а 10 августа — Хамадан, восточнее которого русские остановили дельнейшее продвижение противника.

Генерал Баратов счел целесообразным приостановить продвижение

своих частей в Месопотамии. Нездоровый тропический климат Месопотамии, когда заболеваемость малярией в некоторых частях достигала 80% личного состава, вынудила отвести в мае части корпуса в более благоприятные по климатическим условиям горные районы Персии. Для наблюдения за турками и для связи с англичанами были оставлены только две сотни.

В 1916 г. персидская казачья бригада была развернута в дивизию, которой командовал генерал-майор барон Майдель. Число русских инструкторов почти утроилось, а при кадетском корпусе был открыт специальный седьмой класс. После Октябрьской революции генерал Майдель был смещен с должности. Дивизию в декабре принял полковник Клерже, которого в феврале 1918 г. сменил полковник Старосельский.

В 1917 г. в Персии оказались целый ряд российских будущих знаменитостей. Так, в конце 1917 г. в Персию был выслан один из убийц Распутина великий князь Дмитрий Павлович. Когда летом 1917 г. в русских частях в Персии начался развал, Дмитрий Павлович на всякий случай перебрался в Тегеран, где поселился у английского посла Марлинга. Там великий князь поступил на службу в Британские экспедиционные силы в Месопотамии и получил чин капитана.

В начале 1917 г. в Персию прибыл с отрядом кубанских казаков полковник Андрей Шкуро. В июне — августе 1917 г. он сколотил «партизанский» отряд из трех сотен кубанцев при двух конных горных орудиях, пехотного батальона при горной батарее и действовал фактически независимо от русского командования. Осенью 1917 г. Шкуро отправился в Россию.

В своих «Записках белого партизана» Шкуро хорошо показал степень разложения русских частей в Персии в 1917 г. К началу мая «Энзелийский гарнизон уже пришел в состояние разложения. Там задавали тон потерявшие всякий воинский облик матросы Каспийской флотилии. Местные войсковые комитеты выносили демагогические резолюции и решения, окончательно сбивавшие с толку бросивших службу и слонявшихся без дела солдат. Появление моих бравых партизан, сохранивших полную старорежимную дисциплинированность, отвечавших по-прежнему на приветствия офицеров и щеголявших молодевавшим отданием чести, становившихся часто мне, как начальнику отряда, во фронт, не могло не оскорбить "революционного сознания" энзелийского сброда. Произошел ряд столкновений между пехотинцами и партизанами, доходивших до крупных потасовок; особенно острые столкновения возникали у казаков с матросами...

В начале июня мы двинулись походом на Решт и Казвин. Каждые 30 верст были расположены дорожные этапные посты, в обязанности которых входила охрана пути, а также заготовка продовольствия и запасов фуража для проходивших по дороге воинских частей, патрулирование и охрана дороги, телеграфных и телефонных линий от нападений курдов и персидских разбойников. Во главе каждого такого поста стоял этапный комендант с гарнизоном солдат старших сроков службы. Этапные солдаты, обязанности которых были очень легкими сравнительно со службой боевых солдат, сочли происшедшую революцию как освобождение и от их незначительных обязанностей, и положительно бесились от безделья. Единственным их занятием был сбор получаемых новостей от проходящих мимо эшелонов и пускание всевозможных, отнюдь не укреплявших боеспособность, уток и сплетен. Приходя после утомительных переходов на этап, несмотря на телеграфное предупреждение, мы не получали ни пищи, ни фуража для коней и, измученные, должны были раздобывать это как могли. В ответ на мои упреки этапные коменданты оправдывались отказом их подчиненных от какой-либо работы. Видя, что так мы не дойдем до цели, я решил привести этап в христианский вид. Высылаемые на переход вперед отряда сильные разъезды должны были напоминать этапам, что сзади идет нуждающийся в их услугах внушительный отряд. Первые дни этапные солдаты относились недостаточно внимательно к убеждениям начальников разъездов, но после того, как разъезды преподали несколько хороших уроков неповинуящимся, а подошедший отряд дополнил "обучение", слава о сварливости шкуринцев значительно опередила движение отряда, и, приходя на этапы, мы купались в изобилии. Более того — этапные команды выстраивались перед нашим прибытием на шоссе и встречали нас с почетом.

Дорогой мы встречали подчас возвращавшихся с фронта агитаторов, многие из коих были рады свежей аудитории, за каковую считали моих партизан. Казаки очень охотно выслушивали этих носителей нового мировоззрения, но, однако, редко кто из них уходил после этого Целым. Обыкновенно после окончания дискуссии, и притом по собственной инициативе, неблагодарные казаки их сильно пороли плетками. Так они высекли, между прочим, одного весьма красноречивого "высокопоставленного" господина Финкеля, комиссара Бакинского комитета, командированного в штаб ген. Баратова и пытавшегося разъяснить станичникам контрреволюционность моего мировоззрения. После этого агитаторы, вероятно, сочли мой отряд недостаточно подготовленным к восприятию новых идей и стали искать более

благодарной аудитории...

Известия о неудачном исходе похода Корнилова на Петроград докатились уже до Кавказа, и тыловые комитеты бомбардировали полки телеграммами, предупреждающими о контрреволюционности офицерства. В войсках, стоявших на позициях, начались брожение, смуты, возникло недоверие к своим начальникам. Приехавшие агитаторы проповедовали анархию и большевизм. Первыми поддались заразе стрелки Туркестанской бригады и пограничники; случаи неисполнения боевых приказов стали нередкими. Турки приободрились и почти повсюду, как на нашем фронте, так и в Месопотамии, перешли в наступление. Получавшие субсидии от турецких и немецких эмиссаров курдские племена обнаглели, нападали на наши тылы и рвали коммуникации. Из крепких частей оставались еще на фронте лишь 1-я Кавказская казачья дивизия, Кубанская отдельная конная бригада, отряд партизан войсковых старшин Лазаря Бичерахова и вновь прибывший отряд. Необходимо было во что бы то ни стало продержаться на фронте хотя бы несколько месяцев, чтобы дать возможность эвакуировать находившееся в Персии громадное русское имущество, а также чтобы успело подойти подкрепление к дравшемуся в Месопотамии английскому экспедиционному отряду.

По новой диспозиции генерала Баратова бичераховские партизаны должны были держаться у Керманшаха и Коршеда до смены их английскими войсками»^[95].

Наконец, в октябре 1917 г. в Персию прибыл добровольцем 22-летний поэт Эдуард Багрицкий. Он поступил на службу делопроизводителем в 25-м «врачебно-питательном» отряде. В феврале 1918 г. Багрицкий вернулся в Одессу.

В заключение стоит сказать о позиции Временного правительства по отношению к Персии. Уже 17 марта 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства П.И. Миллюков телеграфировал временному поверенному в делах в Тегеране В.Ф. Минорскому: «Считаем... полезным довести до сведения шахского правительства, что Россия по-прежнему будет придерживаться полного взаимодействия с Англией в персидских делах и... политика России не претерпит никакого изменения. Имейте, однако, в виду, что при новом нашем строе нам нельзя открыто выступать против либеральных веяний в Персии».

Сменивший Миллюкова новый министр М.И. Терещенко наставлял того же Минорского: «Общее направление нашей политики в Персии, оставаясь на прежней почве полного взаимодействия с Англией, должно, тем не менее, принять более демократический характер, чем было прежде.

В частности, надо по возможности сократить покровительствование разным отдельным личностям и, сближаясь с местными либеральными элементами, способствовать отстаиванию прав и интересов народа»^[96].

В июне 1917 г. Минорский писал М.И.Терещенко о своей идее предоставления автономии Иранскому Азербайджану: «Имею честь сообщить, что записка об автономии Азербайджана была составлена мною, сколько помню, зимою 1908—09 года. Копий было сделано всего 5—6, из них одна была передана г. Персиани, другая, сколько помню, бар. Нольде. У меня сейчас копий нет.

Возникла записка по поводу заявления группы азербайджанских депутатов меджлиса.

Я указывал на особую историю Азербайджана, на этнографические и языковые особенности его населения и на резкое отличие характера решительных и более прямых азербайджанских турок от более тонких, но более мягких и слабых персов.

Я указывал на связи Азербайджана с Закавказьем, невозможность сразу реформировать всю Персию и на предпочтительность избрать Азербайджан своего рода опытным полем реформ, откуда они могли бы распространиться и далее...

В мысли у меня было переименование Генерального Консульства в Азербайджане, по крайней мере, в сношениях с Кавказом, в резиденции, как это имеет место у англичан в Бушире, подчинение ему других консулов Азербайджана, командирование в провинции русских советников, создание азербайджанцами провинциального собрания с правом расформировать прежде всего податную систему и суд и т.д.

В настоящее время лозунг "национального самоопределения" особенно силен, и ввиду исключения мысли о завоевательных намерениях России его, вероятно, легче было бы провести в жизнь при нашем содействии. "Автономия Азербайджана" упоминалась уже не раз на мусульманских собраниях в России (например, в Елизаветполе) и, по упорным слухам, также в Тавризе.

Каковы же были бы цели подобной политической тенденции? Для самих азербайджанских турок выгоды объединения и самоуправления ясны. Среди персидского государственного организма эта национальная группа составляет самое крепкое и здоровое ядро.

Для России выделение Азербайджана означало бы более тесное сближение его с Закавказьем и могло бы быть использовано для проведения реформ и улучшений. До настоящего времени мы о них много говорили, но фактическое осуществление их всегда отклоняли от себя и поручали то

бельгийцам, то французам и т.д. Мы как будто не доверяли своим силам и боялись прямого вмешательства. Между тем нельзя же сравнивать Закавказье с положением Персии, которая еще через много лет не получит ничего подобного; при таком порядке мы могли бы дать немало добрых советов, тем более что наибольшие аналогии для Азербайджана дает именно Закавказье, а не Алжир, Конго или Куба.

Что касается боязни "вмешательства", то раз мы широко допускали его с нашими покровительствуемыми и т.д., нечего было опасаться его и в интересах реформ и справедливости. Наконец, если прежде мы естественно прятались за "нейтральных", а в конце концов тормозили их работу, то теперь, если нам действительно удастся сблизиться с персидским народом, мы можем открыто выступать в качестве советчиков. Не добиваясь сразу прямого участия в реформах, мы могли бы прикомандировать к нашим консульствам опытных людей, знающих административные и земельные вопросы, для известной агитации и для направления общественной мысли. Мы действовали бы не прямо, преподнося реформу сверху, а снизу, стремясь пробудить интерес к реформам и требование их. Если бы наши агенты приобрели к себе такое доверие, какое приобрели некоторые немецкие агенты вроде Шюнемана, вероятно, не было бы препятствий к принятию их и формально на персидскую службу.

По отношению к России имеется еще немало предрассудков, и сразу их не победить, но если персы убедятся, что мы действительно за реформы, что мы знаем больше их, что мы хотим не благодетельствовать, а помочь, что мы не набираем спекулятивных концессий, а хотим поднятия экономической жизни страны, не исключая из нее участия населения, многое станет осуществляться гораздо легче.

Я повторяю лишь свою старую формулу: "Азербайджан должен быть опытным полем", на котором мы можем произвести первые опыты нашей новой политики»^[97].

Секретную телеграмму в Петроград с предложением об автономии для курдов Ирана и Сулеймании (Азиатской Турции) В.Ф. Минорский отправил в феврале 1917 г. Он утверждал, что: «Сулеймания — главный очаг курдской письменности. Сулейманийцы языком и происхождением тесно связаны с курдами Соуджбулага [ныне Мехабад в Иранском Курдистане]. Было бы достойно наших усилий создать сепаратистское движение, обещая курдам Сулеймании независимость или полунезависимость под суверенитетом Персии... Кадры эмиссаров можно образовать из наших пленных сулейманийцев... Изложенный план представляется практичным,

особенно с точки зрения нашего контроля над железнодорожными подходами из Месопотамии к нашей персидской зоне»[\[98\]](#).

Увы, Октябрьская революция поставила крест на прожектах В.Ф. Минорского.

Глава 15

РУССКИЕ УХОДЯТ С КАВКАЗА

Февральская революция в России поставила крест на наступательных планах русского командования. С лета 1917 г. начался развал Кавказской армии. Пехотные части самовольно покидали позиции и отправлялись в тыл. Казачьи части организованно уходили на Кубань и Терек. После Октябрьской революции развал армии резко усиливается.

Одним из первых внешнеполитических актов Советской России стало обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г., которым определялись официальные принципы внешней политики советского правительства в отношении Персии. Там говорилось: «Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы»^[99].

2 (15) ноября 1917 г. Бакинский совет взял власть в городе и образовал первую в Закавказье Советскую республику. 25 апреля 1918 г. Бакинский совет создал «орган пролетарской диктатуры» в Азербайджане — Совет народных комиссаров (СНК) под руководством С.Г. Шаумяна.

15 (28) ноября 1917 г. меньшевиками, эсерами, дашнаками и мусаватистами в Тифлисе создается Закавказский комиссариат. Фактически это было националистическое правительство Закавказья (Азербайджана, Армении и Грузии). Закавказский комиссариат приступил к разоружению пробольшеvistски настроенных частей Кавказской армии.

5 (18) декабря 1917 г. в городке Эрзинджан в Анатолии было подписано перемирие между русскими и турками. При этом турецкое командование обязалось заставить курдов выполнять договор. В случае враждебных действий курдов русские войска имели право поступать с ними как с разбойниками.

По условиям перемирия русские и турецкие войска должны были покинуть Персию. А турки, в свою очередь, заняли ряд ее западных и северных районов.

3 марта 1918 г. Советская Россия была вынуждена заключить с Германией «препохабнейший» Брестский мир. Статья 4 мирного договора гласила: «Россия сделает все, что в ее силах, чтобы обеспечить скорый вывод войск из западных провинций Анатолии и их возвращение Турции.

Ардаган, Каре и Батум будут незамедлительно освобождены от российских войск». В этом договоре Армения ни разу не упоминалась.

Закавказский сейм не признал Брестский договор и направил на имя Совнаркома в Петроград телеграмму, извещавшую, что «он не признает Брестский мир, так как Закавказье никогда не признавало большевистской власти и Совета Народных комиссаров». Турция, основываясь на статьях Брестского договора, предъявила ультиматум Закавказскому сейму о немедленном очищении Карса, Батума и Ардагана. В этих условиях 14 марта 1918 г. в Трабзоне открылась мирная конференция между Турцией и Закавказьем.

В феврале 1918 г. Закавказский сейм принял решение сформировать Грузинский, Армянский, Мусульманский и Русский корпуса, а также Греческую дивизию. Однако это решение осталось на бумаге. Грузинский корпус вообще не был создан, мусульманские отряды перешли на сторону турок. В Закавказье оказалось множество русских офицеров, гимназистов, казаков и т.д., которые хотели и могли воевать с турками. Но сейм позже запретил создание Русского корпуса. Единственной боеспособной частью стал Армянский корпус. Причем его ударной силой стал отряд Андраника Сасунского, сформированный в начале 1918 г. в Александрополе.

Во время трабзонских переговоров военные действия продолжались. Русских солдат к этому времени в Карской области практически не осталось, а фронт держали 20—30 тысяч армянских добровольцев. Люд командованием генерала Назарбеяна.

Турецкие генералы мечтали о захвате всего Закавказья и Западной Персии, поэтому они сорвали переговоры и начали наступление в Закавказье.

Силы были неравны, и 30 января турки заняли Эрзинджан, 4 февраля — Байбурт, 8 февраля — Мемахатун, 29 февраля — Эрзерум, а в марте ими была занята вся турецкая территория, оккупированная русскими в Первую мировую войну.

И тут председатель Закавказского правительства А. Чхенкели отдал приказ генералу Назарбеяну отступать.

15 апреля турецкие войска без боя заняли Батум, а 25 апреля — Карс. Армянские войска могли удерживать самую мощную на Ближнем Востоке крепость как минимум несколько месяцев. Но из-за преступного приказа они покинули Каре. Туркам досталось около 600 исправных русских орудий, десятки тысяч винтовок, десятки автомобилей, склады, забитые боеприпасами и обмундированием. В Карсе турки устроили массовые грабежи среди мирного населения и резню армян.

Однако 24 мая 1918 г. у Сардарапата армянская армия наносит поражение туркам и спасает свою столицу Ереван. Решающую роль в разгроме турок сыграл генерал Андраник Сасунский.

Любопытно, что продвижению турецких войск на Кавказе препятствовала... Германия. В планы немцев не входило уступить бакинскую нефть и чиатурский марганец Турции.

Вспомним, что 29 апреля 1918 г. немцы заняли Севастополь. Русский Черноморский флот частично был затоплен у Новороссийска, а большей частью захвачен немцами в своей главной базе. Черное море с этого момента стало германско-турецким озером.

15 мая в порт Потти прибыли германские транспорты, с которых высадился десант.

27 апреля 1918 г. Германия принудила Турцию заключить секретное соглашение в Константинополе о разделе сфер влияния. Турции отводилась юго-западная часть Грузии и почти вся Армения, а остальная часть Закавказья доставалась Германии.

Лоскутная Закавказская демократическая федеративная республика (ЗДФР) 8 июня 1918 г. официально прекратила свое существование. 8 июня образовалась Грузинская республика, 9 июня — Азербайджанская республика и 10 июня — Армянская республика.

4 июня 1918 г. в Батуме Турция подписала с Армянской и Грузинской республиками договоры «о мире и дружбе», по которым к Турции, кроме Карской, Ардаганской и Батумской областей отходили: от Грузии Ахалкалакский уезд и часть Ахалцихского уезда; от Армении Сурмалинский уезд и части Александропольского, Шарурского, Эчмиадзинского и Эриванского уездов. Турецкие войска получили право беспрепятственных железнодорожных перевозок.

28 мая правительство Грузии было признано Германией, и в Потти подписали шесть договоров, по которым Германия получала монопольное право на эксплуатацию экономических ресурсов Грузии, а порт Потти и железная дорога поступали под контроль германского командования.

10 июня германские войска вошли в Тифлис, к 15 июня там их было уже около 5 тысяч. Германские гарнизоны разместились в Кутаиси, Гори, Сигнахе, Самтреди, Новосенаки, Очамчире и в других населенных пунктах. В Потти дислоцировались войска с артиллерией (свыше 10 тысяч человек). Всего в Грузии германских войск было (включая военнопленных и мобилизованных немецких колонистов) около 30 тысяч человек. Командовал ими генерал-майор Ф. Кресс фон Крессенштейн.

Германские интервенты взяли под контроль почту, телеграф, банки,

военные и финансовые ведомства. К грузинской армии были прикреплены германские инструкторы.

По договорам с грузинским правительством от 12 июля Германия получала в эксплуатацию чиатурские марганцевые рудники на 30 лет, порт Поты — на 60 лет, железную дорогу Шорапан — Чнатура — Сачхере — на 40 лет.

С мая по сентябрь 1918 г. германские интервенты вывезли из Грузии на 30 млн. марок меди, табака, хлеба, чая, фруктов, вина и другой продукции, в том числе 31 тонну марганца, 360 тонн шерсти, 40 350 штук овечьих шкур.

31 октября (13 ноября) 1917 г. Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов первым в Закавказье вынес постановление о переходе всей полноты власти к Совету. 2 (15) ноября вся власть в Баку перешла к Совету. 30 марта (нов. ст.) 1918 г. мусаватисты подняли в Баку вооруженный мятеж против Совета. Три дня в Баку шли бои. На стороне Совета действовала и Каспийская флотилия.

Ситуация в Баку в значительной степени определяла личный состав Каспийской флотилии. Части русской армии, находившиеся к 1 января 1917 г. на территориях Турции и Персии, а также в Закавказье, отправились домой — в Центральную Россию. А вот у значительной части моряков Каспийской флотилии семьи и родные жили в Баку, благодаря чему флотилия в 1917—1918 гг. сохранила относительную боеспособность.

К началу 1918 г. в Баку находились канонерские лодки «Ардаган», «Карс», посыльные суда «Астрабад», «Геок-Тепе», «Араке», вооруженный буксир «Красноводск» и несколько катеров.

Канонерки «Карс» и «Ардаган» были вполне современными боевыми кораблями. Они построены в 1908—1910 гг. в Петербурге и по Мариинской системе в 1911 г. перешли на Волгу, а оттуда — на Каспий. Стандартное водоизмещение канонерок составляло 675 т. Длина 61,75 м, ширина 8,53 м, осадка 2,62 м. Два дизеля мощностью по 672,5 л. с. каждый обеспечивали скорость 14,5 узла. Дальность плавания 11-узловым ходом составляла 3000 миль. Первоначальное вооружение состояло из двух 120/45-мм и двух 75/50-мм пушек. В июне 1916 г. часть вооружения сняли и отправили на Черноморский флот. В результате к январю 1918 г. на каждой канонерской лодке было по одной 120-мм и по две 75-мм пушки.

Посыльное судно «Астрабад» было построено в 1900—1901 гг. в Сормово. Водоизмещение 326 т. Длина 38,5 м, ширина 6,7 м, осадка 2,5 м. Две паровые машины мощностью по 250 л. с. позволяли развивать скорость 12 узлов. Дальность плавания 9-узловым ходом 720 миль. Вооружение к

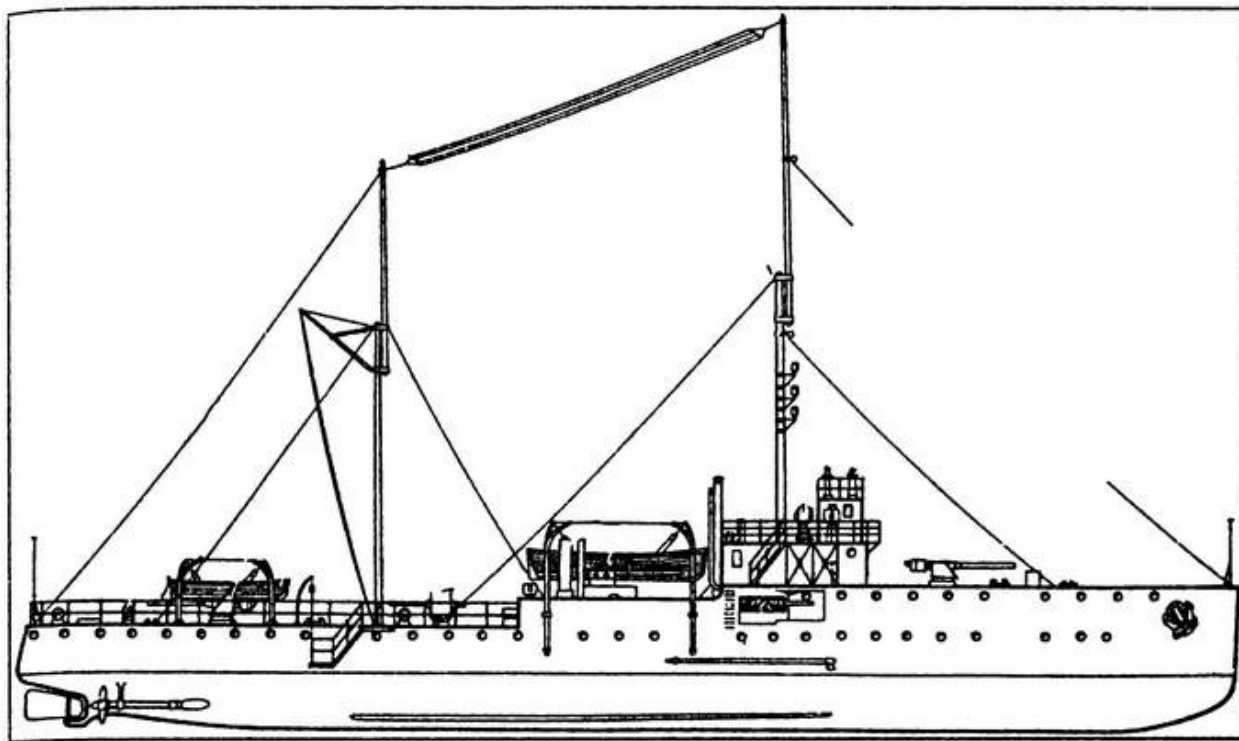
1918 г. состояло из четырех 47-мм пушек Гочкиса.

Посыльное судно «Аракс» было построено в 1900—1901 гг. в Сормово. Водоизмещение 740 т. Длина 53,6 м, ширина 8,8 м, осадка 3,5 м. Одна паровая машина мощностью 800 л. с. Скорость 12,5 узла. Дальность плавания 9,5-узловым ходом 1500 миль. Вооружение состояло из четырех 47-мм пушек Гочкиса.

Посыльное судно «Геок-Тепе» (колесное) построено в 1882—1883 гг. в Воткинске. Водоизмещение 1100 т. Длина 72,7 м, ширина 11,0 м, осадка 2,5 м. Машина мощностью 860 л. с. Скорость 11,5 узла. Дальность плавания 8-узловым ходом 2000 миль. Вооружение состояло из четырех 47-мм пушек Гочкиса.

Вооруженный буксир «Красноводск» построен в 1904 г. на Боткинском заводе. Водоизмещение 150 т. Длина 32,1 м, ширина 5,5 м, осадка 1,8 м. Машина мощностью 250 л. с. Скорость 9 узлов. Вооружение: две 75/50-мм пушки.

Весной 1917 г. контроль над Каспийской флотилией оказался в руках Центрокаспия (Центрального комитета Каспийской военной флотилии). Первоначально там заправляли эсеры и меньшевики, а с марта 1918 г. — большевики.

Канонерская лодка «Карс»

В мае 1918 г. 13 тысяч турок при 40 орудиях вместе с 5 тысячами мусаватистов при 10 орудиях двинулись на Баку. Столицу Азербайджана обороняли пробольшеvistские силы Совнаркома (18 тысяч человек, 19 орудий, 3 бронепоезда). В июне 1918 г. из Советской России в Баку прибыли 4 броневика, 13 самолетов, а в следующем месяце — 800 человек при 6 орудиях. Однако моральный дух защитников Бакинской коммуны был весьма слаб. 20 июля турки без боя заняли Шемаху. Сравнительно небольшая большеvistская прослойка в Баку оказалась в сложной ситуации. С одной стороны, у большевиков не хватало сил для отражения турецкого наступления, а с другой, они формально не имели права сражаться с немцами в силу Брестского мира. Большинству же населения Баку не улыбалось увидеть турок на улицах города. Поэтому Бакинский Совет принял решение позвать на помощь английские войска, которые к тому времени уже находились на севере Персии.

Еще 11 марта 1917 г. англичане выбили турок из Багдада и к ноябрю 1917 г. достигли персидского города Тикрат. К марту 1918 г. английские войска генерала Маллесона заняли район Хорасана, а на северо-запад Персии был отправлен отряд генерала Денстервиля.

В ноте, врученной 12 марта 1918 г. английским посланником в Тегеране персидскому правительству, британское правительство заявляло о своем намерении временно ввести в Северо-Западную Персию подразделения своих вооруженных сил с целью «сохранения порядка» и «защиты интересов союзников».

Невзирая на противодействие англичан и представителей дипломатической миссии царской России в Тегеране, прибывший туда 18 января 1918 г. временный представитель Советской России К. Бравин все же смог установить контакт с некоторыми патриотически настроенными персидскими государственными и политическими деятелями. Он сообщил им содержание внешнеполитического заявления правительства Советской России. А опубликованные советским правительством в Петрограде рассекреченные документы из архива царского и Временного правительства произвели на персов сильное впечатление. Это были документы, раскрывавшие экспансионный характер политики России и Англии в отношении Персии.

Опираясь на заявление Бравина и на внешнеполитические акты советского правительства как на правовые документы международного значения, персидское правительство, возглавляемое Самсам ос-Салтане (Наджаф Кули-ханом Бахтияром), 30 июля 1918 г. опубликовало

официальную декларацию «об аннулировании капиталистического строя и всех неравноправных договоров, заключенных Персией с другими государствами». В декларации говорилось: «Исходя из того, что ныне правительство России сделало свободу и полную независимость всех народов своим идеалом и целью своих устремлений, извещая неоднократно как официально, так и неофициально об отмене договоров и концессий, полученных у Персии путем принуждения, и из того, что Персия подобно всем другим государствам имеет полное и законное право на свои экономические ресурсы и на свободу, нижеподписавшиеся ответственные члены иранского правительства приняли решение отменить и объявить недействительными все упомянутые (неравноправные) договоры и концессии».

В ответ британское правительство пообещало Ахмед-шаху Каджару ежегодную субсидию в размере 15 тыс. туманов.

В итоге кабинет Самсам ос-Салтане был отправлен в отставку. Формирование нового кабинета было поручено Восуг од-Доуле. Новый премьер-министр был настроен достаточно проанглийски.

По требованию британского посла шах удалил из казачьей дивизии ее командира полковника Старосельского и других русских офицеров, а командиром дивизии назначил Риза-хана.

Как уже говорилось, на юге страны англичане еще в начале 1916 г. сформировали туземную армию наемников — «Южноперсидских стрелков» под командованием генерала сэра Перси Сайкса.

Эти стрелки не подчинялись шаху, и Ахмед-шах несколько раз безуспешно пытался уговорить англичан распустить часть «стрелков».

Глава 16

АНГЛИЧАНЕ ПРИХОДЯТ НА КАСПИЙ

Весной 1918 г. британские войска вышли на южное побережье Каспийского моря и захватили порт Энзели, сделав его своей главной базой. Там они приступили к формированию военной флотилии. Командовал английскими морскими силами командор Норрис. Задача создания флотилии на Каспии для англичан облегчалась наличием британской военной флотилии на реке Тигр. Перевезти на Каспий канонерские лодки они, естественно, не могли, зато сняли с них морские орудия калибра 152, 120, 102, 76 и 47 мм.

Англичане захватили в Энзели несколько русских торговых судов и приступили к их вооружению. Команды поначалу были смешанные — русская вольнонаемная команда и английские расчеты орудий. Командовали всем судами английские офицеры, на второстепенные должности брали и русских морских офицеров.

Первым англичане вооружили пароход «Австралия» и переименовали его в «Вентюр». Пароход был построен в 1899 г. Вместимость 1275 брт, длина 75,5 м, ширина 9,8 м, осадка 4,0 м. Скорость 11 узлов. Вооружение: три 102-мм английские морские пушки, три пулемета. Основания для 102-мм пушек англичане сделали из береговых бензиновых баков, перерезанных пополам. В результате получилась довольно удачная конструкция.

Забавно, что англичане решили не переименовывать русский пароход «Президент Крюгер». (Товаро-пассажирское судно, построенное в 1902 г. на Боткинском заводе, 2172 т, 87,2 м 10,2 м 4,0 м, 1100 л. с, 2 винта, 10 узлов). Судно было названо в честь президента буров Крюгера, заклятого врага англичан. Тем не менее коммодор Норрис разместил на «Крюгере» свой штаб, а в беседах с русскими офицерами говорил, что ему особенно приятно держать свой флаг на русском пароходе, названном в честь врага Англии, и на этом пароходе помогать России.

Крайне любопытна инструкция британского адмиралтейства, переданная по телеграфу 24 октября 1918 г. руководителю британской военно-морской миссии в Багдаде и коммодору Норрису, в Энзели. В ней, в частности, говорилось: «...пора, наконец, понять, что время для разговоров и уговоров кончилось и настало время предпринимать решительные меры.

Надо немедленно завладеть Каспийским флотом: или путем подкупа капитанов и экипажей, или прямой покупкой кораблей. Если это удастся сделать, все остающиеся на Каспийском море суда необходимо будет захватить или потопить. Если же этот метод не даст результатов, нам следует захватить все находящиеся в Энзели корабли и, после вооружения достаточного их числа, предпринять кампанию захвата и потопления всех судов на Каспийском море — вооруженных и невооруженных, которые откажутся повиноваться нашим приказам».

К тому времени власть в Баку находилась в руках правозсеровско-меньшевистско-дашнакского блока, сформировавшего 1 августа правительство «Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов».

18 августа 1918 г. главнокомандующий британскими войсками генерал Денстервиль и штаб командора Норриса на пароходах «Президент Крюгер» и «Орел» отправился в Баку. Перед выходом на «Крюгере» англичане поставили четыре 102-мм сухопутные пушки.

Уже при подходе к Баку был слышен отдаленный гул артиллерийской стрельбы. Город был обложен войсками турецкого генерала Нури-паши. В это время суда бывшей царской Каспийской флотилии обстреливали турецкие войска в районе Петровска. Только канонерка «Ардаган» стояла в Баку и лишь изредка выходила обстреливать турецкие позиции.

15 сентября 1918 г. турецко-мусаватистские войска почти без боя заняли Баку. Англичане и руководство «Центрокаспия» бежали на судах Каспийской флотилии сначала в Петровск, а затем в Энзели. Турки и местные татары три дня грабили Баку, при этом было убито около 30 тысяч мирных жителей.

Однако песенка османов была спета. После захвата 15 сентября Баку советское правительство разорвало Брестский договор в части, касающейся Турции.

19 октября турецкий кабинет министров во главе с великим визирем Талаат-пашой, военным визирем Энвер-пашой и морским министром Джемаль-пашой ушел в отставку в полном составе. Новое турецкое правительство обратилось к Антанте с просьбой о перемирии.

27 октября начались мирные переговоры с Антантой. Они проходили в порту Мудрое на острове Лемнос. Вел переговоры командующий британским Средиземноморским флотом вице-адмирал С. Калторп.

30 октября 1918 г. в порту Мудросе на борту английского броненосца «Агамемнон» была подписана капитуляция Турции. Формально она имела вид перемирия. В первой статье предусматривалось открытие

черноморских проливов для Антанты. Суда Антанты могли свободно проходить в обе стороны и выходить в Черное море. По статьям 6, 9 и 12 все военно-экономические и стратегические центры страны подлежали оккупации Антантой. В статье 5 предусматривалась демобилизация всей турецкой армии, а контингент, могущий обеспечить хотя бы как факт суверенитет Турции, подлежал особому определению.

Антанта отказалась признавать какие-либо государственные образования, созданные с участием турок на Кавказе.

По Мудросскому перемирию Турция вывела свои войска из Закавказья, а мусаватистское правительство бежало в Гянджу. 17 ноября 1918 г. в Баку опять вошли англичане во главе с генералом В. Томсоном, объявившим себя военным губернатором Баку. Ф.П. Коккерель был назначен комиссаром полиции союзных держав в Баку, майор Браун стал управляющим транспортом Каспийского флота. Общая численность союзных войск в Баку составила 5 тысяч солдат.

При вступлении войск в Баку генерал Томсон, заметив, что на пристани вместе с флагами Англии, США, Франции, Италии вывешен и флаг Азербайджанской Демократической Республики, приказал тотчас же его убрать.

Приказом генерала Томсона в Баку вводилось военное положение до того момента, когда «гражданская власть окажется настолько сильной, чтобы освободить войска от ответственности за поддержание общественного порядка». С введением в Баку военного положения, английское командование фактически всю административную власть в городе и в Бакинской губернии брала в свои руки. Вся судебная и исполнительная власть оказалась сосредоточенной в руках генерала Томсона. 29 ноября 1918 г. все торговые суда Каспийского флота перешли в распоряжение английского командования. За девять месяцев, с декабря 1918 г. по август 1919 г., англичанами было вывезено из Баку до 30 млн. пудов нефти на сумму в 113,5 млн. рублей.

Командующий британскими военными морскими силами командор Норрис уехал в Хомадан (Персия). Командующим стал капитан Вашингтон. Англичане продолжали лихорадочно создавать свою флотилию.

О действиях англичан хорошо рассказал Н.Н. Лишин^[100]: «Среди непрерывно прибывавших новых войск было много цветных из Индии. Среди них был отряд гуркосов, с их характерными кривыми ножами, которыми, как рассказывали, они мастерски пользовались в рукопашном бою. Формирующаяся армия получила название "Норперфорс" ("Норс Першиан Форсиз") — Северо-Персидской Силы.

Вооружение пароходов в Энзели приходило к концу, и нас, русских морских офицеров, "прикомандированных к Королевскому Флоту", как мы официально назывались, стали расписывать по кораблям. Был октябрь 1918 года. Меня назначили на "Алла Верды", пароход водоизмещением что-то около 1800 тонн. Вооружение — два четырехдюймовых [102-мм] орудия, привезенных из Багдада. Ход около десяти узлов. Плохие котлы, хорошая машина. Наименьшая осадка на ровный киль — 8 футов [2,44 м]. На корабле был установлен беспроволочный телеграф. Русская команда состояла из капитана, коммерческого моряка, фактически исполнявшего теперь обязанности штурмана и заведовавшего русской командой, его помощника, механика, боцмана, рулевых, машинистов, кочегаров и коков (поваров). Всего русской штатской команды было 22 человека. Британский экипаж состоял из "коменданта", т.е. фактически командира, Г. Сноу, лейтенанта Р.Н.Р. (то есть "Роял Нэвль Резерв"); старшего офицера, обязанности которого изображал С.Х. Уиндзор, уорент-офицер Р.Н. (т.е., по-нашему, кондуктор действительной службы); комендоров, матросов, машинистов, кочегаров, сигнальщиков и радиотелеграфистов. Всего англичан было: один офицер запаса, один кондуктор и 30 нижних чинов. Таким образом, по назначению на "Алла Верды" я оказался единственным кадровым офицером на корабле. "Алла Верды" стоял под Андреевским флагом»^[101].

Первый выход «Алла Верды» состоялся 22 октября 1918 г. Она направилась в Ленкорань для встречи с крейсером «Эммануэль Нобель» — ранее наливной пароход (так тогда назывались на Каспии танкеры), построенный в Коломне в 1909 г. 3800 т; 116 м 14,2 м 4,6 м; два дизеля по 1400 л. с. давали ход 10 узлов. На тот момент был вооружен одним 120-мм и двумя 102-мм английскими орудиями.

«К вечеру пришли в Ленкорань, — пишет далее Лишин. — Не успели мы стать на якорь, как к нам подошла шлюпка с солдатами, членами местного "солдатского комитета", чтобы узнать, кто мы такие и зачем пришли. Солдаты были сильно удивлены, что на "Алла Верды" оказалось столько вольного народа в невиданных формах, и что пароход оказался вооруженным морскими орудиями. Ленкораньские солдаты имели распущенный, неопрятный вид.

Наутро мы вышли в море вместе с "Нобелем" и начали с ним маневрировать. Выяснилось, что "Нобель" менее поворотлив и хуже ходит. После маневров расстались с "Нобелем" и пошли одни на восток пятиузловым ходом. Понемногу стало свежеть, приближался шторм. "Алла Верды" держался на волне довольно прилично. Всю ночь провели в море,

приучая русскую команду к условиям походной жизни на военном корабле. К утру разразился довольно сильный шторм. Мы повернули обратно на Ленкорань. "Алла Верды" тяжело плюхался в провалы между волн и иногда дрожал всем корпусом.

У Куринского Камня встретили "Нобель". Он, повидимости, несколько лучше нашего выносил шторм. Зайдя за остров Сара, где было тише, мы стали на якорь.

На рейде стояло на якоре два парохода, занятых погрузкою. Я отправился узнать, кто они такие и чем и для кого грузятся. Оказалось, что оба парохода были посланы сюда Бичераховым из Петровска, и что они грузятся мукой для его отряда и для населения города. Мне сообщили на пароходах, что весь бичераховский отряд расположен на подступах к Петровску и защищает его от наступающих со стороны Баку войск Нури-паши»^[102].

Вечером 3 ноября «Президент Крюгер» под флагом капитана Вашингтона, «Азия» и «Алла Верды» вышли из Энзели и направились в центральную часть моря.

Замечу, что крейсер «Азия» был вооружен англичанами в Красноводске. Его вместимость 1300 брт. Машина мощностью 920 л. с. давала ход в 12 узлов. Вооружение: одна 120-мм и одна 75-мм пушки.

4 ноября в 17 часов эскадра пришла на линию Красноводск — Баку, где встретила «Нобель» и «Вентюр», пришедшие из Красноводска. Здесь было назначено с ними рандеву. Построившись в две кильватерные колонны, корабли легли на курс несколько восточнее Петровска. По пути британские офицеры провели ряд учений. Утром 6 ноября эскадра пришла в порт Петровск.

В это же время казаки есаула Л.Ф. Бичерахова защищали город от мусаватистов. В Петровске находился пароход «Лейтенант Шмидт» (бывший «Гаджи-Гаджи» вместимостью 1392 брт, машина 1000 л. с; вооружен четырьмя 102/60-мм пушками).

С «Президента Крюгера» к командующему турецко-мусаватистскими силами послали делегацию, состоявшую из одного русского, одного английского и одного французского офицеров. Делегация потребовала у Нури-паши объяснений, на каком основании он позволяет себе продолжать со своими турецкими войсками войну против одной из союзниц — России, раз Турция сдалась союзникам «на милость победителя». Нури-паша ответил, что он хотя и турецкоподданный, но и он, и его войска состоят на службе у «Азербайджанского правительства» и никакого отношения к Турции не имеют. Переговоры ни к какому результату не привели.

Англичане решили с Нури-пашой не связываться и убрались восвояси.

8 ноября «Нобель» и «Алла Верды» пришли в Красноводск. Там они увидели странное зрелище. Небольшой пароход «Пир-Алаги» носился по Красноводскому рейду и грозил обстрелять берег из своей 37-мм пушки и двух пулеметов. Оказывается, этот пароход был вооружен Бичераховым, а команда его вместе с капитаном — в стельку пьяны.

В Красноводске находился главный английский инженер О'Догерти. Он попросил прибывшие британские корабли урезонить команду «Пир-Алаги», что и было выполнено без стрельбы и даже без членовредительства. О'Догерти^[103] назначил лейтенанта Ротаста^[104] командовать «Пир-Алаги». Туда же был назначен один английский офицер-пулеметчик и смешанная русско-английская команда. «Пир-Алаги» наскоро отремонтировали и отправили в крейсерство вдоль восточного берега Каспийского моря, на юг от Красноводска.

Вскоре в Красноводске инженер О'Догерти вооружил пароход «Слава». Это была наливная шхуна, построенная в 1903 г. в Нижнем Новгороде. Вместимость ее 1690 брт, длина 82,5 м, ширина 11 м, осадка 4,3 м. Две машины компаунд общей мощностью 1500 л. с. позволяли развивать ход в 9 узлов. В 1918 г. на пароходе установили одно 120-мм и одно 75-мм английские орудия.

Вечером 10 ноября в Петровске кто-то поджег стоявший у стенки пароход «Адмирал Корнилов», на котором находился «морской штаб» Бичерахова, состоявший почти исключительно из матросов. Пароход сгорел, «штаб» спасся.

Весь день 15 ноября в Энзели шли приготовления к походу на Баку. Пароходы, груженные войсками, по мере готовности выходили из гавани на Энзелийский рейд и становились на якорь на заранее предназначенных для них местах. «Вентюр» и «Алла Верды» тоже вышли на рейд и стали на якорь.

В этот день из Баку вернулась делегация, ведшая переговоры с Нури-пашой.

Весь английский сухопутный штаб погрузился на пароход «Орел», а генерал Томсон обосновался на «Крюгере». Погода стояла великолепная, море было совершенно спокойным, что очень способствовало приготовлениям.

В 7 ч. 30 мин. 16 ноября, при полном штиле, все стоявшие на рейде пароходы, построившись в две кильватерные колонны, двинулись в поход. Левую колонну вел «Вентюр», за которым шло девять пароходов. Правая колонна также состояла из девяти пароходов. Во главе обеих колонн шел

«Президент Крюгер». Ход судов составлял 7—8 узлов.

Утром эскадра встретила со «Славой», шедшим из Красноводска в Энзели, чтобы принять английскую команду.

К ночи задул сильный северный ветер, и на следующее утро транспорты обеих колонн оказались в разброде. Некоторые пароходы так отстали, что скрылись за горизонтом. Около 11 часов утра с эскадры увидели Баку и застопорили машины. Ветер стих.

Когда все пароходы собрались, «Президент Крюгер» поднял сигнал: «Второй колонне вступить в кильватер первой», и после этого поднял французский, английский и американский флаги. На корме корабля по-прежнему развивался Андреевский флаг. Медленно развернувшись, «Крюгер» пошел на Баку, а за ним строем в одну кильватерную колонну вытянулась стройная линия пароходов. Корабли Бичерахова, идя отдельной кильватерной колонной, расцветились флагами. Освещенная ярким солнцем, процессия кораблей медленно и торжественно приближалась к городу.

Весь длинный и широкий городской бульвар-набережная был забит народом. Все крыши близлежащих домов, все окна и балконы были усеяны людьми. Бросалось в глаза огромное количество азербайджанских женщин в национальных костюмах. По мере приближения кораблей эти женщины скрывались с набережной в близлежащие улицы. Стали заметны разрушения, которым подвергся город.

Около 2-х часов дня все вооруженные пароходы, как английские, так и Бичерахова, стали на якорь в трех кабельтовых от берега. «Крюгер», «Орел» и все транспорты с войсками ошвартовались к пристаням и по сигналу прекратили пары в одном из двух котлов.

Еще днем подошли «Азия» и «Слава», а к вечеру пришел «Нобель», так что в Баку собрались все корабли.

Утром 17 ноября войска Бичерахова стали высаживаться на набережную Баку. А в 2 часа дня «Крюгер» поднял сигнал: «В городе начался грабеж. Никого не пускать на берег». Оказывается, бичераховские части начали грабежи и погромы, особенно отличились армянские подразделения.

18 ноября британские корабли с десантом пришли в Красноводск. В городе был оставлен батальон 39-й пехотной бригады.

Британский генерал Джордж Мильн доносил в Лондон в Военное министерство: «Обладание Красноводском представлялось весьма важным как единственным портом, свободным ото льда в течение всего года. В то же время это был конечный пункт Среднеазиатской железной дороги.

Владея портом, можно было также поддержать связь между двумя группами британских войск в Персии: силами, которыми командовал бригадный генерал Бетмен-Чэмпейн, и находящейся в районе Ашхабада группой генерал-майора Маллесона. Эта группа, базировавшаяся на Индию, была переброшена из Мешхеда в Ашхабад. Оттуда ее войска были направлены в район Мерва с целью помешать наступлению большевиков из Ташкента в направлении Каспийского моря»^[105].

19 ноября в Баку высадились англичане и навели относительный порядок, несколько бичераховцев, уличенных в грабеже, были расстреляны на месте.

В октябре 1918 г. Бичерахов послал шесть пароходов к бухте Старо-Теречной («Николай», «Бунин», «Москва», «Россаул», «Александр» и «Бомбак»). Там они бесследно исчезли. (На самом же деле пароходы захватили вооруженные суда большевиков.) Бичерахов послал на поиски исчезнувших пароходов два вооруженных парохода — «Центрокаспий» и «Орленок». Оба парохода вернулись, ничего не найдя, и Бичерахов их опять послал в район Ново-Теречной конвоировать четыре невооруженных парохода, шедшие в Петровск с запасом пресной воды. На этот раз суда Бичерахова напоролись на три большевистских вооруженных парохода, сопровождаемые несколькими быстроходными катерами.

Тут придется сделать маленькое отступление и рассказать, откуда взялись красные суда. 9 ноября в 9 ч. 30 мин. отряд Астраханско-Каспийской военной флотилии в составе пароходов «Припять», «Каспий», «Коммунист» и «Вега» вышли к Брянской Косе, чтобы уничтожить там радиостанцию белых. 10 ноября в 7 ч. 45 мин. суда начали обстрел радиостанции, предполагаемого места батареи и помещения штаба. Стрельба продолжалась до 9 ч. 25 мин.

За все время операции у Брянской Косы и после нее радиостанция белых не работала, и красные решили, что она уничтожена. В 22 ч. 10 ноября командир отряда В.А. Кукель отослал пароход «Бегу» в Астрахань, поскольку из-за неисправности нефтяных цистерн у него осталось топлива лишь на сутки.

В 23 ч. 50 мин. отряд в составе «Каспия», «Припяти» и «Коммуниста» пошел к Старо-Теречной. 11 ноября в 10 часов утра красные заметили на траверзе маяка Чечень пять судов, и Кукель попытался отрезать их от моря. В 10 ч. 20 мин. «Каспий» открыл огонь по головному кораблю противника. Вскоре в машину «Орленка» попал снаряд, и пароход лишился хода. Почти одновременно один из снарядов «Центрокаспия» попал в машинное отделение «Припяти». Вскоре в «Припять» попал еще один снаряд.

«Каспий» прикрыл «Припять», а «Коммунист» взял ее на буксир. Отряд красных начал отход.

«Центрокаспий» стал преследовать красных, но делал это не спеша, так как дистанция между ними постоянно увеличивалась. В 11 ч. 15 мин. Кукель приказал прекратить огонь из-за «явных недолетов». Через 10 минут прекратил огонь и «Центрокаспий», а затем повернул назад к «Орленку».

Любопытно, что Кукель даже не знал, с кем он сражался. В своем рапорте он писал: «По приметам, замеченным военными моряками, плававшими в бывшей Каспийской флотилии, предполагаю неприятельские корабли: "Геок-Тепе" (новый), "Гаджи Гаджи" и "Аветик", другие же вооруженные шхуны неизвестны»^[106].

В ноябре 1918 г. к генералу Томсону явилась делегация дагестанцев из Петровска, заверившая его, что дагестанцы желают охранять Дагестан от «нашествия большевиков». Делегация просила у англичан помощи, а также признания их самостоятельной территориальной единицей — Дагестанской республикой. Генерал Томсон немедленно ответил, что готов признать их самостоятельность и независимость от России, но временно, до мирной конференции.

После капитуляции Турции в Черное море вошли британские эскадры. Теперь интервенты получили возможность перебрасывать войска по железной дороге из Батума в Баку. Всего в Баку прибыло 45 тысяч англичан. Официально было объявлено, что они прибыли для борьбы с большевиками и оказания поддержки русским белым частям. Но ни в какую борьбу с большевиками эти части так и не вступили. Стратегическое расположение этих сил в точности совпало с линией нефтепровода Баку — Батум.

Кроме того, англичане приступили к переброске по железной дороге шести торпедных катеров, так называемых «Си-Эм-Би» — «Коутс Мотор Боутс», то есть «прибрежные моторные лодки».

27 ноября 1918 г. Бичерахов объявил, что его «морские силы» переходят в ведение Уфимского временного правительства. Командующими этими силами назначался ротмистр Воскресенский.

В конце ноября английские крейсера «Нобель», «Вентюр», «Слава» и «Азия» патрулировали в северной части Каспийского моря. Красных судов ими замечено не было.

В начале декабря 1918 г. в Красноводск прибыл новый британский крейсер «Зороастр», только что вооруженный в Энзели. Это был танкер, построенный в 1911 г. в Коломне. Длина его составляла 82,5 м, ширина 10,3

м, осадка 4,6 м. Два дизеля общей мощностью 1200 л. с. позволяли развивать скорость 10,5 узла. Вооружение состояло из двух 120-мм английских морских пушек.

5 декабря «Зороастр» был послан в крейсерство в северную часть Каспия. В тот же день из Красноводска вышли к острову Чечень «Алла Верды» и «Биби Эйбат», по пути они должны были соединиться с «Зороастром». Мичман Лишин, находившийся на «Алла Верды», хорошо описал нравы капитанов торгового флота: «Всех нас, морских офицеров, поражали казавшиеся нам недопустимыми навигационные привычки наших "штурманов", коммерческих капитанов пароходов. Им нельзя было отказать в хорошем знании Каспийского моря, но нам казалось совершенно неразумным относиться с беспечностью к поправке компаса, к определению места, даже к самой прокладке (нанесению на карту пути корабля). Между тем именно такое странное отношение мы видели у большинства капитанов. Они не считали нужным вести прокладку ("нечего пачкать карту"), определять свое место хотя бы по береговым предметам (на "Алла Верды" даже не было пеленгатора), и совершенно не заботились о поправке компаса. Все наши рассуждения о том, что если коммерческие капитаны считают все это уместным в коммерческом плавании, то в военном подобные методы совершенно недопустимы и могут привести к тяжелым последствиям, — вызывали у капитанов только раздражение. В конце концов, мы прекратили эти разговоры, чтобы не ухудшать отношений, тем более что ответственность за навигационную часть лежала на коммерческих капитанах...

...Всю ночь мы шли с потушенными огнями, имея в кильватере "Биби Эйбат". Наутро должен был открыться остров Чечень. Пришло утро, а острова не было видно. Некоторое время продолжали идти тем же курсом, но остров не открывался. Тогда началось блуждание по разным глубинам в поисках острова. Запросили у "Биби Эйбат" его место. Он показал его что-то в двадцати милях от предполагаемого нашего. Наш коммерческий капитан обозлился до крайности и стал награждать своими нелестными эпитетами ветер и течение, которые, мол, сбили его с курса. Мы уже несколько привыкли к тому, что ветер и течение были заклятыми врагами нашего бравого капитана, и что "Алла Верды" часто сносило, но где же все-таки был остров Чечень? Сноу начал сердиться и стал отпускать ядовитые замечания в том духе, что если "Алла Верды" может "сносить" до такой степени, то остается предположить, что наш пароход вообще предпочитает ходить боком.

Блуждая в поисках острова и не зная, где мы находимся, что

усложнялось туманным горизонтом и сеткой дождя, мы наткнулись на какое-то небольшое суденышко, которое, завидя нас, стало поспешно уходить. Не было сомнений в принадлежности этого парохода к большевикам.

Из наших кораблей здесь мог быть только "Зороастр", это же суденышко на него похоже не было. Почти одновременно открылся остров, принятый капитаном за Чечень и оказавшийся впоследствии Тюленьим островом. Благодаря этой ошибке, думая, что нас и большевика разделяет Чеченский риф, мы не пошли его преследовать напрямик, а стали обходить несуществующий риф, т.е. на самом деле глубоководную воду. Большевистский пароход скрылся. Обойдя чистую воду, мы разделились с "Биби Эйбатом", чтобы найти и атаковать скрывшегося большевика, но его больше не нашли. Когда стемнело, увидели судно, стоявшее на огнях. Подойдя к нему (мы шли без огней), выяснили, что это "Зороастр", у которого оказалась неисправность в машине. "Биби Эйбат" мы потеряли из виду: он шел, как и мы, без огней. Беспечность "Зороастра" нас поразила: представлялось совершенно невероятным, чтобы военный корабль находился в зоне возможного столкновения с неприятелем, неся все навигационные огни и имея все свои иллюминаторы ярко освещенными. Это была вина английского "коменданта" "Зороастра", вина совершенно непростительная и просто невероятная для морского офицера...

...К счастью, большевиков, очевидно, поблизости не было. Отойдя от "Зороастра", мы в течение часа крейсировали на северо-восток и обратно, пока "Зороастр" чинил машину, а затем, как только "Зороастр" стал способен двигаться, мы стали ему в кильватер, как старшему. "Зороастр" лег на курс, который мы приняли, как ведущий в Петровск. Велик был переполох, когда, идя этим курсом, мы благополучно пришли к острову Чечень. Тут-то и выяснилось, что наш бравый капитан, запутавшись благодаря неизвестной поправке компаса, обходил чистую воду, полагая, что обходит Чеченский риф, из-за чего мы не смогли уничтожить большевистский пароход.

Мы стали на якорь и всю ночь держали офицерскую вахту. Стояли без огней. "Зороастр" продолжал свое штатское поведение, стоял с огнями. Впоследствии выяснилось, что и офицерской вахты на нем не было.

"Алла Верды" держал оба котла под парами.

"Биби Эйбат" куда-то пропал. Мы сообщили ему по радио свое место, но ответа получить не могли, так как на "Биби Эйбат" имелась только приемная радиостанция, и отправлять телеграммы они не могли.

Ночью погода прояснилась. Стало очень холодно. Сменившись с вахты

в 4 часа утра 8 декабря, лег спать. Спать пришлось недолго: незадолго после рассвета, когда горизонт еще не был чист, с юго-востока показались два большевистских корабля, — один немного больше, другой меньше "Алла Верды". Немедленно была дана боевая тревога, и мы начали сниматься с якоря»^[107].

Англичане не знали, что красные крейсера «Коломна» (вооружение: четыре 100-мм орудия) и «Макаров I» (два 100-мм орудия) в сопровождении вооруженного парохода «Севск» (две 75-мм пушки) под командой временно исполняющего должность командующего Астраханско-Каспийской военной флотилией Кронбегра 2 декабря в 13 часов вышли из Астрахани для сопровождения десанта, предполагаемого к высадке в заливе Старо-Теречной.

К двенадцатифутовому рейду^[108] отряд подошел к ночи на 4 декабря, причем некоторые транспорты с десантом и пароход «Макаров 1» из-за выгона воды сели на мель при выходе из Волги.

4 декабря в 23 ч. по условленному сигналу весь отряд снялся с якоря и вышел в море, взяв курс западнее острова Тюлений. Всю ночь шли без огней и на утро 5 декабря, пройдя Тюлений, из-за тумана стали на якорь. В 11 ч., как только туман рассеялся, отряд снялся с якоря и продолжил поход по назначению, куда и подошел в тот же день около 13 ч. Не доходя пристани, на которую предполагалась высадка, отряд встретила шлюпка, на которой был поднят белый флаг и находилась делегация от местного населения. Делегаты объяснили, где именно находится пристань, нужная красным, после чего, пройдя еще 5 миль, суда остановились и стали на якорь: первая колонна — вблизи берега, а вторая — мористее, для охраны десанта с моря. Из-за бестолковости военмором высадка десанта затянулась до ночи на 8 декабря.

7 декабря в 22 ч. Кронберг вышел на крейсере «Коломна» в сопровождении «Макарова I» в направлении Петровска. Обогнув маяк Чечень и идя курсом на северо-восток, около 2 часов ночи с кораблей отряда увидели в полном освещении два парохода, шедших контркурсами в направлении залива Старо-Теречного. Предположив, что это пароходы белых, Кронберг повернул за ними. Пароходы, не заметив отряда красных, встали на якорь у маяка Чечень в полном освещении, а «Коломна» и «Макаров I» стали крейсировать в ожидании рассвета, чтобы на рассвете опознать прибывшие пароходы и решить, как действовать дальше.

Согласно рапорту Кронберга: «Как только начался рассвет и стал виден их контур, местными военными моряками были опознаны пароходы,

оказавшиеся неприятельскими: "Юпитер" и "Галилей", почему в 6 ч. 45 мин. с расстояния 62,5 кабельтова был открыт огонь и начался бой. Имея большое преимущество хода, "Галилей" и "Юпитер", снявшись с якоря и отстреливаясь, преследуемые в течение 1 часа нашим отрядом, взяв курс на северо-восток, огибая остров Чечень, скрылись, имея курс... [курс не указан]»^[109].

А теперь стоит послушать Лишина: «В 6 ч. 40 мин. большой корабль открыл по нас огонь, дав сразу довольно значительный перелет. Наша русская команда узнала в этом пароходе "Коломну". Совершенно неожиданно для нас Сноу приказал поднять на корме британский флаг вместо Андреевского. Развернувшись, мы тоже открыли огонь, но наши снаряды дали значительный недолет. "Зороастр" продолжал стоять на якоре, и на нем началась беготня, когда мы уже успели дать несколько выстрелов.

Первое время огонь "Коломны", стрелявшей четырехорудийными залпами, был сосредоточен по "Алла Верды". По осколкам, засыпавшим палубу, и по всплескам можно было определить, что "Коломна" вооружена нашими великолепными новыми 4-дюймовыми орудиями в 55 калибров, Обуховского завода. Большие всплески разрывов и черный дым, конечно, сильно облегчали "Коломне" пристрелку, и вскоре ее снаряды стали ложиться у самого нашего борта, обдавая нас каскадами воды и засыпая осколками. Два снаряда легли в расстоянии нескольких футов от борта. Одного такого снаряда, попавшего в нас у ватерлинии, было бы достаточно для "Алла Верды", но за все время боя ни один снаряд не дал в нас прямого попадания. Второй пароход тоже открыл стрельбу, но стрелял значительно хуже. На нем, судя по разрывам, были 75-миллиметровые орудия. Принимая свои близкие разрывы, вероятно, за попадания, "Коломна" перенесла свой огонь на беспомощный "Зороастр", который открыл совершенно беспорядочную стрельбу, стоя на якоре. С якоря он снялся только через 15 минут после начала боя. "Коломна" сразу же накрыла "Зороастр", и вода вокруг него закипела. Один из первых снарядов "Коломны" попал в борт "Зороастра", по счастью, довольно высоко, под самым мостиком. На мгновение мостик затянуло черным дымом. Всего в "Зороастр" попало три снаряда, но все значительно выше ватерлинии и вдали от жизненных механизмов корабля. Второй большевистский пароход продолжал стрелять по нам, но плохо.

"Алла Верды" ходил между островом и берегом, сосредоточив огонь на "Коломне". Вначале наша стрельба производила жалкое и обидное впечатление. Пристрелка велась не залпами, как принято у нас, а одним

носовым орудием. После команды: "фаэр" (огонь) орудие еще продолжало наводить, а не стреляло немедленно. Была масса осечек, вначале почти половина, к концу боя около одной трети. Наши снаряды давали небольшой всплеск, почти без дыму, еле видный, что крайне затрудняло пристрелку. Наши снаряды вначале ложились беспорядочно, плохо по целику, бессистемно по прицелу, и давали почти исключительно недолеты. К моменту, когда "Зороастр" снялся с якоря, наша стрельба стала лучше.

В начале боя дистанция сблизилась до 35-ти кабельтовых, но вскоре "Коломна" ее увеличила до 45—50 кабельтовых, что для наших орудий являлось пределом, так как они могли стрелять не больше, чем на 10 000 ярдов. "Алла Верды" выпустил за все время боя из двух своих орудий всего 49 снарядов, в то время как "Коломна" по одному "Алла Верды" выпустил раза в четыре больше.

Когда "Зороастр" стал стрелять приличнее, его снаряды стали ложиться в непосредственной близости от второго, меньшего большевистского корабля. Всплески от 4,7-дюймовых снарядов "Зороастра" были значительно внушительнее всплесков снарядов "Алла Верды". Повернувшись кормой, второй большевистский корабль прошел около полумили и затем спрятался за "Коломной". Больше участия в бое он не принимал. К концу боя дистанция опять уменьшилась, и тогда наша стрельба по "Коломне" дала несколько накрытий. С "Алла Верды" виден был огромный клуб белого дыма и пара, мгновенно поднявшийся на "Коломне". Сноу считал, что это было наше попадание, и написал впоследствии об этом в своем рапорте.

Около 7 ч. 40 мин. на горизонте за неприятельскими кораблями показалось еще четыре корабля. По сигналу "Зороастра" в 8 ч. 5 мин. мы вступили ему в кильватер и легли на курс северо-восток. Бой окончился в 8.15. Мы вновь подняли Андреевский флаг»^[110].

Замеченные белыми четыре корабля оказались эсминцем «Деятельный» и вооруженными пароходами «Севск», «Вега» и «Володарский». При таком превосходстве в силах красные могли бы легко покончить с двумя кораблями англичан. Замечу, что вскоре к красным подошел и эсминец «Расторопный». Однако героические военморы были столь напуганы, что не рискнули преследовать неприятеля, а на всех парах кинулись к 12-футовому рейду, а оттуда — в Астрахань. При этом колесный пароход «Финн», ранее перевозивший десант, сел на мель. Снимать его не стали, а Кронберг приказал «Севску» расстрелять его из орудий.

Английские суда получили в бою серьезные повреждения. Весь «Алла Верды» был засыпан осколками, парусина на мостике порвана, перебиты

сигнальные фалы и проволоки радио. Как ни странно, но раненых на пароходе не было. Однако «Алла Верды» гораздо более пострадал из-за стрельбы собственных орудий: от сильнейшего сотрясения корпуса корабля сорвались двери, треснули переборки кают, разбились зеркала, все иллюминаторы и посуда. Переборка каюты старшего механика вывалилась совсем. На корабле царил сплошной хаос.

«Поведение русской команды, никогда не бывшей в бою, было безукоризненно, — пишет Лишин. — Молодцами вели себя вахтенные в машине и кочегарке. Зато наш повар-армянин при первых выстрелах забился в кубрик и, забыв все свои обязанности по тревоге, как входящего в трюмно-пожарный дивизион, плакал и выл со страху истошным голосом»^[111].

«Зороастр» также получил значительные повреждения. Один человек был ранен, ему оторвало обе ноги, и он вскоре умер. Убитых не было.

После боя и до вечера «Алла Верды» и «Зороастр» курсировали у северо-западного побережья острова Чечень. Вечером к юго-востоку от острова Чечень к ним подошел крейсер «Президент Крюгер» под флагом Вашингтона. На следующий день, 9 декабря, к ним присоединился крейсер «Нобель». Очень любопытная запись Лишина: «Утром 11 декабря мы все стали на якорь у Сулака, вдали от берега. Сноу отправился на "Крюгер" и вернулся оттуда с довольно неожиданными новостями: оказалось, что при опросе рыбаков выяснилось, что во время нашего боя 8 декабря под берегом, вне нашей видимости, стояло на якоре два миноносца Девятого дивизиона Балтийского флота. Эти миноносцы были проведены из Балтики на Волгу для защиты Казани от чехословаков, а затем прошли в Каспий и вошли в состав большевистских морских сил Каспийского моря. Рыбаки говорили, что оба миноносца умышленно не принимали участия в бою, так как команды их не ладят с большевиками. На сторону "белых" переходить тоже не хотели, и потому держали себя нейтрально. Хороши были бы мы, если бы они вступили в бой»^[112].

Как уже говорилось, поведение эсминцев в ходе боя было довольно странным. Так что версия рыбаков, видимо, верна.

Днем 11 декабря к отряду белых присоединились крейсера «Азия» и «Слава». «Зороастр» сдал свои оставшиеся снаряды «Крюгеру» и вместе с ним ушел в Баку. Перед этим Вашингтон поднял флаг на «Славе». В 17 часов отряд в составе пяти кораблей снялся с якоря и во главе со «Славой» пошел на восток. В 23 часа отряд лег на курс острова Чечень. Ночью с кораблей заметили какие-то быстро идущие силуэты, и отряд изменил курс,

чтобы сблизиться с ними. Но малый ход кораблей не позволил этого сделать, и силуэты вскоре скрылись.

Около 11 часов утра 12 декабря отряд подошел к острову Тюленьему. «Слава» и «Нобель» наткнулись на песчаную банку, но довольно быстро самостоятельно снялись с нее. Прокрейдировав весь день в районе Тюленьего острова и не встретив красных кораблей, отряд к ночи лег на курс Форт Александровский. 13 декабря отряд обошел берег у форта Александровского, но и здесь не обнаружил красных кораблей.

Лишин писал: «От острова Чечень мы ушли крейдировать, а утром 15 декабря стали на якорь у Сулака. Сноу отправился на "Славу" и привез оттуда новости: из Черного моря посланы в Баку шестидюймовые орудия с английской эскадры и новые британские моряки, все кадровые. Сноу сообщил С.Н.О., что у нас на "Алла Верды" дело с провизией обстоит неважно: осталось всего несколько баранов и очень мало муки. Кормить баранов нечем, и уже несколько дней, как несчастные животные оглашают пароход своим жалобным блеянием. С.Н.О. сказал на это, что пока он нам ничем помочь не может. На "Алла Верды" пришлось сократить пайки.

В 17 часов снялись с якоря и строем в одну кильватерную колонну пошли на восток. В 24 часа легли обратно на Сулак, а утром пошли на о. Чечень. Старший механик стал опасаться за наши котлы: они были в очень скверном состоянии. После боя выяснилось, что нагар и сажа в котлах пообвалились, и старичок "Алла Верды" взбодрился благодаря этому на целых 12 узлов на полном ходу, чего с ним, наверное, много лет не бывало.

Дойдя до о. Чечень и вновь никого не встретив, мы опять легли на восток, а затем на Сулак. Наконец, 17 декабря в 4 часа утра нас отпустили на Баку. Погода испортилась, стало сильно задувать, шел снег и дождь. Днем шторм достиг 10 баллов, и всю ночь нас мотало немилосердно»^[113].

Днем 18 декабря при затихающем шторме «Алла Верды» вошел в Бакинскую гавань, а на следующий день встал в док для ремонта.

В Баку было беспокойно. Периодически вспыхивали волнения рабочих, распространялись листовки антибританского содержания. Оккупационные власти боялись прибегать к жестким мерам.

Генерал Томсон не придумал ничего умнее, чем признать независимость Азербайджанской республики, и на этот раз без всяких упоминаний о временности этого признания. Это еще более разозлило все русское и армянское население города. Ранее, в первые дни пребывания в Баку, Томсон заявлял, что не признает «Азербайджанского правительства», сформированного при Нури-паше и заключившего союз с Турцией, поскольку это правительство состояло из представителей лишь одной из

местных национальностей, и что если бы он вообще мог признать какую бы то ни было самостоятельность, то только временно, «до мирной конференции» и до созыва Российского Учредительного собрания.

Тогда азербайджанцы — единственная из всех национальностей, населявших Баку, в которых существовал дух местечкового патриотизма и сепаратизма, попытались создать коалиционное правительство. Они обратились к армянам, но те наотрез отказались, мотивируя свой отказ тем, что программа азербайджанцев им не подходит и что они вообще не намерены отделяться от России. Предвидя такой же ответ и от русских, азербайджанцы не стали даже вступать в контакт с Русским Национальным комитетом, объединявшим русское население Баку. Вместо этого азербайджанцы нашли каких-то двух по виду русских людей и предложили им по министерскому портфелю из самых неважных в организуемом ими правительстве. Эти «русские» согласились. Но кто они были такие на самом деле, чем занимались, установить так и не удалось. Фамилии их ни о чем не говорили, да и вообще могли быть вымышленными. Эти махинации азербайджанцев никто всерьез не принимал, и все считали, что их попытка добиться признания такого смехотворного «коалиционного правительства» обречена на неудачу.

Однако генерал Томсон признал это «правительство» и выпустил прокламацию к населению Баку и области, в которой заявил, что признанное им правительство считает единственным, имеющим всю полноту власти в пределах Азербайджана, и что он будет поддерживать это правительство всеми мерами, находящимися в его распоряжении.

29 декабря крейсера «Слава», «Вентюр» и «Азия» уничтожили артиллерийским огнем склады большевиков в Старо-Теречной, потопили несколько груженных барж и захватили красное госпитальное судно с персоналом, ранеными и здоровыми. Госпитальное судно отвели в Петровск, большевиков посадили в тюрьму, а медицинский персонал, чрезвычайно довольный, что удалось избавиться от красных, отпустили на все четыре стороны. Здоровыми были те, которые специально остались на госпитальном судне, чтобы вырваться от красных, в то время как настоящие большевики, начиная от комиссаров, сбежали на берег при приближении английских кораблей. На захваченных баржах не было ни одного человека, так что вся операция прошла без кровопролития.

Любопытно, что просоветская пресса обвинила англичан в потоплении госпиталя с тысячью ранеными, а также барж с еще тысячью раненых. Позже число утопленных раненых астраханские газеты довели до трех тысяч.

В конце декабря 1918 г. на канонерских лодках «Каре» и «Ардаган» команды решили арестовать своих офицеров и идти в Астрахань к красным. Часть офицеров с канонерок, а также некоторые офицеры с других русских вооруженных кораблей успели бежать в город, остальные же были арестованы. Благодаря вмешательству Бичерахова и Томсона их удалось спасти, и они съехали с кораблей в город. Корабли остались без офицеров.

Вскоре выяснилось, что негативное отношение к офицерам имело место только на «Карсе» и «Ардагане». На остальных же кораблях команды упростили своих офицеров к ним вернуться. Матросы же с «Карса» и «Ардагана» грозились расправиться с этими офицерами, и тогда команды других кораблей выставили у трапов пулеметы и заявили, что не позволят «клёшникам» «Карса» и «Ардагана» арестовывать их офицеров.

Оставшись без офицеров, команды «Карса» и «Ардагана» медлили с уходом в Астрахань, хотя им никто в этом не препятствовал. Шли дни, а канонерки оставались в Баку. Среди их команд начался раскол. Матросы, имевшие семьи в Баку, уходили к женам, а молодые матросы настаивали на скорейшем отходе в Астрахань. Споры и ссоры на канонерках продолжались до середины февраля 1919 г.

К концу 1918 г. в Баку прибыли первые три английских торпедных катера. В качестве плавбазы для всех шести британских торпедных катеров выбрали самое большое каспийское судно «Волга». Это был бывший танкер «Алейдар Усейнов», построенный в 1905 г. в Сормово. (Данные «Алейдара Усейнова» приведены в таблице 1, стр. 93.) «Волгу» планировали вооружить 152-мм британскими пушками. Любопытно, что в архивных документах и мемуарах это судно фигурирует как под старым, так и под новым названием.

Русские офицеры предложили укомплектовать торпедные катера русскими командами, но англичане категорически отказались.

В начале 1919 г. англичане обзавелись гидроавиацией. Первая партия гидросамолетов под командованием Д. Норриса отправилась на грузовиках из Багдада 27 июля 1918 г. и прибыла в Энзели 6 августа. Далее людей и технику погрузили на флагманский корабль «Президент Крюгер». Вторая партия прибыла в Энзели в сентябре и проследовала тем же маршрутом в Петровск, где было решено организовать базу гидросамолетов. Подразделение для службы в России формировалось на базе 266-й эскадрильи 62-го крыла Королевских воздушных сил Великобритании и 437-го отряда. В дальнейшем для переброски самолетов англичане пользовались железной дорогой Батум — Баку.

В качестве носителей гидросамолетов (гидрокрейсеров) англичане приспособили товаро-пассажирские суда «Орленок» (вместимость 1406 брт, две 102-мм пушки) и «Алейдар Усейнов» («Волга». Вооружение: одна 76-мм (12-фунтовая) английская пушка). На каждом судне базировалось по два гидросамолета.

В апреле 1919 г. начались пробные полеты гидросамолетов «Шорт». Сразу же возникла серьезная проблема. Оказалось, что пониженная степень солености вод Каспийского моря отрицательно влияет на плавучесть гидропланов — в более пресной воде поплавки «Шортов» погружались заметно глубже. Это, в свою очередь, пагубно сказывалось на взлетных характеристиках машин. Срочно на Мальту был послан заказ на новые воздушные винты с меньшим шагом, обеспечивающие большую тягу при более низких оборотах мотора «Маори». Лишь после установки таких винтов самолеты смогли нормально подниматься в воздух.

13 января 1919 г. из Петровска к острову Чечень вышли британские суда «Вентюр», «Слава» и «Алла Верды». На следующее утро отряд подошел к косе Брянской, где был замечен под берегом небольшой пароход. Вскоре от него отошла шлюпка с вооруженными людьми, которая быстро достигла берега, люди выскочили из шлюпки и бросились бежать. Оказалось, что это был пароход красных «Амассия», а бежавшие люди — его команда. За несколько недель до этого «Амассия» с разрешения английского командования вышла из Энзели в Астрахань с грузом провизии для астраханской персидской колонии. Но в Волгу она войти не смогла из-за льда и была захвачена красными, которые всю провизию реквизировали, а сам пароход стали использовать в своих целях.

На «Амассию» посадили британского офицера и пять матросов, которые довели ее в Петровск.

«Вентюр», «Слава» и «Алла Верды» простояли у острова Чечень до 17 января. Позже мичман Лишин вспоминал: «За это время с "Вентюра" и "Славы" отправили на остров небольшой десант, который осмотрел остров и ничего не нашел, кроме одного русского полковника с женой, и вернулся, забрав их с собой. Оказалось, что полковнику с женой удалось бежать от большевиков. Их впоследствии высадили в Петровске. На "Вентюр" пригрёб на шлюпке с острова какой-то человек, которого тоже взяли с собой. Он оказался нашим шпионом, побывавшим в Астрахани и во многих районах расположения большевистских сил.

Во время этой якорной стоянки к нам на "Алла Верды" пришел на шлюпке доктор Коккайн с "Вентюра". Он рассказывал, что посылка "Амассии" из Энзели в Астрахань не была единичным случаем, но что еще

до нее был послан пароход "Николай" тоже с провизией для персидской колонии в Астрахани и тоже с разрешения англичан. Этот пароход успел пройти к городу еще до льда и, конечно, немедленно был захвачен большевиками.

17-го утром мы снялись с якоря и прошли к Старо-Теречной. У пристани стояли две баржи и маленький волжский пароходик. Мы почему-то не обратили на них никакого внимания. Вид у берега был унылый и печальный благодаря развалинам разбитых и сожженных 29 декабря складов. В надвигающемся тумане мы ушли к Чеченю, а вечером направились в Петровск.

На этот раз мы пробыли в Петровске довольно долго, до 25 января, так что механики имели возможность повозиться с котлами, которые вновь стали причинять им заботы. Мне удалось поговорить с нашим шпионом, привезенным "Вентюром" с острова Чечень. Он рассказал, что большевики сильны и прекрасно снабжены боевыми материалами. Красноармейские части состоят главным образом из рабочих латышей и наемных китайцев, которым платят очень большие деньги. Дисциплина строгая. Большевикам доставляют неприятности матросы кораблей, прибывших из Балтики: отказываются участвовать в гражданской войне и не желают драться против союзников. Большевики не применяют к ним репрессий, надеясь, что с началом весенней кампании матросы перестанут артачиться...

...Особенно интересны были его сведения о ночи, предшествовавшей нашему бою 8 декабря. Он был в это время на острове Чечень. Оказалось, что большевистские транспорты с войсками, придя ночью в район о. Чечень, стали на якорь невдалеке от "Зороастра", не неся никаких огней. Перед рассветом они произвели высадку войск у Старо-Теречной. Высадку не закончили, так как начавшийся бой между нами и их конвоирами заставил их отойти из опасения быть застигнутыми. Ночью к "Зороастру" приблизился один из двух миноносцев, но, решив, что военное судно никогда не станет стоять освещенным в районе возможной встречи с неприятелем, не пустил его ко дну, а отошел под берег и стал на якорь. Во время нашего боя на о. Чечень находился начальник большевистской морской контрразведки, матрос Черноморского флота. Очевидно, такой же блестящий зевака, как наш храбрый комендант "Зороастра"»^[114].

Глава 17

КАСПИЙСКАЯ КАМПАНИЯ 1919 ГОДА

27 января 1919 г. английские корабли перехватили близкую работу какой-то радиостанции (запеленговать ее англичане не додумались). Возникло предположение, что в море вышло хотя бы одно красное судно, хотя можно было догадаться, что это невозможно, поскольку в устье Волги стоит крепкий лед. Тем не менее в тот же день из Петровска вышли на перехват «Зороастр», «Вентюр» и «Алла Верды». До 1 февраля они ходили по замерзающему Каспию, невзирая на шторма и снежную пургу. Проблуждав у острова Чечень, из-за непогоды и плотной сетки снега иногда теряя друг друга из вида, корабли не обнаружили ничего интересного и вернулись в Петровск, где простояли 12 дней.

Во время стоянки в Петровске русская часть команды «Зороастра» потребовала повысить им жалованье. Британское командование отказало, и тогда команда начала шуметь и скандалить. В конце концов, все русские матросы «Зороастра» потребовали расчета, сошли на берег и направились на другие британские пароходы «снимать команду», однако ничего не добились, русские команды с других пароходов их попросту прогоняли. Потолкавшись некоторое время в городе, матросы с «Зороастра» уехали в Баку. Позже они просились обратно на «Зороастр», но их не взяли, так как пароход, выведенный на время из строя из-за некомплекта команды, был укомплектован исключительно английскими матросами.

12 февраля «Алла Верды» был послан на север. Лишин писал: «Мы вышли из Петровска в 16 часов при довольно спокойной морозной погоде. К вечеру начало сильно задуть, и к ночи разыгрался свирепый шторм с северо-запада. Утром при всё усиливающемся шторме подошли к кромке сплошного льда. Остров Чечень был весь во льду. Мы пошли вдоль льда. Волна у ледяного массива была мелкая, и нас не качало больше, но зато ветер был настолько силен, что мы шли под постоянным креном в 8 градусов. Наш русский капитан стал уверять Сноу, что идти дальше вдоль льда не имеет никакого смысла, так как лед всюду будет иметь один и тот же вид. Капитан уговаривал Сноу идти обратно в Петровск, пока шторм не достиг полной силы. Сноу заупрямился, и только днем, когда ветер достиг 11-ти баллов и рвал так, что надо было держаться за что-нибудь, чтобы не быть сбитым с ног, Сноу решил повернуть на Петровск. Отойдя от границы

льда, мы вскоре попали в гигантскую волну, и несчастный "Алла Верды" стало бросать, как щепку. Нас заливало, и вода на палубе и повсюду, куда она попадала, немедленно замерзала. Через короткое время корабль обледенел совершенно, на палубе было свыше фута сплошного льда. При огромных размахах качки (на моей вахте крен достигал 32 градусов на борт), при сильнейших и внезапных бросках, которым подвергался корабль, передвижение по палубе было делом сложным, и благополучное достижение цели несколько проблематичным. В кают-компании и в каютах был сплошной хаос.

Вечером лопнул штуртрос, и нас поставило лагом. Стало намного хуже. Проработали в отчаянных условиях, заливаемые водой, обледенелые, ежеминутно рискуя сорваться, около часу. Работали, за одним исключением, только русские во главе с капитаном, показавшим чудеса бесстрашия. Из англичан помогал только один матрос, но помогал самоотверженно. Наконец, исправили штуртрос и совершенно изможденные сползли вниз по своим помещениям. Через пять минут штуртрос лопнул опять. Стемнело, и работать стало еще трудней. В это же время приполз на мостик старший механик и сообщил, что котлы сильно текут, кочегарки наполняются солью и невозможно держать удовлетворительное давление пара. Наше плавание превращалось в бедствование. Однако штуртрос исправили вторично, с котлами уже ничего, конечно, нельзя было поделаться: оставалось надеяться, что дотянут...

...С большим трудом вошли мы утром в Петровский порт. Корабль снаружи представлял из себя какое-то привидение: весь покрытый льдом, сидящий значительно глубже обычного, с разбитыми надстройками»^[115].

Главной новостью дня в Петровске было известие о подчинении дагестанцев требованиям генерала Деникина, согласно которым «Горская республика» стала считаться районом действий Добровольческой армии, а местное правительство стало считаться временным, до созыва Российского Учредительного собрания.

Днем 15 февраля в Петровск пришел «Президент Крюгер» с коммодором Норрисом, принявшим на себя командование флотилией вместо Вашингтона, который временно остался при Норрисе. «Крюгер» перевооружили: теперь на нем были четыре английские морские 102-мм пушки нового типа Mk.9 и одна 75-мм пушка. Впоследствии выяснилось, что эти английские 102-мм пушки хуже русских 102/60-мм пушек.

«Алла Верды» был осмотрен комиссией, нашедшей, что корабль к плаванию не пригоден. Решили его разоружить и передать владельцам, и исключили из списков флотилии.

В феврале 1919 г. Деникин назначил своим представителем в Баку генерала Эрдели^[116], поручив ему привести все русские силы к подчинению командованию Добровольческой армии. Однако англичане под разными предлогами оттягивали передачу судов деникинцам.

Говоря о боевых действиях на севере Каспийского моря, стоит сказать несколько слов об особенностях выхода судов из Волги в Каспий. Северная часть Каспия (между устьем реки Терек и полуостровом Мангышлак) очень мелкая, максимальная глубина так не превышала 6 сажен (12,8 м). Речь, понятно, идет не о 2007-м, а о 1918 годе. Часто в местах с глубиной 6 футов (1,82 м) по всему горизонту не видно земли. Северная часть Каспия ближе к Астрахани замерзала в ноябре и до середины марта была покрыта сплошным льдом.

Прошу извинения у читателя за скучные сведения из отечественной географии, но приводить их приходится, поскольку у большинства наших маститых историков-маринистов, в том числе у уважаемого С.С. Бережного, боевые корабли приходят с Балтики в Астрахань в декабре, январе и феврале. Аналогичные чудеса происходят и в других флотилиях.

Морские суда, в мирное время шедшие к Астрахани, обычно подходили к так называемому 12-футовому рейду (12 футов — 3,65 м), находившемуся на параллели поселка Лагань^[117] в 14 км к востоку. Там морские суда притыкались носом к отмели и начинали перегрузку товаров на мелкосидящие колесные речные пароходы или баржи.

При большом или среднем уровне воды корабли с осадкой в 10 футов могли по очень узкому каналу, всего в несколько саженей шириной и длиной до 25 миль, под проводкой лоцмана войти в Волгу. Понятно, что в военное время условия плавания были совершенно другими. Красные сняли часть бакенов, а оставшиеся переставили. Даже если бы канал был найден и обвехован, то о маневрировании в нем не могло быть и речи. А если корабль сел бы в канале на мель, то он сразу же превратился бы в неподвижную мишень. При падении же воды, зависящей преимущественно от северо-западных ветров, и при наличии течения корабль мог быть окончательно потерян. Все это привело к тому, что дальше 12-футового рейда глубокосидящие корабли белых при наличии красного флота не продвигались. Даже стоянка на этом рейде была не всегда возможна, так как при северо-западных ветрах уровень воды очень быстро падал, и корабли могли сесть на мель на рейде. Англичане никогда не подходили ближе, чем на 20 миль к 12-футовому рейду, чтобы под килем оставалось хотя бы 2—3 фута воды.

Астраханские большевики задавили поборами купечество и ремесленников, национализировали рыбацкие лодки и снасти, а 20 февраля 1918 г. упразднили Астраханское казачье войско. В результате 10 марта 1919 г. в городе вновь началось восстание. Повстанцы захватили несколько кварталов и склад саперного батальона. По приказу С.М. Кирова эсминцы «Москвитянин» и «Финн» открыли по городу огонь из 102/60-мм орудий. Было разрушено несколько церквей. К вечеру 12 марта восстание удалось подавить.

На 15 февраля 1919 г. личный состав Астрахано-Каспийской флотилии составлял 2900 моряков и около 630 вольнонаемных. Корабельный состав подразделялся на три отряда: Северный речной отряд, Южный речной отряд и Морской отряд. Северный отряд действовал выше Царицына совместно с частями 10-й армии. Южный речной отряд вместе с частями 11-й армии оборонял Волгу на участке Царицын — Астрахань. Морской отряд вел боевые действия против английской и белогвардейской флотилии Каспийского моря.

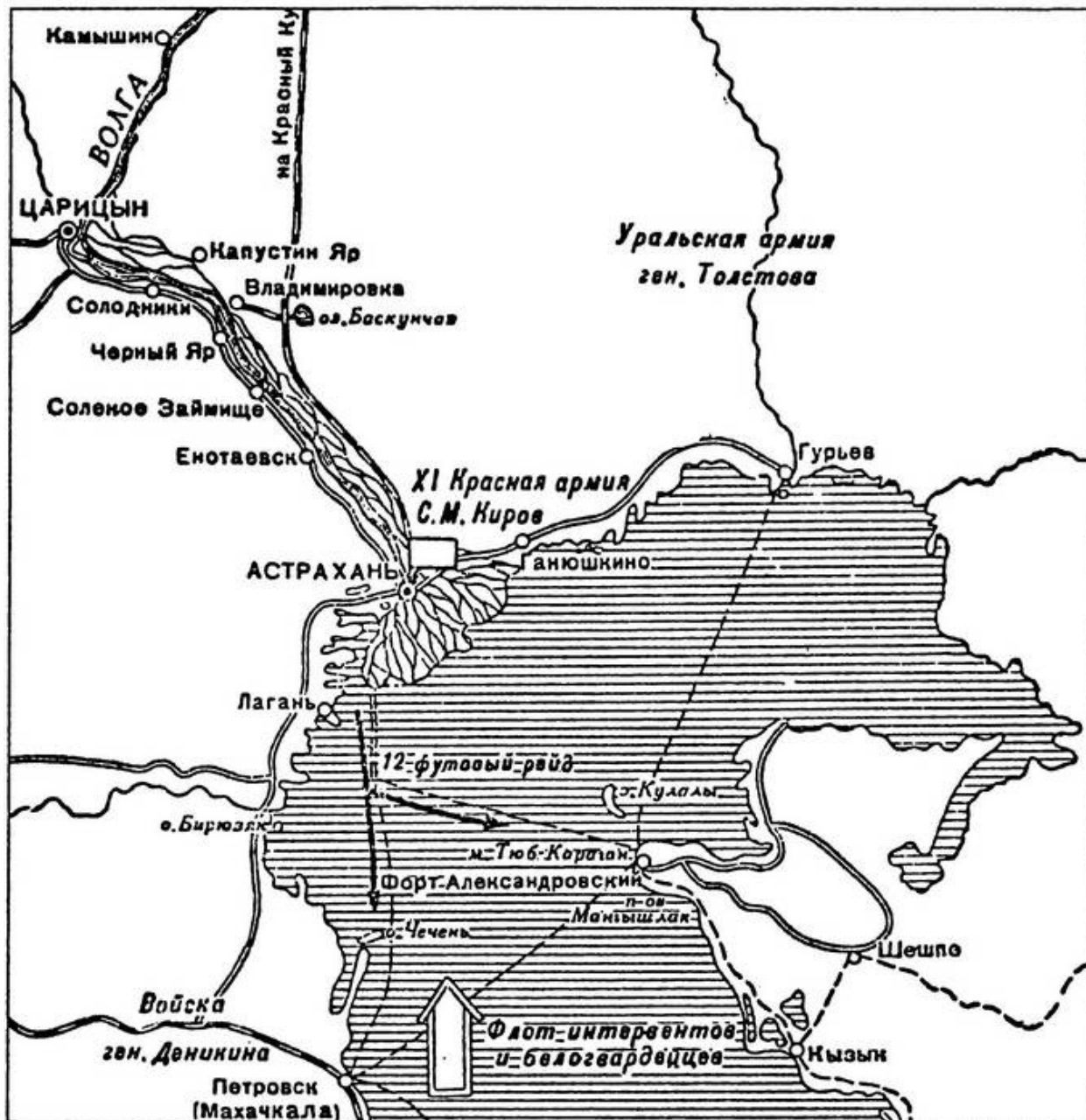
24 апреля 1919 г. Ленин телеграфировал на имя Реввоенсовета Отдельной 11-й армии: «Обсудите непременно:

первое — нельзя ли ускорить взятие Петровска для вывоза нефти из Грозного;

второе — нельзя ли завоевать устье Урала и Гурьева для взятия оттуда нефти, нужда в нефти отчаянная. Все стремления направьте к быстрейшему получению нефти»^[118].

25 апреля красные узнали, что противник морем подвозит к Гурьеву снаряды и продовольствие для уральских войск. Реввоенсовет республики потребовал от командования энергичных мер для прекращения связи противника с Гурьевым.

Ленин, получив сведения о свободном сообщении интервентов с уральскими белыми войсками, телеграфировал Реввоенсовету 11-й армии: «"Ардаган" и "Карс" из Баку прошли в Гурьев безнаказанно... Это возмутительно и заставляет даже подозревать либо измену, либо злостный саботаж. Требуем от Вас строжайшего контроля...»^[119].

Обстановка в районе Астрахани весной 1919 г.

Откуда Ильич взял, что мирно стоявшие в Баку «Карс» и «Ардаган» ходили в Гурьев — можно только гадать. Но малые суда действительно ходили по этому маршруту. Так, пароходы «Эдисон» (1802 брт) и «Самед Ага» (1474 брт) с экипажами прибыли с первым эшелоном деникинцев и перебросили из Петровска в Гурьев военные грузы, в том числе броневики.

Старшим командиром в рейс пошел капитан 2-го ранга Пышнов. На обратном пути, идя вне видимости берегов и обнаружив на горизонте дымы, он не изменил курса, чем ввел в заблуждение красные миноносцы, посчитавшие в свою очередь, что видят английские военные суда. Это стало известно белым от захваченных впоследствии в плен красных матросов.

20 апреля корабли красной флотилии вышли на Астраханский рейд. Несмотря на усиленную подготовку к кампании, сразу же выявилось множество технических и организационных недостатков. Радиосвязь и воздушная разведка из-за устаревшей материальной части и слабой подготовки летчиков работали плохо. Сказывался некомплект специалистов, малая практика в плавании и ведении учебных стрельб.

Замечу, что англичане не догадались или не захотели заминировать 12-футовый рейд, чтобы лишить красных возможности выходить в Каспийское море. «Просвещенные мореплаватели» лишь устроили с начала апреля 1919 г. дежурство своих судов у острова Чечень. 19 апреля крейсер «Азия» вступил в перестрелку с красным пароходом, а 23 апреля аналогичная стычка произошла у крейсера «Вентюр». В обоих случаях пароходы Астрахано-Каспийской флотилии быстро уходили из зоны огня, а англичане их не преследовали.

В ночь на 29 апреля Астрахано-Каспийская флотилия начала боевые действия. Речной отряд флотилии в составе вооруженных пароходов «Каспий» (флаг командира отряда), «Коммунист», «Спартаковец» и «Адлер» вышел в море с целью захватить форт Александровский. Через рыбаков и по радио гарнизону форта красные предъявили следующий ультиматум: «Перед вами стоят моряки Советской России. Пришли к вам не как к врагам, а как к оторванным сынам свободной России, и предлагаем вам, во избежание всяких неприятностей для вас, прекратить всякое сношение по радио и передать местному населению, что нами не будет причинено никакого вреда, если с их стороны не будет сопротивления. В противном случае будет открыт огонь, и вы объявлены будете врагами Советской России». Вскоре был получен ответ: «Никакого сопротивления вам оказано не будет. Выслана делегация от форта Александровского и степного населения».

Десантный отряд, высаженный под командованием командира и комиссара корабля «Спартаковец», разоружил гарнизон и занял форт. Белое командование скрылось.

Овладев фортом, красные моряки немедленно приступили к организации маневренной базы. Днем корабли стояли на якоре без

специального охранения, а ночью на подходах к стоянке выставлялись дозоры. Дозорная служба и близкая разведка велись ежедневно, что служило для предупреждения внезапного появления противника.

Так как белые и интервенты еще не знали о захвате форта Александровский, то его радиостанция продолжала получать радиограммы из Баку и Петровска, дававшие красным ценные сведения об оперативной обстановке и намерениях противника. В числе прочих была перехвачена радиограмма о том, что на судне «Лейла» из Петровска в Гурьев направляется делегация во главе с генералом Гришиным-Алмазовым.

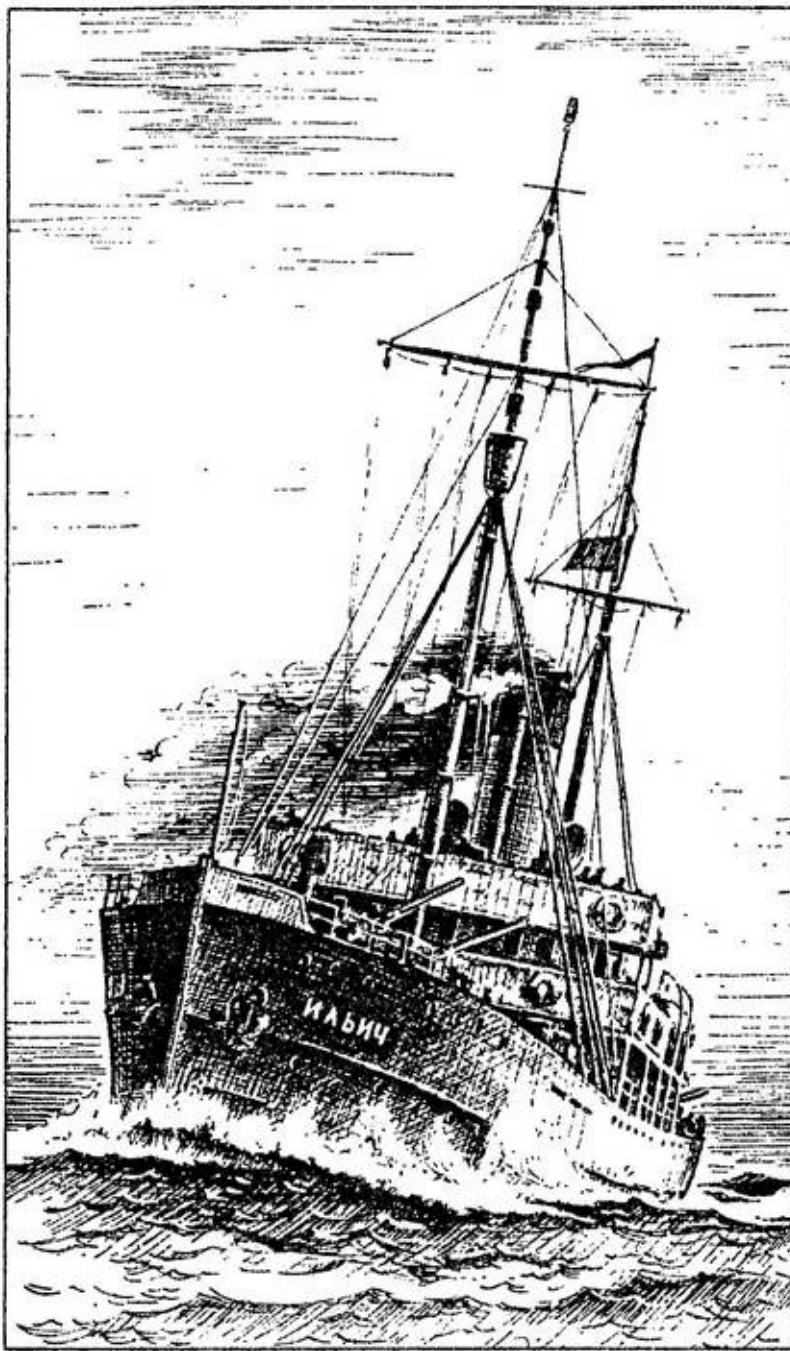
Пассажирский пароход «Лейла» (200 л. с, 12 узлов), несмотря на войну, принадлежал частному владельцу и не был вооружен. До форта Александровского «Лейлу» конвоировали «Президент Крюгер» и «Вентюр». Не доходя 20 миль до форта, командор Норрис заявил, что «Лейла» может идти дальше самостоятельно, «так как ей никакой опасности больше не угрожает»^[120].

5 мая в 12 ч. 35 мин. эсминец «Карл Либкнехт» перехватил «Лейлу». Генерал Гришин-Алмазов и его адъютант застрелились, а остальные члены делегации были взяты в плен. К большевикам попали важные оперативные документы Деникина. Пароход был включен в состав Астрахано-Каспийской флотилии и 11 июля 1919 г. переименован в «Товарищ Петров».

Из-за отсутствия грамотных офицеров и полнейшей расхлябанности команд два выхода Астрахано-Каспийской флотилии в мае 1919 г. оказались неудачными. Поход отряда судов к Петровску с целью его обстрела сорвался из-за неполадок в машинах эсминца «Москвитянин» и крейсера «Ильич».

На 18 мая 1919 г. был назначен набег на остров Чечень. Согласно плану, одна группа в составе миноносцев «Дельный», «Деятельный» и «Расторопный» с катерами-истребителями должна была идти прямым курсом на остров Чечень с расчетом быть на параллели Чеченя в 3 часа ночи. Задачей группы была атака на суда, находившиеся у Чеченя, и обстрел радиостанции, бензинового бака и батареи. По окончании атаки группа должна была идти на соединение с главными силами, а «Дельный» — остаться наблюдать за дальнейшими действиями противника. Вторая группа, состоявшая из миноносцев «Яков Свердлов», «Карл Либкнехт» и бригады крейсеров, обеспечивала набег, а на рассвете, получив сведения от миноносцев первой группы, должна была нанести удар всеми силами по флоту противника, вышедшему из базы, и занять остров. Подводная лодка «Макрель» занимала боевую позицию у острова Кулалы возле восточного

побережья Каспия.

Крейсер «Ильич» (бывший «Бамбак»). Рис. А. Карелова

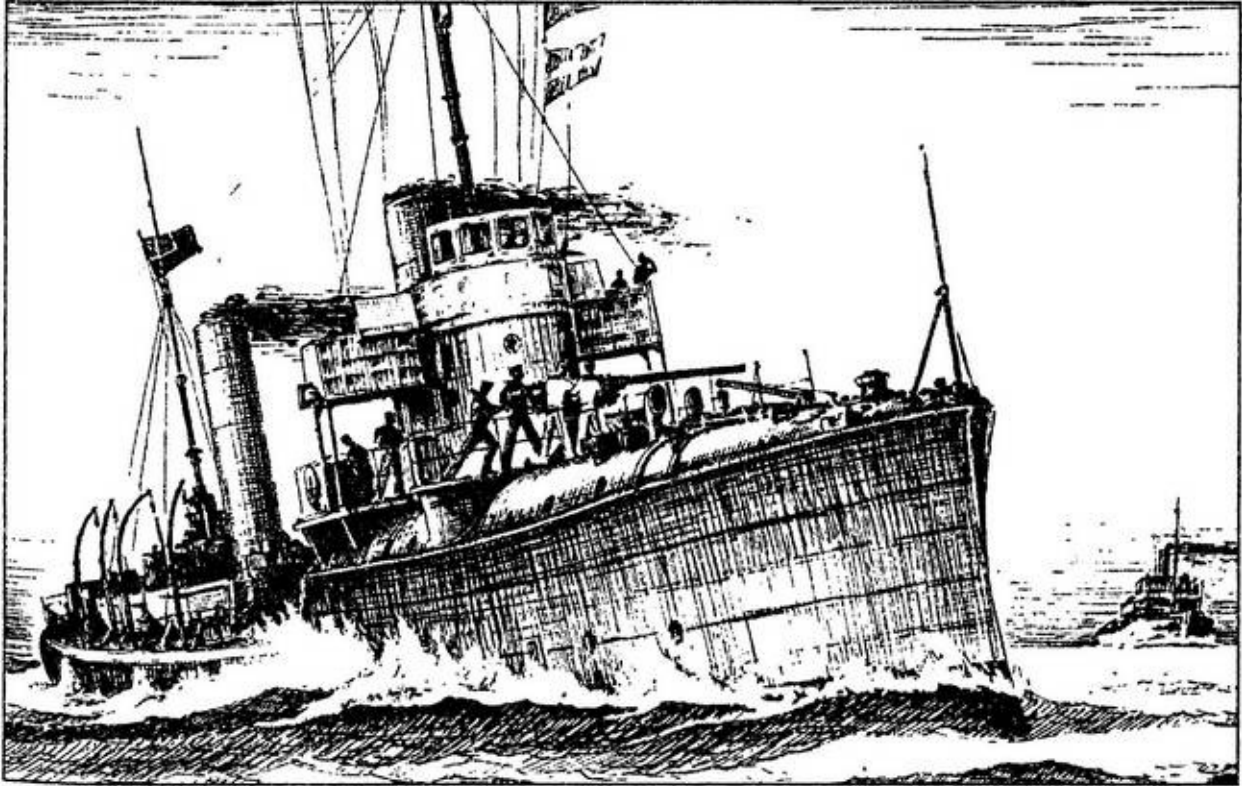
Между тем англичане, получив известие о взятии большевиками форта Александровский, решили провести воздушную разведку.

13 мая, погрузив на борт два «Шорта» (№ 9080 и № 9082), «Алейдар Усейнов» отплыл к острову Чечень, куда прибыл к вечеру того же дня. На следующий день на воду был спущен № 9080 с экипажем в составе капитана Садлера и лейтенанта Кингема. Их разведывательный полет вдоль северного побережья, длившийся 3,5 часа, не принес результатов — противника обнаружить не удалось. Соответственно не нашлось подходящих целей и для взятых с собой бомб (по одной в 230, 100 и 65 фунтов). Летчики лишь обстреляли из турельного пулемета «Льюис» несколько деревень на побережье.

В 16 часов «Алейдар Усейнов», подняв на борт гидросамолет, вернувшийся из разведки, отплыл от острова Чечень и на рассвете следующего дня взял курс на остров Купали, чтобы встретиться с остальными кораблями английской флотилии.

15 мая при приближении к форту Александровскому в море были замечены корабли большевиков, выходящие из гавани. Британская флотилия, в состав которой входили также вооруженные деникинские пароходы, устремилась навстречу противнику, который, бросив две баржи, поспешно скрылся в гавани. Эти баржи были уничтожены пушечным огнем с кораблей «Президент Крюгер» и «Эмиль Нобель». Сильное волнение на море и дождь не позволили использовать авиацию в последующие два дня.

В 5 часов утра 17 мая англичане все-таки попытались поднять в воздух свои самолеты. Однако при спуске на воду «Шорта» № 9080 из-за сильной качки были повреждены о борт корабля правая законцовка крыла и поплавки. «Шорт» № 9082 спустили удачно, но машина не смогла взлететь из-за сильного волнения. Во время подъема она также получила повреждения.

Бой эсминца «Карл Либкнехт» с белой флотилией. Рис. А. Карелова

«Алейдар Усейнов» в сопровождении корабля «Эммануил Нобель» направился в Петровск и прибыл туда утром 18 мая. Здесь поврежденный «Шорт» № 9082 отправили на берег для серьезного ремонта, вместо него на борт был взят № 9079. Ремонт № 9080 удалось осуществить своими силами, и к вечеру 18 мая «гидрокрейсер» вновь вышел из Петровска под охраной «Эммануила Нобеле». Оба корабля присоединились к основным силам флотилии в 20 милях от острова Чечень.

По данным красных, поход к Чеченю был запланирован на 18 часов на 18 мая, но за час до намеченного срока в районе базы появился английский самолет. Пришлось несколько задержаться, чтобы не дать разведке противника обнаружить выход кораблей.

Тут по сравнению с британскими данными о полетах самолетов какая-то нестыковка.

Далее, дабы сохранить колорит эпохи, процитирую доклад начштаба Астрахано-Каспийской флотилии М.Н. Попова в Реввоенсовет 11-й армии:

«Операция под островом Чечень 18 и 19 мая не удалась, так как миноносцы, придя на Чечень, встретили сильный туман, который помешал их дальнейшей работе. Бригада крейсеров, подходя на рассвете 18 мая к Чеченю, не имея никаких сведений о результатах разведки, не могла идти дальше под Чечень. Радиотелеграммы, благодаря малоопытности телеграфистов, были совершенно перевернуты. Эсминец "Дельный" на все вызовы не отвечал. Было решено операцию отложить на 20 мая и произвести ее от 12-футового рейда. В исполнение этого решения бригада крейсеров повернула к 12-футовому рейду, по радио указав миноносцам место рандеву на 12-футовом рейде. Подошедшие миноносцы "Деятельный" и "Расторопный" шли на правом траверзе, миноносец "Карл Либкнехт" — там же, но несколько мористее. Через час эсминец "Деятельный" попросил взять его на буксир, так как вода в котлах у него начала вскипать. Это через 19 час похода 12-узловым ходом. Было дано радио в Астрахань о высылке угольного транспорта "Пирогов" на 12-футовый рейд и угольной баржи с базы острова Оранжерейного. В 17 ч. пришли на 12-футовый рейд и стали на якорь. В ночь на 20 мая задул ветер от северо-запада и начался сгон воды. Транспорт "Пирогов" и баржа не смогли самостоятельно пройти канал и шли на буксирах, бригада кораблей меняла место. В ночь на 21 мая подошла угольная баржа, и эсминцы приступили к погрузке угля. Кроме того, "Карл Либкнехт" перебирал подшипники, так как в них набился песок; эсминец "Расторопный" перебирал донки, а на крейсере "III Интернационал" выгачивали шток поршня; оба эти миноносца рассчитывали быть готовыми к 16 ч. 21 мая»^[121].

Соответственно, председатель Реввоенсовета 11-й армии К.А. Мехоношин доложил Ленину: «Положение во флотилии следующее:

1) Износившиеся механизмы миноносцев в связи с большими отложениями солей, растворенных в каспийской воде, работают весьма неисправно... Вследствие особых качеств каспийской воды, опреснители на миноносце работать не могут, а запаса пресной воды для котлов хватает лишь на 20 ч., чем в значительной степени ограничиваются размеры операции...

...Две подводные лодки удалось поставить на боевую линию лишь через две недели после выхода в море, так как необходимо было отрегулировать аппарат, проделываются опыты погружения; для дальних пробегов лодки по состоянию механизмов не годятся и несут лишь охранную службу по линии форт Александровский — остров Чечень; катера-истребители могут ходить лишь при спокойном состоянии моря,

небольшая зыбь уже заливает их, кроме того, приспособленные для бензина двигатели неисправно работают на газолине. Имеющая крайне важно значение воздушная разведка вследствие отсутствия бензина невозможна...

2. Единственный способ связи — радио вследствие сильного недостатка радиотелеграфистов находится в самом ужасном состоянии, телеграммы не расшифровываются, далеко не всегда удается передача; срочное донесение при такой связи в управление флота во время операций почти невозможно. Все сухопутные радиостанции нами закрыты, а личный состав передан флоту. Необходимо срочно выслать радиоспециалистов...

Командный состав на кораблях весьма слаб, в штабе флотилии не хватает специалистов, а т. Сакс один не может справиться, несмотря на большую энергию и умение — чувствуется растерянность»^[122].

15 мая с 12-футового рейда в форт Александровский вышли транспорт «Алекбер» с шаландой «Усейн Абат» на буксире и транспорт «Баку» со шхуной «Дербент» под конвоем эсминца «Яков Свердлов». В 17 милях от форта Александровский конвой встретил «Президента Крюгера» и «Вентюр» (Лишин утверждает, что это было в 40 милях от Александровского). Немедленно шаланда «Усейн Абат» и шхуна «Дербент» были брошены, а транспорты «Алекбер» и «Баку» с эсминцем «Яков Свердлов» укрылись в Тюб-Караганский залив. Брошенные суда, груженные 35 тыс. пудов угля и 250 саженьями дров, англичане потопили артиллерийским огнем, предварительно сняв с них команды и документы. Риторический вопрос — неужели советский эсминец не мог снять людей с судов, чтобы не оставлять их на расправу белым? Чтобы оправдать свою трусость, военморы донесли о шести английских кораблях. А может, в глазах троилось? Любопытно, что Лишин, находившийся на «Крюгере», даже не упоминает об эсминце, видимо, красные драпанули, лишь увидев дымы на горизонте.

А теперь перейдем к самому большому сражению на Каспии в ходе Гражданской войны — к бою в Тюб-Караганском заливе.

К 18 мая 1919 г. в Тюб-Караганском заливе были сосредоточены следующие силы Астрахано-Каспийской флотилии: бригада крейсеров — «III Интернационал», «Красное Знамя», «Ильич», «Пролетарий»; отряд минных судов — эсминцы «Карл Либкнехт», «Москвитянин», «Яков Свердлов», «Дельный», «Деятельный», «Расторопный»; речной отряд — «Каспий», заградитель «Демосфен»; дивизион подводных лодок — «Макрель», «Минога», их база пароход «Ревель»; дивизион катеров-истребителей — «Смелый», «Счастливый», «Пылкий», «Беспокойный»,

«Жуткий», «Дерзкий», «Пронзительный», плавучая батарея № 2, вооруженная 152-мм орудиями; отряд транспортов — «Баку» (угольщик, на нем флаг начальника отряда), «Мехти» (мастерская), «Алекбер» (снаряды), «Туман» (снаряды), «Мартын» (минный); гидрографические суда — «Красноводск», «Николай Зубов», «Терек»; вспомогательные суда — «Бакинец», «Ряжск», «Крейсер», «Лейла», «Гельма»; водяная баржа «Рюрик»; продовольственные базы — «Зороастр», баржа № 2, угольная шаланда «Рыбачка». В форту находился десант в 400 красноармейцев.

На 12-футовом рейде стояли плавбатарея № 1, вооруженная 152-мм орудиями, вспомогательное судно «Игнатий», дозорное судно «Воля».

18 мая бригада крейсеров под флагом командующего флотом на «III Интернационале», отряд минных судов, за исключением эсминца «Москвитянин», оставленного из-за повреждения механизмов, и шесть катеров-истребителей вышли из Тюб-Караганского залива для операции под островом Чечень. Как уже говорилось, операция провалилась.

На рассвете 20 мая с гидрокрейсера «Алейдар Усейнов», находившегося в 20 милях от форта Александровского, на воду был спущен «Шорт-184» № 9080 с экипажем из пилота 2-го лейтенанта Томпсона и наблюдателя лейтенанта Бикнелла. Летчики выполнили разведывательный полет над фортом и сбросили на плавбатарею № 2 и эсминец «Москвитянин» по одной 230-, 100- и 60-фунтовой бомбе с высоты 2500 футов (914 м), однако прямых попаданий замечено не было. Несмотря на сильный зенитный огонь, самолет вернулся без повреждений. Данные разведки подтвердили наличие в гавани кораблей красных.

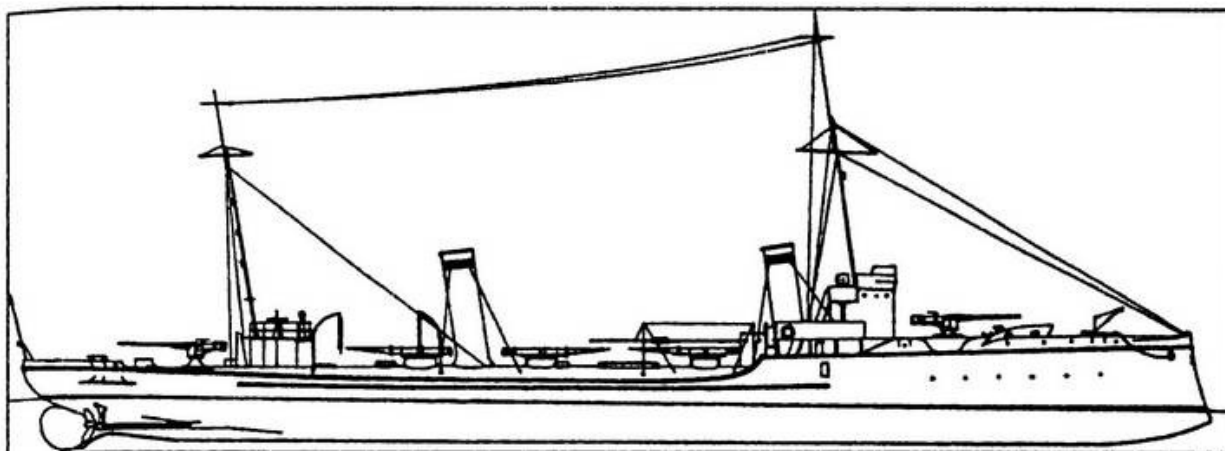
Следующими стартовали 2-й лейтенант Моррисон и лейтенант Пратт на «Шорте» № 9079. Однако во время взлета на высоте 200 футов при выполнении виража внезапно «обрезал» мотор. Самолет упал в воду. Летчикам удалось выбраться из кабины и удержаться на полузатонувшем «Шорте» до подхода катера, команда которого доставила их на «Усейнов». Бомбить пристань и корабли красных вновь отправились Садлер с Кингемом на «Шорте» № 9080, но из-за перебоев в работе мотора экипаж возвратился, не выполнив задания. Выяснилось, что примесь воды в бензине вызвала плохую работу карбюратора.

К этому времени на рейде форта Александровского оставались следующие корабли красных: «Каспий» (флаг начальника отряда), эсминец «Москвитянин», заградитель «Демосфен», подводные лодки «Миного» и «Макрель» с их базой пароходом «Ревель», шесть катеров-истребителей, возвратившихся из рейда, плавбатарея № 2, транспорты «Баку» (флаг начальника отряда транспортов), «Мехти», «Алек-бер», «Туман»,

«Мартын», вспомогательные суда «Бакинец», «Ряжск», «Крейсер», «Лейла», «Гельма», водяная баржа «Рюрик», продбаза «Зо-роастр», баржа № 2, шхуна «Рыбачка» с углем.

20 мая из Петровска вышел отряд английских судов в составе «Президента Крюгера», «Вентюра», «Азии», «Эммануила Нобеля», «Славы», «Зороастра», «Биби Эйбата» и «Виндзора Каствла». Отряд, шедший кильватерной колонной, на рассвете подошел к форту Александровскому.

Любопытно, что в своем отчете от 30 мая 1919 г. командующий Астрахано-Каспийской флотилией СЕ. Сакс говорит о двух неприятельских эскадрах: «21 мая в 12 ч. 30 мин. на западе показались 6 неприятельских кораблей в строе кильватера курсом северо-восток, причем на горизонте видна была вторая эскадра в 5 кораблей, шедших по направлению к северу мористее первой эскадры. В первой эскадре, направляющейся к Тюб-Караганскому заливу, были замечены следующие суда: "Президент Крюгер", "Вентюр", "Боткинский завод", "Слава", "Гаджи Гаджи" и "Азия"»^[123].

Эсминец «Москвитянин»

Мичман Лишин находился на флагманском корабле «Президент Крюгер». «Утро было совершенно ясное и тихое, — вспоминает Лишин. — Только вдали держался легкий туман, постепенно рассеивающийся. По мере нашего приближения к Форту стали вырисовываться высокие берега слева от нас. Высота берега над водой достигала здесь около 12-ти сажен. Не успели мы еще подойти до предела видимости городка в глубине бухты,

как из-под высокого берега к нам понеслось три большевистских вооруженных катера...

Поведение большевистских катеров сразу показало, что ими командовали не офицеры. Идя без всякого строя, вразброд, они не решились подойти даже на свой собственный пушечный выстрел, и когда они открыли беспорядочную стрельбу по нам, снаряды их дали большие недолеты. Катера крутились между нами и берегом, то приближаясь к нам, то удаляясь, то поворачивая прямо на нас, то идя параллельным курсом. При этом они все время меняли свои скорости. Мы же продолжали идти все тем же строем и курсом, постепенно сближаясь с высоким берегом. На огонь катеров мы не отвечали.

Вдруг на кромке высокого берега, ясно вырисовавшись на фоне неба, показалась игрушечная по виду благодаря дальности расстояния полевая батарея, несущаяся карьером. Ясно было видно, как батарея развернулась, построилась, и вскоре море вокруг нас стало пестриться разрывами — то совсем близкими, то далекими.

Большевистские катера, дав полный ход, направились в Форт, идя под берегом.

Через некоторое время мы увидели справа по носу, кабельтовых в пятидесяти, низко лежащий на воде длинный силуэт, оказавшийся вооруженной четырьмя шестидюймовыми орудиями баржей, стоящей на якорях. Эта плавучая батарея при нашем приближении открыла огонь, и ее снаряды, не дав в "Крюгер", шедший головным, ни одного попадания, ложились, однако, хорошо, обдавая нас каскадами воды и осколков. Баржа стреляла вдоль всей кильватерной колонны наших кораблей. Наконец, "Крюгер", а за ним и все наши корабли открыли бортовой огонь по полевой батарее на высоком берегу, а затем "Крюгер" открыл огонь и по барже. Начался бой»^[124].

Сразу уточню: Лишину показалось, что на барже четыре 152-мм пушки. На самом деле плавбатарея № 2 (бывшая наливная баржа «Святополк» длиной 105,7 м, шириной 17,2 и с осадкой 2,4 м) несла только две 152/45-мм пушки Кане.

Версия же Сакса существенно отличается от повествования Лишина: «В 13 ч. 15 мин. "Москвитянин", а затем и заградитель "Демосфен" снялись с якоря, и, выйдя из бухты на траверз Верхнего Тюб-Караганского маяка, эсминец "Москвитянин" открыл огонь по неприятелю, а потом, после поворота эскадры противника на юг, когда эскадра вторично появилась, открыл огонь и "Демосфен". Маневрируя между нордовыми вехами и

самим входом в бухту "Москвитянин" и "Демосфен" отстреливались от неприятеля, а подлодка "Макрель" и три истребителя вышли в море.

Неприятель открыл огонь в 14 ч. 20 мин. с дистанции более 70 кабельтовых пятью кораблями, так как шестой корабль отделился от эскадры и скрылся на юге. По наблюдению, произведенному с марса эсминца "Москвитянин", было замечено, что после второго выстрела миноносца, когда корабли неприятеля повернули все на юг и почти скрылись за горизонтом, один из кораблей подошел к другому как бы для оказания помощи, и в дальнейшем уже принимали участие в бою только пять кораблей»^[125].

Судя по всему, «Москвитянин» и «Демосфен» пытались прорваться, а не вступить в бой. Из донесения командира заградителя «Демосфен» Р. Фреймана следует, что «расстояние до противника было с лишком 70 кабельтовых» (12,8 км), после чего оба корабля повернули назад. «Москвитянин» подошел к Соляной пристани, и вся его команда бежала на берег. «Не находя удобного места, где приставать и стрелять по неприятелю, стали носом к "Ревелю" и продолжали стрелять по неприятелю, который шел кильватерным строем, держа курс бухты. Неприятельский снаряд попал в "Ревель", и сейчас же последовал сильный пожар. Орудия "Демосфена" были расстреляны чуть не докрасна. Подошел на "Крейсере" начальник отряда и приказал стрелять по "Каспию", по-видимому, чтобы потопить его. С кормового орудия было дано 4 выстрела, но попаданий не было, благодаря расстрелянной пушке»^[126].

Около 15 часов «Ревель» и «Демосфен» запылали, а их команды также оказались на берегу.

В 14 ч. 25 мин. английский снаряд попал в плавбатарейю № 2 и вызвал на ней пожар. Следующий снаряд уничтожил баржу.

Вновь перехожу к версии Лишина: «Мы продолжали идти тем же строем, не меняя скорости (около семи узлов), в направлении форта Александровского. Вскоре полевая батарея на высоком берегу получила несколько эффективных попаданий, снялась и переменила место. Вновь пристрелявшись, она дала попадание в "Крюгер": снаряд разорвался в ванной каюте, разворотил все помещение, прилегающий коридор, повредил переборку моей каюты, разнес в щепы трап на мостик (с мостика я, кстати, за мгновение перед этим спустился по этому самому трапу, чтобы проверить действие брандспойтов, работавших на полную уже по боевой тревоге) и перебил брандспойт, проходивший по палубе вдоль кают. Благодаря тому, что этот брандспойт был перебит, вода из перебитого места

немедленно хлынула в место взрыва, и пожара не последовало. У нас был один легко раненный. Больше попаданий в "Крюгер" за все время боя не было, что можно объяснить только очень плохой стрельбой большевиков.

Несколько позже попадания в "Крюгер", шедший третьим или четвертым "Эммануил Нобель" внезапно рыскнул в стороны и застопорил ход; в него попал шестидюймовый снаряд с баржи. Вслед за этим "Нобель" получил еще второе шестидюймовое попадание. Мы несколько замедлили ход, но "Нобель" скоро оправился и вошел в строй. Наш курс оставался тем же.

Теперь уже ясно стали видны строения в глубине бухты и суда, стоящие грудой у пристаней. Отдельных кораблей не было возможности разобрать. Эти корабли долгое время безмолвствовали, но когда они открыли огонь, стрельба их была беспорядочной. От стенки они так и не отошли.

Впоследствии оказалось, что еще некоторые наши корабли получили попадания, но эти попадания иначе, как бессистемными, назвать было нельзя. Море вблизи и вдали от наших кораблей кипело разрывами, но ясно было, что большевики не способны корректировать своей стрельбы, так как одновременно стреляли их орудия из трех разных направлений, по разным целям, и одни мешали пристрелке других. Никакой согласованности или общего управления огнем не было.

Огонь "Крюгера" был перенесен в кучу кораблей у берега. Наши попадания были ясно видны. Разрывы наших снарядов подымались в этой куче один за другим. Скорострельность английских орудий "Крюгера" была прекрасной, и прислуга работала, как часовой механизм. Остальные корабли не имели возможности открыть огонь по куче большевистских кораблей, так как эти последние были у нас прямо на носу, а наши корабли шли за "Крюгером" в кильватерной линии. Их единственным объектом (второстепенным по обстановке боя) могла в этой стадии быть только полевая батарея, и она была вскоре уничтожена.

На линии между кучей судов в глубине бухты и баржой — плавучей батареей, находившейся теперь еще более справа от нас, несколько вдали от материка, стоял на якоре какой-то пароход. В бинокль была ясно видна беготня на нем. Орудий на нем не было видно, и огня он не открывал. Впоследствии мы узнали, что этот пароход был гружен пятьюдесятью минами заграждения.

В расстоянии кабельтовых 30-ти от кучи кораблей в глубине бухты «Крюгер» изменил курс на 90 градусов вправо. Остальные корабли, оставаясь в кильватере, тоже сделали поворот. Теперь все корабли могли

уже работать бортовым огнем по главным целям и, повинаясь указаниями крюгеровского артиллериста, стали забрасывать большевистские корабли снарядами. Стрельба оказалась действительной: то здесь, то там в куче большевистских кораблей стали вспыхивать пожары, вспыхнул пожар и на пароходе, груженном минами заграждения, на который перенес свой огонь "Крюгер". В баржу уже раньше попало несколько крюгеровских снарядов. Теперь ей пришлось плохо: она только кое-как отвечала одним орудием, но через короткое время прекратила огонь совсем. В бинокль было ясно видно, что она сильно скренилась и осела.

Идя тем же строем и ходом, мы постепенно стали удаляться и, наконец, вышли из боя.

На "Крюгере" оставалось около 50-ти снарядов, приблизительно такое же количество оставалось на каждом из других наших кораблей^[127].

На горизонте показалась "Волга", шедшая к нам. Вскоре она вошла в строй, но ее торпедные катера не были спущены на воду и не были отправлены в форт Александровский доканчивать разрушение, хотя погода для катеров была идеальная и вполне допускала их использование в благоприятных для их действий условиях. Возможно, конечно, что командор полагал, что произведенные нами разрушения достаточно полные. Если так, то уже следующий день показал ошибочность подобного предположения.

Вдали маячил еще высокий берег, остальное сливалось в полоску. Вдруг в сторону форта Александровского поднялся колоссальный белый столб, раз в пять превышающий высоту берега. Глухо донесся звук страшного взрыва, подобного которому ни в каких боях не приходилось слышать: это пароход с минными заграждениями взлетел на воздух.

Адмирал Колчак во время этой части моего доклада ему 13 июля 1919 года в его кабинете в Омске забросал меня вопросами: "Почему командор в первой части боя, до поворота, шел кильватерной колонной, а не развернутым строем? Почему ушли, имея возможность закончить бой как следует? Ведь большевики еще отвечали, а вы не могли быть уверены, что вами нанесено решительное поражение. Почему не послали "Си-Эм-Би"? Почему "Волга" с шестидюймовыми орудиями и полным запасом снарядов не была использована хотя бы в последней стадии боя?..."

...Отойдя от форта Александровского миль на двадцать, наша флотилия перестроилась в две кильватерные колонны. Начались сигнальные доклады о полученных повреждениях, об убитых и раненых. "Нобель" получил повреждение машины, но не существенное, и смог быстро его исправить. Остальные его повреждения, как и полученные

другими кораблями, не затрагивали жизненных частей и были надводными. Убитых и раненых было немного. К сожалению, я не отметил количества, но оно, во всяком случае, не превышало пятнадцати человек. Никто из офицеров не пострадал...

...В середине дня, идя курсом на Петровск, наша флотилия остановилась для погребения убитых. Грустная, торжественная и величественная церемония. По ее окончании флотилия разделилась: поврежденные корабли, кроме "Крюгера", пошли на Петровск и Баку, другие были отправлены к о. Чечень, а "Крюгер" и "Вентюр", вступивший нам в кильватер, пошли крейсировать в район форта Александровского, на юг от него, вне видимости берегов»^[128].

Возвращаясь к отчету Сакса: «От пожара "Ревеля" и "Демосфена" произошел взрыв транспорта "Туман", стоявшего рядом с "Ревелем", и сгорело посыльное судно "Гельма", а также обгорела подлодка "Миного". Подлодка "Миного" была, однако, вскоре выведена из пожара с помощью буксира.

Около 18 час неприятель, уже бывший на траверзе Верхнего Тюб-Караганского маяка и обстреливавший транспорты с 30—40 кабельтовых, совершенно неожиданно повернул и стал уходить из бухты в море. Командир "Миного" в своем донесении высказывает предположение, что отход неприятеля вызван обнаружением им перископа "Макрели"»^[129]. Позже советские историки начали расписывать подвиг «Макрели», обратившей в бегство английскую эскадру.

Уже после отхода эскадры (то есть по версии Сакса после 18 часов) прилетел неприятельский аэроплан. А по английским данным, летчики Садлер и Кингем вылетели в 15 ч. 15 мин. и вернулись к «Алейдару Усейнову» через 2 ч. 40 мин. «Шорт» сделал несколько кругов над гаванью, летчики сбросили бомбы и обстреляли корабли и город из пулемета, после чего произвели фотографирование горящих кораблей и построек. Приняв № 9080 на борт, «Усейнов» ушел к югу на ночную стоянку.

День 22 мая стал самым результативным для английских летчиков. В этот день три экипажа совершили пять налетов на порт форта Александровский. Первыми взлетели Моррисон и Пратт в 5 ч. 30 мин., но их бомбардировка была безрезультатной. Вылетевшие через два часа Томпсон и Бикнелл заявили об одном попадании в торпедный катер. Третьими в 9 ч. 30 мин. вылетели Садлер и Кингем, полет этот чуть было не сорвался. Перегруженный бомбами (по одной 230-, 100- и 65-фунтовой и две 16-фунтовки) «Шорт» никак не мог поднять хвост из воды. Пришлось

вернуться и уменьшить нагрузку. Теперь самолет нес одну 230-фунтовую и четыре 16-фунтовых бомбы. «Шорт» № 9080 наконец взлетел в 10 ч. 45 мин. и удачно сбросил 230-фунтовку на крупный корабль, стоявший у причала. Затем Садлер и Кингем снизились до 2500 футов и сбросили 16-фунтовые бомбы, потопив несколько рыбацких лодок. Они также обстреляли из пулемета транспортные суда. Сделав фотографии, летчик заметил, что давление масла падает, к тому же пулемет «Льюис» заело. Садлер взял курс на свой гидрокрейсер и благополучно вернулся к нему. Четвертый и пятый вылеты Морриса и Пратта на «Шорте» № 9080 в 14 ч. 45 мин. и Томпсона и Бикнелла в 16 ч. 30 мин. особых успехов не принесли. Садлер и Кингем попытались подняться еще раз в 18 часов, но надвигавшийся туман заставил их вернуться.

После ухода англичан красные военморы стали возвращаться на покинутые суда. Транспорты, стоявшие вблизи горевших судов, были отведены на середину бухты и поставлены на якорь. После этого на «Москвитяине» для обсуждения дальнейшего плана действий собрался военный совет. Военморы решили оставить форт Александровский, «Красноводску» и «Тереку» взять на буксир по одной подводной лодке, а отряду транспортов взять на буксир катера-истребители. Береговой десант и команды с погибших кораблей решили рассадить по транспортам, «кто где приспособится», и всем идти ночью на 12-футовый рейд.

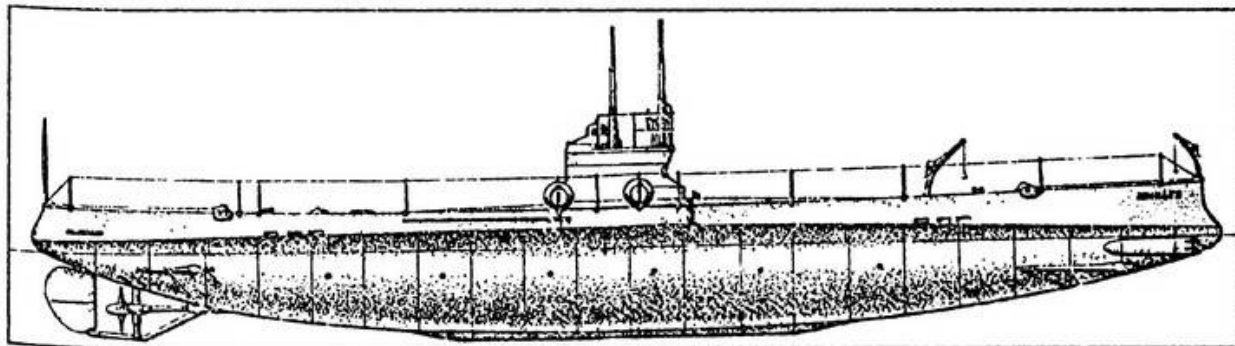
Однако с выставленного на горе наблюдательного поста при заходе солнца заметили английские суда: пять на западе от бухты, три к востоку от острова Кулалы и два — к западу от Кулалы. Так как береговой десант (400 человек) не мог быть рассажен по транспортам ранее 2 часов ночи, начальник речного отряда решил отложить поход на сутки, посчитав недостаточным для прорыва трех часов темноты при наличии кораблей противника вокруг бухты.

В ночь с 21 на 22 мая из бухты на 12-футовый рейд вышли только подлодка «Макрель», транспорт «Алекбер» с катером-истребителем на буксире и еще четыре катера-истребителя. В назначенное место этот караван прибыл в 15 ч. 30 мин. 22 мая, взяв от Тюб-Караганского мыса на восток около 40 миль, причем в море с судов заметили пять силуэтов неприятельских кораблей.

С утра 22 мая красные начали подготовку к уходу из форта Александровского. Матросы починили кое-как поврежденные котлы на «Каспии», а командиры сделали все распоряжения к прибытию и посадке на суда десанта.

В 7 часов утра в небе появился английский аэроплан, сбросивший три

бомбы на «Мехти», «Москвитянина» и «Каспий», стоявшие у стенки, но попаданий не добился. В течение всего дня было еще 5 налетов гидропланов, причем каждый раз англичане сбрасывали по три бомбы, целясь в те же суда. Во время четвертого налета при разрыве бомб, упавших за кормой «Москвитянина», миноносец скрылся под водой, остались видны только концы труб и мачты.

Подводная лодка «Минога»

В 8 часов вечера 22 мая началась посадка на суда десанта и команд с погибших кораблей. С наступлением темноты, в 21 ч. 30 мин. вышла на 12-футовый рейд подлодка «Минога». В 23 ч. 40 мин. «Миногу» накрыл густой туман, рассеявшийся только около полудня следующего дня. Подлодка шла вслепую, определив свое место лишь по глубинам на Средне-Жемчужной банке, однако около 14 часов 23 мая благополучно прибыла на 12-футовый рейд.

В 23 часа 22 мая все суда с исправными машинами снялись с якоря и покинули бухту форта Александровского. Выйдя на траверз мыса Тюб-Караганского, суда повернули на запад, придя на траверз острова Святого, легли на север, затем повернули на северо-запад, оставив северную оконечность острова Кулалы в 30 милях, и 24 мая в 8 часов утра благополучно прибыли на 12-футовый рейд.

Из Тюб-Караганского залива удалось вывести «Каспий» (флаг начальника речного отряда), подводные лодки «Миногу» и «Макрель», транспорты «Баку» (флаг начальника отряда транспортов), «Алекбер», «Мехти», «Мартын», пять катеров-истребителей, гидрографические суда «Красноводск», «Николай Зубов», «Терек», вспомогательные суда «Бакинец», «Ряжск», «Крейсер» и «Лейла».

23 мая эсминцы «Финн» и «Эмир Бухарский» вышли в море на

разведку и встретили крейсер «Президент Крюгер». Началась перестрелка, показавшая превосходство русских 102/60-мм пушек над английскими 102-мм пушками Mk.9 — англичане не доставали до эсминцев. Однако красные военморы стреляли «в белый свет как в копеечку». Как только на горизонте показалась «Волга», эсминцы быстро ретировались в Астрахань.

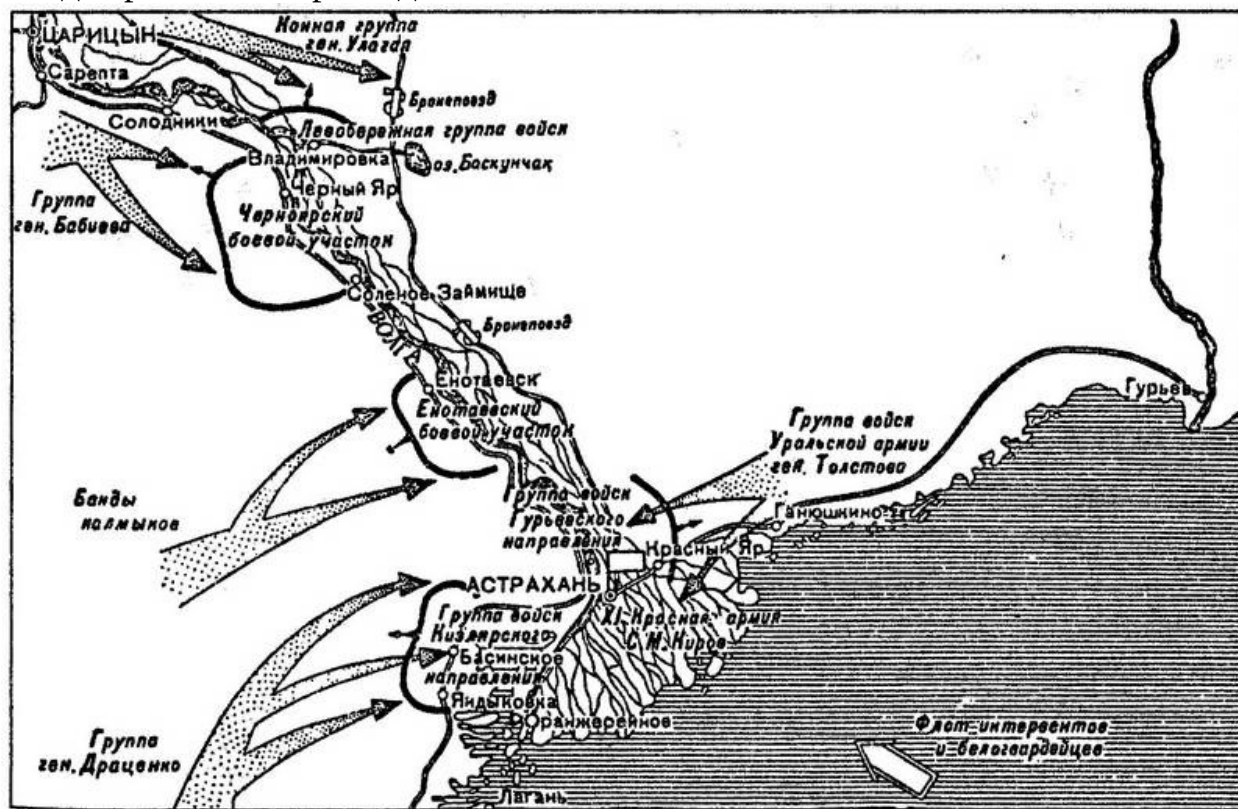
Эту главу вполне можно было назвать «Бой в Тюб-Караганском заливе как зеркало русской гражданской войны». Документы обеих сторон опровергают миф советской пропаганды о героических революционных матросах. Ведь если бы красные выставили боевое охранение на подступах к форту Александровскому, они могли бы заранее развернуть свою эскадру в открытом море и если не уничтожить, то нанести серьезный урон английской эскадре. Увы, «клёшники» проспали противника, а потом драпанули на берег.

Однако и англичане имели возможность полностью уничтожить суда большевиков, но не сделали этого из политических соображений. «Владычице морей» нужна была не победа Деникина, а продолжение Гражданской войны и дальнейший распад государства Российского.

Глава 18 АНГЛИЧАНЕ УХОДЯТ, БЕЛЫЕ ОСТАЮТСЯ

30 июня 1919 г. войска Добровольческой армии взяли Царицын. Таким образом, Волга была перерезана. На следующий день приказом Реввоенсовета республики произошло объединение Астрахано-Каспийской и Волжской военной флотилий в одну Волжско-Каспийскую флотилию. Командовать объединенной флотилией был назначен Федор Раскольников. Боевые действия флотилии в районе Царицына выходят за рамки, тут же пойдет речь об обороне дельты Волги [\[130\]](#).

Обстановка в районе Астрахани летом 1919 г.

17 июня 1919 г. Раскольников издает приказ об организации обороны

дельты Волги: «Район, заключенный между слиянием рек Бузан и Волга с направлением на юго-запад до Лагани, линия берега дельты Волги от Лагани до поселка Ганюшкина и от последнего с направлением на Красный Яр от реки Бузан — составляет район обороны дельты реки Волги.

В целях рациональной постановки дела обороны дельты реки Волги приказываю:

1) сформировать дивизион сторожевых судов из 18 рыбниц, разбив его на 4 группы. В первых двух по 5 рыбниц, а в третьей и четвертой группах по 4 рыбницы. Нумерация рыбниц идет от № 1 до 18. К означенному дивизиону придать 4 мелкосидящих парохода ["Казбек", "Орлик", "Ялта" и "Мария" — А.Ш.]. Начальником дивизиона сторожевых судов назначается военный моряк Воронов, с прямым подчинением начальнику обороны дельты реки Волги т. Поплевину..

2) из 20 штук мелкосидящих пароходов, получаемых из Область-рыба, сформировать дивизион дозорных судов, разбить означенный дивизион на 4 группы, присвоив каждому пароходу свой порядковый номер...

Главному артиллеристу флотилии означенный дивизион вооружить пулеметами и мелкокалиберной артиллерией по указанию начальника штаба. Суда означенных дивизионов зачисляются в 4-й ранг судов»^[131].

Рассказ о боевых действиях в дельте Волги начну с действий авиации. 8 июня 1919 г. гидрокрейсер «Алейдар Усейнов» вернулся в Петровск. Скорость его снизилась до 5 узлов, что было признано недостаточным для боевого корабля, и 11 июля британское командование приняло решение о переводе самолетов на «Орленок». 17 июля в 7 часов утра корабль впервые вышел из Петровска с двумя «Шортами» (№ 9078 и № 9081) на борту для проверочных стрельб бортовых орудий, однако проблемы с машиной заставили его уже через 3 часа вернуться в порт. Неисправность удалось устранить сравнительно быстро, и спустя несколько часов «Орленок» взял курс на Чечень, куда прибыл вечером того же дня.

18 июля авиатранспорт подошел к острову Тюлений, где в 17 ч. 50 мин. на воду были спущены оба «Шорта». На № 9078 взлетели капитан Садлер и лейтенант Тертон-Джонс, на № 9081 — лейтенанты Мак Куй и Уэйк. Во время разведывательного полета летчики не нашли подходящих целей для атаки и повернули обратно. Недооценив силу встречного ветра и потеряв из вида остров Тюлений, экипажи попытались до наступления темноты достичь острова Чечень. Однако около 20 ч. 30 мин. стемнело, и летчики совершили посадку у берега в районе Криновки. Здесь они нашли приют в домике местного рыбака.

«Орленок» был замечен на следующее утро в 4 часа, и с ним

установили связь при помощи сигнального фонаря. После этого авиаторы запустили моторы и «порулили домой». Оба «блудных» самолета благополучно вернулись на борт корабля, который взял курс на остров Тюлений. 20 июля «Орленок» отправился к форту Александровскому и в 14 часов следующего дня бросил якорь в 20 милях к северо-западу от гавани, чтобы спустить на воду самолеты. Оба «Шорта» взлетели при сильной волне и взяли курс на остров Долгий, чтобы найти корабли красных, о которых было сообщено по телеграфу. Ничего не обнаружив в заданном районе, англичане повернули на юг вдоль туркестанского берега и в 16 ч. 40 мин. вернулись к «Орленку».

Утром 21 июля Садлер и Тартон-Джонс взлетели на «Шорте» № 9078 и совместно с двумя катерами вновь вели разведку у острова Долгий. Противника обнаружить не удалось. Во время приводнения сильной волной был поврежден правый поплавок одного гидросамолета. Вечером того же дня «Орленок» взял курс на остров Тюлений, куда прибыл 24 июля в 19 часов. На следующее утро в 5 ч. 30 мин. оба самолета, взяв на борт по одной 100-фунтовой и по две 65-фунтовых бомбы каждый, полетели к маяку Лагань через дельту Волги. Не обнаружив противника, они тем не менее попали под обстрел над одной из деревень в районе маяка. Садлер и Тартон-Джонс на «Шорте» № 9078 заметили и атаковали вооруженный буксир. Команда судна открыла огонь из пулеметов, когда самолет был на высоте около 800 футов. Очередь прошла через левую нижнюю плоскость, задев топливный насос и главный бензопровод. Садлер тут же развернул поврежденный самолет на юго-восток. Однако через 20 минут мотор остановился, и англичанам пришлось совершить вынужденную посадку.

Увидев, что произошло с товарищами, лейтенанты Мак Куй и Уэйк поспешили к «Орленку» за помощью. Два моторных катера вскоре прибыли к месту приводнения № 9078 и отбуксировали подбитый самолет к кораблю. «Шорт» был поднят на борт в 14 ч. 30 мин., и вечером того же дня «Орленок» ушел на Петровск, куда прибыл вечером на следующие сутки.

27 июля гидрокрейсер вышел в Гурьев, имея на борту два «Шорта» и четырех офицеров 266-й эскадрильи во главе с командиром флайта (подразделение типа эскадрильи) «А» капитаном Билни, а также обслуживающий персонал. Целью экспедиции являлось устье реки Урал, где планировалось передать оба гидросамолета белогвардейским летчикам. Однако из русских пилотов лишь капитан Егоров выразил желание летать на «Шорте» и смог освоить новый самолет.

Получив инструкции от британцев и потратив двое суток на пробные

полеты, на третий день Егоров решил самостоятельно вылететь на бомбометание. Крепить бомбы под крылом на держателях русские наотрез отказались, чем немало удивили англичан. Наблюдатель взял бомбы в кабину, привычно положив их на колени. Так наши авиаторы делали всю войну, летая с русскими боеприпасами. Понадеялись ли Егоров и его напарник на русский «авось» или просто не ознакомились с английской системой бомб, так и осталось неизвестным. Вскоре после взлета бомбы взорвались, в клочья разнеся самолет с несчастным экипажем. На этом освоение русскими новой английской техники закончилось. Желающих летать на оставшемся гидросамолете не нашлось.

«Орленок» вернулся в Петровск 31 июля 1919 г. С 1 по 26 августа он участвовал в боевых действиях с одним самолетом на борту. 8 августа совместно с другими кораблями гидрокрейсер был задействован в операции по изгнанию большевиков из Ашурада, что на юго-востоке Каспия (так называемое Ленкоранское восстание). Были захвачены 4 корабля и 6 барж красных, а также две сотни пленных и много оружия. Остаток августа корабль провел, конвоируя захваченные у местных большевиков суда в Петровск.

А теперь перейдем к действиям советской авиации. 23 июня 1919 г. два гидросамолета М-9 вылетели на бомбежку деревни Михайловки. Самолет с летчиком Башкиным и авиамехаником Трофимовым при взлете скользнул на крыло и с высоты 50 м, перейдя в штопор с работающим мотором, врезался в воду. Башкин погиб, а Трофимов был тяжело ранен. Второй самолет сел рядом на воду для оказания помощи. Таким образом, налет не состоялся.

24 июня летчик Полозенко и авиамеханик Шурыгин на М-9 с высоты 900 м производили разведку и бомбометание у деревни Михайловка. Было сброшено четыре 26-фунтовые бомбы, одна из которых якобы повредила взлетающий аэроплан белых.

25 июня в 20 ч. 30 мин. гидросамолет М-9 с летчиком Михау и летчиком-наблюдателем Калининным вылетел в ночной полет на Ла-гань и сбросил на село четыре 25-фунтовые бомбы. Загорелся один дом. В 0 ч. 20 мин. гидросамолет в полной темноте вернулся на базу у села Оранжерейного.

27 июня летчик Полозенко и механик Шурыгин летали бомбить Михайловское, обнаружили белую батарею и сбросили на нее четыре 24-фунтовые бомбы. На следующий день они повторно летали в Михайловское. Была сделана попытка корректировки огня красных батарей, но из-за незнания сигналов она сорвалась. Сбросили традиционно

четыре 24-фунтовые бомбы.

30 июня тот же экипаж сбросил на село Воскресенское три 24-фунтовые и две однопудовые бомбы. Во время бомбометания был ранен белый летчик, присланный к Шуберту, чтобы пилотировать захваченный у красных гидросамолет. Тогда гардемарин Загорский и мичман Цветков обратились к капитану 2-го ранга Шуберту с просьбой разрешить им отправиться на гидросамолете в Петровск. Оба утверждали, что летали раньше на аэропланах, скорей всего, ввали. Шуберт писал: «Мне надо было во что бы то ни стало поскорее сообщить обо всем случившемся начальнику флотилии, и я скрепя сердце разрешил им лететь. Надо было видеть, какие фокусы выделывали эти сумасшедшие, бешено носясь по камышам, пока им не удалось как-то оторваться от земли. Они счастливо долетели до Петровска, и англичане, осмотревшие потом нашу убогую машину, не могли понять, как они не разбились»^[132].

15 августа летчик Полозенко и механик Шурыгин, взяв на борт М-9 семь полупудовых бомб, отправились в очередной полет. В районе Яндыковки ими была обнаружена неприятельская кавалерия, на которую и сбросили шесть бомб. Еще одну бомбу сбросили на мост по дороге из Яндыковки в Промысловую. Посадка М-9 прошла благополучно. Полет продолжался 3 ч. 15 мин. на средней высоте 1500 м.

16 августа в 20 часов тот же экипаж вновь полетел к Яндыковке. Было сброшено две 24-фунтовые, шесть 10-фунтовых и две однопудовые бомбы. Время полета составило 3 ч. 45 мин.

Тот же экипаж в 7 часов утра 18 августа вылетел на разведку, долетев до 10-футового рейда, а затем пришлось сесть на воду из-за неполадки мотора. Заменили свечи и полетели обратно.

Между тем летом 1919 г. британский парламент принял решение о выводе английских войск из России. 21 июля 1919 г. командор Норрис отправил командующему деникинской флотилией Сергееву письмо: «Я могу уведомить вас, что я получил приказ о том, что британский Каспийский флот в скором времени будет ликвидирован. Я получил указания предложить вам любое из находящихся под моим командованием судов, какое вы пожелаете.

Те суда, которые вы не пожелаете принять, будут разоружены и будут переданы их владельцам.

Далее, 12 быстроходных катеров с минами Уайтхеда [торпедами], с плавучими минами и пулеметами будут переданы в ваше распоряжение, когда британская флотилия будет ликвидирована.

Вооружение тех судов, которые вам не понадобятся, будет также

передано в распоряжение русских властей, представляемых вами...

...Я прошу вас подтвердить наш разговор сегодня утром в том, что суда, которые вам потребуются, суть следующие пять в следующем порядке:

1. "Азия".
2. "Биби-Эйбат".
3. "Виндзор Кастль" ("Лейтенант Шмидт")
4. "Дублин Кастль" ("Юпитер").
5. "Орленок".

Кроме того, я буду просить вашего подтверждения, что вам не понадобятся другие суда, для того чтобы я мог предпринять шаги к их разоружению.

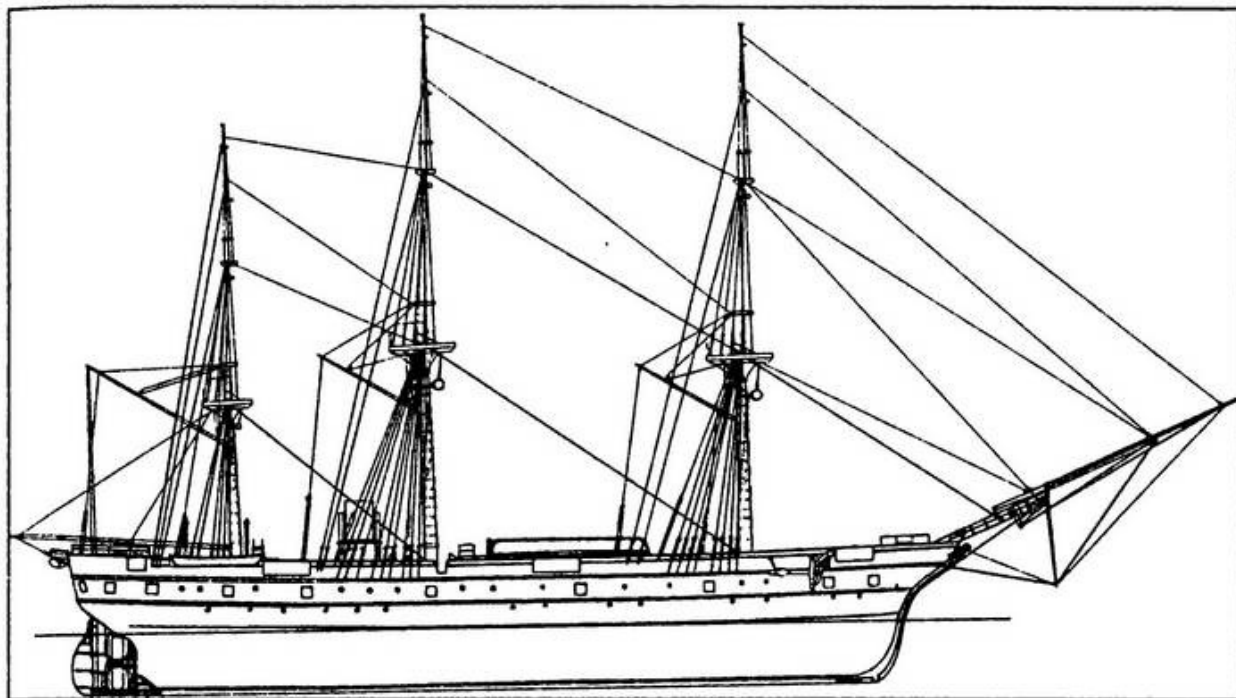
Я с большой готовностью окажу вам всяческое содействие в объяснении механизмов орудий, прожекторов, установок беспроводного телеграфа и т.д. Я просил бы вас послать переводчиков с людьми, которых вы пошлете для изучения»^[133].

Еще до передачи англичанами судов деникинцам удалось с помощью подкупа потихоньку вывести из Баку два колесных парохода — «Араг» и «Кизил-Агач». На «Кизил-Агаче» из-за его ветхого корпуса нельзя было установить орудия, и он стал служить как транспорт для подвоза муки в непосредственный тыл армии и для вывоза раненых. На «Араге» при содействии англичан установили две 75-мм пушки и зачислили его в класс канонерских лодок. (Пароход «Араг» был построен в 1894 г. в Англии. Водоизмещение 250 т. Длина 43,9 м, ширина 7,3 м, осадка 1,8 м. Машина компаунд мощностью 350 л. с, скорость 11 узлов).

14 июля 1919 г. под брейд-вымпелом начальника флотилии «Араг», выкрашенный в шаровой цвет, вышел в море. На следующий день он стал на якорь в виду Березяка, Сергеев съехал на берег для личного свидания с генералом Драценко.

16 июля на рассвете «Араг» под командованием лейтенанта Н.А. Мацылева снялся с якоря и вышел на разведку в район 12-футового рейда. Море было мертво. Лишь недалеко от острова Четырехбугорного на горизонте показались два дымка, а затем и корпуса небольших пароходов. Видимо, красные ничего не знали о появлении вооруженных судов у белых и подпустили «Араг» кабельтовых на 30. «Араг», подняв стеньговые флаги, открыл огонь, после чего оба парохода развернулись и полным ходом бросились в устье Волги. На выстрелы «Арага» они отвечали из своих кормовых пушек. Дойдя до устья Волги, Мацылев повернул на Лагань, где у входа в канал, ничего не подозревая, покачивался на якоре дозорный

колесный пароход красных. Лишь после открытия стрельбы с «Арага» красные поняли свою ошибку и, сделав с десяток безрезультатных выстрелов, поспешили скрыться за мысом в Лагани, в это время занятой красными. Вернувшись в Березяк, «Араг» принял командующего и вышел на юг к острову Чечень, где по-прежнему стояла английская эскадра.

Первый английский торпедный катер Си-Эм-Бэ

Вскоре в Петровске началась передача деникинцам британских судов. Первыми были переданы торпедные катера. С 21 по 30 июля англичане передали катера № 1, № 2, № 3, № 4, № 5, № 6, № 7 и № 10, а несколько позже — и № 8, № 9, № 11 и № 12. Водоизмещение катеров СМВ^[134] составляло около 9 т. Длина 11 м, ширина 1,8 м, осадка 0,7 м. Вооружение катера состояло из одной 45-мм торпеды и пулемета «Льюис». Торпеда выстреливалась из желобкового торпедного аппарата назад, после выстрела катер отворачивал, а торпеда шла вперед. Получив катера, их новые команды энергично занялись изучением СМВ — выходили в море, стреляли торпедами, производили эволюции.

25 июля на английский крейсер «Азия» прибыли русские морские офицеры и нижние чины, состоявшие в основном из астраханских рыбаков, бежавших от большевиков. «Азия» раньше была танкером вместимостью

1330 брт. Паровая машина в 920 л. с. позволяла развивать ход 12 узлов. Два винта. Вооружение: четыре английские 102-мм пушки с дальностью стрельбы 50 кабельтов (9150 м). Корабль был снабжен прожектором, дальномером, переговорными трубами и радиотелеграфом. Машина находилась в исправности, но котлы и питательные трубопроводы текли.

Англичане познакомили новых хозяев с конструкцией своих пушек и, выйдя в море, произвели практическую и боевую стрельбу. 26 июля они покинули корабль. Командиром «Азии» был назначен капитан 2-го ранга Б.М. Пышнов.

27 июля вышли из Баку колесные пароходы «Надежда» и «Ленкоранец». Они были в буквальном смысле выкрадены отсюда наспециализировавшимся по этой части прапорщиком Н.М. Пузанковым — он же привел и пароходы «Араг» и «Кизил-Агач». На «Надежде» немедленно приступили к установке двух 102-мм пушек и одного 40-мм зенитного автомата Виккерса. (Водоизмещение «Надежды» 250 т. Длина 43,9 м, ширина 7,3 м, осадка 1,8 м. Машина компаунд мощностью 350 л. с. Скорость 10 узлов). Командиром «Надежды» был назначен лейтенант Р.Э. Вирен.

28 июля англичане передали русским базу торпедных катеров — большой наливной пароход (танкер) «Каму». Его вместимость составляла 1642 брт, скорость хода 10 узлов, вооружение: одна 75-мм пушка и один 40-мм зенитный автомат Виккерса. На «Каму» белые немедленно подняли катера-истребители № 1 и № 2. «Каму» и дивизион торпедных катеров (12 единиц) получил в командование лейтенант Э.И. Страутинг, ранее командовавший эсминцем «Беспокойный» на Черноморском флоте.

По готовности кораблей сухопутным и морским командованием было решено, высадив при поддержке судовой артиллерии десант, овладеть Лаганью.

27 июля крейсер «Азия», посыльное судно «Доброволец» (осадка 2,3 м; вооружение: одна 75-мм английская пушка) и транспорт «Кизил-Агач» с десантом вышли на операцию. У Березяка к ним присоединился «Араг». Огибая отмели и банки, отряд шел в 20—30 милях от берега, с расчетом подойти к Лагани с северо-востока. Одновременно с высадкой десанта с больших кораблей на Лагань должна была быть произведена атака партизанским отрядом из астраханских рыбаков под командой штабс-капитана Склянина. Партизаны шли на рыбницах под самым берегом, имея в качестве охраны катер «Ретвизан» с пулеметами. Приведу отрывок из дневника участника этой экспедиции:

«19 (31) июля нашему "Ретвизану" выпала почетная роль буксировать

подчалки (парусные шлюпки), числом около тридцати. Невольно возникло сомнение, справится ли он с этой задачей, имея машину 18 НР

Вышли из Березняка в 6 вечера. Идем, как и ожидалось, черепашим ходом. В 7 ч. 30 мин. Склянин, организатор всего похода, заметил на горизонте дым и сразу же просил командира "удариться в черни" (на астраханском жаргоне — мелководье), считая, что показался большевик. Вблизи опознали "Крепыша" (буксирный пароход). После 12 ч. ночи ветер настолько засвежел, что "Ретвизан" почти не двигался вперед.

Полагая, что мы уже недалеко от Лагани и находимся со стороны Мангута, Склянин приказал встать на якорь. Каждый сделался несколько расторопнее и внимательнее. Шапошников забеспокоился о пулемете. К рассвету надвинулся сильный туман. Где мы находимся? Команда приуныла, предчувствуя что-то неладное.

"Вчера ветер не пуцал, сегодня туман не пуцает", — роптали слабые. Вскоре потянуло с моря и туман начал рассеиваться... в море показались силуэты неизвестных судов. Кто-то радостно кричит: "Араг!", я отлично знаю, что это "Араг".

Но сомнение закрадывается у многих и вопрос: свои ли? — мелькает и сверлит мозг.

— Странно что-то он маневрирует, — замечает кто-то.

— Эх, запустил бы хоть одну!.. Послушали... — тоскливо вырывается у астраханца партизана.

Да, хочется, чтобы скорее ухнуло орудие, тогда отпадут все сомнения. Ведь большевики уже видят нас с вышки. Я стараюсь верить, что эти темные силуэты — свои. Остановили шедший с севера подчалок, и старик рыбак сообщил, что среди красных в Лагани большое смятение. В 6 ч. 30 мин. дали ход. Склянинцы взобрались на мачты рыбниц, и уверенность, что в море крейсируют "Араг" и "Азия", все растет.

Команда повеселела. В 8 ч. 20 мин. вернулся подчалок с разведчиками, и окончательно установлено, что корабли в море — наши. С "Арага" на подчалке нам прислали фельдшера с медикаментами. В 8 ч. 40 мин. первые подчалки высадили десант. Идут в воде, рассыпавшись цепью. Настроение серьезное, вдумчивое. Из Лагани пока не стреляют. "Крепыш" первым входит в Мангутский канал, за ним движемся мы, имея 15 подчалков на буксире. На горизонте "Араг", "Кизил-Агач" и еле-еле видна "Азия". [«Азия» не могла подойти близко из-за осадки. — А.Ш.] Пролетели два наших аэроплана. Хочется верить, что все продумано и действия частей согласованы.

Цепи вышли на берег. Около 11ч. проходим мимо промыслов.

Большевицкая застава, бывшая здесь, бежала. Показались какие-то всадники. "Крепыш" обстрелял их — они скрылись... В 11 ч. 15 мин. мы вошли в Лагань. В селе началась сильнейшая ружейная стрельба. Заработал пулемет "Крепыша". А вот с севера показался в канале "Араг", и с него блеснули первые вспышки. На гребне холма, где только что была видна перебежка красных цепей, взметнулись столбы бурого дыма. Залп лег очень удачно. Далее снаряды "Арага" рвутся у вышки с красным флагом, а несколько угодили в промысел. В 11 ч. 45 мин. "Араг" в канале у самой Лагани! "Крепыш", выйдя на открытое место, стреляет как бешеный из своего пулемета. Несомненно одно, что Никифоров хочет отличиться. Снаряды с "Арага" легли около склянинских цепей, и среди них поднялась паника. В полдень "Крепыш" вернулся к нам, от "Арага" отделился подчалок. Стрельба затихла, и распространился слух, что Лагань взята. В 12 ч. 35 мин. снова заработал в селе пулемет, и немедленно грохнули пушки "Арага"»^[135].

Село и весь остров были заняты партизанами и десантом, красные перебиты или взяты в плен, лишь немногим удалось уйти на лодках.

Лишь только на «Араге» отдали якорь, что было явной неосмотрительностью командира, как его обдало столбом воды. Через полминуты вновь раздался звук лопающегося снаряда, и вновь поднялся столб воды с землей. Стали срочно сниматься с якоря, осматривая горизонт, но ничего не было видно. Осколками от следующего снаряда на «Араге» была разбита шлюпка.

На тревожные свистки с канонерки десант бросился к шлюпке и отвалил от берега, а «Араг» все никак не мог сняться с якоря. Пришлось расклепать канат и бросить буй. С трудом выбравшись из канала на глубокую воду, белые тут только заметили, что со стороны берега, на его фоне, на буксире колесного парохода медленно движется баржа. Это была плавбатарея № 4, и она стреляла по «Арагу» из еврих 152-мм пушек, идя на глубине 3 фута на расстоянии 6 миль от него. Несмотря на то что плавбатарея красных заставила канонерку покинуть Лагань и затем перенесла огонь на село Лагань, операция «Арага» прошла успешно — остров был взят, и линия фронта Астраханской группы вновь была близка к Волге.

С крейсера «Азия» заметили плавбатарею красных и пошли выручать «Араг». Плавбатарея с 70 кабельтовых открыла огонь по «Азии», держа ее все время в накрытии. Дойдя до предельной глубины, когда винты уже заработали в иле, «Азия» повернула и дала по плавбатарее несколько залпов с большим недолетом. Из-за сотрясения корпуса течь в котлах и

трубопроводе настолько усилилась, что из-под обстрела «Азии» пришлось выходить трехузловым ходом. Однако ни одного попадания в нее не было.

Из-под Лагани отряд пошел к острову Тюленьему, где «Азия» занялась починкой поврежденного трубопровода. «Кизил-Агач» ушел в Березяк и высадил там десант. Через двое суток «Азия» вышла на север в район 12-футового рейда для крейсирования в ожидании прихода «Европы» со 152-мм артиллерией. Что же касается «Арага», то он ушел в Петровск чинить поврежденное красными колесо. Заодно белые заменили на «Араге» две 75-мм пушки на две 102-мм — урок боя с плавбатареей не прошел даром.

Крейсер «Европа» был принят от англичан 30 июля. Первоначально это был колесный пароход «Юпитер», построенный в 1897 г. в Англии, водоизмещением 3500 т, вместимостью 1582 брт. Длина его составляла 83,8 м, ширина 9,75 м, осадка 4,4 м. Две машины компаунд общей мощностью 1250 л. с. позволяли развивать ход 10,5 узла. Англичане переименовали пароход в «Дублин Кастрл» и вооружили двумя 152-мм морскими пушками старого типа и одной 75-мм пушкой.

В конце августа 1919 г. гидрокрейсеры «Орленок» и «Алейдар Усейнов» были переданы в Петровске белым вместе и гидросамолетами «Шорт». «Усейнов» белые переименовали в «Волгу».

13 августа белые закончили переоборудование канонерской лодки «Надежда», и она вышла в свой первый боевой поход. 15 августа «Европа», «Надежда» и «Доброволец» подошли к 12-футовому рейду. К этому времени обстановка у Лагани сильно изменилась. Назначенный для связи со штабом генерала Драценко старший лейтенант Ноинский доносил: «Почти ежедневно с севера к Лагани подходят суда красных в составе до четырех, но никогда не менее двух вымпелов и бомбардируют поселок. Прошу защиты со стороны флотилии».

Канонерка «Надежда» пошла к Лагани на разведку. Уже в виду острова был замечен дозорный пароход красных, вооруженный двумя пушками. На дистанции 50 кабельтовых (9,15 км) началась артиллерийская дуэль. «Надежда» выпустила девяносто 102-мм снарядов. Снаряды обоих судов ложились в основном с недолетами. В конце концов, суда сблизилась до 35 кабельтовых (6,4 км). Поданным артиллеристов «Надежды», на красном пароходе была сбита мачта, выведено из строя одно орудие, корабль получил крен и выбросился на песчаную банку. Команда бежала на шлюпке. Командир «Надежды» хотел подойти к противнику, но на горизонте были замечены четыре красных судна, и «Надежда» отошла на более глубокое место под прикрытие пушек «Европы».

20 августа «Европа» и «Надежда» отконвоировали к Лагани транспорт

«Кизил-Агач» с деникинскими войсками. На буксире транспорта шло пять рыбниц. «Кизил-Агач» не мог подойти к берегу, поэтому пассажиры перегрузились на рыбницы. На горизонте показались пять красных судов, но близко к белым судам они подходить не рискнули.

После окончания высадки с «Кизил-Агача» «Надежда» попыталась атаковать красные суда. Два красных парохода начали отвечать артиллерийским огнем. Но когда орудия «Надежды» дали накрытие, красный отряд повернул назад на север. «Надежда» попыталась их преследовать, но, увидев подходившую плавбатарю со 152-мм пушками, капитан Р.Э. Вирен приказал отойти под прикрытие «Европы».

На следующий день генерал Драценко снова вызвал к Лагани корабли. Село сильно пострадало от артиллерийского огня красной флотилии. Драценко телеграммой приказал «потонуть, но не покидать больше Лагани». К вечеру 21 августа «Европа» и «Надежда» подошли к острову, причем появились они уже после заката солнца в темной, западной части горизонта. Три корабля красных, стоявших прямо у входа в канал, заметили белые суда лишь тогда, когда горизонт осветился залпом 102-мм пушек. Красные суда бросились наутек в канал и ушли.

23 августа к отряду белых судов пришел из Петровска перевооруженный «Араг». На следующий день все три судна двинулись на север. В устье Волги они встретили два красных дозорных колесных парохода, которые после первого же накрытия отошли вверх по реке. Следуя за ними, «Араг» и «Надежда» достигли широты деревни Вахромеевой (миль 10—15 от устья) и таким образом позволили сухопутным частям занять остров Четырехбугорный.

На следующий день генерал Драценко приказал судам подняться верст на сорок вверх по Волге и там уничтожить батарею красных. От деревни Вахромеевой до указанного места можно было пройти только узким и извилистым фарватером, на котором все знаки были сняты. Рыбаки категорически отказались вести такой корабль, как «Надежда». Тут нужен был опытный лоцман. Кроме того, в 8 верстах от цели похода находилась вся красная флотилия.

28 августа «Надежда» и «Араг» у острова Четырехбугорного имели бой с судами Волжско-Каспийской флотилии. Приведу выдержку из вахтенного журнала «Надежды»:

10.25. В канале появились два парохода. Боевая тревога. «Арагу» семафор: «Держитесь в море и наблюдайте за боковыми каналами».

11.05. Расстояние по дальномеру 10 500 ярдов^[136] (9,6 км). Красные открыли огонь, недолеты пять кабельтовых. Идем на сближение.

11.10. Расстояние 9500 ярдов (8,7 км). Открыли огонь из кормового орудия.

11.12. Слева показался третий пароход.

11.15. Красный пароход в накрытии, уходит вверх. Беглый огонь.

11.16. Расстояние уменьшается — девять тысяч ярдов. На максимальном угле возвышения открыли огонь из носового орудия.

11.17. Повреждение в машине. Нет хода. Развернуло течением и сносит на банки. Кормовое орудие в мертвом угле. Носовое не может стрелять, так как створится со штагом фок-мачты и кат-балки. Семафор «Арагу»: «Имею повреждения в машине, вступите в бой».

11.19. Мы в накрытии. «Араг» идет полным ходом. 11.21. Залпы красных не долетели один — полтора кабельтова. 11.30. «Араг» подошел и открыл огонь по красным. 11.32. Исправили повреждение. Дали малый ход. Открыли огонь из обоих орудий.

11.35. Красные уходят к Норду. Кормовое орудие не накатывается.

11.37. Кормовое орудие исправили и открыли огонь.

11.38. Заклинился замок носового орудия.

11.40. Расстояние увеличилось до 10 тысяч ярдов. Красные прекратили огонь.

11.41. «Дробь»^[137] кормовому орудью. Дали ход и пошли на сближение.

11.42. Справа показался четвертый пароход и слева виден дым пятого.

11.44. Открыли огонь из кормового орудия.

11.47. Кормовое орудие не накатывается. Красные маневрируют на фарватер к норду от деревни Вахромеевой.

11.50. Исправили носовое орудие и на дистанции девять тысяч ярдов открыли огонь.

11.56. Носовое орудие дает не долетели. «Дробь».

11.57. Расстояние увеличивается. Исправили кормовое орудие и открыли огонь.

12.00. Расстояние по дальномеру 10 200 ярдов (9,1 км). Прекратили огонь.

21.01. Семафор «Арагу»: «Имею неисправными обе пушки и повреждение в машине. Следовать за мною».

12.08. Легли на обратный курс по каналу.

12.30. Отбой боевой тревоги. Выпущено из носового орудия 34 снаряда, из кормового — 65 снарядов.

Оставив «Араг» в районе Лагани, «Надежда» отправилась в Петровск пополнять запас снарядов и устранить неполадки в орудиях и машине. В

море она встретила «Дмитрия Донского»^[138] под командой капитана 2-го ранга Бушена. В Петровске носовое орудие заменили английской 102-мм пушкой нового типа с дальностью стрельбы 68 кабельтовых.

Минный заградитель красных «Фридрих Энгельс» (до 17 апреля 1919 г. колесный буксир «Кирсанов») выставил в конце августа — начале сентября несколько минных заграждений в районе 12-футового рейда. Первой их жертвой стала канонерка «Араг». 8 сентября 1919 г. «Араг» подорвался на mine в районе Лагани, погиб прапорщик А. Подлуцкий и три матроса.

После потери «Арага» белые не имели ни одного мелкосидящего судна для защиты Лагани. Этим воспользовались суда Волжско-Каспийской флотилии, которые стали регулярно обстреливать остров. Три 76-мм полевые пушки обр. 1902 г., установленные на острове, не могли принести существенного вреда красным.

Лишь 22 сентября к белым прибыла мелкосидящая канонерка «Опыт» — бывший наливной винтовой пароход, построенный в 1883 г. в Або. Водоизмещение 474 т. Длина 46 м, ширина 8,7 м, осадка 1,83 м. Машина компаунд мощностью 240 л. с. Скорость 8,5 узла. Вооружение: две 75-мм английские пушки.

Со второй половины сентября красные стали проявлять большую активность. У них появилась вторая плавбатарея, а гидросамолеты М-9 начали регулярно дважды в день бомбить белые суда, стоявшие у 12-футового рейда. Правда, потерь от воздушных налетов у белых не было, но на нервы команд самолеты М-9, безусловно, действовали.

28 сентября пять пароходов и две плавбатареи Волжско-Каспийской флотилии вышли к 12-футовому рейду. Навстречу им двинулся отряд капитана 2-го ранга Пышнова в составе «Дмитрия Донского», «Славы» и «Америки». Стрельба началась на дистанции 85 кабельтовых (15,5 км), у красных огонь вели лишь плавбатареи. Снаряды красных ложились рядом с судами белых, но попаданий не было. Когда дистанция уменьшилась до 65 кабельтовых (11,9 км), 152-мм снаряд «Дмитрия Донского» угодил в плавбатарею. На ней возник пожар, и суда Волжско-Каспийской флотилии немедленно повернули обратно.

30 сентября канонерка «Надежда» провела бой с красным пароходом типа «Редедя князь Касожский», вооруженным тремя 102/60-мм пушками. Скорее всего, это был теплоход «Альтфатер» (до 18 июля 1919 г. «Петроний»). Перестрелка началась на дистанции 11,4 км. Бой продолжался 65 минут, минимальная дистанция составила 9,1 км. Попаданий и повреждений на «Надежде» не было. «Альтфатер» ушел в

Волгу.

5 октября суда Волжско-Каспийской флотилии снова вышли к 12-футовому рейду. Навстречу им вышли «Надежда» и «Опыт». На широте Лагани «Надежда» попала на минное заграждение, взорвалась и затонула. Вся команда была спасена шлюпками с «Опыта». Раненых было двое, оба тяжело — капитан 1-го ранга Марков, прибывший незадолго до похода на канонерку для изучения театра войны и знакомства с отрядом, и командир лейтенант Вирен.

«Надежде» не повезло, так как в тот же день «Америка» захватила парусник красных, где среди прочих документов была и карта минных заграждений. «Америка» вышла в крейсерство к форту Александровскому и на рассвете в районе 12-футового рейда обнаружила на горизонте парусник, который старший лейтенант Ваксмут решил осмотреть. Когда «Америка» подошла к борту парусника, вся команда еще спала. Поначалу обыск ничего не дал, только вид одного из рыбаков показался подозрительным. При повторном и более тщательном осмотре под килем был обнаружен торпедный аппарат с торпедой, готовой к выстрелу. Рыбаки, за исключением одного, были расстреляны. Это и была «торпедная» рыбница.

Откуда же на рыбнице взялась торпеда? Дело в том, что военный инженер В.Л. Бжезинский^[139] предложил красным военморам применить против крупных кораблей противника торпеды, приспособив для этого парусные рыбацьи лодки. Торпеда должна была прикрепляться к днищу и с близкой дистанции выпускаться по цели. Предложение было принято. Торпедами оснастили три рыбницы. Из них в море вышла только одна. Небольшую диверсионную группу — команду судна возглавил военный моряк коммунист Михаил Костин. Для отвода глаз команда переделалась в рыбацкую одежду и взяла с собой мальчугана лет восьми.

В ночь на 28 сентября у выхода из морского канала мелкосидящий винтовой пароход белых выставил минное заграждение. Однако вскоре выяснилось, что минный унтер-офицер, участвовавший в минной постановке, успел обезвредить мины. Унтер угодил в контрразведку и был расстрелян.

Любопытно, что штаб Деникина занялся посылкой на Каспийское море в виде наказания воинских чинов и мобилизованных граждан. Первая партия прибывших, состоявшая преимущественно из господ в офицерских погонах, была по настоянию командиров судов почти полностью отправлена начальником флотилии обратно в Севастополь. Тем не менее типам, подобным этому унтеру, все же удавалось просочиться на

флотилию.

Весь октябрь 1919 г. Волжско-Каспийская флотилия по-прежнему была заперта в дельте Волги. В первых числах ноября на 12-футовый рейд белые прибуksировали свою первую плавбатарю «Которость» (длина 86,8 м, ширина 11,1 м, осадка 1,8 м), вооруженную в Петровске двумя 130/55-мм орудиями. Однако жилье для команды на плавбатарею было в совершенно неудовлетворительном состоянии. А тут наступили холода, и уже в ноябре половина личного состава плавбатареи была тяжело больна, вскоре от воспаления легких умер ее командир, бывший командир «Арага» мичман Г.А. Сукин.

Механизмы крейсера «Азия» уже в начале октября 1919 г. вышли из строя, и он ушел на ремонт в Петровск. Начали барахлить дизели «Дмитрия Донского», и он стал давать не более 6 узлов.

Возможно, внимательный читатель обратил внимание на отсутствие на 12-футовом рейде белого флагмана крейсера «Президент Крюгер». Куда же он делся? А он выполнял весьма деликатную миссию. Сергеев, к тому времени произведенный Деникиным в контр-адмиралы, периодически ездил на «Крюгере» в Баку для переговоров с мусаватистским правительством. Любопытно, что и туда, и обратно флагман ходил перегруженный товарами, не предназначенными для Добровольческой армии или Каспийской флотилии.

В октябре к 12-футовому рейду прибыл гидрокрейсер «Волга». После нескольких вылетов моторы гидросамолетов вышли из строя, и, проведя всего неделю на 12-футовом рейде, гидрокрейсер ушел обратно в Петровск.

В ноябре на 12-футовом рейде находилась плавбаза торпедных катеров «Кама». 14 ноября командир «Камы» лейтенант Страутинг на двух торпедных катерах вышел на поиск столь досаждавших белым плавбатарей. Пройдя 12 миль по Волжскому каналу, всего примерно в сорока милях от 12-футового рейда, в 14 часов Страутинг обнаружил три баржи и шесть паровых судов красных, стоявшие на якоре напротив деревни Вахрамеево. Военморы, заметив мчавшиеся на них торпедные катера, открыли сильный огонь. Примерно в 16 кабельтовых от красных судов у одного из катеров заглох мотор. Другой катер с дистанции 4,5 кабельтовых выпустил торпеду, которая попала в корму плавбатарей. Команда плавбатарей немедленно стала прыгать в воду. Позже советские историки Кузьмин и К0 будут писать, что «экипаж принял энергичные меры по сохранению плавучести» и т.д. На самом деле плавбатарея № 4 (бывшая баржа «Гермоген») села на грунт, благо, она стояла на мелком месте.

Любопытно, что в оперативной сводке Волжско-Каспийской флотилии от 17 ноября 1919 г. говорится: «Морской отряд. 14 ноября днем суда отряда были атакованы двумя истребителями противника, которые, подойдя в тумане на расстояние 6 кабельтовых, под обстрелом судовой артиллерии, выпустили мины в батарею № 4 и в "Альтфатера". Две мины прошли мимо "Альтфатера", причем одна из них попала под руль плавучей батареи № 4 и взорвалась»^[140].

Выпустив торпеду, лейтенант Страутинг под пулеметным и артиллерийским огнем красных судов подошел к застопорившемуся торпедному катеру, взял его на буксир и привел на 12-футовый рейд.

В первой половине ноября 1919 г. красная 9-я армия начала наступление на отряды Уральской армии генерала В.С. Толстова. Волжско-Каспийская флотилия получила приказ поддержать огнем наступление и высадить десант моряков у села Ганюшкино, примерно в 100 км восточнее Астрахани.

9 ноября с наступлением темноты в море вышли три группы судов. Говоря «море», я формально прав, но глубина там (на 1913 г.) составляла всего 1,25 сажени, то есть 2,67 м, и лишь кое-где 1,5 сажени — 3,2 м. Понятно, что красные использовали только мелкосидящие суда, зато не приходилось опасаться белых крейсеров.

В первую группу вошли плавбатарея «Сережа» (четыре 102/60-мм и одна 75/50-мм пушки) и пароход «Сыновья», буксировавший ее. Плавбатарея была отбуксирована к деревне Сафоновке. 9—10 ноября плавбатарея вела огонь по Сафоновке, которую 11 ноября заняли части 9-й армии.

Вторая группа — дозорные суда «Екатерина» и «Татарин», вооруженные пулеметами, — под командованием Шурышкина двинулась на село Утеры (Синее Морцо) с целью перерезать белым путь отступления, если они попытаются отступить из Сафоновки в Ганюшкино водой.

Третья группа — две плавбатареи (по одному 76-мм орудью на каждой) и пароход «Смотритель» (2 пулемета) — под командой начдива сторожевых судов Ткаченко двинулась для бомбардировки Сафоновки и левого фланга белых.

Любопытно, что Раскольников 6 ноября приказал командовать третьим отрядом товарищу Рейснер (Лариса Рейснер — сожительница Раскольникова), но военморы Ляльку послали довольно далеко, и в донесении от 11 ноября в этой должности фигурирует уже «т. Ткаченко». Суда третьего отряда приблизились к Ганюшкино на дистанцию 4—5 кабельтовых и начали обстрел села. Однако высадить десант из 380

военморов под командованием товарища Коптева не удалось. Подул сильный северный ветер, и начался спад воды, десантные суда не смогли близко подойти к берегу, а военморы отказались лезть в холодную воду. Пришлось идти обратно.

Больше суда Волжско-Каспийской флотилии в районе села Ганюшкино не показывались. Само же село было занято сухопутными частями 9-й армии лишь 29 ноября.

В декабре 1919 г. части Уральской армии, отступавшие к Гурьеву, с трудом отбивались от красных. Пароход «Слава», посланный вывезти из Гурьева войска, застрял во льдах. Только через четверо суток команде, подрывая и рубя перед собой лед, удалось вывести «Славу» на чистую воду.

Поскольку после ледостава белая флотилия не сможет больше поддерживать огнем и доставлять боеприпасы и продовольствие защитникам Лагани, 18 ноября остров был эвакуирован белыми.

На этом и закончилась кампания 1919 года на Каспийском море.

Глава 19

ЯВЛЕНИЕ КРАСНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

После разгрома Деникина в Центральной России Кавказский фронт в составе 8, 9, 10, 11-й армий и Первой Конной армии произвел перегруппировку и 18 января 1920 г. перешел в наступление на Северном Кавказе.

Войска советского Закаспийского фронта, двигаясь вдаль железной дороги, 9 июля 1919 г. взяли Ашхабад, а затем достигли побережья Каспия и 6 февраля 1920 г. захватили порт Красноводск. Белые частично эвакуировались на судах, а частично сдались.

К началу марта 1920 г. почти все суда белой флотилии находились в порту Петровск. Город с суши был блокирован бандами горцев, сдерживаемыми остатками войск генерала Драценко.

Из всей белой флотилии сохранили боеспособность крейсера «Америка» и «Орленок», канонерки «Князь Пожарский» (бывший колесный пароход «Ленкоранец», водоизмещением 505 т, скорость 10 узлов, две 102/60-мм пушки) и «Меркурий» (895 т, 8 узлов, три 76-мм пушки), а также база торпедных катеров «Кама». У остальных судов были неисправны машины. В Петровске находился и эсминец «Москвитянин», поднятый 10 января 1920 г. у форта Александровского. Однако до марта 1920 г. его ввести в строй не удалось.

По опыту кампании 1919 г. и белые, и красные знали, что господствовать в Каспийском море будет тот, кто первым захватит 12-футовый рейд у Астрахани. У красных было подавляющее преимущество в числе судов и их вооружении, а тактическое преимущество было у белых, поскольку Каспийское море раньше освобождалось ото льда, чем дельта Волги.

Однако белые упустили время, и 22 марта корабли «Каспий» и «Рошаль», упредив противника, в условиях подвижного льда заняли 12-футовый рейд. Для обороны рейда предусматривалось создание минно-артиллерийской позиции. Было поставлено минное заграждение, которое прикрывалось плавбатареями. 26 марта оборудование позиции на рейде закончилось. Для обороны рейда был сформирован отряд в составе двух плавбатарей, шести канонерских лодок, нескольких заградителей, двух катеров-истребителей, пяти тральщиков и четырех гидросамолетов.

Белые только в середине марта закончили ремонт крейсера «Дмитрий Донской», после чего он вышел к 12-футовому рейду вместе с минным заградителем «Горчаков» (1500 т, 8 узлов, одна 76-мм пушка). Вслед за ними вышла и канонерка «Князь Пожарский». 29 марта «Дмитрий Донской» встретился с «Князем Пожарским» у Тюленьего острова. 30 марта они подошли к 12-футовому рейду, где должны были встретить «Горчакова». Но вместо него увидели большую эскадру красных.

В ночь на 31 марта «Князь Пожарский» задел колесом мину. Взрывом колесо было уничтожено и разбит борт. На виду у всего красного флота командир отряда капитан 2-го ранга Бушен снял всю команду с «Пожарского» и расстрелял его артиллерийским огнем. По совершенно непонятным причинам суда Волжско-Каспийской флотилии не погнались за «Дмитрием Донским», что же касается «Горчакова», то он тоже по неясным причинам мин не выставил, а в начале апреля оказался в Баку.

Между тем в Петровске генерал Драценко объявил о самороспуске возглавляемой им войсковой группы. Кавказцы из Апшеронского и Ширванского полков отправились по домам.

Команды белых судов в значительной степени были укомплектованы астраханскими рыбаками, которые не хотели уходить ни к Черному морю, ни в Персию. Большая часть их села на рыбницы и отправилась в сторону Астрахани, в надежде укрыться от красных на острове Чечень или в дельте Волги.

А.П. Ваксмут, командир крейсера «Америка», позже писал: «Чтобы корабли могли двигаться, генерал Драценко дал нам какой-то кавалерийский полк, который и был распределен по кораблям — без лошадей, конечно, но зачем-то со своими седлами. Солдаты первое время нас, моряков, не признавали, не слушались, и была масса недоразумений»^[141].

С вечера 28 марта корабли флотилии начали втягиваться на внешний рейд Петровска. Все чувствовали, что это последний выход из города. На кораблях продолжались ремонтные работы, так, на «Европе» чинили котлы, трубы которых сильно текли. На рассвете 29 марта все суда флотилии, кроме «Президента Крюгера» и двух транспортов, стояли на рейде для посадки последних частей с фронта. Транспорт под угрозой расстрела боевыми судами не отпускались и стояли на якорях. Но все же личному составу порта удалось ночью уйти в Баку на транспорте-мастерской «Киргиз».

К Петровску подходили части красных, поэтому генерал Драценко выделил зоны огня для кораблей на подступах к городу. Рано утром 29

марта загрохотали пушки «Америки», «Европы», «Африки» и «Славы». Огонь судовой артиллерии позволил сухопутным частям спокойно погрузиться на транспорты. Затем караван транспортных и боевых судов во главе с «Президентом Крюгером» вышел в море. Ваксмут писал: «В порту начались сильные взрывы — это рвались вагоны со снарядами, подожженные при уходе. Этими вагонами были забиты все железнодорожные пути. Взрывы были настолько сильные, что корабли, бывшие милях в трех от порта, вздрагивали всем корпусом. В непосредственной близости к порту необходимо было затопить один пароход во входном канале, что и было сделано несколькими офицерами и матросами с моего корабля, при страшных взрывах и стрельбе красных»^[142].

2 апреля основные силы Волжско-Каспийской флотилии покинули 12-футовый рейд и двинулись к Петровску, в который уже вступили части красной 11-й армии. Теперь Петровск стал главной базой Волжско-Каспийской флотилии.

4 апреля в 4 ч. 46 мин. утра эсминец «Карл Либкнехт» (до февраля 1919 п «Финн») и катер-истребитель «Зоркий» вышли из Петровска. Командовал отрядом сам Федор Раскольников. Позже он напишет в донесении: «"Карл Либкнехт" под моим флагом вышел из Петровска и в 17 часов подошел к форту Александровскому, где вступил в бой с двумя крейсерами противника "Милютин" и "Опыт". После упорного двухчасового боя на "Милютине" была подбита корма и оба крейсера были обращены в бегство. Вследствие наступившей темноты преследовать было невозможно»^[143].

Это хвастливое донесение стало кочевать из одного советского издания в другое, разве что с 1938 г. из него выкинули фамилию комфлота.

Бывший мичман И.С. Исаков, командир эсминца «Деятельный», впоследствии Адмирал Флота Советского Союза, Герой Советского Союза и член-корреспондент Академии наук СССР, несколько иначе описывает этот бой со слов «главарта» Б.П. Гаврилова, бывшего в бою на «Либкнехте»: «Почему-то решено было предварительно, "на всякий случай", осмотреть Красноводск, хотя для этого было мало угля и теряли время.

В середине перехода налетела "моряна". Начался шторм. Гаврилову приходилось на эсминцах этого типа ходить в дозор в Балтийское море, но таких кренов он никогда не испытывал. Почти пустые угольные ямы и крутая волна приводили к тому, что эсминец ложился на борт и долго не

вставал.

Вероятно, комфлот из-за недостатка опыта просто недооценивал положения, однако удалось его уговорить отказаться от осмотра Красноводска и идти на норд, к форту... "Милютин" и "Опыт" открылись внезапно в темной части горизонта, уже на дистанции возможной стрельбы.

Но на такой стремительной и сильной качке никакой сколько-нибудь приличной стрельбы невозможно было провести. Поэтому-то они и ускользнули!..

...При этом выяснилось, что так как начштаба В.А. Кукель был артиллеристом, командиру "К. Либкнехта" также и, наконец, комфлоту не меньше хотелось блеснуть искусством ведения огня, то на мостике флагмана все оценки падения снарядов (по всплескам) делались хором. К сожалению, не все оценивали знаки падения одинаково, одни кричали "недолет! ", в то время как другие — "перелет! ".

Огонь "Милютина" был тоже беспорядочным, очевидно из-за качки.

Громкие команды Гаврилова об изменении прицела и целика не обсуждались, но все же рекомендации (под руку) делались...

В довершение всего после одного из удачных залпов сам комфлот громко воскликнул: "Накрытие! " — а так как через секунду на силуэте "Милютина" обозначился клубок белого дыма, то вслед за комфлотом несколько командиров воскликнули: "Попадание! "

Комфлот, очевидно предполагая взять противника, что называется, живьем, скомандовал: "Дробь! " — хотя даже в этом случае не должен был сам ввязываться в управление огнем. Так и скрылись во мгле два вражеских корабля, причем один окутался белым дымом или паром.

Этот своеобразный бой длился более часа (с 17 часов до 18 часов 45 минут), темп стрельбы был очень медленным из-за сильного волнения. О преследовании не могло быть и речи хотя бы только из-за отсутствия угля.

Альбокринов, лично наблюдавший весь этот бой, совершенно категорично заверил членов клуба, что никакого попадания в "Милютина" не было, а клубок пара, выпущенного нарочито или случайно, был принят за результат накрытия залпом "К. Либкнехта"»^[144].

Согласно же белому источнику (Р.Э. фон Вирен^[145]), эвакуацию форта Александровского производили «Орленок» и «Опыт», ни один из этих судов не был крейсером. Оба судна шли порознь. «Орленок» проследовал в Баку на большой дистанции от «Карла Либкнехта», а вот «Опыт», которым командовал мичман военного времени М.И. Никифоров, действительно

имел бой с «Карлом Либкнехтом» и «Зорким».

Канонерка «Опыт», по данным Вирена, была вооружена двумя 76-мм пушками, по другим данным — одной 102-мм и двумя 75-мм пушками. Скорость ее хода 8 узлов. Эсминец «Карл Либкнехт» был вооружен двумя 102/60-мм и одной 37-мм пушками и имел скорость 25 узлов. Вооружение «Зоркого» состояло из одной 47-мм и одной 37-мм пушек, скорость 20 узлов.

Так что разделаться с «Опытом» два советских корабля могли запросто. Догнать восьмиузловую посудину им было легко даже на крейсерском ходу. Насчет отсутствия угля Гаврилов явно врал, тем более что Раскольников в донесении об этом молчит, а жалуется на наступившую темноту.

Далее Раскольников в донесении пишет: «Успешный исход боя одного миноносца с двумя крейсерами противника решил судьбу форта Александровского, и он на рассвете 5 апреля занят нашими моряками. Взят в плен генерал Толстое и генерал Бородин, 77 офицеров и 1088 казаков. Ликвидированы последние остатки Уральской армии, отступившие из Гурьева в форт Александровский и приготовленные для эвакуации в Энзели. Захвачены большие трофеи, в том числе 24 ящика серебра и около 100 млн. разных денежных знаков, винтовки, пулеметы и большое количество медикаментов. Генералы Толстое и Бородин, а также все ценности высылаются мною в Москву»^[146].

Белый крейсер «Австралия» в феврале—марте 1920 г. занимал позицию у острова Ашур-Аде. В первых числах апреля «Австралия» подошла близко к Петровску, и с крейсера увидели, что там находятся красные войска. В Петровске при виде крейсера началась паника. Однако команда «Австралии» в бой вступать не захотела. И.С. Исаков писал: «Сперва ощущение облегчения: "пронесло"!

Потом ощущение неловкости или даже позора! Ушел безнаказанно!

Но он (командир крейсера) дурак. Знай наше положение, мог бы расстрелять нас в гавани, а он удрал»^[147].

В море «Австралия» встретила с посыльным судном «Часовой». Большинство членов команды обоих судов были астраханскими рыбаками, и они решили идти к большевикам и сдаваться. Офицерам дали возможность уйти на парусной лайбе. На «Австралии» остались лишь прапорщик по механической части Вильгельм Гольц, а на «Часовом» — мичман Селезнев. Они-то и привели оба судна 4 апреля^[148] в Красноводск. На берегу суда ждала толпа с оркестром, игравшим «Интернационал».

«Австралия» была для большевиков ценным призом. Помимо трех 102-мм английских орудий и 1200 снарядов к ним на ее борту имелась трехкиловаттная радиостанция и 15 тыс. пудов нефти (246 кг). Большевики включили крейсер в состав Волжско-Каспийской флотилии, а 20 апреля 1920 г. переименовали в «Бела Кун».

После занятия форта Александровского командование Волжско-Каспийской флотилии решило овладеть операционной базой белых на острове Чечень и выделило для этого отряд кораблей в составе вспомогательных крейсеров «Каспий» и «Пролетарий» и рейдового парохода «Константин Кауфман». Командиром отряда был назначен В.А. Арский (бывший офицер-артиллерист царского флота), комиссаром — И.П. Раквич.

Замечу, что «Каспий» после боя у форта Александровского 25 мая 1919 г. был передан Районному управлению водного транспорта (Райводу). Однако к началу кампании 1920 г. его вновь вооружили, теперь он нес три (по другим данным две) 102/60-мм и две 75/50-мм пушки.

Приняв на борт десантников, корабли отряда в 22 часа 8 апреля вышли в море. Вскоре погода испортилась, ветер крепчал с каждым часом, море покрылось седыми гребнями. Наутро, в 8 ч. 30 мин. 9 апреля пароход «Кауфман» не выдержал напора волн и направился к берегу к «мелякам». В течение ночи оба крейсера сильно заливало водой, через люки вода попала и в трюм. Около 8 часов утра на «Каспии» в носовой части разошлись листы наружной обшивки, и хлынувшая вода затопила носовой трюм. Постепенно начали сдавать переборки, и через 1 ч. 45 мин. «Каспий», погрузившись носом, лег на левый борт и перевернулся.

«Пролетарий» поначалу пытался взять «Каспий» на буксир, но, увы, пришлось спасать людей. Подобрать удалось только 13 человек. Утонул командир отряда В.А. Арский и командир крейсера Е.И. Перетерский (кстати, тоже офицер царского флота), а также 52 человека команды.

Первая попытка поднять «Каспий» была предпринята уже в 1921 г. астраханским военным портом. Экспедиция под начальством штурмана Годилова нашла ледокол и обследовала его. Он оказался лежащим на 6-саженной глубине почти вверх килем. Эта экспедиция потерпела неудачу. С тех пор никем не отмеченное место гибели корабля было потеряно. Вновь затонувший корабль нашли только в мае 1934 г. Он лежал на дне на расстоянии 130 миль от Астрахани, 86 миль от Махачкалы и 26 миль от острова Чечень. «Каспий» был поднят ЭПРОНом^[149] в 1935 г. и отбуксирован в Астрахань к причалу завода имени Карла Маркса для ремонта. «Каспий» прослужил еще долго, его сняли с грузовых перевозок и

в 1960 г. передали Астраханской школе мореходного обучения как учебное судно.

Подобрав людей, «Пролетарий» вернулся в Астрахань, а пароход «Кауфман» 13 апреля высадил десант на остров Чечень, но белых там не оказалось.

15 апреля эсминец «Карл Либкнехт» под флагом комфлота, эсминец «Дельный», крейсер «Пролетарий» и катер-истребитель «Дерзкий» вышли из Астрахани, конвоируя транспорты с частями и штабом 11-й армии. Все транспорты благополучно пришли в Петровск.

В тот же день посыльное судно «Крейсер» (построено в 1884 г. в Або; 31,4 м 4,7 м 2,0 м; 180 л. с; 11 уз.; одна 37-мм пушка и один пулемет) отправилось из Астрахани по «особому назначению» перевозить диверсантов в Баку.

А теперь вернемся к белой флотилии, покинувшей Петровск. На следующий день она пришла в Баку. Суда стали на внешнем рейде недалеко от острова Нарген.

Адмирал Сергеев созвал всех командиров и объявил, что по его сигналу все суда должны спустить Андреевские флаги и вслед за ним войти в гавань, где азербайджанские власти примут корабли и поставят свою охрану. Все орудия, запасы и имущество будет продано Азербайджану, а личный состав может остаться на службе у Азербайджана, а кто не хочет, тому будут выданы деньги, и он может уехать куда угодно. Почти все командиры заявили, что такой приказ они исполнять отказываются, что Андреевский флаг ни перед кем не спустят и оружия своего никому не продадут, а уж тем более Азербайджану, который всячески противодействовал Добровольческой армии, а теперь, после ее поражения, сносится с красными, предлагая им добрососедские отношения. Адмирал Сергеев пытался грозить капитанам, но, видя напрасность своих угроз, приказал спустить свой адмиральский флаг и ушел к себе в каюту

На следующий день капитаны передали Сергееву перечень условий, при выполнении которых они согласятся войти в Баку. Все укрепления и средства обороны города должны быть переданы белой флотилии, личный состав которой будет продолжать действовать под Андреевским флагом. Однако Сергеев, давно спевшийся с мусаватистами, отклонил предложения капитанов и в помощь себе позвал генерала Драценко, бежавшего из Петровска в Баку. Драценко начал обвинять капитанов в бунте, но его никто не хотел слушать. Тогда Сергеев заявил, что передает командование флотилией капитану 2-го ранга Бушену, а сам убывает в Батум и далее жаловаться Врангелю на «бунтовщиков».

Затем на корабли прибыл какой-то господин, заявивший, что он председатель азербайджанского правительства и согласен на все условия белой флотилии. Капитан 2-го ранга Бушен приказал сниматься с якорей. И вот белая флотилия вошла в Баку под Андреевскими флагами. Затем Бушен отправился к премьер-министру, но тот потребовал сдать корабли и оружие и добавил, что адмирал Сергеев стал морским министром Азербайджана. Бушен заявил, что флотилия уйдет в море, но что ему было заявлено, что в этом случае пушки острова Нарген откроют огонь по русским судам. Бушен резонно возразил, что на флотилии пушек тоже хватает.

Надо заметить, что мусаватистская клика была в довольно сложном положении. С 22 марта в Нагорном Карабахе шли ожесточенные бои с армянскими войсками. Большая часть войск Бакинского правительства действовала в Карабахе. Поэтому мусаватистское правительство нуждалось в белой флотилии, а, с другой стороны, азербайджанское население Баку враждебно относилось к русским, русская же часть жителей города в основном была настроена пробольшевицки. И, наконец, Бакинское правительство как огня боялось Красной Армии.

Во время кратковременной стоянки флотилии в Баку начался массовый уход с кораблей нижних чинов. Кстати, генерал Драценко приказал всем сухопутным частям покинуть корабли и разоружиться в Баку. В такой ситуации командующий флотилией Бушен приказал идти в Энзели.

Корабли уходили под Андреевскими флагами, в полной боевой готовности (разумеется, с учетом состояния кораблей). В случае встречи с красными судами предполагалось вступить в бой.

В Энзели белая флотилия встала на внешнем рейде. На корабли прибыли представители английского командования, среди которых лейтенант Крислей, прекрасно говоривший по-русски. Бушен передал, что он хочет интернироваться на следующих условиях: все корабли и вооружение сдаются англичанам, офицерам оставляется их оружие, англичане же должны дать письменное обещание, что они ни в каком случае не выдадут их большевикам. Кроме того, Бушен потребовал, чтобы англичане переправили личный состав флотилии в Крым к Врангелю. Английское командование согласилось на все условия, кроме последнего, пообещав снестись с надлежащими властями, и если будет возможность, то отправить команды в Крым.

Уже после прибытия в Энзели Бушен получил пакет от генерала Деникина, где было указание после эвакуации из Петровска идти в Энзели и интернироваться у англичан.

После подписания условий интернирования корабли флотилии вошли

во внутреннюю гавань Энзели. Замки орудий были сняты и складированы на берегу. То же сделано и с боеприпасами. Несколько пушек было снято, и англичане установили их на берегу.

Большинство членов команд остались жить на судах, питаясь запасами, вывезенными из Петровска. Во внутреннюю жизнь флотилии англичане не вмешивались, жизнь на ней текла согласно составленным расписаниям. Производились строевые и шлюпочные учения и военные прогулки.

Мусаватистское правительство, вступив в союз с Деникиным, имело реальные шансы отстоять Баку и даже получить контроль над Каспием. Однако русофобия, бахвальство и самоуверенность погубили мусаватистов.

А большевики не дремали. В январе 1920 г. командующим Кавказским фронтом был назначен М.Н. Тухачевский. 17 марта 1920 г. Ленин телеграфировал Реввоенсовету Кавказского фронта: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится и к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно».

Для подготовки операции по захвату Баку в Петровск прибыли командующий фронтом Тухачевский и член Реввоенсовета Орджоникидзе. В ночь на 21 апреля Тухачевский выпустил директиву командованию 11-й армии и Волжско-Каспийской флотилии о наступлении на Баку: «Главные силы Азербайджана заняты на западной границе своего государства. В районе ст. Ялама — Баку, по данным разведки, имеются лишь незначительные азербайджанские силы. В развитие полученных мною директив приказываю:

1. Командарму 11-й армии 27 апреля сего года перейти границу Азербайджана и стремительным наступлением овладеть территорией Бакинской губернии. Операцию Ялама — Баку закончить в 5-дневный срок. Выслать кавалерийские отряды для захвата Закавказской железной дороги в районе Кюрдамир:

2. Комфлота Раскольникову ко времени подхода частей 11-й армии к Апшеронскому полуострову произвести в районе ст. Алят десант небольшого отряда, который должен быть выделен распоряжением командарма 11-й армии. Быстрым налетом овладеть в Баку всем наливным флотом, не допустить порчи нефтяных промыслов»^[150].

Вторжение советских войск в Азербайджан производилось по стандартному «большевистскому» сценарию: местный ревком поднимает

настоящее или «виртуальное» восстание рабочих и сразу же обращается за помощью к Красной Армии. По этой схеме действовали свыше 50 лет — вторжение в 1956 г. в Венгрию, в 1968 г. в Чехословакию и т.д.

28 апреля Бакинский ревком обратился за помощью к Совнаркому РСФСР. Однако «помощь» начала оказываться на день раньше (!) — 11-я армия в составе 26, 28, 32-й стрелковых дивизий и 2-го конного корпуса (всего свыше 30 тыс. человек) вторглась на территорию Азербайджана^[151].

Однако 11-й армии и Волжско-Каспийской флотилии практически не пришлось воевать, ибо войну выиграли... четыре бронепоезда.

26 апреля отряд в составе легких бронепоездов № 61 «III Интернационал», № 209 «Красная Астрахань» и тяжелых (с корабельными пушками) № 55 «Красный Дагестан»^[152] и № 65 «Тимофей Ульянов» собрался у разъезда Самур (район Белиджи) на границе Азербайджанской республики.

Рано утром 27 апреля на поезда погрузил и десант в составе двух стрелковых рот, а также руководителей компартии Азербайджана А.И. Микояна, Г.М. Мусабекова и Г.П. Джалебекова. В 10 ч. 05 мин. бронепоезда двинулись в путь.

Бронепоезда без боя пересекли границу и проехали через Самурский мост. Мусаватисты даже побоялись открыть огонь, лишь сообщили начальству по телефону на станции Ялама. При подходе к Яламе противник пустил паровоз-брандер навстречу красным бронепоездам. Но огнем головного бронепоезда брандер был разбит, а десантная группа сбросила его остатки с путей.

На станции Ялама трофеями красных стали гаубичная батарея и 500 пленных. В районе станции Худат навстречу красным выдвинулись два мусаватистских бронепоезда, но после короткой артиллерийской дуэли они ретировались. На станции Худат красные бронепоезда захватили пять артиллерийских батарей.

Наконец бронепоезда достигли узловой железнодорожной станции Баладжары. Оттуда два бронепоезда были отправлены в сторону Гянджи, а два других пошли на Баку. Рано утром два красных бронепоезда ворвались в Баку. Мусаватистская армия капитулировала перед двумя нашими бронепоездами. Эшелон с лидерами мусаватистов и иностранными дипломатами был задержан на пути в Гянджу.

Лишь 29 апреля к Баку подошла красная конница.

В ночь на 30 апреля корабли Волжско-Каспийской флотилии начали медленно выходить на рейд Петровска. Комфлот Раскольников держал флаг

на эсминце «Карл Либкнехт».

Флотилия вышла в море, не имея определенного плана действия. Исаков писал: «Места высадки начдив указать не мог, честно признавшись, что сам не знает. Да и комфлот сказал, что место и время десанта — "по обстановке"»[\[153\]](#).

Но драться Волжско-Каспийской флотилии не пришлось. Утром 1 мая Баку встретил корабли красными флагами и оркестром.

Глава 20

ЭНЗЕЛИЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

До 1990 г. вмешательство Советской России в персидские дела советские историки сводили к Энзелийской операции. Но вот грянула «перестройка» и вызвала целую серию публикаций, обличавших большевистскую интервенцию в Персию. Вот передо мной книга Моисея Ароновича Персица — доктора исторических наук, до июля 1993 г. ведущего научного сотрудника Института проблем рабочего движения и сравнительной политологии РАН. Как и подавляющее большинство наших профессоров-гуманитариев, Персица на 180° поменял свои взгляды и выпустил книгу «Застенчивая интервенция»^[154]. Приведу лишь названия первых двух глав книги: «Идея мировой революции и Восток», «Вооруженный экспорт революции в восточной политике РКП(б)».

Сейчас антисоветчики сводят все к агрессии Советской России в Персии, к попытке установления там коммунистического строя. Спора нет. Действительно, Ленин, Троцкий, Бухарин и другие руководители Советского государства в 1918—1920 гг. говорили о скорой победе мировой революции и т.д.

Выдергивать эти лозунги, речи из общего контекста истории и объяснять ими события в Персии 1920—1921 гг. будет явной подтасовкой — игрой в наперстки.

Представим себе мусульманина-шиита, у которого суннит увел пять баранов и четырех жен. Шиит ловит вора и задает ему трепку, и при этом говорит о верности своего учения. А Персии представляет дело так, что злодей-шиит из религиозных побуждений расправился с невинным суннитом.

Советская «интервенция» в Персию была, видимо, первым в истории Советской России случаем, когда интересы Государства Российского на 100 процентов совпадали с большевистской идеологией. Англичане оказались не только ворами, но и бандитами, замышлявшими уничтожить Государство Российское. Им была не нужна ни советская, ни деникинская Россия.

Сколько нефти в 1919—1920 гг. увезли из Баку «просвещенные мореплаватели»? Сколько имущества было ими вывезено из Севастопольской и Батумской крепостей? Сколько военных и торговых

кораблей они угнали с Севера, Черного моря и Каспия?

При этом действия в Закавказье, на Каспии и в Средней Азии англичане осуществляли с территории Персии. Поскольку не только мир, но и перемирие с Англией Советская Россия не подписывала, то Красная Армия в полном соответствии с международным правом могла преследовать отступающие британские войска на любой территории — в Персии, Афганистане, Индии и т.д.

Ну а то, что у руководства большевиков государственные интересы превалировали над идеологией и стремлением к мировой революции, хорошо иллюстрирует пример Турции. В ноябре 1920 г. «русская армия» генерала Врангеля (всего 60—70 штыков и сабель) ретировалась из Крыма в окрестности Константинополя. История XIX — начала XX века знает десятки случаев, когда крупный военный контингент одной страны оказывался на территории другой. И во всех случаях, согласно международному праву, он подвергался интернированию, в том числе полному разоружению. Вот, к примеру, когда в том же 1920 г. части Красной Армии после поражения под Варшавой отступили на территорию Восточной Пруссии, германское правительство немедленно интернировало их.

А теперь Англия и Франция грубо нарушили международное право и разрешили барону оставить свои дивизии и флот в полной боевой готовности. Кроме того, в районе черноморских проливов было сосредоточено свыше 130 тысяч солдат Антанты, из которых свыше 110 тысяч составляли англичане и французы, а также огромный флот, насчитывавший в своем составе 10 линкоров.

И вот тут советское правительство напрочь забыло о классовой солидарности, мировой революции и вступило в военный союз с националистом и антикоммунистом Мустафой Кемалем. Мустафа поднял в Анкаре мятеж против султанского правительства и объявил себя главой Турецкой республики. С коммунистами у Кемаль-паши разговор был короткий — или к стенке, или в мешок и в море. Последним способом было казнено несколько сот коммунистов. Тем не менее Москва заключила союз с Анкарой. Осенью 1920 г. в Анкару из Советской России поступило 200 кг золота. Позже прибыло еще несколько таких «посылок». В 1920—1922 гг. большевики поставили кемалистам 40 тысяч винтовок, 327 пулеметов и 54 орудия.

Мало того, Ленин и Троцкий пожертвовали Карской и Ардаганской областями, ранее входившими в состав Российской империи, и отдали их Кемалю.

На мой взгляд, Ленин и Троцкий переоценили возможности Англии и Франции на Черном море. С некоторой натяжкой можно сказать, что в 1920—1921 гг. обе стороны блефовали. Лондон грозил Москве новой высадкой врангелевских войск, поддержанных дивизиями Антанты, и походом на Москву. Ну а Владимир Ильич и Лев Давыдович шантажировали «просвещенных мореплавателей» захватом Персии и походом на Индию. Ни та, ни другая сторона не были в состоянии реализовать амбициозные планы, но поугали они друг друга вволю.

Обратим внимание на напечатанную 10 июня 1920 г. в «Известиях» статью Карла Радека. Там открыто говорилось, что если бы официальный Лондон обратился к Москве с просьбой о защите его интересов в Персии, «то советское правительство, наверное, не отказалось бы от роли посредника между Англией и персидской революцией», но «только в случае, если бы английское правительство на деле заключило с Советской Россией мир, отменив экономическую блокаду».

Так что у нас есть все основания считать, что персидский поход Красной Армии был одним из «асимметричных» ответов Лондону.

В итоге советская помощь Кемалю и «интервенция» в Персию привели к полному уходу Антанты из Проливов и деградации врангелевской армии.

Только учитывая вышесказанное, мы сможем понять, почему части Красной Армии были введены в Персию, почему их было так мало, и действия командования были непоследовательными, а зачастую и противоречивые.

1 мая 1920 г. командующий Морскими Силами Советской России Немитц^[155], еще не зная о занятии флотилией Баку, дал директиву Раскольникову о захвате персидского порта Энзели: «Очищение Каспия от белогвардейского флота должно быть выполнено во что бы то ни стало. Так как для достижения этой цели потребуются десант на персидской территории, то он и должен быть совершен вами. Вы известите при этом ближайшие персидские власти о том, что десант предпринят военным командованием исключительно для выполнения боевого задания, которое возникло только потому, что Персия не в состоянии разоружить белогвардейские суда в своей гавани, и что персидская территория остается для нас неприкосновенной и будет очищена немедленно по выполнении боевого задания. Это извещение должно исходить не от центра, а только от вас»^[156].

Эта директива была согласована с Лениным и Троцким. Нарком иностранных дел Чичерин предложил хитрый ход — считать высадку в

Энзели личной инициативой Раскольникова, а в случае осложнений с Англией «повесить на него всех собак», вплоть до объявления его мятежником и пиратом.

Ситуация с белой флотилией, стоявшей в Энзели, была очень сложной в правовом отношении. С одной стороны, Персия — формально независимое государство, придерживавшееся формального и фактического нейтралитета в Гражданской войне в России. Белые суда, пришедшие в Энзели, были интернированы в полном соответствии с международным правом. К примеру, точно так же были интернированы в нейтральных портах несколько русских кораблей в 1904—1905 гг., и японцы их не посмели тронуть.

Но, с другой стороны, большинство судов, ушедших в Энзели, раньше были танкерами, и они были более чем необходимы для перевозки нефти из Баку в Астрахань. Не было никакой гарантии, что белые суда в нужный момент не будут вооружены и не начнут крейсерские операции на Каспии. Замечу, что в начале апреля 1920 г. преемник Уордроба на посту Верховного британского комиссара в Закавказье Г. Люк телеграфировал в Константинополь, в штаб командования британской «Армии Черного моря» о необходимости немедленно направить в Энзели группу британских моряков. В результате из Константинополя через Тифлис были срочно направлены в Энзели 32 британских морских офицера и технические специалисты во главе с будущим первым лордом адмиралтейства Б. Фрээрером. Они приехали в Баку в день вступления в город Красной Армии, и вся группа оказалась в плену.

Наконец, согласно Туркманчайскому миру (от 10 февраля 1828 г.), Персия вообще не имела право содержать на Каспии военный флот. В начале XX века было несколько прецедентов — высадок русских десантов в Энзели. Прочитую «Военную энциклопедию» 1912 года: «Постоянные волнения и беспорядки в Персии за последние годы заставляли очень часто наших дипломатических представителей обращаться за содействием к Каспийской флотилии; своз десанта в Энзели, в Решт, в район Астрабада и других пунктах побережья сделался обычным явлением»^[157].

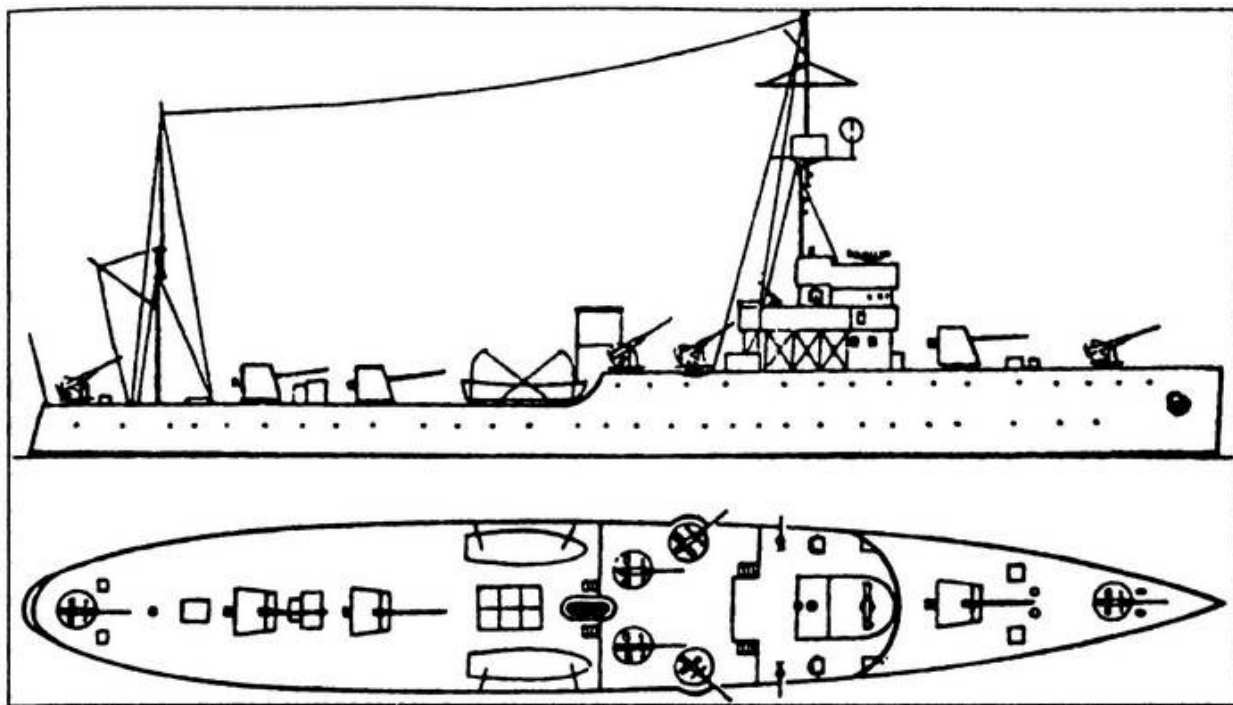
Любопытно, что в рукаве у председателя Реввоенсовета Льва Давыдовича была еще одна козырная карта — азербайджанский флот.

Не знаю, у кого в Москве, то ли у Ленина, то ли у Троцкого, возникла идея иметь на Каспии целых два флота — Волжско-Каспийскую флотилию и Красный флот Советского Азербайджана. Причем Ф.Ф. Раскольников, по-прежнему командовавший Волжско-Каспийской флотилией, становился по совместительству и командующим азербайджанским флотом. В состав

азербайджанского флота были включены суда, находившиеся в Баку к 1 мая 1920 г. Естественно, их переименовали. 19 мая 1920 г. «Каре» и «Ардаган» стали «Лениным» и «Троцким», а 23 мая «Пушкин» стал «Советским Азербайджаном». Понятно, что «Ардаган» пробыл «Троцким» до 1 февраля 1927 г., а потом был переименован в «Красный Азербайджан».

Два флота в одном небольшом море? Да, в военно-техническом отношении это идиотизм, но в политическом интересе — «ноу-хау». Если по соображениям большой политики у персидских берегов не сможет появиться советская Волжско-Каспийская флотилия, то это сделает азербайджанский флот, и пуцай Лондон объясняется с бакинскими вождями.

14 мая 1920 г. в Баку Раскольников издает совершенно секретный приказ по флотилии: «Оставшиеся в распоряжении противника суда в настоящее время интернированы в бухте Энзели, охраняемой английскими войсками численностью до 2000 чел. Для защиты бухты с моря на берегу, за восточной окраиной города, установлены 6-дюймовые [152-мм] батареи; вход в бухту, кроме того, охраняется плавучей батареей "Коротость", вооруженной двумя 6-дюймовыми пушками и находящейся у южной оконечности канала.

Канонерская лодка «Красный Азербайджан» (до 1.02.1927г. «Троцкий», до 19.05.1920 г. «Ардаган»)

С целью не допустить возможности противнику вновь воссоздать боевую силу на море и в корне обеспечить за нами господство на Каспийском море необходимо захватить в свои руки все находящиеся в Энзели плавучие средства.

Поэтому флоту и десотрядам приказываю произвести операцию захвата вооруженной силой города и бухты Энзели путем высадки десанта и дальнейших комбинированных действий его с боевыми судами по следующему плану: десотряды под прикрытием боевых судов высаживаются в районе Кумаль-Кавру, прерывают сообщения Энзели с Рештом и, продвигаясь вдоль шоссе, стремительным натиском овладевают береговыми укреплениями у Энзели. Одновременно производится бомбардировка этих укреплений с моря, а за 2 часа до момента высадки десанта флотом производится путем обстрела района Качалал-Энзели демонстрация. В то же время кавдивизион, вышедший из Ленкорани и продвигающийся вдоль побережья, подходит к г. Энзели с запада.

Для высадки в районе Кумаль-Кавру назначаю 1, 2 и 3-й десотряды под командой военмора Кожанова. Для перевозки десанта назначаю пароходы "Березань", "М. Колесников" и "Паризиен". Посадку десанта на суда произвести в г. Баку в день, который будет указан дополнительно. Суда с десантом совершают переход по морю совместно с флотом. По занятии г. Энзели предписываю военмору Кожанову тотчас же принять меры к обороне города со стороны моря и выставить заставы по направлению к г. Решту. В случае получения сведений о движении отрядов Кучук-хана выслать ему поддержку.

Кавдивизиону выступить из Ленкорани с расчетом перейти границу Персии в момент появления наших судов у Энзели, о чем будет сообщено по радио через крейсер "Пролетарий". Для обеспечения продвижения кавдивизиона распоряжением военмора Кожанова назначается одна рота из состава десотрядов, которая на пароходе "Греция" и под охраной крейсера "Пролетарий" совершает переход вдоль побережья, высаживаясь в случае надобности при столкновениях кавдивизиона с противником в тылу у последнего. Высадка этой роты производится по указанию военмора Калмыкова, назначаемого командующим кавдивизионом и этой ротой. На крейсер же "Пролетарий" возлагается, кроме охраны парохода "Греция", также и поддержка артогнем высадившихся людей.

Для демонстрации в районе Качалал-Энзели назначаю эсминцы "Дельный", "Деятельный" и "Расторопный". Обстрел упомянутого района произвести по моему особому приказанию. Командование назначенными

для демонстрации судами возлагаю на военмора Чирикова.

Для борьбы с береговыми и плавучими батареями назначаю крейсера "Роза Люксембург" и "Пушкин" под общим командованием военмора Гаврилова.

Для прикрытия высадки десанта в районе Кумаль-Кавру назначаю канлодки "Карс" и "Ардаган" и крейсер "Бела Кун", на которые возлагается задача содействовать артогнем продвижению десанта вдоль берега. Командование обеими канлодками возлагаю на военмора Славянского.

Общее руководство всей операцией оставляю за собой. Буду находиться на эсминце "Карл Либкнехт"»^[158].

Рано утром 18 мая в соответствии с планом Раскольников флотилия подошла к Энзели. Морьякам открылась панорама города и его окрестностей. Предоставлю слово командиру «Деятельного»: «Левее (к востоку) — пологий песчаный пляж от селения Кивру до предместий Казьяна с медленным, ленивым накатом прибоя от очень пологой зыби, почти незаметной для глаза. Вплотную за ним голые и невысокие дюны, через которые параллельно берегу пролегает шоссе и линии проводов на Решт. Единственная дорога то скрывается, то как на ладони. Сейчас пустыня.

Мы ожидали на подступах к Казьяну увидеть окопы или пулеметные гнезда, занимаемые по тревоге, но за дальностью расстояния рассмотреть их не могли.

Прямо на юг — после виноградников сплошной парк или лес, сквозь кроны которого выглядывают черепичные крыши или красные стены кирпичных домов. Это Казьян, район учреждений, мастерских и складов, рыболовных и путевых концессий российских фирм и министерств, еще в 1918 году захваченных интервентами и превращенных в военный городок английских войск. В парке Казьяна разбит лагерь для колониальных батальонов сикхов и гурков. Лучшие дома (бывшие Лианозова) занимает штаб и офицеры войск его величества. Тут же главная радиостанция, верхушки мачт которой торчат над деревьями. Со стороны залива Мурдаб должна быть стенка и пристань с посыльными судами и катерами. Где-то здесь же склад бензина и керосина (в бидонах), но местоположение его неизвестно, как неизвестны позиции батарей или других укреплений. Движения не видно.

Правее (в западу) — отделенный от Казьяна проливом (служащим и входным фарватером), находится город и порт Энзели. Резиденция губернатора провинции Гилян, консульства, портовое управление, таможни, банки, множество контор, жилых домов и лавок, несколько

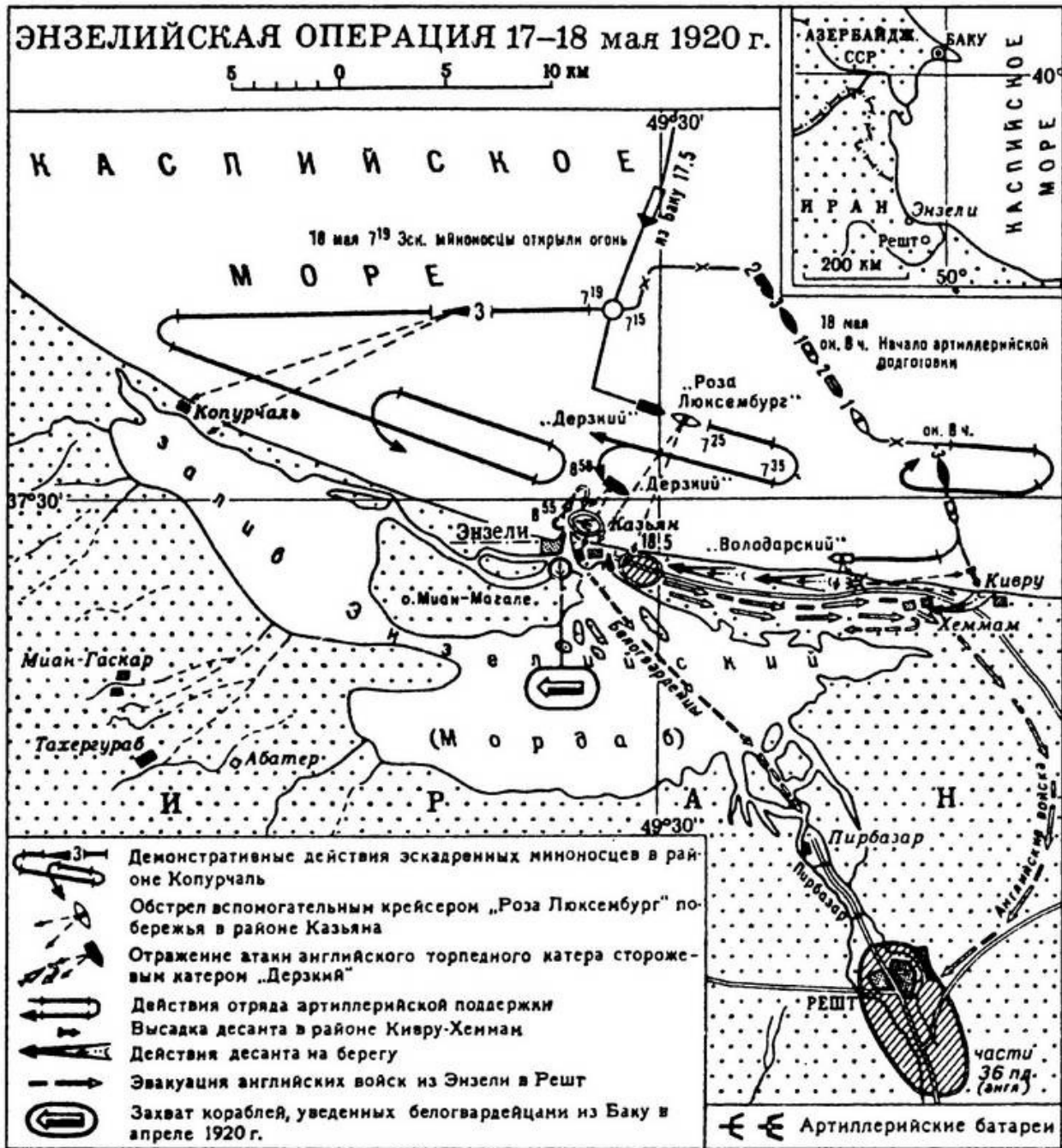
пристаней и стенок с близрасположенными складами и пакгаузами. Большинство судов (больше двадцати) стоит тесно кормой к городской стенке, отдав якоря в заливе. Видны только мачты и трубы. На окраине — склады импортных фирм, также занятые английским снабжением и запасами. Дальше — небольшой сухопутный аэродром, вернее площадка, оборудованная интервентами.

Все три наблюдаемых приморских участка отделены от гористого хинтерланда низменной болотистой равниной или лиманом Мурдаб, непосредственного фона в глубине они не имеют и потому кажутся расположенными как бы на острове, сзади которого на очень большом удалении начинается гористая местность. Там город Решт и высокие перевалы, выводящие к Тегерану. Это путь оккупантов и завоевателей, но это же и единственный путь их отступления. Где-то под Рештом нависают отряды Мирзы и Кучук-хана»^[159].

Береговые батареи англичан молчали. 18 мая в 7 ч. 15 мин. флотилия была уже в 60 кабельтовых от Энзели. Здесь корабли разделились. Четыре эсминца — «Карл Либкнехт», «Деятельный», «Расторопный» и «Дельный» — повернули на запад для обстрела района Копурчаль, чтобы отвлечь внимание противника от места высадки десанта. Вспомогательный крейсер «Роза Люксембург» в охранении сторожевого катера «Дерзкий» направился к югу для обстрела района Казьяна. Транспорты в сопровождении отряда артиллерийской поддержки (вспомогательный крейсер «Австралия», канонерские лодки «Каре» и «Ардаган», тральщик «Володарский») направились к населенному пункту Кивру для высадки десанта.

В 7 ч. 19 мин. эсминцы открыли артиллерийский огонь по району Копурчаль. В 7 ч. 25 мин. вспомогательный крейсер «Роза Люксембург» начал артобстрел Казьяна, где находился штаб английских войск. Вскоре после начала артобстрела по радио был направлен ультиматум командующему английскими войсками о сдаче порта Энзели со всеми находящимися там русскими кораблями и имуществом.

Около 8 часов крейсер «Австралия» и канонерки начали артподготовку высадки десанта вблизи Кивру, в 12 км к востоку от Энзели.

Энзелийская операция 17—18 мая 1920 г.

Любопытно, что один из первых 130-мм снарядов крейсера «Роза Люксембург» взорвался в помещении британского штаба. Английские офицеры выпрыгивали из окон буквально в нижнем белье. Просвещенные

мореплаватели просто-напросто проспали советскую флотилию. Время в Волжско-Каспийской флотилии и у англичан различалось на 2 часа, и первые выстрелы «Карла Либкнехта» для красных прозвучали в 7 ч. 19 мин. утра, а для англичан в 5 ч. 19 мин. (по второму поясному времени). Кто ж встает в 5 часов утра? Порядочные джентльмены должны еще спать.

А теперь обратимся к воспоминаниям другой стороны. А. Ваксмут писал: «В одно прекрасное утро мы проснулись от орудийных выстрелов и падения снарядов среди порта и среди наших кораблей. Взобравшись на мачты, мы увидели в море массу кораблей, стрелявших по Энзели. В английском штабе — полная растерянность, ни одна из батарей красным не отвечала. Оказывается, от этих батарей англичане бежали чуть не в одном белье. Через некоторое время мы увидели, как лейтенант Крислей сел на один из наших быстроходных катеров, поднял белый флаг и вышел в море к красным. Мы поняли, что англичане плохая защита, и решили действовать сами, то есть нам надо было уходить. Чем дальше мы уйдем, тем в большей будем безопасности.

Энзели соединен с Рештом единственной дорогой, идущей по перешейку между озером и морем, а также пароходиками, ходящими между Энзели и Пирбазаром на другом конце озера.

Мы погрузили на многочисленные шлюпки больных и не могущих идти и кое-какое имущество. Шлюпки пошли прямо через озеро на Пирбазар, а остальные, человек пятьдесят — шестьдесят, забрав с собой каждый что мог, во главе с Бушеном отправились посуху по дороге в Решт. Офицеры (почти все, человек двести) имели револьверы; патронов же было всего штук двенадцать — двадцать на человека.

Обстрел вскоре прекратился — видимо, парламентар достиг своей цели. Пройдя с полверсты, мы встретили цепи английских войск — говорят, что впереди красные. Бушен выслал вперед английских цепей 12 человек с винтовками искать, нет ли и прохода; вернулись и доложили, что действительно дорога занята красными и весь перешеек ими перерезан. Остается единственный путь — через озеро, но средств никаких. К счастью, видим: какие-то два пароходика направляются из Энзели через озеро; на нескольких рыбацких лодках мы выходим им навстречу и силой останавливаем. Оказывается, что англичане отправляют каких-то армян, находящихся на их иждивении; почти все наши садятся на эти пароходы, и мы к вечеру добираемся до Пирбазара. С пароходов ясно виден красный корабль, стоящий по другую сторону перешейка. Почему он в нас не стрелял — неизвестно.

Всю ночь мы шли из Пирбазара пешком и утром пришли в Решт, где и

расположились лагерем в саду и доме русского консульства. На следующий день в Решт вошли и все английские войска, и часть наших, запоздавших и прошедших мимо большевиков вместе с англичанами, переодевшись в английскую форму. Англичане все бросили, все их склады были разграблены персами, уважение к ним было потеряно, и вся ситуация в Персии повернулась так, что мы стали гордиться своими русскими, хоть и нашими врагами»^[160].

Комментарии тут, я думаю, совсем излишни!

Однако, если честно сказать, наши военморы при высадке десанта действовали не самым лучшим способом. «"Володарский", приткнувшись раза два носом к берегу для разведки глубин, отошел к ближайшему транспорту. После сигнала подошедшего "Карла Либкнехта", приняв на борт около двух взводов, тральщик начал высаживать бойцов первого броска прямо в воду, на глубинах в половину человеческого роста, стреляя при этом через их головы из своей носовой 75-мм пушки по ближайшим британским пулеметам.

В это время транспорты "Березань", "Колесников" и "Паризиен", став на якоря, спустили все свои шлюпки, которые, будучи набиты десантниками до предела, двинулись на веслах к пляжу. Никакого порядка при этом не было. Над всем царил единый, общий порыв — возможно скорее добраться до берега и сцепиться с англичанами раньше других.

Суматоха и беспорядок увеличились, когда первые шлюпки, с ходу врезавшиеся в берег, были залиты набегавшей с кормы прибойной волной. Для наблюдавших картину высадки с транспортов "накат" казался совершенно безобидным, каким и был на самом деле, но для тех, кто имел только волжский опыт и не умел проходить прибой, отдавая с кормы стоп-анкер, это волна явилась причиной "криминала". Прибой развернул опустевшие шлюпки лагом, затопил часть из них, перевернул и после нескольких ударов о грунт оставил лежать в песке с расшитыми днищами и уже совершенно непригодными к употреблению.

Только теперь выяснилось, что в первые шлюпки попрыгали с транспортов главным образом десантники, которые сами же взяли за весла, а те немногие гребцы из команд транспортов, которым удалось попасть на шестерки и вельботы, добравшись до пляжа, не захотели возвращаться и приняли участие в борьбе за береговую полосу. Приняв морскую ванну, они через минуту уже перебежками старались пробиться к шоссеной дороге, совершенно забыв о шлюпках»^[161].

В итоге большая часть шлюпок и катеров была брошена у берега. Темп

высадки резко замедлился. Однако из-за паники у англичан это не имело серьезных последствий.

В 8 ч. 55 мин. к красным был послан парламентар — лейтенант Крислей на белогвардейском торпедном катере английского производства. Но на крейсере «Австралия» не заметили белого флага и, решив, что это — торпедная атака^[162], артогнем заставили катер повернуть назад.

Примерно в 10 часов утра из-за Энзелийского мола выскочил еще один катер. На нем был большой белый флаг. Первым его заметил штурман Арвид Буш и с трудом удержал комендоров эсминца «Деятельный» от открытия огня. Надо ли говорить, что у англичан не положено было по штату иметь белый флаг. Что же они использовали в качестве его — до сих пор не ясно. Очевидцы кардинально расходятся во мнениях. Командир канонерки «Ленин» К.И. Самойлов утверждал, что катер парламентаря имел впереди вместо флага прикрепленный белый китель. Б.П. Гаврилов, бывший главарт и один из флагманов флотилии в своих воспоминаниях пишет: «...из гавани выскочил быстроходный катер с громадным белым флагом размером с простыню...» В.А. Снежинский в 1950-х гг. утверждал, что «...на носовом флагштоке катера развевались дамские панталоны...»

Так или иначе, но капитан пехоты Джон Крачлей явился на переговоры, и на несколько часов было заключено перемирие. Однако в 12 ч. 40 мин. красные суда вновь ненадолго открыли огонь. К вечеру был подписан окончательный вариант перемирия.

Персидский губернатор Энзели на грязном буксирчике подошел к «Карлу Либкнехту» и поднялся на его борт. От имени персидского правительства он приветствовал Красный флот. На улицах Энзели постепенно стали появляться красные флаги.

В результате занятия Энзели были захвачены большие трофеи: крейсера «Президент Крюгер», «Америка», «Европа», «Африка», «Дмитрий Донской», «Азия», «Слава», «Милютин», «Опыт» и «Меркурий», плавбаза торпедных катеров «Орленок», авиатранспорт «Волга» с четырьмя гидропланами, четыре английских торпедных катера, десять транспортов, свыше 50 орудий, 20 тысяч снарядов, свыше 20 радиостанций, 160 тысяч пудов хлопка, 25 тысяч пудов рельсов, до 8 тысяч пудов меди и другое имущество^[163].

Захваченные в Энзели суда постепенно стали переводить в Баку. Из сводки штаба Волжско-Каспийской флотилии от 23 мая 1920 г.: «Прибыл в Баку из захваченных в Энзели транспортов противника "Талмуд" с 60 000 пудов керосина; отправлены из Энзели в Баку (из захваченных)

транспорты: "Ага Мелик" с 15 000 пудов ваты, "Волга" с двумя гидропланами на борту и "Армения" с 21 000 пудов хлопка».

Весьма любопытна реакция советского правительства на взятие Энзели. 23 мая 1920 г. газета «Правда» писала: «Каспийское море — советское море». И в тот же день Наркомат иностранных дел отправил в Тегеран ноту, где утверждалось, что Энзелийская операция была предпринята по инициативе военного командования «без распоряжения» центральной власти и что «о совершившихся в Энзели фактах Российское советское правительство было поставлено в известность лишь после того, как означенная операция была доведена до конца»^[164]. Поэт Эдуард Багрицкий писал:

За Каспием сверкает флаг кровавый —
На желтых энзелийских берегах.
Окончен путь тревожный и упорный,
Штыки сияют, и полощет флаг,
Гудит земля своей утробой черной,
Тяжеловесный отражая шаг.

Захват Энзели вызвал большой шум в британской прессе. Так, 27 мая 1920 г. газета «Тайме» сообщала: «Страна открыта большевизму, весь английский престиж теперь поставлен на карту, захват персидского порта Энзели является громадной угрозой, которая может заронить искру в легко воспламеняющийся материал, рассеянный по всему Среднему Востоку».

Однако британское правительство не рискнуло вступить в вооруженный конфликт с Советской Россией.

Белые в панике бежали из Энзели в Решт. Еще раз предоставлю слово лейтенанту Ваксмуту: «Всю ночь мы шли из Пирбазара пешком и утром пришли в Решт, где и расположились лагерем в саду и доме русского консульства. На следующий день в Решт вошли и все английские войска, и часть наших, запоздавших и прошедших мимо большевиков вместе с англичанами, переодевшись в английскую форму. Англичане все бросили, все их склады были разграблены персами, уважение к ним было потеряно, и вся ситуация в Персии повернулась так, что мы стали гордиться своими русскими, хоть и нашими врагами»^[165].

От себя добавлю, что до 1922 г. вся бакинская нефть поступала в Россию исключительно через Астрахань на наливных судах и лишь затем заработала, да и то с перебоями железная дорога Баку — Батум.

Маленькая справка: по грузоподъемности Каспийский торговый флот на 1913 г. уступал Черноморскому в 2,64 раза. Однако к 1935 г. как по тоннажу, так и по объему перевозок Каспийский флот превосходил торговые флоты любого другого бассейна СССР, включая Черное море и Балтику. Увы, послать Раскольникова в Константинополь, Бизерту, порты Англии, Шанхай и Манилу, куда был угнан русский флот бароном Врангелем, генералом Миллером и адмиралом Старком, не представлялось возможным.

Глава 21

ПЕРСИДСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ

Успех Энзелийской «побудки» оставил в тени поход советского кавалерийского дивизиона. Для обеспечения продвижения кавдивизиона распоряжением военмора Кожанова назначалась одна рота из состава десантных отрядов, которая на пароходе «Греция» и под охраной крейсера «Пролетарий» должна была совершать переход вдоль побережья, высаживаясь в случае надобности при столкновениях кавдивизиона с противником в тылу у последнего. Высадка этой роты производилась по указанию военмора Калмыкова, назначенного командующим кавдивизионом и этой ротой. На крейсер же «Пролетарий» возлагалась, кроме охраны парохода «Греция», также и поддержка артогнем высадившихся людей.

Кавалерийский дивизион двинулся из Ленкорани и быстро занял персидские города Астару и Ардебиль (Ардабиль).

23 мая в Энзели на пароходе «Курск» состоялась тайная встреча Раскольниковова и Орджоникидзе с Кучек-ханом. Он был довольно интересной фигурой. Настоящее имя его Юнус. Родился он в 1881 г. в окрестностях Решта в семье муллы. Образование получил в Тегеранском медресе. С 1905 г. участвовал в антиханском движении. Осенью 1915 г. после высадки в Энзели частей русского экспедиционного корпуса под командованием генерала Баратова партизанский отряд Кучек-хана совершал смелые рейды на русские отряды. В конце концов, казаки задали хорошую трепку дженгелийцам Кучек-хана, и те разбежались по домам. С весны 1918 г. Кучек-хан партизанил уже против англичан.

25 мая 1920 г. в Москве на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято постановление «убрать русские войска и красный флот из Энзели и других пунктов». Далее в постановлении говорилось: «Оставить в Энзели некоторую часть судов под видом полицейской службы, но под азербайджанским флагом в количестве, необходимом для постоянного содействия Кучек-хану»^[166].

На основе этого постановления Л.Д. Троцкий написал Раскольникову более крутую директиву: «Оказать всемерное содействие Кучек-хану и вообще освободительному народному движению в Персии оружием, инструкторами, добровольцами, деньгами и прочим, сдав в руки Кучек-

хану занимаемую ныне нами территорию... Если для успеха дальнейшей борьбы Кучек-хана необходимо участие военных судов, оставить таковые под флагом Азербайджанской Республики и оказать от ее имени помощь Кучек-хану. Тайно помочь организовать в Персии широкую советскую агитацию»^[167].

По просьбе Кучек-хана и с согласия Раскольникова к его отрядам присоединились добровольцы-моряки и «кавказдивизион».

Войска Кучек-хана двинулись на Решт и заняли его 4 июня 1920 г. Англичане оставили город без боя. На следующий день Кучек-хан провозгласил в Реште Персидскую Советскую Социалистическую республику, а себя и своих приближенных — Советом Народных Комиссаров.

А между тем 23 июня в Реште состоялся 1-й съезд персидской компартии, созданной на базе леворадикальной партии «Адалет».

26 мая 1920 г. Троцкий отправляет директиву Раскольникову, где указывает: «...первое, никакого военного вмешательства под русским флагом, никаких русских экспедиционных корпусов. Всемерное подчеркивание нашего невмешательства [в персидские дела]. Второе, оказывать всемерное содействие Кучек-хану... инструкторами, добровольцами, деньгами и прочее, сдав в [его] руки... занимаемую нами территорию. Третье, если для успеха дальнейшей борьбы Кучек-хана необходимо участие военных судов, оставить таковые под флагом Азербайджанской республики и вообще оказывать от ее имени помощь Кучек-хану»^[168].

Постепенно началось формирование так называемой Персидской Красной Армии. Значительная часть ее личного состава прибыла из Советской России — Баку, Полторацка (такс 1919 по 1927 г. назывался Ашхабад), а затем из Красноводска. Поначалу этой армией командовал Эхсанулла-хан, преданный Кучек-хану. Но в конце июня 1920 г. штаб советской 11-й армии, в состав которой фактически входила Персидская, лишил Кучек-хана главенства в ней и назначил командующим бывшего генерал-майора царской армии Каргаретели (Шапура).

17 июня 1920 г. замнаркома по иностранным делам Карахан официально уведомил Кучек-хана, что в его распоряжение «командируют» известного революционера «тов. Блюмкина и его жену (медичку), заслуживающих полного доверия»^[169].

Забегая вперед, скажу, что Яков Блюмкин принимал активное участие в свержении Кучек-хана, стал членом ЦК иранской компартии и даже

представлял Персию в Баку на Первом съезде угнетенных народов.

4 июня 1920 г. англичане оставили город Решт, который был немедленно занят частями Кучек-хана. «Он был небывалым энтузиазмом встречен населением города без различия классов. На второй день после занятия Решта Красный Революционный комитет из своей среды организовал Совнарком, опубликовал декрет, объявляющий Персию Советской Республикой.

Спустя два дня приступил к деятельности... РВС Персидской республики с председателем мирзой Кучек-ханом, Главкомом Эхсануллой и членами Мозафар-Заде, Засаном Ильяни и Кожановым, как спеца, предложив последнему принять псевдоним "Ардашир"»^[170].

Работа персидского советского правительства была крайне осложнена конфликтами внутри него. Имели место серьезные склоки даже между большевиками, прибывшими из России, а что говорить о персах...

Кучек-хан быстро смекнул, что дело идет к отстранению его от власти, и 19 июля 1920 г. с большей частью своих приверженцев ушел в леса в район Фумена.

В ночь на 31 июля части Персидской Красной Армии (ПКА) напали на сторонников Кучук-хана в городе Реште. Несколько десятков верных Кучук-хану повстанцев, чиновников и политических деятелей были убиты и арестованы.

Новое революционное левацкое правительство Гиляна по требованию коммунистов возглавил бывший видный анархист Эхасанулла-хан. Это правительство провозгласило своими первоочередными задачами изгнать англичан и свергнуть персидскую монархию. А ближайшей задачей был объявлен поход на Тегеран. В политическую программу правительства включались следующие реформы: национализация всех средств производства, включая конфискацию всех помещичьих (феодалных) земель и их распределение среди крестьянства. Правительство заявило о конфискации таких огромных имений в Гиляне, как Восуг од-Доуле, Сепахадара, Амин од-Доуле и других.

В такой ситуации шахское правительство и британские военные власти предложили Кучек-хану и его сторонникам сотрудничество, но Кучек проигнорировал это предложение.

15 августа части Персидской Красной Армии предприняли наступление на город Казвин, находящийся на полпути от Энзели до Тегерана. Однако англичане и казацкая дивизия легко разгромили их. Большинство персидских «красноармейцев» разбежались или сдались в плен.

20 августа Персидская Красная Армия оставила Решт и отошла на 12 км рубеж у порта Энзели. Но тут подоспел отряд «красных грузин» — 244-й полк 28-й дивизии XI армии, по приказу Орджоникидзе срочно переброшенный из Баку.

Разразились ожесточенные бои. Решт три раза переходил из рук в руки, пока 23 октября 1920 г. окончательно не был захвачен частями Персидской Красной Армии.

Тут следует заметить, что силы обоих противников были крайне незначительны по масштабам Гражданской войны в России. Так, на 23 октября 1920 г. Персидская Красная Армия имела в своем составе 3 тысячи человек.

Командовали Персидской Красной Армией в основном русские или евреи — Фридланд, Николай Гикало, К. Томашев и т.д. Но части, поступавшие из Советской России, в основном комплектовались из азербайджанцев. Так, в октябре 1920 г. прибыл 1-й стрелковый «железный» полк Имени 26-ти Бакинских комиссаров в 900 штыков и конница в 400 сабель, а в конце ноября — отряд в три тысячи бойцов^[171].

Взамен Россия получила осетров и белугу. В телеграмме наркома Чичерина от 14 июня 1921 г. говорится: «...по соглашению с правительством Эхсанулла-хана наша "Главрыба" великолепно поставила аппарат рыбной ловли у персидского берега... Улов громадный».

А 23 ноября 1920 г. из Баку в Энзели отплыла Азербайджанская бригада численностью в 3 тысячи человек. Она должна была сменить советские части, находившиеся на фронте.

В боях с Персидской Красной Армией активное участие принимали регулярные британские войска. Мне удалось найти два документа, свидетельствующие о попытках или, по меньшей мере, планах английского командования предпринять воздушную бомбардировку Баку. Естественно, самолеты должны были действовать с персидских аэродромов. Так, 11 июля 1920 г. Реввоенсовет отправил «Приказ командованию 11-й армии и Волжско-Каспийской флотилии об организации защиты Баку от возможных налетов английской авиации»^[172].

К 25 июля в Баку в полной боевой готовности находился истребительный авиаотряд из шести аппаратов. Зенитные «батареи» расположены по участкам таким образом, что любая часть промыслового района может быть взята под перекрестный огонь нескольких батарей. Артоборона района Байлов и Били-Эйбат возложена на артиллерию флотилии, огнем судов которой эти районы будут вполне прикрыты. Кроме

этого, учитывая тактику английских летчиков снижаться при налетах на небольшую высоту, организована пулеметная оборона города и промыслов. На возвышенных пунктах, крышах домов, нефтяных вышках и прочих установлено значительное количество пулеметов с наблюдательными пунктами и постоянным дежурством наблюдателей»^[173].

Весьма интересна и попытка командования Северо-Туркестанского фронта поднять антишахское восстание в провинции Хорасан на востоке Персии. Командующий Туркфронтом М.В. Фрунзе предложил «советизировать» Хорасан с помощью племенного вождя сердара Ходоу-Верды хана. В середине мая 1920 г. Ходоу прибыл в Полторацк. Там было заключено устное соглашение о сотрудничестве хана и Туркестанского бюро ЦК ВКП(б).

Сразу же Ходоу было выдано 200 винтовок, 50 тысяч патронов и три пулемета «Льюис». Еще хан получил справку, что в его отряды «принимаются только надежные люди хорошего поведения, боевые и самоотверженные в борьбе за дело освобождения трудящихся».

По разным источникам, весной — летом 1920 г. под началом Ходоу было от 400 до 3000 пеших и конных повстанцев.

В июле 1920 г. тегеранское правительство отправило против Ходоу-хана четырехтысячный отряд солдат и жандармов. Силы были неравны, и 8 августа Ходоу, бросив в районе Ширвана семерых жен, отошел с небольшим отрядом к советской границе. 10 августа Ходоу уже был в Полторацке.

Шахское правительство отправило в Полторацк депешу с требованием выдать Ходоу-хана «как разбойника и убийцу».

25 августа полторацкое начальство отправило хана в Ташкент «для личного доклада командующему Туркфронтом», то есть Фрунзе.

11 сентября Ходоу прибыл в Ташкент, а за день до этого Фрунзе сдал дела Григорию Яковлевичу Сокольникову (Гершу Янкелевичу Бриллианту) и отправился на Южный фронт. Последний стал не только командующим Туркестанским фронтом, но и председателем Туркестанского бюро ЦК ВКП(б), то есть полновластным диктатором в крае. Герш Янкелевич был видный троцкист, за что и поплатился в 1937 г. Он отправил Ходоу-хана в Москву к Троцкому.

Председатель Реввоенсовета принял хана, но тот ему чем-то не понравился. В результате Ходоу в декабре 1920 г. вернулся в Полторацк. А в конце марта 1921 г. хан со своим отрядом вновь пересек персидскую границу. В конце апреля его отряд был разбит, а сам хан взят в плен и казнен.

А теперь вернемся к действиям Кучек-хана. В августе 1920 г. он воевал и против Персидской Красной Армии, и против шахских войск. Приказом главкома Персидской Красной Армии Каргаретели от 11 августа 1920 г. был создан специальный пехотно-конный отряд во главе с Керим-ханом «в целях наибыстрейшей и окончательной ликвидации банд Кучек-хана».

В Москве Чичерин писал: «Кучек полезен как популярная фигура, но он отчасти вредит своим полным отсутствием понимания революционной политики и излишней медлительностью и расчетливостью. Он не умеет дерзать, а это именно сейчас нужно».

Однако в мае 1921 г. персидский Ревком помирился с Кучек-ханом. Альянс с революционерами длился до 29 сентября 1921 г., когда Кучек-хан учинил резню левых в городе Гиляне. После этого хан с небольшим отрядом был вынужден покинуть Гилян.

В ноябре 1921 г. Кучек-хан с шестнадцатью всадниками замерзли в горах Тальша. Шахские казаки нашли тело Кучека, отрубили голову и доставили шаху, получив от него обещанные 10 тысяч туманов.

В апреле 1921 г. в порт Энзели прибывает известный поэт Велимир Хлебников. Он зачислен лектором в Персидскую Красную Армию. Вместе с ним в Персию отправляется его друг художник Мечислав Домбровский.

О своих лекциях в Персии сам Велимир писал сестре следующим образом: «...я в последний раз в жизни поверил людям и прочел доклад в ученом обществе при университете „Красная Звезда“. Правда, я утонченно истязал их: марксистам я сообщил, что я Маркс в квадрате, а тем, кто предпочитает Магомета, я сообщил, что я продолжение проповеди Магомета, ставшего немым и заменившего слово числом. Доклад я озаглавил „Коран чисел“».

Зато поэт оставил нам превосходные стихи:

Видите, персы, вот я иду
По Синвату к вам.
Мост ветров подо мной.
Я Гушедар-мах,
Я Гушедар-мах, пророк
Века сего и несу в руке
Фрашокёрети (мир будущего).
Ныне, если целуются девушка и юноша, —
Это Матия и Матиян, первые вставшие
Из каменных гробов прошлого.
Я Вогу Мано — благая мысль.

Я Аша Вбгиста — лучшая справедливость.
Я Кшатра Вайрия — обетованное царство.
Клянемся волосами Гурриэтэль Айн,
Клянемся золотыми устами Заратустры —
Персия будет советской страной.
Так говорит пророк!

Советское правительство помогало оружием и личным составом персидским коммунистам и Кучек-хану, а параллельно вело переговоры с тегеранским правительством. В итоге 26 февраля 1921 г. в Москве состоялось официально подписание советско-персидского договора. В его преамбуле говорилось: «Желая видеть персидский народ независимым, процветающим и свободно распоряжающимся всем своим достоянием, Российское Советское правительство объявляет все трактаты и соглашения, заключенные бывшим царским правительством с Персией и приводившие к умалению прав персидского народа, отмененными и потерявшими всяческую силу»^[174].

По этому договору советское правительство аннулировало все русско-персидские и другие договоры, заключенные царским правительством с третьими державами в ущерб интересам Персии.

Советское правительство заявило о своем отказе от участия в каких-либо мероприятиях и соглашениях, «приводивших к ослаблению и нарушению суверенитета» Персии, а также добровольно отказалось в пользу Персии от островов Ашур-Аде и других, расположенных в Каспийском море у персидского побережья.

Статья 8 договора гласила, что советское правительство отказывается «от всяческих прав на займы, предоставленные Персии царским правительством». К 1917 г. сумма этих займов (не считая процентов) составляла 65,5 млн. рублей золотом.

Советское правительство безвозмездно передавало Персии право на владение шоссейными дорогами Энзели—Тегеран и Казвин — Хамадан, а также на все относящиеся к этим дорогам земли, постройки и инвентарь. Железнодорожные линии Джульфа — Тебриз и Софьян — Урмийское озеро со всеми постройками и имуществом также передавали персам безвозмездно.

Отдавались и все выстроенные царским правительством телефонные и телеграфные линии, порт Энзели с товарными складами, электростанцией и другими инфраструктурами, а также пристани, товарные склады,

пароходы, баржи на Урмийском озере.

Договор отменял режим капитуляций, которым пользовалась Россия с 30-х гг. XIX века.

Статья 11 договора разрешала персидскому правительству держать флот на Каспийском море. Персия получала право транзитной торговли через советскую территорию. Такое же право предоставлялось и советскому правительству. Обе стороны предоставляли при этом друг другу права «наиболее благоприятствуемой нации». Но право транзита предоставлялось только в одном направлении через территорию договаривающихся стран в третьи, но не обратно.

Договор предусматривал вывод из Персии британских и азербайджанских войск. Ну а о Красной Армии не говорилось ни слова, ее, мол, в Персии и не было. Воевали, мол, в Иранском Азербайджане азербайджанцы.

А статьей 5 Персия и РСФСР лишались права допускать на своей территории образование или пребывание организаций, групп или отдельных лиц, ставивших своей целью вооруженную борьбу против другой стороны.

Учитывая попытку Англии использовать персидскую территорию как плацдарм для нападения на РСФСР и союзные ей республики, в договор была включена статья 6, в которой говорилось, что в случае использования третьими державами персидской территории в качестве базы для вооруженного нападения на РСФСР и союзные ей государства, если Персия «после предупреждения со стороны Российского Советского правительства не окажется в силе отвратить эту опасность, Российское Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые меры». По устранению же этой опасности советские войска подлежали немедленному выводу за пределы персидской территории.

В конце апреля 1921 г. в советских частях появился приказ об эвакуации из Персии, который вскоре был отменен. А 7 мая прибыл приказ Главкома 11-й армии Геккера о расформировании Персидской Красной Армии и о создании взамен нее пограничной стрелковой бригады под командованием комбрига Гикало. Возможно, статус «пограничный» давал возможность исключить это соединение из числа войск, подлежащих эвакуации.

17 мая 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б) при участии Ленина, Сталина, Молотова заслушало «предложение Орджоникидзе о Персии» и назначило комиссию в составе С. Каменева, Орджоникидзе и Чичерина, «поручив ей

сегодня же вечером разработать с политической, дипломатической и стратегической точки зрения вопрос о возможности немедленного вывода войск из Энзели и Решта и реальной гарантии того, чтобы англичане не могли занять этих пунктов»^[175].

Следует заметить, что, несмотря на заявления советского правительства о добровольном отказе от всех привилегий царской России в Персии, Чичерин и Карахан в ходе переговоров в Москве упорно добивались сохранения за РСФСР на севере Персии нефтяной и рыбной концессий. До 1917 г. они принадлежали частному русскому капиталу.

Удалось сохранить только рыболовную концессию, и на ее базе в 1927 г. возникло совместное производственно-коммерческое объединение «Иранрыба», национализированное иранским правительством в 1953 г.

А между тем в июне 1921 г. войска Персидской Красной Армии предприняли отчаянную попытку захватить Тегеран. К 20 июля отряд под командованием Эхсануллы занял Делир и горные высоты, откуда открывался путь на Тегеранскую равнину и Тегеран. До персидской столицы оставалось всего 60 км.

Однако двухтысячный отряд казаков атаковал следовавшие за Эхсануллы отряды Елисеева и Смирнова и принудил их к отступлению. Испугавшись попасть в окружение, Эхсануллы 24 июля бежал в Лахиджану.

Гилянская республика проагонизировала еще несколько недель и в начале ноября 1921 г. окончательно прекратила свое существование.

Глава 22

НОВАЯ ДИНАСТИЯ

В предыдущей главе мы говорили о ситуации на севере и северо-западе Персии. А что же происходило в Тегеране?

В ночь на 21 февраля 1921 г. полковник Реза-хан, командующий персидской казачьей дивизией, поднял по тревоге 2500 всадников и двинулся на Тегеран. Рядом с ним были полковник Смит и ряд других британских офицеров. Мятежники без сопротивления вступили в столицу и арестовали правительство.

Стоит сказать несколько слов о руководителе путчистов. Реза-хан родился в марте 1878 г. в Савадкухе (Мазандаран) в семье помещиков и потомственных военных. В 1891 г., в тринадцатилетнем возрасте, он начал службу в казачьей бригаде.

Под нажимом Реза-хана Ахмед-шах был вынужден назначить премьер-министром одного из активных участников переворота — Сендом Зия. Поначалу Реза-хан даже не был включен в правительство, но стал полновластным диктатором в стране. Разгром Гилянской республики и эвакуацию английских войск персидская пресса приписывала именно Реза. Росту популярности Реза-хана также способствовал уход из персидской казачьей дивизии английских военных инструкторов и ликвидация корпуса «южноперсидских стрелков».

Летом 1923 г. Реза-хан разгромил курдские войска Исмаила ага Симко. С 1917 г. Исмаил контролировал большую территорию от Шахинкале, а на юге — до Сакказе. Симко пришлось бежать в соседний Ирак.

В 1922 г. Реза-хан посоветовал Ахмед-шаху отправиться в Европу. Теперь шахиншах формально правил страной из Парижа.

Зато в октябре 1923 г. Реза-хан стал премьер-министром. 31 октября 1925 г. в отсутствие Ахмеда меджлис утвердил законопроект о низложении династии Каджаров. Из 85 депутатов только 5 проголосовали против. Наследник престола Мохаммед Хасан-Мирза был арестован и выслан из страны. Выборы в Учредительное собрание прошли при непосредственном участии военных властей и полиции, и 6 декабря 1925 г. Учредительное собрание приступило к работе, завершившейся 12 декабря. Из 300 членов 257 проголосовали за избрание Реза-хана наследным шахом Персии. Против было всего 3 голоса.

Коронация состоялась 15 апреля 1926 г. Во время церемонии Реза-шах, подобно Наполеону, выхватил корону из рук высокого духовного чина и сам надел ее себе на голову. Затем премьер Форруги произнес речь о славном прошлом Персии, делая упор на сасанидский (доисламский) период, и сравнил Резус теми персидскими шахами, которые после периодов упадка возрождали нацию. Он сказал: «Ваше величество, персидский народ понимает, что сегодня на престол взошел шах, принадлежащий к чистой персидской расе... и под его руководством Персия вновь станет прочным и сильным государством».

Реза-шах принял фамилию Пехлеви и, соответственно, стал основателем династии Пехлеви. В честь него город Энзели в 1925 г. был переименован в Пехлеви, а старое название возвратили ему в 1980 г. Новый шах не ограничился переименованием городов и в 1935 г. изменил название страны. Теперь Персия стала называться Ираном. Иран означает — страна Ариев.

В 1922 г. Реза приступил к созданию единой армии. Вся Персия была разделена на шесть округов, в каждом из которых началось формирование отдельной дивизии. Чтобы офицеры и солдаты гарантированно получали жалованье, Реза забронировал за армией некоторые государственные доходы. В начале 1922 г. в его ведение перешло управление косвенными налогами, которые собирали командиры вновь образованных дивизий.

Новый шах приступил к «индустриализации» Ирана. По его приказу в 1928—1938 гг. была построена железная дорога протяженностью 1394 км, соединившая порт Бендер-Шах на Каспийском море с портом Бендер-Шахпур в Персидском заливе. Это было сложное инженерное сооружение, включавшее 4100 мостов и 224 туннеля, причем общая протяженность туннелей достигала 86 км.

Затем Реза-шах приступил к строительству дорог, соединявших Тегеран с Тебризом и Мешхедом. Одновременно строились и шоссейные дороги, общая протяженность которых составила 20 тыс. км.

В 1928 г. электричество имелось только в пяти иранских городах — Тегеране, Бушире, Тебризе, Реште и Пехлеви (Энзели). К 1931 г. были введены в строй еще 19 электростанций.

В 1925 г. был основан Национальный банк, который посредством кредитов и займов частному сектору оказал большое содействие строительству промышленных предприятий, большинство из которых начали выпуск продукции в 1930-х гг. Главными предприятиями были сахарные и цементные заводы, текстильные фабрики по производству хлопчатобумажных и шерстяных тканей, спичечные, кожевенно-дубильные

фабрики. Замечу, что в 1930-е гг. более половины иранского экспорта составляли сахар, текстиль, чай и цемент. Самой важной отраслью в стране была текстильная. В 1931 — 1938 гг. в Иране открылось не менее 29 крупных текстильных фабрик, как государственных, так и частных. С 1931 по 1940 г. количество промышленных компаний возросло с 38 до 469.

В 1938 г. представители иранского правительства и германский консорциум «Крупп» подписали соглашение о строительстве в районе Кереджа двух доменных печей производительностью 150 тонн чугуна в год.

В 1941 г. от 10 до 20 процентов ВВП страны формировалось в промышленном секторе. В 1940 г. из 4,9 млн. самодеятельного населения 3,75 млн. человек были заняты в сельском хозяйстве, а 1,2 млн. человек — в промышленности.

«В начале 30-х годов Иран официально поднял вопрос об "исконных" иранских территориях в зоне Персидского залива. В нотах от 19 и 22 сентября 1932 г. иранское правительство заявило, что оно не признает британского протектората над Бахрейнскими островами и требует полной эвакуации английских войск из Хенджана. Одновременно Иран выдвинул территориальные притязания на острова Малый и Большой Томб, а также на остров Абу-Муса. Хотя под давлением Великобритании Иран 25 апреля 1929 г. признал Ирак, вопрос о южных границах между этими странами к началу 30-х годов приобрел конфликтный характер»^[176].

Реза-шах жестоко преследовал коммунистов, но его отношение к СССР можно назвать вполне терпимым.

27 октября 1931 г. в Тегеране была подписана Конвенция между СССР и Персией о поселении, торговле и мореплавании. В этом документе было установлено, что «на всем протяжении Каспийского моря могут находиться только суда, принадлежащие СССР или Персии»^[177], что делало невозможным регистрацию Персией судов третьих стран.

27 августа 1935 г. был заключен еще один договор, по которому каждая из сторон соглашалась сохранять за своим собственным флагом рыболовство в своих территориальных водах в пределах 10 миль от берега. Таким образом устанавливался контроль за иранскими судами, приближавшимися к советским берегам.

В ноябре 1934 г. НКВД направил в Наркомат иностранных дел письмо, в котором предлагал считать за государственную фаницу на Каспийском море линию, идущую по прямой от селения Гасан-Кули на восточном берегу до селения Астара-чай на западном берегу. Однако предложение это не нашло поддержки, и в ответном письме от 25 декабря того же года

министр иностранных дел высказал мнение, что можно в порядке внутренней и не подлежащей распространению инструкции рассматривать упомянутую линию как отделяющую советские воды от персидских.

В результате 9 января 1935 г. НКВД издал приказ, предписывавший при организации службы судов погранохраны на Каспии исходить из того, что северная его часть, ограниченная с юга линией, соединяющей пункты выхода на побережье сухопутной границы в районе селений Астара и Гасан-Кули, является советской. Задержание персидских судов в пределах советской части Каспия в случае совершения ими каких-либо правонарушений разрешалось производить только в пределах 12-мильной прибрежной зоны. Приказом запрещалось чинить препятствия персидским судам, занимавшимся рыболовством в советской части моря за пределами 10-мильной зоны.

Если морскую границу на Каспии можно назвать сравнительно спокойной, то на сухопутной границе между Азербайджанской ССР и Ираном конфликты возникали постоянно. Вот, например, выдержки из сводок погранохраны Закавказского ГПУ за май 1926 г.:

«В ночь на 19 мая сего года персидской бандой из персидского селения Ван на участке заставы Арусс произведен налет на пастухов из селения Миримою. Банда, произведя до 20 выстрелов и забрав 40 голов баранов, перегнала их на территорию Персии между селениями Мимор и Шаня. На крик пастухов прибежали жители, коими банда преследовалась, но безрезультатно. Об угоне баранов и налете составлен акт и передан персидскому пограничному командованию для принятия мер...

1 мая сего года персидской бандой из персидского селения Карабулаг произведен обстрел наших пограничников, следовавших с заставы Шишновар на заставу Овча. Пограничники вступили в перестрелку с бандой, в результате чего был ранен один бандит Магомет-ага Мир-Оглы из сел. Карагая.

3 мая сего года на участке заставы Шишновар наши пограничники были обстреляны неустановленной бандой. Выехавшие на тревогу разъезды пограничников в районе места обстрела никого не обнаружили»^[178].

А вот выдержки из доклада погранохраны Закавказского округа за 1936 г.: «В Иране, главным образом в сопредельных с Азербайджанской ССР провинциях, сосредоточена азербайджанская эмиграция. Это бакинская буржуазия, торговцы, кулаки, беки, ханы и прочие антисоветские элементы, составляющие подавляющее большинство всей эмиграции в Иране. Руководящей политической организацией являются мусаватисты,

центральные комитеты которых существуют в Тегеране и Тевризе. Организации имеются в пограничных городах Маку, Хое, Маранде, Агаре, Ардебиле, Реште и Пехлеви и ячейки — в различных пунктах погранполосы. Они ведут активную работу по созданию мусаватистских ячеек...

В сопредельных с Азербайджанской ССР провинциях Ирана находится по 500 чел. кадровых бандитов, часть из которых — 167 чел. — объединены в 19 бандитских групп, а остальные распылены по разным тыловым населенным пунктам Ирана (некоторые занимаются сельским хозяйством, работают и торгуют в Тевризе, Ардебиле и Агаре, работают на постройке Трансиранской железной дороги, часть находится на поселении в местности Сулдуз, что южнее Тавриза)...

Имеется значительное количество в Иране белой эмиграции, происходящей главным образом из Баку и русских селений Муганской степи. В русских селах в Муганской степи создаются фашистские формирования, связанные с муганской эмиграцией в Иране.

В Ардебильском и Хиовском округах Иранского Азербайджана расположены шахсевенские кочевые племена численностью до 45 000 чел., которые в любое время при осложнении обстановки могут быть использованы для крупной диверсионной и бандитской деятельности на нашей территории. Шахсевенцы могут в короткий срок выставить 5000—6000 конных бойцов... В зимние месяцы, когда шахсевенцы со скотом находятся в погранполосе Ирана, они совершают нарушения границы, занимаясь контрабандной деятельностью, бандитизмом (угон скота) и т.п.

Пограничными частями округа в 1936 г. ликвидировано 18 бандитских групп численностью 113 чел., произведено 509 задержаний контрабанды на общую сумму 962 993 руб.»^[179].

Негативным моментом в советско-персидских отношениях стали прогерманские симпатии Реза-шаха. «Реза-шаху и его близкому окружению импонировало провозглашенное фашистскими идеологами псевдонаучное учение о превосходстве арийцев над другими расами. Целый ряд националистически и монархически настроенных публицистов, историков и филологов в этот период прилагали большие усилия с тем чтобы соотнести идейные основы арийской теории германского фашизма с интерпретацией истории доисламских иранских монархий. Особенно царства Ахеменидов и Сасанидов. Характерно, что эта тенденция после образования первого Тегеранского университета значительно усилилась»^[180].

Открытие первого университета в Иране в 1934 г. стало важным культурным событием в истории государства. В первые годы своей деятельности в университете важная роль отводилась преподаванию и изучению истории и филологии древней и средневековой Персии.

Главной задачей иранских ученых стало создание «иранской научной идеи». Они рассматривали древних персов как «чистых арийцев», при этом игнорируя или отрицательно характеризуя последующие этно-расовые изменения в составе населения страны. На основе этого иранские ученые выдвинули идею о необходимости восстановления единого языкового и культурного пространства по всей стране.

Реза-шаху и его ближайшим соратникам подобная концепция была по душе. Для унификации общественно-культурного разнообразия страны и возрождения монархического единовластия они сделали идею персидского шовинизма и паниранизма главным постулатом государственной идеологии. В соответствии с этой идеологией вся литература и пресса должны были печататься только на персидском языке. Постепенно закрывались учебные заведения, в которых преподавание велось на других языках страны.

В 1936 г. рейхскабинет выпустил специальное разъяснение, что персы являются чистокровными арийцами, и на них не распространяется действие Нюрнбергских законов^[181].

Здание Национального банка в Тегеране было спроектировано германским архитектором в неоперсеполисском стиле, стены же железнодорожного вокзала украсили узоры из свастики. Свастика была принята в качестве символа НСДАП (Национал-социалистическая партия Германии), что нацисты трактовали как признак духовного родства между «арийцами севера» и «нацией Зороастры», как общность интересов Ирана и Германии. В 1938 г. в Иране была издана брошюра «Раса и язык». Ее автор утверждал, что «все ученые, изучавшие вопрос о первоначальной родине арийцев, единогласны в том, что среди арийцев именно иранцы составили группу, больше всех создавшую государственность в стране, называемую Ираном».

Среди молодежи и военных массовое распространение получили идеи о «священной миссии по освобождению 17 пленных городов». Под «пленными городами» подразумевались грузинские, азербайджанские и армянские города, входившие в XV—XIX веках в состав Персидской империи.

В декабре 1937 г. в Иран прибыл руководитель «Гитлерюгенда» Бальдур фон Ширах. Об этом событии писали все иранские газеты,

помещая на первых полосах хвалебные статьи о лидере германской фашистской молодежи. Для Бальдура фон Шираха в присутствии министра просвещения Ирана провели торжественные смотры иранских бойскаутов, школьников и студентов. Иранская молодежь даже промаршировала перед Ширахом с нацистским приветствием. Затем германского гостя повезли в местность Манзарие, где он осмотрел сборы иранских бойскаутов, после чего состоялся банкет.

За время своего пребывания в Иране Ширах встречался в неофициальной обстановке с членами иранского правительства, а также был принят самим шахом. В день отъезда Шираха из Ирана центральные газеты опубликовали статьи под заголовком «Запад и Восток», в которых говорилось, что «Запад нуждается в возрождении по образцу современного Ирана, а Восток нуждается в Западе и что олицетворением Запада является имперская Германия, а Иран — это колыбель арийской расы, соответственно Германии»^[182].

Важным элементом прогерманской пропаганды в Иране стал журнал «Иран-е Бастан» («Древний Иран»), издававшийся еженедельно в 1933—1937 гг. В нем в основном публиковались статьи о политической и военной жизни Германии, о достигнутых национал-социалистами успехах. Главное место отводилось рекламе продукции фирмы «Сименс», на средства которой официально и издавался еженедельник. В статьях журнала раздавались требования отдавать предпочтения иранцам в «национальных и торговых делах», а также говорилось о необходимости «очистить иранскую почву от марксистских идей и чужеродных элементов». Всему населению Ирана предлагалось приветствовать друг друга словами «Зенде бад шах» («Да здравствует шах») — вспомним германское приветствие «Хайль Гитлер».

В начале 1939 г. с помощью специалистов и оборудования немецкой фирмы «Телефункен» в Тегеране была построена и начала трансляции радиостанция. Немецкая фирма АЭГ в Иран поставляла радиоаппаратуру, а иранское министерство почты и телеграфа закупило в Германии громкоговорители. Все это дало повод Гитлеру именовать шаха «нашим восточным союзником».

Глава 23

АНГЛО-СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ ИРАНА

4 сентября 1939 г. правительство Реза-шаха объявило о нейтралитете Ирана в новой мировой войне. Причем это заявление полностью соответствовало действительности — шах действительно колебался в выборе союзников. Значительная часть чиновников и офицеров были настроены прогермански. Шах испугался за свою власть и нанес по этой группировке превентивный удар.

В ноябре 1939 г. были арестованы несколько десятков военных и гражданских лиц, подозреваемых в попытке организации государственного переворота. Среди арестованных были курсанты офицерского училища, один выпускник юридического факультета, несколько общественно-политических деятелей. Многие из них имели связи с немцами еще со времен Первой мировой войны. Иранский суд обвинил прогерманские элементы в попытке осуществить действия, направленные против безопасности страны, и в организации антимонархического заговора. Главные обвинения предъявлялись Мохсену Джахансузу. Он перевел на персидский язык книгу Гитлера «Майн кампф» и выпустил ее под другим названием. Суд приговорил Джахансуза к расстрелу, и 23 февраля 1940 г. приговор был приведен в исполнение. Остальные обвиняемые получили различные сроки тюремного заключения, но впоследствии многие из них были амнистированы.

Германское правительство предпринимало определенные усилия для создания в Иране своей «пятой колонны». Так, 20 ноября 1939 г. мощные радиостанции в Берлине начали передачи на персидском языке. Руководил персидским отделом министерства пропаганды эмигрант Бахрам Шахрох, сын видного иранского политического деятеля, члена парламента от парсов Арбаба Кейхосрова Шахрохи. В Иран были направлены несколько десятков агентов абвера. Тем не менее вероятность того, что Иран вступит в войну на стороне стран оси, была близка к нулю.

В мае 1941 г. англичане ввели войска в Ирак и Сирию. Теперь у британских войск, дислоцированных от Египта до Бирмы, разрыв был лишь в Иране.

Нападение Гитлера на СССР дало Англии лишний повод для

оккупации Ирана, несмотря на то что 26 июня иранский посол в Москве еще раз заявил о нейтралитете своей страны.

19 июля 1941 г. британское и советское правительства приступили к обсуждению деталей вторжения в Иран. Для дипломатического прикрытия вторжения Великобритания и СССР предприняли ряд совместных дипломатических демаршей 19 июля и 16 августа, потребовав «высылки немцев из Ирана», которых к августу 1941 г. насчитывалось, по советским данным, до 5 тысяч человек. В ответ на эти дипломатические ноты иранское посольство в Москве направило в Наркомат иностранных дел ноту, в которой содержались сведения о количественном составе иностранцев в Иране. Данные были опубликованы в иранской официальной прессе (газета «Эттелат») и сводились к следующему: англичан — 2590; граждан СССР — 390; немцев — 690; итальянцев — 310; швейцарцев — 70; греков — 260; югославы — 140; чехов — 140.

Весьма любопытны докладные записки и донесения заместителя начальника войск НКВД генерал-майора А.Н. Аполлонова:

«25 июля 1941 г.

По данным Азербайджанского пограничного округа, местными иранскими властями были вызваны в г. Ардабиль главари шахсевенских племен для переговоров по вопросу об организации вооруженных отрядов из шахсевен в отношении пользования пастбищами в погранполосе.

Шахсевены, в прошлом занимавшиеся бандитизмом на советской территории, берутся на учет; от них отбираются подписки о явке по первому требованию властей...

3 августа 1941 г.

По поступившим из пограничных с Ираном округов донесениям, накопление иранских войск у наших границ продолжается... Иранское правительство усиливает охрану границы полевыми войсками, личный состав подразделений жандармерии увеличен в два раза. На границу стягиваются полевые части...

Охрана границы с Советским Союзом передается полевым войскам...

22 августа 1941 г.

По поступившим данным, в Иране с 15 августа сего года проводится всеобщая мобилизация... В первых числах августа сего года через территорию Турции, по маршруту Диарбекир —

Битлис — Ван — Башкале, на закрытых грузовиках в Иран перебрасывались немецкие вооруженные группы»^[183].

Насчет грузовиков с «немецкими вооруженными группами» — это явная деза, но деза наших разведчиков. Сам Аполлонов вряд ли рискнул бы подсовывать такое вранье Лаврентию Павловичу. Ну а в остальном эти сообщения весьма близки к истине.

Согласно послевоенным источникам, в иранских вооруженных силах с 19 августа 1941 г. отменялись все отпуска для военнослужащих, в СМИ появился целый ряд патриотических выступлений уважаемых людей, призывавших «спасать Отечество». Произошла мобилизация 30 тысяч резервистов, и численность армии достигла 200 тысяч человек, а 23 августа было заявлено о высылке всех немцев из страны.

И действительно, всех немцев за один день вывезли на автобусах в Турцию. Однако присутствие немцев было лишь поводом для нападения. 25 августа 1941 г. премьер-министр Али-Мансуру получил от советского и английского руководства ноты, в которых говорилось, что германские спецслужбы затевают на территории Ирана смуту и беспорядки, а местная власть их в этом поощряет, и союзники вынуждены принять превентивные меры. СССР ссылаясь на договор 1921 г. и подчеркивал о полной исключительности немецкой опасности, вопрос территориальной целостности Ирана даже не затрагивался. В эту же ночь началось вторжение.

Согласно директиве Ставки Верховного главнокомандования Красной Армии № 001197 от 23 августа 1941 г., «...в целях обеспечения Закавказья от диверсий со стороны немцев, работающих под покровительством Иранского правительства, а также для того, чтобы предупредить вылазки иранских войск против наших границ, на основании статьи 6 Советско-иранского договора 1921 года... правительство постановило ввести войска на территорию Ирана»^[184]. При этом предполагалось развертывание Закавказского фронта за счет формирований Закавказского военного округа (ЗакВО). Командующим фронтом назначается командующий войсками ЗакВО генерал-лейтенант Д.Т. Козлов.

В составе Закавказского фронта на иранском направлении находились: 47-я армия в составе 76-й и 63-й горнострелковых дивизий; 236-й стрелковой дивизии; 6-й и 54-й танковых дивизий; 1-й и 23-й (без одного полка) кавалерийских дивизий; 116-го гаубичного артиллерийского полка; 456-го корпусного артиллерийского полка. 47-я армия была развернута в районе Тазакенд, Шахтахты, Чапаевка, Нахичевань. Штаб армии находился

в Нахичевани. Общая численность боевых частей армии составляла 37 498 солдат и офицеров. Командующим армии был назначен генерал-майор В.В. Новиков.

44-я армия в составе 20-й и 77-й горнострелковых дивизий; 17-й кавдивизии; 24-го танкового полка; 36-го и 265-го истребительно-авиационных полков; Каспийской военной флотилии. Район развертывания 44-й армии — Перембель, Нижний Гядук, советская Астара, Ленкорань. Штаб армии размещался в Ленкорани. Общая численность боевых частей армии составляла 30 474 солдат и офицеров (без Каспийской военной флотилии). Командующим армии был назначен генерал-майор А.А. Халдеев.

Кроме того, в распоряжении фронта находились еще две общевойсковые армии: 45-я численностью 54 853 человек и 46-я численностью 56 492. Их задачей являлось прикрытие границы с Турцией.

Аналогичные мероприятия были проведены и на среднеазиатской границе между СССР и Ираном. Там на базе войск Среднеазиатского военного округа (САВО) в августе 1941 г. была сформирована 53-я Отдельная армия под командованием генерал-майора С.Г. Трофименко. Видимо, армия эта была сформирована исключительно для Иранского похода, поскольку уже 16 ноября 1941 г. ее расформировали.

С 22 июня по 24 августа части 44-й и 47-й армии совершили тщательно замаскированный марш-бросок и к вечеру 24 августа заняли исходные позиции вдоль северной границы Ирана. На рассвете 25 августа 44-й и 45-й погранотряды начали выполнение боевой задачи по захвату иранских пограничных застав. К 6 часам утра связь между иранскими погранзаставами была нарушена, что и обеспечило успешное продвижение основных частей 44-й и 47-й армий вглубь Ирана.

Главный удар наносила 47-я армия, в общем направлении Джульфа, Тебриз (Тавриз) в обход Дарагизского ущелья с запада. 6-я танковая и 1-я кавалерийская дивизии выдвинулись в направлении Нахичевань, Хой. 76-я горнострелковая, 236-я стрелковая, 54-я танковая и 23-я кавалерийская (без одного полка) дивизии наносили удар в направлении Джульфа, а 63-я горнострелковая дивизия и 13-й мотоциклетный полк — в направлении Шахтагты, Мако, Дильман.

Одновременно с началом военной операции по овладению северной частью Ирана советский посол А.А. Смирнов вместе с английским послом вручили иранскому правительству ноту, содержащую причины, побудившие СССР ввести свои войска. Для этого послы явились с визитом домой к иранскому министру иностранных дел.

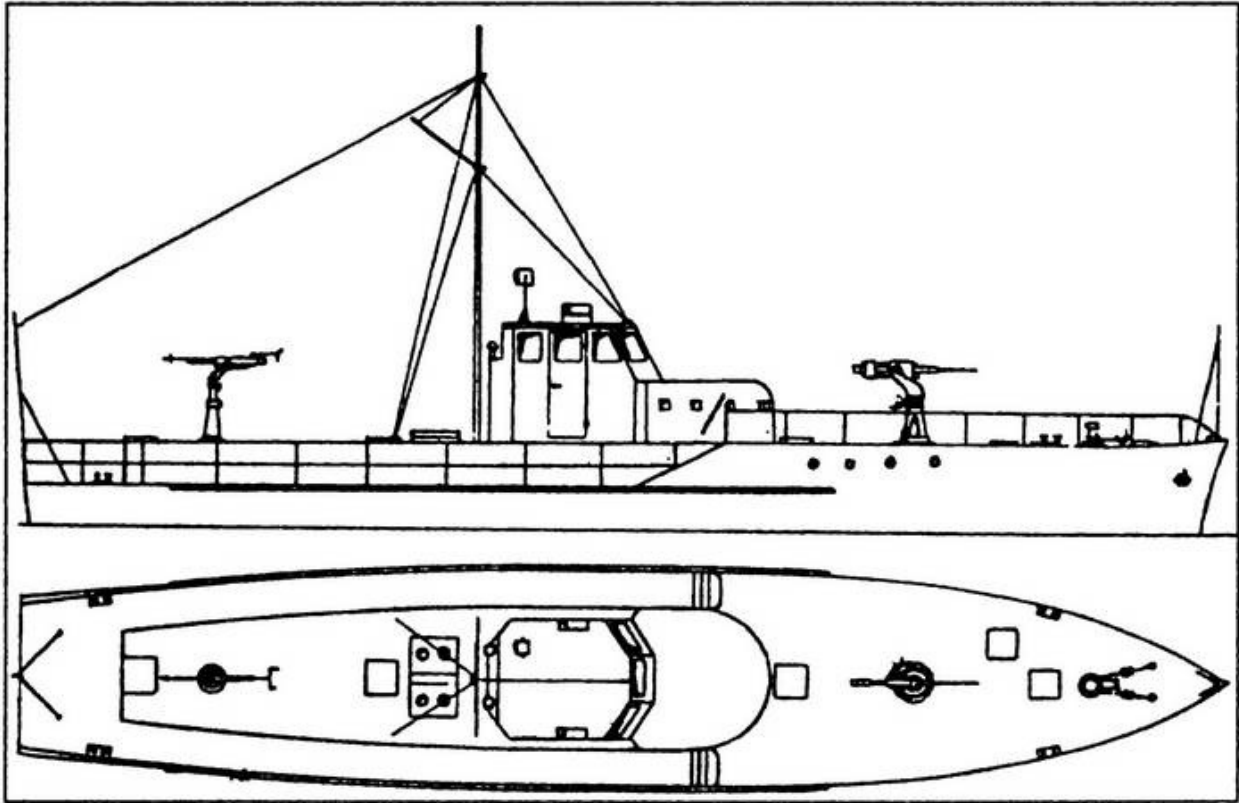
22 августа 1941 г. парходства «Каспфлот» и «Касптанкер» получили приказание собрать в Бакинском порту отряд судов, вооруженных зенитными орудиями и пулеметами и подготовленных к перевозке войск. Среди них были пассажирский теплоход-экспресс «Дагестан», сухогрузные суда «Куйбышев», «Осетин», «Баксовет», «Спартак», танкер «Коминтерн». Утром 24 августа началась погрузка личного состава и техники 105-го горнострелкового полка и 563-го артиллерийского дивизиона, а также походного госпиталя. Операцию возглавлял командующий флотилией контр-адмирал Ф.С. Седельников.

На рассвете 25 августа суда с десантом вышли в море. Их конвоировали канонерские лодки и катера. У острова Куринский камень (устье реки Куры) капитаны вскрыли пакеты, где указывались пункты назначения каждого судна.

Уже недалеко от берега, в районе Хеви, над судами неожиданно появился самолет, который, сделав круг, скрылся в горах. Выгрузку пришлось вести в почти необорудованных для этого местах в районе Астары. Было высажено 2500 человек. Однако из-за свежей погоды артиллерийские орудия пришлось оставить на судах (их позже вернули в Баку).

Обстрел с берега, судя по всему, из винтовок, был подавлен тремя залпами орудий канонерских лодок. С.Ф. Эдлинский писал: «Утром 25 августа над берегом появились 12 юнкерсов, и сразу же все суда открыли по ним огонь. Беспорядочно сброшенные с большой высоты бомбы не попали в цель»^[185]. Но это, надо полагать, «охотничьи рассказы».

В порту Пехлеви нашими войсками был захвачен весь иранский «флот» — яхта шаха и три сторожевых катера. Следует заметить, что катера «Дехноу», «Махсус» и «Шахсевар» оказались в хорошем состоянии — их построили в 1935 г. Катера были перевооружены советскими орудиями (они получили по одной 45-мм пушке 21К и по одному 12,7-мм пулемету ДШК) и включены в состав Каспийской флотилии под названиями СКА № 200, СКА № 201 и СКА № 202.

Сторожевой катер № 200 (бывший иранский, до 23.09.1941 г. «Дехноу»)

В воздухе господствовала советская авиация. Непосредственно в операции по овладению северным Ираном принимало участие 522 самолета, из которых истребителей — 225, ближних бомбардировщиков и разведчиков — 90, дальних бомбардировщиков — 207.

Председатель иранского парламента заявил, что ВВС РККА бомбили Тебриз, Мешхед, Ардебиль, Решт, Бендер-Пехлеви и другие города. очевидцы рассказывали о бомбежке летних лагерей тегеранской военной академии в пригороде Тегерана Лараке. Однако советские источники утверждают, что вся боевая работа авиации свелась к ведению разведки и разбрасыванию листовок. Что же касается англичан, то они подтвердили, что бомбили иранские части, аэродромы и даже населенные пункты.

В результате к вечеру 26 августа части Закавказского фронта полностью выполнили поставленные задачи, выйдя на линию Хой — Табриз — Ардебиль. Боеспособность иранских войск оказалась крайне низкой: началась поголовная сдача в плен, планы призыва резервистов

были сорваны, поскольку не удалось провести мобилизацию автотранспорта. 26 августа в районах Тебриза и Меку вспыхнули очаги сопротивления, которые были подавлены передовыми отрядами Красной Армии. В этот день 24-я кавдивизия, совершив 70-километровый марш-бросок, к вечеру овладела городом Агарью, а на следующий день из Средней Азии в Иран двинулась 53-я отдельная армия. Это совершенно нарушило планы иранского командования наладить хоть сколько-нибудь скоординированную оборону, так как ряд иранских частей оказывали разрозненное сопротивление.

53-я армия была разделена на три группировки: на западном направлении действовал 58-й стрелковый корпус генерала М.Ф. Григоровича; по центру — 8-я горнострелковая дивизия полковника Лучинского; восточная группа состояла из 4-го кавалерийского корпуса двухдивизионного состава под командованием генерала Шапкина. У иранцев на этом направлении были 9-я и 10-я пехотные дивизии, которые занимали очень выгодные рубежи обороны в высокогорных районах Мешхеда и Горгана, где высота над уровнем моря местами достигала 2000 м. Однако 10-я дивизия просто разбежалась, а 9-я попыталась оказать сопротивление, но не смогла себя проявить полностью, поскольку именно в этот день в Тегеране произошла смена кабинета министров, и новый премьер Али-Форуги первым делом отдал приказ о прекращении сопротивления, а на следующий день этот приказ одобрила верхняя палата (меджлис) парламента.

25 августа, то есть одновременно с частями Красной Армии, в Иран вторглись британские войска.

За несколько дней до этого в Басре была сосредоточена британская оперативная группировка IRAQFORCE (в составе 8-й и 10-й индийских пехотных дивизий, 2-й индийской танковой, 4-й британской кавалерийской и 21-й индийской пехотной бригад) под командованием генерал-лейтенанта сэра Эдварда Куинана.

На рассвете 25 августа 1941 г. английская канонерская лодка «Шорхэм» атаковала гавань Абадана. Иранское патрульное судно береговой охраны «Пеленг» («Тигр») было сразу же потоплено, остальные мелкие патрульные суда отошли вглубь гавани с повреждениями или выбросили белый флаг.

Гавань Абадана не была укреплена, и два батальона 24-й пехотной бригады 8-й индийской пехотной дивизии форсировали под прикрытием британской авиации пролив Шатт эль-Араб и, не встретив сопротивления, заняли нефтеперерабатывающий завод и ключевые узлы коммуникаций. В

Бэндер-Шапуре транспорт «Канимбла» высадил десант для обеспечения безопасности нефтяного терминала и инфраструктуры порта. Вместе с этим из Индии началось продвижение британских войск вглубь иранской территории в Белуджистане.

Далее англичане двигались двумя колоннами: первая — из Басры на Абадан и нефтяные промыслы в районе Ахваза; вторая — из Багдада на нефтяные промыслы в районе Зенекена и далее на север.

29 августа в районе Сенендедж английские передовые части вошли в соприкосновение с советскими войсками. 31 августа другая группировка англичан встретила с советскими частями в нескольких километрах южнее Казвина.

29 августа иранские вооруженные силы капитулировали перед англичанами, а 30 августа — перед Красной Армией. Советские части к этому времени вышли на линию Мехабад — Казвин, а 53-я армия САВО вышла на рубеж Сари — Дамган — Сабзевар и продвинулась за Мешхед. Англичане взяли под свой контроль Хузестан, заняли Керманшах и Хамадан, а также продвинулись к Сенендеджу и в порты Персидского залива.

Однако Реза шах решил оборонять Тегеран до последнего, и к городу были стянуты еще не разложившиеся части. Поэтому союзники решили пойти на незначительные уступки. 8 сентября было подписано соглашение, которое определило расположение союзнических войск на территории Ирана.

Так, район радиусом в 100 км вокруг иранской столицы не подлежал занятию союзными войсками. Тегеран же высылал из страны всех граждан Германии и ее союзников, обязался не препятствовать и оказывать содействие транзиту военных грузов из Англии в Россию, придерживаться строгого нейтралитета и воздерживаться от шагов, могущих повредить делу борьбы с фашизмом. Соглашение вступило в силу с 9 сентября 1941 г.

В ходе вторжения в Иран с 25 по 30 августа 1941 г. советские войска потеряли около 50 человек убитыми, свыше 100 человек ранеными и контужеными, около 4 тысяч человек было эвакуировано по болезни, хотя перед началом операции и применялись меры санитарной защиты. С иранской стороны точных сведений о безвозвратных потерях нет, а в плен попало свыше 7 тысяч солдат и офицеров, в том числе и один генерал. Кроме того, было захвачено значительное количество трофейного оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия, промышленных товаров и сырья.

Соответственно, англичане при вводе войск в Иран потеряли в боях 22

человека убитыми и 42 ранеными.

В связи с ухудшением положения Красной Армии на фронте в октябре 1941 г. из Ирана были выведены все советские авиационные части, а еще через несколько недель — части 44-й и 47-й армий.

12 сентября 1941 г. посол Великобритании в Москве Крипе предложил Молотову заменить шаха в Иране. Поздно вечером того же дня Молотов доложил о разговоре с послом Сталину. Генсек согласился с британской кандидатурой — Мухаммадом Реза.

16 сентября 1941 г. Реза Пехлеви отрекся от престола в пользу своего сына Мухаммад Резы, ставшего новым шахом Ирана. Через 11 дней бывший шах покинул Иран.

Уезжая, он сказал сыну и наследнику Мухаммаду Реза-шаху: «Народ всегда знал меня как самостоятельного шахиншаха, хозяина своей воли, сильного, стоящего на страже интересов своих и страны, и именно из-за этой репутации, доверия и уважения народа ко мне я не могу быть номинальным падишахом захваченной страны и получать указания из рук русского или английского младшего офицера»^[186].

Реза-шах на британском корабле был доставлен на остров Маврикий. Весной 1942 г., уже будучи тяжело больным, он переехал в Южную Африку, в Йоханнесбург, где и умер в июле 1944 г.

Биография нового и последнего шаха Ирана кардинально отличается от биографии его отца. Мухаммад Реза-шах родился в Тегеране в 1919 г. В 8 лет мальчика отдали в начальную военную школу, где он жил на казарменном положении. После окончания школы Мухаммад четыре года учился в частной школе в Лозанне (Швейцария). В 1936 г. он вернулся домой и по требованию отца поступил в офицерскую школу, откуда был выпущен в 1938 г. со званием лейтенанта.

В отличие от отца, который отдавал все свои силы и время правлению страной, Мухаммад обожал развлечения. Он занимался плаванием, теннисом, верховой ездой, охотой, хождением на лыжах, водными лыжами, гольфом, управлял самолетами и водил гоночные автомобили.

Отношение к СССР у нового правителя было весьма противоречивым. Во всяком случае, в период оккупации он соблюдал приличия. Так, в середине октября 1943 г. шах Мохаммад Реза Пехлеви прибыл в Мешхед, где посетил тамошний советский гарнизон. Молодой шах остался крайне доволен встречей с советскими офицерами. На устроенном в его честь приеме Мохаммад заявил «о своей симпатии к Советскому Союзу и Красной Армии». Шах с уважением относился к СССР, высоко оценивал советскую военную технику, особенно боевые самолеты, на которых сам

летал на уровне профессионального летчика.

После этой встречи советская разведка доложила в Москву, что иранский шах — это политик, который будет добиваться полной независимости Ирана и намерен поддерживать взаимовыгодные дружественные отношения с СССР.

Любопытно, что 9 сентября 1943 г. шах объявил войну Германии. Понятно, что это был лишь символический жест.

Во время встречи в Тегеране большой «тройки» Моххамад Реза-шах встретился с Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным. Маршал дальней авиации А.Е. Голованов вспоминал: «По прибытии глав трех держав в Тегеран шах Ирана попросил аудиенцию у Черчилля и Рузвельта для приветствия гостей. Прибыв в английское посольство, он довольно долго прождал, пока вышел к нему Черчилль. Ожидание Рузвельта было менее долгим и, наконец, раздался телефонный звонок в наше посольство с вопросом, когда его превосходительство Сталин может принять шаха Ирана.

В посольстве попросили обождать, чтобы согласовать время визита. Довольно быстро был получен ответ, который гласил: "Глава советской делегации спрашивает, когда шах Ирана найдет время и сможет его принять?" Звонивший в посольство несколько растерянным голосом сказал, что его не так поняли, что шах Ирана спрашивает, когда он может приехать к Сталину. Однако последовал ответ, что его поняли правильно, и Сталин именно спрашивает о том, когда шах Ирана может его принять. Звонивший сказал, что должен об этом доложить шаху. Через некоторое время последовал звонок, и посольству сообщили, что если правильно поняли и И.В. Сталин действительно хочет навестить шаха Ирана, то шах будет его ждать в такое-то время.

В точно назначенный час товарищ Сталин был у шаха Ирана, приветствовал его и имел с ним продолжительную беседу, чем подчеркнул, что всякий гость должен отдать дань признания хозяину, посетить его и отблагодарить за оказанное гостеприимство.

Вопросы внимания вообще, а на Востоке в особенности, имеют определенный смысл и значение. Шах был тогда весьма молод, увлекался авиацией и получил в подарок от нас легкий самолет».

Советский разведчик Г.А. Вартанян, находившийся тогда в Тегеране, писал: «Я видел Сталина с расстояния 5 метров, когда он поехал с Ворошиловым и Молотовым в Шахский дворец поблагодарить Шаха Ирана Мухаммеда-Реза-Пехлеви за гостеприимство. Это был очень умный и важный шаг, который имел тогда большой резонанс в иранском обществе.

Ни Рузвельт, ни Черчилль этого не догадались сделать. Шах, конечно, был тронут таким жестом внимания со стороны Сталина. Когда Сталин вошел в тронный зал, шах вскочил, подбежал и упал на колени, чтобы попытаться поцеловать его руку. Но Сталин наклонился и поднял шаха, не дав ему поцеловать свою руку».

После встречи с шахом Сталин дал следующие указания: «"Шах и его ближайшие помощники запуганы английским влиянием, но придерживаются нашей ориентации, что нужно поддерживать, поощрять их намерения и подтверждать нашей работой". Сталин сказал, что он предполагает дать иранцам около 20 самолетов и такое же количество танков, что нам нужно подбирать иранские кадры, которые бы мы готовили сами»^[187].

20 июля 1946 г. Сталин в Москве принял иранскую принцессу Агирф Пехлеви и беседовал с ней в течение 1 ч. 20 мин. Принцесса была награждена орденом Трудового Красного Знамени «За проведение в Иране общественных мероприятий по сбору средств для оказания помощи детям-сиротам в Советском Союзе, родители которых погибли во время войны с гитлеровской Германией».

Хорошие отношения между Сталиным и Мохаммедом Резой-шахом сохранялись и далее. Так, в 1951 г. Сталин прислал на свадьбу шаха и принцессы Сораи роскошную норковую шубу и телефон, инкрустированный черными бриллиантами. Увы, личные отношения не соответствовали межгосударственным.

Глава 24

ТРУДНЫЕ ГОДЫ: 1941—1945

Если Реза-шах в 1926—1941 гг. был самодержцем, то власть его сына в 1941—1945 гг. была номинальной. Позже он напишет: «В течение всего периода оккупации Ирана печаль и скорбь не покидали меня ни на минуту, ночи мои проходили в тревоге и бессоннице»^[188].

Реальная власть принадлежала премьер-министру, да и то в объеме, предоставленном союзниками.

В Тегеране и прилегающих районах наблюдалась большая активность левых сил, ранее загнанных Реза-шахом в подполье. Так, к примеру, Иранская компартия была запрещена еще в 1931 г., а в последующие десять лет сотни ее функционеров были отправлены в тюрьмы или казнены, причем довольно часто без суда и следствия. С вводом союзных войск политические заключенные были освобождены. Разумеется, сие произошло по воле Сталина, а пришельцы с «родины демократии и парламентаризма» явно предпочли бы держать левых в тюрьмах.

Коммунисты Ирана уже в октябре 1941 г. воссоздали партию, но из конъюнктурных соображений дали ей новое название — Народная партия Ирана (Хезбе тудейс Иран, а попроще — Туде).

В 1944 г. в меджлисе 14-го созыва Туде была представлена восемью депутатами. Первый съезд партии, состоявшийся в августе 1944 г., принял программу и устав, избрал ЦК и Контрольную комиссию ЦК НПИ, а также выдвинул задачи: укрепление национальной независимости и суверенитета Ирана, борьба против происков империализма, равноправное сотрудничество Ирана со всеми странами, борьба за мир, за обеспечение демократических прав и свобод, 8-часовой рабочий день, принятие закона о труде, безвозмездная передача крестьянам государственных земель, проведение аграрной реформы в интересах трудового крестьянства и т.д.

Любопытно, что в ходе оккупации Иран чуть было не лишился своего названия. Уинстон Черчилль потребовал, чтобы стране возвратили прежнее название — Персия. Слишком многих представителей деловых кругов в Англии раздражало название «Страна арийцев». Однако Сталин и Рузвельт не поддержали британского премьера, и Иран остался Ираном.

После оккупации союзниками в стране резко усилились центробежные тенденции. Не будем забывать, что этнических персов в Иране тогда

насчитывалось всего около 46% от общего числа населения. Азербайджанцы составляли 22%, курды — около 10 %, остальные — лурь, белуджи, арабы, туркмены и т.д.

Во времена Реза-шаха пользование родным языком для большинства населения было ограничено законом. В частности, запрещалось обучение, издание газет и книг, а также публичные выступления на родных языках — ассирийском, азербайджанском, армянском и курдском. В местах компактного проживания национальностей на административные посты назначались в подавляющем большинстве персы.

Естественно, что после сентября 1941 г. зависимость окраин от Тегерана резко сократилась, особенно заметно это было в зоне советской оккупации.

Обстановку в приграничных с СССР районах хорошо иллюстрирует донесение уже знакомого нам генерал-майора Аполлонова: «За сентябрь — декабрь 1941 г. в пограничной полосе Ирана сформировалось около 70 банд численностью от 4 до 40 человек каждая, занимающихся грабежом иранского населения. Имели место шесть случаев перехода иранских бандгрупп на территорию СССР с целью ограбления нашего пограничного населения. Вновь сформированные в отдельных населенных пунктах полицейские посты активной борьбы с бандитизмом не ведут.

Используя такое положение, под предлогом борьбы с бандитизмом и защиты иранского населения возникло движение ханов, ставящее основной своей целью установление режима управления сфаной путем ханства.

В январе сего года в иранский Серахс (против участка Серахского пограничного отряда) прибыл родовой вождь белуджей Асадулла-хан с группой в 230 человек, разоружил полицию, оружие роздал своим джигитам. Одновременно Асадулла-хан направил группу своих джигитов для разоружения личного состава против полиции в аулах Киндыкли, Муадеран и Джона-Абат»^[189].

«Пользуясь крахом диктатуры Реза-шаха, в Иранском Азербайджане, Курдистане и ряде других населенных неперсидскими народами районах в этот период легализовали или возобновили свою деятельность представители творческой интеллигенции и литературы, пишущие на родном языке (тюркском, курдском, туркменском и т.д.). Создавались театральные труппы, оркестры, поэтические общества. Значительное содействие процессу культурного возрождения оказывали приезжающие на гастроли из СССР творческие коллективы.

Еще в 1941 г. в северо-западные районы Ирана из Советского Азербайджана по указанию Москвы была командирована большая группа

партийных работников, врачей, хозяйственников, деятелей культуры и других специалистов. Первоначально руководил работой группы бывший секретарь Азербайджанской компартии (Баку) Азиз Алиев. Члены прибывшей из Баку миссии развернули заметную активность в Иранском Азербайджане. Врачи безвозмездно лечили больных, консультировали местных докторов, организовывали медицинские осмотры детей, взрослых, страдавших хроническими недугами и т.д. Ученые-историки, литературоведы, музыканты знакомили представителей местной интеллигенции с культурой и наукой Северного Азербайджана и всего СССР.

Для жителей Иранского Азербайджана в Тебризе члены миссии на тюркском языке издавали специальную газету. Политический успех этой миссии вызвал негативную реакцию как иранских властей, так и представителей США и Великобритании. Избегая возможного ухудшения отношений с союзниками, советское руководство приняло решение об ее отзыве, и к весне 1942 г. большинство членов группы уже вернулось в Баку»^[190].

Я умышленно привожу большие цитаты, дабы избежать обвинений в тенденциозности. Картина в северных районах Ирана была более чем сложна и многопланова. Имело место и культурное возрождение, был и разгул бандитизма.

Оккупация Ирана представляла для США и Англии еще один путь в СССР, причем наиболее безопасный от воздействия вооруженных сил Германии и Японии. 19 сентября 1941 г. Черчилль писал Сталину: «Я придаю большое значение вопросу об открытии сквозного пути от Персидского залива до Каспия не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями».

Первые корабли с грузом для СССР вышли из американского порта в ноябре 1941 г.

Начав поставки военной техники в Советский Союз через Иран, англичане столкнулись с немалыми трудностями. Поначалу «на всем Персидском заливе был лишь один подходящий порт — Басра на Шатт-эль-Арабе, реке, образованной слиянием Тигра и Евфрата. Но Басра находилась на иракской стороне реки. Она была связана железными дорогами с Турцией, Сирией и Палестиной, но в Иран никакой дороги, кроме пути в обход по пустыне, оттуда не было. Хорремшехр на иранской стороне вообще трудно было назвать портом, так же, впрочем, как и Бендер-Шахпур, где был южный конец Иранской железной дороги.

Да и сама эта дорога едва ли была подходящей: она годилась только для сравнительно легкого транспорта. Там было всего несколько сотен товарных вагонов и совсем недостаточно паровозов для перевозки тяжелых грузовых составов по крутым и извилистым путям. Эта линия была почти на всем протяжении одноколейной, она шла по горной местности, и надо было проезжать сотни мостов, а туннели встречались чуть ли не через каждые две мили, к тому же путь нередко блокируют обвалы. Есть немало дорог и троп, которые, однако, годятся разве для перевозки грузов на верблюдах и ослах. Грузовиков же в Иране тогда почти не было...

Одна из первых задач англичан еще летом 1941-го состояла в том, чтобы обеспечить для иранской дороги локомотивы и подвижной состав за счет как их собственных, так и индийских железных дорог. Кроме того, в Англии по срочным заказам были созданы тысячи вагонов и около сотни дизельных локомотивов; выпуском грузовых вагонов занялась и Канада. К ноябрю первая тысяча грузовых вагонов из Великобритании была отправлена в Иран. В то же время Англия постаралась сделать настоящий порт из Бендер-Шахпура. Она также ввезла туда технику для строительства дороги на Тегеран, и через несколько месяцев английское правительственное агентство — Коммерческая корпорация Великобритании — собрала около тысячи грузовиков, чтобы доставлять грузы на север. Хотя объем военных материалов, которые можно было доставлять таким образом, был еще невелик, уже до конца 1941-го английские поставки для России стали достигать Ирана регулярно. В этом году англичане отправили 38 000 тонн каучука из Сингапура, 8000 тонн олова из Малайи, 13 000 тонн джута из Индии, 8000 тонн свинца из Бирмы и Австралии. Значительная часть этого сырья перевозилась по Тихому океану советскими кораблями, но часть его была доставлена в Советы через Иран.

Однако с самого начала было ясно, что англичане одними своими силами не смогут обеспечить поставки через Иран всего необходимого для железной дороги и для строительства шоссе и достаточного количества грузовиков для него. В сентябре—октябре 1941 года, сразу после того как англичане начали первые поставки через Персидский залив, в Вашингтоне занялись подготовкой к поставкам по ленд-лизу грузовиков, вагонов, локомотивов, рельсов и пр. Стало уже ясно, что понадобится каждая более или менее подходящая в Персидском заливе бухта. Началось планирование расширения портов нашими инженерами.

В конце осени миссия бригадного генерала Уилера, который занимался подобной работой и в Индии, прибыла в Иран, чтобы взять на себя

руководство американскими проектами. Так как англичане уже занялись Бендер-Шахпуром, он решил заняться им. Под его руководством инженеры начали сооружать новые пристани и причалы, был прорыт канал для больших грузовых судов, начали сооружение предприятия по сборке американских грузовиков. Военные инженеры взяли за старую дорогу от Хорремшехра до Ахваза и, привлекая множество местных рабочих, превратили ее в первоклассное шоссе. Начали также возводить завод по строительству барж для перевозки тяжелых грузов по реке Карун, соединяющей Ахвaz с Хорремшехром.

В Абадане, недалеко от Хорремшехра, вниз по реке Шатт-эль-Араб, находится большой английский нефтеперегонный завод, производящий значительную часть авиационного бензина для войск союзников на Ближнем Востоке и в Индии. Весной 1942-го на сборочном заводе началась работа над бомбардировщиками Эй-20, которые Советский Союз запрашивал в больших количествах. Был также построен обширный аэродром для испытаний самолетов перед передачей их русским.

К весне 1942-го ежемесячный объем грузовых перевозок по Трансиранской железной дороге утроился. На ней были задействованы вагоны с Южно-Британской железной дороги, локомотивы из Индии, вместе с подвижным составом, который прежний шах получал из Германии. Иранские рабочие под руководством наших инженеров укладывали новые рельсы, привезенные из США. Начали прибывать американские локомотивы и вагоны, а также грузовики: "форды", "студебеккеры" и др. Строились новые дороги, ремонтировались старые, и вдоль главных путей возникли ремонтные мастерские. Новый завод по сборке машин вырос у дороги, ведущей в Тегеран.

В течение 1942 года тоннаж грузовых перевозок в Россию через Иран постоянно рос, по мере того как из США поступали все новые техника и оборудование, а строительство портов и дорог под руководством генерала Уилера шло полным ходом.

В марте 1942 года начал работать и воздушный маршрут перегонки военных самолетов в Россию, и первые средние бомбардировщики Б-25 отправились из Майами через Африку в Иран, а оттуда — в Россию. В июле часть Эй-20, оснащенные дополнительным запасом горючего для длительного перелета, стали преодолевать весь этот воздушный путь полностью»^[191].

В конце 1942 г. на территорию Ирана были введены регулярные части армии США. Забавно, что по сему поводу янки даже для проформы не запросили Тегеран. Пришли и пришли... Ну а тогдашний премьер Кавамс-

эс-Салтане вежливо промолчал.

В октябре 1942 г. американцы взяли под свой контроль организацию поставок в СССР через южную часть Ирана.

Южная половина Ирана стала превращаться в полуколонию США. Дабы не быть голословным, я вновь процитирую Стёттиниуса: «Командующим войсками в регион Персидского залива был назначен генерал-майор Д. Конноли, который привез в Иран команду хороших специалистов. Полковник Шинглер стал руководить транспортом, полковник Юнт — Трансиранской магистралью, генерал-майор Ридли стал начальником штаба национальных иранских формирований, полковник Шварцкопф, глава полиции Нью-Джерси, — советником иранской жандармерии. Были назначены и американские гражданские советники при иранском правительстве. Главным финансовым советником стал доктор Милспоуф, который прежде служил у шаха. В Иран было направлено несколько полков вспомогательных войск, из белых и цветных.

Переходный период занял несколько месяцев, но в марте 1943 года первый полностью американский грузовой поезд был отправлен по Трансиранской дороге в Тегеран. Американскими были дизельный локомотив и вагоны; машинист и все остальные люди, обслуживающие его, были из наших военных железнодорожников, а вез этот поезд грузы США для России.

Представители Управления по ленд-лизу в Иране Ф. Кид и Д.Т. Вашингтон прислали нам полное описание своих поездок по железным дорогам, в порты, на сборочные заводы и с конвоями грузовиков. Их отчеты совпадали и с сообщениями корреспондентов, ознакомленных ранней весной того же года с полной программой работ. Вспомогательные войска генерала Сомервела, основываясь на том, что было создано англичанами под руководством генерала Уилера, сделали свое дело великолепно.

К маю 1943-го объем поставок в Россию через Иран вырос в 2,5 раза по сравнению с окончанием периода английского управления и в 10 раз по сравнению с августом 1941 года и составлял свыше 100 000 тонн ежемесячно. С тех пор этот объем еще возрос»^[192].

Всего через Иран в СССР прошло 4160 тонн груза, или 23,8% от общего тоннажа грузов, доставленных в нашу страну. В числе прочей техники через Иран было доставлено 184 112 автомобилей. Автомобильная техника прибывала в ящиках в виде сборочных комплектов, машины собирали прямо на берегу. В порту Хорремшехр быстро построили авиасборочный и автосборочный заводы, в порту Бушир — автосборочный

завод (там собирали «Виллисы», «Доджи», «Студебекеры» и «Джи-Эм-Си»), и еще один автосборочный завод построили в Басре.

23 февраля 1942 г. из Бушира в Советский Союз отправились первые 50 грузовиков «Додж». Дорога оттуда был намного длиннее, чем из северных портов Персидского залива. Через Ширазский проход в горах Загрос и город Исфахан колонна двинулась на дальний северо-запад страны, в Иранский Азербайджан. На отрезке Миане — Тебриз машины миновали высокогорные перевалы и прибыли на территорию СССР через советскую и иранскую Джульфу — населенный пункт на границе Ирана и Нахичеванской АССР.

Говоря о поставках ленд-лиза через Каспий, нельзя не отметить боевые и трудовые подвиги моряков-каспийцев. Поставки вооружения и стратегических материалов от союзников через Иран еще более осложнили работу морского транспорта на Каспии. В конце октября 1941 г. из портов Ирана начали поступать первые импортные грузы — каучук, медь, свинец, химикаты, джут, которые нужно было срочно доставить в Красноводск и Баку.

Поскольку судов катастрофически не хватало, ГКО разрешил «Каспфлоту» фрахтовать в Иране лодки-«туркменки», каждая из которых могла перевезти до 70 т грузов. И вот в конце октября 1941 г. в Красноводск и Баку прибыла целая флотилия этих «туркменок».

Грузовые работы в иранских портах велись исключительно силами судовых команд и советских воинских частей.

Еще в сентябре 1941 г. советское правительство поручило Наркомморфлоту обеспечить прием портовыми сооружениями в Иране сухогрузных судов «Каспфлота» для переработки импортно-экспортных грузов. При обследовании выяснилось, что в порту Бендер-Шах необходимо заново прорыть морской канал длиной 13 км. Определелись также характер и объем работ в портах Ноушехр и Пехлеви. Основное внимание было уделено реконструкции порта Бендер-Шах, куда в конце ноября поступили четыре землесоса.

К концу 1941 г. дноуглубительные и строительные работы в иранских портах еще не были закончены. К 25 декабря в канале порта Бендер-Шах землеснаряды «Ленкорань» и «Бабушкин» прошли только 400 м, а строительные работы и вовсе не начинались. Строительство канала находилось под угрозой срыва. Это объяснялось в первую очередь тем, что в Наркомморфлоте не было конкретно определено управление, ответственное за выполнение правительственного задания. «Союзднотрест» и «Цуморстрой» остались в стороне. Посланный

Наркомморфлотом в Иран специальный уполномоченный по дноуглубительным работам начальник «Касптехфлота» Калишер плохо организовал работы. В декабре землесосы «Ленкорань» и «Бабушкин» простояли по 15 дней из-за отсутствия воды и топлива.

1 января 1942 г. Совнарком СССР выдал Наркомморфлоту новое распоряжение о строительстве в иранских портах, в котором указывалось, что во всех иранских портах глубины должны быть доведены до 14 футов. Завершить дноуглубительные работы предусматривалось по порту Бендер-Шах к 15 апреля 1942 г. До 15 мая 1942 г. предлагалось реконструировать старые причалы, построить новый деревянный пирс, способный одновременно принимать два крупнотоннажных судна. На пирсе и причалах предстояло проложить подъездные и подкрановые железнодорожные пути. К 1 марта необходимо было привести в порядок пристанское и складское хозяйство. В Ноушехре дноуглубительные работы следовало закончить к 1 февраля 1942 г. К этому же сроку нужно было подготовить причалы для одновременного приема двух судов.

По мере возрастания грузопотока реконструкция иранских портов принимала более организованный характер, чему способствовало создание специального «Строительного управления на юге Каспия». Общие затраты по строительству к весне 1942 г. составили 11 млн. рублей.

Особенно сложными были подготовительные работы к погрузке в Бендер-Шахе средних танков. В конце июня 1942 г. здесь началось строительство специального пирса. Но ждать было некогда, и 28-тонные танки начали перегружать с железнодорожных платформ на суда с помощью плавучего крана. Это занимало много времени, и кран в конце концов был выведен из строя.

Тогда помощник капитана шаланды № 29 Я.Г. Сорокин предложил грузить танки следующим образом. Поставив шаланду к пирсу и закрепив ее наглухо, от железнодорожной платформы через фальшборт выкладывали клетку из шпал, на которую укладывались 8 рельсов, а поверх рельсов — настил из шпал, скрепленных скобами. Палубу шаланды также покрывали шпалами. По этому спуску танки шли своим ходом до назначенного места на шаланде и вставали плотно друг к другу. Шаланда № 29 за 2,5 часа приняла 34 танка и через двое суток выгрузила их в Баку.

Для прямых поставок по ленд-лизу танков и артиллерийских орудий в Бакинском порту была построена специальная платформа, с которой техника непосредственно грузилась в вагоны и на открытые железнодорожные платформы.

Тоннажа не хватало. Пусть после сказанного кто-нибудь попрекнет

моряков Волжско-Каспийской флотилии, вернувших флот законному владельцу и не давших ему сгнить в Энзели. Инженеры «Каспфлота» изыскивали все новые возможности увеличения провозоспособности судов. Так, в начале войны крупнотоннажные шаланды брали танки только на палубу, а зимой 1941/1942 г. люки шаланд были расширены, и танки стали грузить в трюмы — по настилам машины своим ходом шли к переборкам. Стволы танковых пушек мешали полностью использовать трюмные помещения. Тогда моряки прорубили окна в цепные ящики, ввели в них стволы танковых пушек, и танки встали вплотную к переборкам. Теперь каждая шаланда могла брать в один рейс 59 танков.

Перевозились танки и в трюмах теплоходов «Казахстан», «Микоян», «Баксовет», которые имели большие люки.

8 августа 1942 г. решением Наркомата ВМФ Каспийская военная флотилия (командующий контр-адмирал Ф.С. Седельников) была объявлена действующей. Ее основной задачей являлось обеспечение народнохозяйственных и оперативных воинских перевозок морем. Кроме того, она должна была не допустить высадки десантов, участвовать в противовоздушной обороне западного побережья Каспийского моря и района Астраханского порта.

Командование люфтваффе давно поняло, что наиболее уязвимое место каспийского флота — Астраханский морской рейд, где производилась перегрузка с морских судов на речные. С начала августа до конца ноября 1942 г., то есть до закрытия навигации, германская авиация совершила более 200 налетов на Астраханский рейд.

С 4 июня и до закрытия навигации зенитные плавбатареи «Полнос», «Экватор» и «Меридиан» охраняли от налетов авиации противника транспорты на Астраханском рейде. Но этого оказалось мало. Постепенно для обеспечения перевозок Каспийская военная флотилия сосредоточила в Северном Каспии почти весь свой корабельный состав. Транспорты и баржи в порту Астрахань прикрывали дивизион катеров ПВО Астраханской ВМБ и зенитная артиллерия перевозимых войск.

На переходе по Волге и Волго-Каспийскому каналу суда прикрывали катера МО и ПВО, а на Астраханском рейде — дивизион зенитных плавбатарей, канонерские лодки и катера МО. Переходы от Астраханского рейда до Махачкалы обеспечивались канонерскими лодками и сторожевыми кораблями. Для прикрытия разгрузки транспортов в Махачкале штаб ВВС Закавказского фронта выделил два полка (43 самолета) истребительной авиации, но в ходе перевозок один полк (20 самолетов) с прикрытия был снят.

Кроме того, в августе 1942 г. суда «Рейдтанкера» получили от ВМФ несколько десятков зенитных орудий и 121 комендора к ним. К примеру, пароход «Юпитер» водоизмещением 3500 т в 1942 г. был вооружен одной 45-мм пушкой 21К, одной 20-мм пушкой Эрликон и одним 12,7-мм пулеметом ДШК.

В августе 1942 г. суда «Каспфлота» осуществили перевозку в иранский порт Пехлеви польской армии генерала Владислава Андерса. Армия была сформирована в основном из бывших польских военнопленных, захваченных Красной Армией в 1939 г. Большая часть ее офицерского состава была настроена антисоветски и не пожелала сражаться на советско-германском фронте. Поэтому советское правительство приняло решение отправить их через Иран в Англию. Всего в Пехлеви к 1 сентября было доставлено морем 69 917 поляков, из них свыше 41 тысячи военнослужащих.

Оказавшись на борту советских судов, польские офицеры на виду у всех демонстративно рвали советские деньги. Представьте себе эвакуируемых голодных женщин и детей. Их задержали, ведь в первую очередь надо вывести поляков. Как они должны были смотреть на гордых ляхов? Ну а советской власти от уничтожения денежной массы была только польза, мелкая, но все же антиинфляционная мера.

За навигацию 1942 г. 46 судов Каспийского торгового флота были атакованы самолетами противника, 14 из этих судов погибли (танкер «Кулибеков», пароходы «Ударник», «Коминтерн» и другие). При этом 57 человек из экипажей судов погибли и 53 получили ранения.

Каспийская военная флотилия в 1942 г. потерь в судовом составе не имела.

В навигацию 1942 г. корабли КВФ провели в конвоях 1200 судов и барж (большой частью нефтеналивных), отразили 212 атак авиации противника. При этом было сбито шесть самолетов и подбито четыре.

На транспортных судах и кораблях КВФ было перевезено 468 тысяч человек, более тысячи танков и бронемашин, 18,5 тысяч лошадей, более 8 тысяч орудий, 4 тысячи автомашин, 200 самолетов и другая техника.

С мая по октябрь 1942 г. по Каспию было перевезено 6165,7 тыс. т нефтепродуктов. На кораблях и судах КВФ перевезено 25% общего импорта грузов, поступавших через Персидский залив в Иран.

20 марта 1942 г. в телеграмме на имя начальника Каспийского объединенного пароходства нарком морского флота сообщал, что «Каспфлоту» предстоит вывезти из портов Ирана 120 тыс. т грузов. Грузы эти (в основном танки, оборудование, порох, высокооктановый бензин,

химикаты, каучук, консервы, трубы, рельсы, листовой и цветной металл) шли в Красноводск и Баку их портов Бендер-Шах, Ноушехр и Пехлеви. По решению ГКО это задание выполняли определенные суда. К примеру, порох перевозил пароход «Осетин», а самоходные баржи-гаражи «Автобус», «Мотоцикл», «Моторист» и «Пилот»^[193] использовались для перевозки бензина в бочках. Прочие импортные грузы перевозили сухогрузные суда «Полторацк», «Чичерин» и «В. Чкалов».

Говоря о моряках-каспийцах, нельзя не упомянуть женщин. Меня коробит, когда на юбилейных фотографиях моряков-черноморцев первый ряд занимают почтенные дамы. Увы, женщин в командах кораблей Черноморского флота отродясь не бывало. А вот на Каспии и Волге было приятное исключение. В состав команд «Каспфлота» в 1941 г. было принято 67 женщин, в 1942 г. — 44 и в 1943 г. — 129. Это были преимущественно жены моряков и выходцы из семей моряков. Для них трудности морской жизни не были новостью, и они смело шли работать матросами, кочегарами и машинистами. В «Каспфлоте» в годы войны дослужились до поста помощника капитана Словохотова и Рапопорт, стали штурманами комсомолки Савицкая, Колодай, Измайлова и Козлова.

Больше всего женщин служило в «Рейдтанкере». За 1942—1943 гг. пароходство приняло на свои суда 260 женщин на должности рядового состава и 85 женщин на должности командного состава.

В 1944 г. моряки Каспия перевезли наибольшее количество грузов. Если в 1942 г. перевозки составили 59,1% к довоенному 1940 г. (в тонно-милях), а в 1943 г. — 91,5%, то в 1944 г. они составили 102,2%.

Как уже говорилось, перевозки импортно-экспортных грузов продолжали расти, и их удельный вес в общей работе Каспийского транспортного флота в 1943 и 1944 гг. занимал весьма значительное место. Грузы эти были крайне разнообразны: высокооктановый бензин, алкалоид, пушки, танки, тягачи, калиброванная сталь, рельсы, разборные понтоны, автопокрышки, карбид, электрокабель, продовольствие, трубы, станки, порох и т.д. За 1943 г. перевозки между советскими и иранскими портами возросли по сравнению с 1942 г. на 339 %.

Решением ГКО от 16 июня 1943 г. Наркомморфлоту было предложено к сентябрю 1943 г. значительно увеличить переработку грузов через иранские порты. Для выполнения этого задания требовалось расширение портов и их механизация. В Иран выехал замнаркома морского флота Ф.А. Матюшев с бригадой инженеров. Они осмотрели порты Пехлеви, Бендер-Шах и Ноушехр и установили объем работ, составив по ним смету. Общая стоимость работ составила 8331 тыс. реалов.

Расширением и механизацией иранских портов занялось специально созданное строительное управление Наркомморфлота, и все работы были выполнены в срок.

Теперь выросшее хозяйство и грузооборот порта Бендер-Шах потребовали обеспечения порта квалифицированными кадрами и хорошей внутренней организации работ. Поэтому решением Совнаркома Наркомморфлот создал 12 ноября 1943 г. Управление морского порта в Бендер-Шахе, подчиненное «Каспфлоту». К марту 1944 г. в Бендер-Шахе были построены здание управления порта, радиостанция, столовая, четыре жилых дома, четыре общежития, амбулатория, баня и магазин, на что было затрачено 14 458 тыс. реалов. Благодаря всем этим мерам порт Бендер-Шах к декабрю 1943 г. увеличил суточную погрузку.

В ночь с 29 на 30 января 1944 г. порт Бендер-Шах, хранивший на своих складах более 100 тыс. т грузов, чуть не стал жертвой катастрофы. В трюме стоявшей у причала баржи-гаража № 2044 с грузом высокооктанового бензина произошло несколько взрывов, вызвавших пожар. Применение всех противопожарных средств, которыми располагал порт, не дало результатов. Тогда баржу отвели на рейд, где она горела трое суток. Выгорели все надстройки и палуба. Позже комиссия «Каспфлота» установила, что виновником пожара был иранский грузчик, закуривший в трюме, наполненном парами бензина.

Другие иранские порты находились в ведении «Ирансовтранса», там «Каспфлот» имел лишь своих морских агентов по обслуживанию флота.

В 1944 г. порты увеличили переработку грузов и стали работать лучше, чем в 1943 г. За 10 месяцев 1944 г. было вывезено почти столько же грузов, сколько за 1942 и 1943 гг. вместе взятые.

После освобождения Крыма в апреле — мае 1944 г., а особенно после выхода Румынии из войны осенью 1944 г. появилась возможность доставлять грузы в СССР через Черное море — куда более коротким путем. Соответственно, поставки через Иран прекратились в ноябре-декабре 1944 г.

Глава 25

ДАЕШЬ ВЕЛИКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН!

Как уже говорилось, до 1917 г. Азербайджаном (Азербейджаном) называлась исключительно область на северо-западе Ирана, а к Бакинской губернии России это название не применялось.

Любопытно, что с начала XX века и по сей день иранские националисты утверждают, что азербайджанцы — это чистые персы, в свое время перешедшие на тюркский язык. Они же считают, что по антропологическому типу азербайджанцы сходны с персами и ничего не имеют общего с турками. По сему поводу «антропологи в штатском» в Кембриджском университете провели обширные исследования, дабы научнообразно подтвердить сие утверждение.

Однако азербайджанцы по-прежнему считают себя одним народом с населением АзССР. Думаю, что нет нужды доказывать, что к 1941 г. жизненный уровень населения Советского Азербайджана был существенно выше, чем в Иранском Азербайджане. Я уж не говорю об уровне культуры, образования и здравоохранения.

После ввода советских войск на территорию Северного Ирана у советского руководства возникло два естественных вопроса — использование иранской нефти и возможность создания автономного, а лучше независимого азербайджанского гособразования в Иране.

Историк С.М. Алиев писал: «Впервые интерес Советского Союза к иранской нефти возник задолго до Второй мировой войны. Еще в 1925 г. советское правительство приобрело у бывшего российского промышленника А. Хаштария долю акций (65%) иранской нефтяной компании мощных нефтяных скважин возле деревушек Хаджиабад и Хуриан в районе г. Семнана. Достоверных данных об объеме производства указанной компании не существует. Известно, что исходя из нового законодательства, иранские власти оспаривали законность сделки между бывшим российским подданным и правительством СССР. Тяжба по этому вопросу продолжалась почти до середины 50-х годов.

Л. Элвелл-Саттон, упоминая о ноте советского правительства Ирану от 30 августа 1941 г., подчеркивает, что "Россия вновь вернулась" к нефти, "предложила Ирану помощь в освоении нефтяных ресурсов Кевир-Хуриана"»^[194].

В октябре 1941 г. из Азербайджанской ССР в северные провинции Ирана выехала большая геологоразведочная группа. Без санкции шахского правительства геологи приступили к поискам нефти и газа. Проведя изыскания, геологи выдали заключение, что по запасам нефти Иранский (Южный) Азербайджан, Гилян, Мазендеран, Астрабад и Северный Хорасан, вместе взятые, не уступают богатейшим месторождениям нефти на юго-западе Ирана, входящего в концессионную зону английской компании АИНК. Любопытно, что до сих пор это утверждение полностью не подтверждается.

В начале 1944 г. в Иран прибыли представители двух американских нефтяных компаний. Иранский премьер-министр Мохаммед Саед вступил с ними в тайные переговоры. Британское правительство и руководство компании АИНК не желали терпеть конкуренцию янки. Под их давлением Саед 2 сентября 1944 г. принял решение не выдавать иностранным компаниям никаких новых концессий вплоть до окончания войны.

Советское правительство приняло решение направить в Иран делегацию с официальной задачей изучить состояние Кевир-Хуранской акционерной компании. Однако в иранскую прессу просочилась информация об истинных целях визита делегации. Но первоначальная реакция СМИ Ирана о советских предложениях относительно совместной разработки нефти на севере Ирана была положительной.

10 сентября 1944 г. в Тегеран прибыла советская правительственная комиссия, возглавляемая замнаркома иностранных дел С. Кавтарадзе. Члены комиссии осмотрели окрестности города Семнана и приступили к выполнению основной части своего визита. Встретившись с председателем иранского правительства, они были приняты шахом. Затем члены комиссии поехали в предполагаемые районы деятельности будущей совместной нефтяной компании.

Советская комиссия разработала предложения по нефтяной концессии и вручила их иранскому премьеру Саеду. В этом проекте указывались вероятные участки расположения концессионной зоны, условия работы и сроки деятельности предполагаемого советско-иранского предприятия. Проект этот включал в себя 22 статьи, срок его действия составлял 60 лет. Но длившиеся больше месяца переговоры с иранским правительством не дали результатов, и 25 октября советские представители вернулись из Тегерана в Москву. В тот же день в Тебризе и других городах Южного Азербайджана начались митинги и демонстрации против кабинета министров Ирана, возглавляемого Саедом.

8 ноября 1944 г. премьер Саед подал в отставку. В конце ноября новым

премьером стал влиятельный консервативный политик и крупный помещик Мортеза-Коли бек Баят. Однако он не имел определенного мнения насчет выдачи концессий иностранцам. А тем временем, воспользовавшись замешательством в правительстве и ростом национально-патриотических настроений в Иране, представители буржуазии активизировались. Доктор Мохаммед Мосадлык — депутат меджлиса, имевший репутацию патриота, 29 октября выступил в меджлисе, популярно рассказав об истории иранской нефти. Главное внимание он обратил на ущерб, который понесла его страна в политическом и экономическом отношении, сдав огромную часть своей территории в концессию АИНК. Затем Мосадлык вручил меджлису подготовленный им законопроект по нефтяному вопросу, который стал предметом общенациональной дискуссии, и 2 декабря 1944 г. большинство меджлиса поддержало этот проект.

Закон этот состоял из трех частей. Иранскому правительству запрещалось вести переговоры с иностранными правительствами или частными компаниями об иранской нефти, а также подписывать с ними соглашения о предоставлении концессий. Нарушившим эту статью закона членам правительства грозило тюремное заключение сроком от трех до восьми лет, а также запрет впредь занимать государственные должности.

Теперь, после принятия подобного закона, для СССР и других концессионеров путь к иранской нефти, казалось бы, был закрыт. Однако советское правительство отступить и не думало. 21 июня 1941 г. Сталин как председатель ГКО подписал специальное секретное постановление о проведении соответствующими учреждениями геологоразведочных работ в северных провинциях Ирана. Целью работ был поиск нефти и природного газа. Для исполнения этого постановления в Баку при объединении «Азнефть» было создано специальное гидрологическое управление в составе расположенной в районе города Казвина воинской части. Официально это управление занималось гидрогеологией, то есть поисками подземных водных ресурсов, а на самом деле оно искало нефтяные месторождения в Иранском Азербайджане и Гиляне.

К решению второго вопроса — создание азербайджанского гособразования — советское правительство подходило очень осторожно.

Уже через 20 дней после вхождения частей Красной Армии в Иран в Южный Азербайджан направили первый отряд работников из Азербайджанской ССР в количестве 500 человек. Их задачей было изучение местной обстановки и распространение советского влияния через пропаганду успехов Советского Азербайджана в литературе, искусстве, экономике и других областях. Вместе с тем секретарь ЦК Компартии

Азербайджана Багиров^[195] напутствовал советских работников словами:

«Помощь Южному Азербайджану должна быть такой, чтобы ни шахское правительство, ни англичане не могли обвинить нас во вмешательстве во внутренние дела Ирана»^[196].

Тем не менее уже после первых шагов Советов в Южном Азербайджане иранское правительство было серьезно обеспокоено. Иранский министр иностранных дел Мирза Али хан Сохейли дал секретное указание своим дипломатическим представительствам в зарубежных странах, чтобы они по мере сил противодействовали политике СССР в отношении Ирана, придерживались пробританской линии и серьезно занимались азербайджанской проблемой. Так, в письме иранскому послу в Анкаре глава МИДа писал: «Если дела пойдут так, мы потеряем Азербайджан»^[197].

29 января 1942 г. в Тегеране был подписан союзный договор между СССР, Великобританией и Ираном, гарантировавший территориальную целостность Ирана. В годы Великой Отечественной войны Иран имел для СССР исключительно важное значение как транзитный коридор для перевозки военных грузов, поставляемых по ленд-лизу. Поэтому вопрос о Южном Азербайджане теперь стал второстепенным, и находившиеся там работники из АзССР по указанию Москвы вернулись на родину.

В начале 1944 г. Сталин вернулся к азербайджанскому вопросу, что было связано коренными переменами, произошедшими на советско-германском фронте, укреплением международного положения СССР и обострением внутренней обстановки в Иране. 6 марта 1944 г. Совнарком СССР по рекомендации Молотова, обсудив вопрос «Об усилении экономической и культурной помощи населению Южного Азербайджана», принял соответствующие решения. В них речь в основном шла об отправке политработников из Азербайджанской ССР в Иран.

В декабре 1944 г. в Тегеран прибыл секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гасан Гасанов. В беседе с ним советский посол Максимов намекал на то, что из Москвы дано указание «на строительство буржуазно-демократического общества в Южном Азербайджане». Но Гасанов, лучше знакомый с тамошней ситуацией, был не согласен с подобной постановкой вопроса. Он отмечал: «В настоящий момент самым популярным лозунгом азербайджанцев является освобождение от фарсидского ига, построение демократического государства и решение земельного вопроса»^[198]. Для реализации всего этого Гасанов рекомендовал укрепить народную партию в Южном Азербайджане и ее руководство путем оказания финансовой

помощи.

Замечу, что марксистская партия в Иране была воссоздана сразу после ввода туда советских войск.

Как уже говорилось, в октябре 1941 г. коммунисты и сочувствующие создали Народную партию Ирана (Хэзбе Туде). Партия объединяла в своих рядах представителей левой интеллигенции, студенчества, рабочих, ремесленников и крестьян. На I съезде Туде, состоявшемся в августе 1944 г., были приняты Программа и Устав, избраны Центральный комитет и Контрольная комиссия Туде, учрежден печатный орган ЦК — газета «Рахбар». Программа партии выдвигала задачи ликвидации засилья иностранных монополий, обеспечения демократических свобод, проведения коренных реформ в социальной и экономических областях в интересах трудящихся. К концу 1945 г. Туде насчитывала в своих рядах около 50 тысяч человек. Под ее руководством работали молодежная и женская организации, крестьянский союз и ряд профсоюзов. Любопытно, что одним из лозунгов Туде в 1946 г. был: «Да здравствует Мир Джафар Багиров — отец единого Азербайджана».

6 июля 1945 г. Политбюро ЦКВКП (б), посовещавшись, приняло секретное решение «О мерах по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и в других северных областях Ирана». В этом документе признавалось целесообразным начать подготовку к предоставлению азербайджанским провинциям Ирана широкой национальной автономии. Для руководства национально-освободительным движением в Южном Азербайджане предлагалось создать Азербайджанскую демократическую партию. Исполнение решения поручалось осуществить ЦК КП(б) Азербайджана и Совнаркому АзССР под контролем ряда высших руководителей СССР.

Для финансирования предстоящих действий Государственный банк СССР выделил специально учрежденному при ЦК КП(б) Азербайджана фонду сумму в иранской валюте, эквивалентную 1 млн. рублей.

В июле 1945 г., после возвращения Багирова из Москвы, по его заданию тайно в Баку были доставлены член ЦК партии Туде, депутат иранского меджлиса Камбахш, председатель Тебризского провинциального комитета той же партии Падеган, писатель и публицист Шабустари и редактор газеты «Ажир» Пешевари (Джафар-заде принял имя Мир Джафар Пешевари). В ходе совещания стороны договорились, что создаваемой Азербайджанской демократической партией (АДП) будет руководить Пешевари. Об этом Багиров немедленно проинформировал Сталина, Молотова, Берия и Маленкова.

В августе 1945 г. в Тебриз прибыл советник посольства СССР в Тегеране Ягубов. Он должен был ознакомиться поближе с ситуацией в Южном Азербайджане и ускорить работу по созданию АДП. В конце августа подготовительные мероприятия завершились, и 3 сентября было распространено обращение 80 представителей различных сословий, объявивших о рождении новой партии.

Сообщение о создании АДП вызвало серьезную обеспокоенность иранских властных кругов, англичан и американцев. Британский консул в Тебризе Уолл сообщал своему начальству: «Эта партия опаснее просоветской народной партии [Туде]. В новой партии нет богатых людей. Ее программа составлена грамотно... Если эта партия осуществит все идеи, ее будет защищать все азербайджанское население. С этими целями они пойдут далеко»^[199].

А 8 октября 1945 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли решение о дальнейших действиях в Южном Азербайджане, велел выделить оперативных работников для устранения противников движения за автономию северных иранских провинций. Откомандировали 80 наиболее опытных специалистов. Приехавшие в Южный Азербайджан в последней декаде октября из АзССР со специальным заданием Гасан Гасанов, Агаселим Атакишиев (заместитель председателя Наркомата госбезопасности Азербайджана) и Мирза Ибрагимов (нарком просвещения АзССР, писатель), провели четыре совещания с тебризской тройкой (Пешевари, Шабустари, Падеган).

Чтобы не допустить автономизации Южного Азербайджана, иранское правительство решило задушить его экономической блокадой. Однако ожидаемых результатов это не дало, так как первый заместитель председателя Совнаркома СССР Молотов 4 ноября подписал постановление «О расширении торговли с Иранским Азербайджаном».

В течение ноября центральные власти Ирана предприняли еще ряд шагов в связи с ситуацией в Южном Азербайджане. Так, военный министр Риязи встретился с советским военным атташе полковником Разиным, 18 ноября замещающий посла СССР Ахад Ягубов был вызван на прием к премьер-министру Хакимюлмюлку, министерство иностранных дел Ирана представило соответствующую ноту советской дипломатической миссии. Иранское правительство выражало обеспокоенность складывающейся на севере страны обстановкой и извещало о возможном использовании там армии.

Не дождавшись ответа от Москвы, Тегеран двинул свои войска на Тебриз, но в Шарафабаде их остановили частями Красной Армии,

выполнявшими приказ начальника Генштаба генерала армии Антонова (в документе предписывалось не допустить какую-либо попытку иранских властей отправить армию в советскую зону).

Любопытно, что на территории Иранского Азербайджана на 1941 год дислоцировалась 77-я горнострелковая дивизия им. Г.К. Орджоникидзе. Эта дивизия была создана еще в 1921 г. и именовалась Аздивизией. Формировалась она из уроженцев Советского Азербайджана.

Уже 11 декабря весь Южный Азербайджан находился под контролем АДП. После последних подготовительных мероприятий и согласований с руководством СССР 12 декабря 1945 г. открылась первая сессия Азербайджанского меджлиса. Мирза Али Шабустари стал его председателем, было образовано азербайджанское правительство, премьер-министром которого стал Пешевари.

Не удалась попытка иранского правительства вынести азербайджанский вопрос на обсуждение совещания министров иностранных дел США, СССР и Великобритании в Москве, проходившее 16—26 декабря. Хотя госсекретарь США Бирнс и министр иностранных дел Великобритании Бевин и попытались повлиять на Сталина и Молотова в связи с иранским вопросом, но безрезультатно. На предложение иранского премьера приехать в Москву и начать прямые переговоры советское правительство даже не отреагировало.

После встречи со Сталиным на совещании в Москве Бирнс убедился в осложнении азербайджанской проблемы и необходимости ее обсуждения в ООН. 20 декабря он через посла США в СССР довел до американского посла в Тегеране Моррея свои рекомендации иранскому правительству. В них говорилось: «Прошу сказать премьер-министру в неофициальной и конфиденциальной форме: вы рекомендуете, чтобы иранское правительство в скором времени пошло на уступки требованиям, выдвигаемым со стороны азербайджанцев. В особенности считаю правильными их желания по поводу обучения в школах тюркскому языку наряду с фарсидским и создания областных энджоменов (советов) в соответствии с иранской конституцией... Естественно, для предотвращения создания Азербайджаном отдельного государства такие шаги возможны»^[200].

Данные предложения не порадовали иранского премьера. Хакимюлмюлк постарался убедить американцев, что якобы азербайджанский народ никогда не считал тюркский язык своим родным языком. Но политика Хакимюлмюлка, надеявшегося, что на Московском совещании советское правительство под давлением США и Британии даст согласие на немедленный вывод своих войск из Ирана, потерпела полную

неудачу.

В конце ноября 1945 г. Демократическая партия Азербайджана (ДПА) собрала всенародный конгресс Иранского Азербайджана в его главном городе Тебризе. 26 ноября состоялись выборы в Национальный Меджлис Южного Азербайджана, разумеется, принесшие победу ДПА. 12 декабря того же года Пешевари провозглашает «Азербайджанскую Демократическую Республику» и формирует правительство в составе 12 человек, 10 из которых являлись активистами его партии. 5 февраля 1946 г. в новой республике создается своя армия (на базе частей 77-й дивизии). Азербайджанский (тюркский) язык был объявлен государственным. Правительство выпустило собственные деньги, установило контроль над банками и ввело государственную систему торговли. Все чиновники были изгнаны и заменены активистами ДПА.

Параллельно в Иранском Азербайджане создается курдское гособразование.

В 30-е годы XX века курды в Иране подвергались гонениям, издания на курдском языке запрещались, не разрешалось и ношение национального костюма. Курдские полукочевые племена были принуждены вести оседлый образ жизни. Предводители племен и родов всячески преследовались Реза шахом. Многие из них были арестованы и казнены, а других сослали подальше от родных мест. В результате карательных мер, предпринятых правительством, большинство полукочевых курдских племен лишились своего основного источника существования — многочисленных отар овец. поголовье мелкого рогатого скота резко сократилось, и курды постоянно испытывали нужду и голод.

После занятия северных и южных областей Ирана войсками союзников курдские земли, граничащие с Азербайджаном, оказались как бы в нейтральной зоне. Однако политические события в Азербайджане и стоявшие рядом советские воинские части оказали свое влияние на обстановку в Северном Курдистане. В 1942 г. в городе Мехабад (бывший Соудж-Булаг) курдские националисты-демократы создали подпольную организацию «Комала-и зинава-и Курд» («Курдская партия возрождения»), в которую вошли представители интеллигенции и средних слоев населения. Племенные вожди и крупные землевладельцы не привлекались в ряды этой партии.

В 1943 г. на территории Ирака началось очередное восстание курдов под руководством Мустафы Барзани. К началу 1944 г. восставшие контролировали большую часть Южного Курдистана. Начались переговоры между повстанцами и иракскими властями, но, затянувшись на полтора

года, так и закончились ничем. В августе 1945 г., предварительно заключив союз с некоторыми представителями курдской племенной знати, в наступление на отряды Барзани перешли 25 тысяч иракских солдат во главе с английским генералом Рентоном. С воздуха наступающих поддерживало более 30 самолетов. К середине сентября 1945 г. восставшие были разгромлены, многие лидеры восстания были казнены. Некоторые отрядов курдов отступили в Иран, в зону советской оккупации.

В 1944 г. в Иране Курдскую партию возрождения возглавил популярный курдский религиозный и общественный деятель Кази Мохаммед. Теперь в «Комалу» вошли предводители большинства курдских племен Северного Курдистана. В конце октября 1945 г. «Комала» была преобразована в Курдскую демократическую партию (КДП), и в Мехабате прошел ее I съезд.

В отличие от просоциалистической программы Азербайджанской демократической партии, программа Курдской демократической партии носила умеренный национально-демократический характер. Партия требовала предоставления курдам автономии в рамках иранского государства, объявления курдского языка основным языком школьного образования и официальным языком созданной автономии. Также выдвигались предложения об образовании местного парламента, полиции и жандармерии.

В середине апреля 1945 г. Кази Мухаммед направился в Тебриз, столицу Автономной Республики Азербайджан, где заключил соглашение о сотрудничестве. Две национальные окраины должны были совместными усилиями освободиться от власти иранского шаха.

В августе 1945 г. Кази Мухаммед сам образовал новую партию, названную Демократической партией Иранского Курдистана (ДПИК) и стал ее председателем. В целях упрочения своего влияния в Мехабате советское правительство в том же 1945 г. провело в Баку переговоры Багирова с делегацией во главе с Кази Мухаммедом. Багиров предложил им автономию в составе Азербайджана. Кази Мухаммед категорически отказался и заявил, что если он и стремится к автономии, то только в составе Ирана.

Осенью 1945 г. в Мехабате из Ирака прибывает Мустафа Барзани и сразу занимает видное место в ДПИК. 24 января 1946 г. на центральной площади Мехабата «Чарчыра» («Четырехфакельная») на массовом митинге было провозглашено создание Курдской Республики. Над Мехабатом взвился флаг Курдистана — зелено-бело-красное полотнище с изображением солнца с 21 лучом, символизирующим 21 курдскую

провинцию.

Президентом новой республики был объявлен Кази Мухаммед, сформировавший правительство из членов ДПИК. «Восторженные курды приветствовали национальных лидеров, ликование народа не было предела, появились вера в то, что, наконец, настали иные времена и, создав свою государственность, мой народ сможет свободно развивать национальную культуру, язык, строить общество, руководствуясь гуманистическими идеалами и демократическими ценностями» — так написал впоследствии о событиях того времени профессор К.И. Мирзоев^[201].

Мустафа Барзани играл в этих событиях активнейшую роль. Его «барзанцы» стали ударной военной силой вновь образованной республики, а сам он был назначен главнокомандующим ее армии (формально «милиции», так как Мехабад считал себя лишь автономией в составе Ирана) и получил звание генерала. Впоследствии азербайджанцы, не имевшие собственных боеспособных формирований, также пожелали создать свою армию в союзе с курдами, так что Барзани некоторое время носил титул главнокомандующего объединенной милицией Курдистана и Азербайджана. В этом качестве он участвовал в подавлении четырех мятежей, поднятых против республики курдскими феодалами, инспирированными Тегераном.

Официально новое государственное образование называлось «Республика Курдистан», руководство которой производилось органом, называемым «Национальным правительством Курдистана». Столицей республики был провозглашен город Мехабад.

В результате мирных переговоров с новыми властями другой бывшей иранской провинцией — Азербайджаном, было решено, что контроль Курдской республики распространяется на города Хой, Салмус и Орумьен на севере и Миандоуад на востоке.

С Азербайджанской республикой был подписан договор о дружбе и сотрудничестве в экономической, военной и области внешней политики. Курдский язык был провозглашен официальным языком и постановлено, что все официальные учреждения обязаны были вести документооборот на курдском языке.

Первым шагом к демократии стал принятый Основной закон — Конституция Мехабадской Республики. Создавались экономические, культурно-просветительские, научные, правоохранительные, военные, дипломатические государственные структуры. Большое внимание было уделено структурам образования и медицины. Издавались газеты и

журналы на курдском языке: орган курдского правительства и ДПИК газета «Курдистан», журналы «Хавар» и «Агыр», газета для женщин «Халала».

Жизнь в молодой республике налаживалась, ее первые шаги говорили о том, что к власти пришли грамотные, демократически настроенные лидеры, а не восточные деспоты средневекового образца. По заданию правительства подготовили новые школьные учебники, начались передачи на курдском языке, прокладывались линии связи, заработала почта.

Произошли и внутривнутриполитические изменения. Так, 16 августа 1946 г. «Комитет Свободы» предложил организациям «Хива», «Шорш» и «Рызгари» объединиться. Предложение было принято, и состоялся съезд, на котором было провозглашено создание Курдской демократической партии, вскоре переименованной в Демократическую партию Иранского Курдистана. Председателем партии был заочно избран Мустафа Барзани. Кстати, в тот же день у Барзани родился сын Масуд, ныне являющийся председателем этой партии. А 12 июня 2005 г. Масуд Барзани стал президентом Иракского Курдистана. Шах и его приближенные, естественно, предпринимали отчаянные попытки задуть новую республику, но сделать это без вывода советских войск было невозможно.

19 января 1946 г. премьер-министр дал указание руководителю делегации Ирана на открывающейся первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, послу в Великобритании Таги-заде, добиться включения проблемы Южного Азербайджана в план работы Генеральной Ассамблеи ООН. Любопытно, что вопрос этот был сформулирован так: «О споре Ирана с Советским Союзом».

В тот же день Таги-заде представил руководству ООН заявление Ирана. 24 января, после ознакомления с этим документом руководитель делегации СССР на Генеральной Ассамблее ООН Вышинский обратился с письмом к председателю Совета Безопасности, в котором отклонил все претензии Тегерана. На следующий день Вышинский выступил на заседании Совета Безопасности с речью аналогичного содержания. В резолюции Совета Безопасности отмечалось, что, учитывая готовность советской и иранской сторон к переговорам, как и то, что они должны начаться в ближайшее время, Совет Безопасности предлагает Москве и Тегерану информировать его о ходе предстоящих бесед, оставляя за собой право требовать все сведения о них.

В феврале 1946 г., когда уже проводились различные социально-экономические реформы в Азербайджане, премьер-министр Гавам-ас-Салтана сформировал новое правительство в Тегеране. 18 февраля в меджлисе он изложил программу своего кабинета, а также отметил, что

отношения с СССР будут строиться в условиях взаимоуважения и взаимодоверия, после чего сразу же получил приглашение из Москвы.

19 февраля Гавам прибыл в Москву, где до 7 марта вел переговоры со Сталиным и Молотовым. Стороны обсуждали вывод советских войск из Ирана, азербайджанскую проблему и вопросы добычи нефти. По всем трем темам взгляды иранских и советских руководителей сильно расходились, так что продолжавшиеся более двух недель переговоры окончились ничем. Иранский премьер ехал в Москву с большими надеждами, а вернулся в Тегеран с пустыми руками.

2 марта 1946 г. в соответствии с имевшимися договоренностями истек срок пребывания советских войск в Иране. Но ТАСС сообщало, что СССР выведет свои войска только из Мешхеда, Шехруда и Семнана, а также подчеркивало, что Советская армия будет оставаться в других районах Ирана.

Американский консул в Тебризе Россоу в секретном письме от 3 марта 1946 г. госсекретарю Бирнсу сообщал, что имеющаяся здесь советская военная техника приведена в боевую готовность и начала движение в направлении Тегерана, Турции и Ирака, а, начиная с 3 марта, от границ СССР в Тебриз перебрасываются новые советские части.

4 марта президент США Трумэн принял госсекретаря Бирнса для обсуждения политики Москвы в Иранском Азербайджане, а 5 марта в связи с этим вопросом Соединенные Штаты направили ноту СССР. Однако 6 марта консул Россоу в секретном рапорте госсекретарю писал: «Советские военные силы продолжают прибывать днем и ночью... генерал армии Баграмян приехал в Тебриз и принял командование над советскими войсками в Азербайджане. Говорят, что генерал Баграмян — специалист по танковой войне... Дорога Тебриз — Тегеран закрыта для невоенного транспорта. Советские войска движутся в направлении Тегерана. Части сравнительно многочисленной азербайджанской армии движутся таким же образом. Из Тебризской оккупационной армии и из России в направлении Махабад — Курдистан посылаются воинские части... Из всего этого становится ясным подготовка советских соединений к крупномасштабным военным операциям»^[202].

Американский консул предупреждал Госдепартамент США, что необходимо предпринимать эффективные меры. 7 марта для обсуждения сообщений, полученных из Иранского Азербайджана, было созвано заседание высокопоставленных лиц американского внешнеполитического ведомства с участием приглашенных экспертов. Показывая на карте движение советских войск в направлении юга Ирана, Ирака и Турции,

Бирнс, ударяя кулаком об ладонь, восклицал: «Теперь мы вынуждены отдать им оба нефтяных месторождения».

Совещание продолжилось и 8 марта, когда было признано, что у США нет достаточных сил для вытеснения СССР из Южного Азербайджана. Поэтому эксперт по Советскому Союзу Чарльз Бохлен предложил, что «кроме пустых угроз для самообороны нет другого лучшего средства». После чего в тот же день в адрес лидеров СССР ушла вторая нота, гораздо грознее предыдущей. Нота заканчивалась словами: «США хотят знать, почему Советы, вместо того чтобы выйти из Ирана, направляют туда дополнительные войска». Правительство США потребовало от Москвы в течение недели раскрыть причины событий, происходящих в Азербайджане.

Так в результате военных приготовлений СССР в Южном Азербайджане, связанных с этим политическими и дипломатическими шагами, контрдействий США международная обстановка впервые после окончания Второй мировой войны крайне осложнилась. События в Южном Азербайджане, в особенности публикация угрожающих речей Пешевари, адресованных центральному правительству, вызвали большую обеспокоенность в Иране. Сотни жителей Тегерана продавали свои вещи за бесценок и убегали в южном направлении. Премьер Гавам проводил секретные консультации с посольствами США и Англии по вопросу обращения в Совет Безопасности ООН. Одновременно Багиров на встрече в Джулфе с лидерами национального движения (Пешевари, Шабустари, Джавид) обсуждал вопрос укрепления обороноспособности Южного Азербайджана.

Новый посол СССР в Иране Иван Садчиков 18 марта 1946 г. прибыл в Тегеран. Он доставил компромиссные предложения советского правительства о выводе советских войск, а также по нефти и Азербайджану. Однако иранское руководство по рекомендации США и Великобритании вновь обратилось в ООН с просьбой рассмотреть советско-иранские отношения. 20 марта премьер-министр Гавам принял советского посла, Садчиков выразил недовольство СССР по поводу обращения Ирана в ООН. Гавам ответил на это, что если Советский Союз будет вынуждать его пойти на противозаконные действия, он подаст в отставку, но вряд ли новый премьер-министр будет более лоялен к СССР. Такой ответ Ахмеда Гавама давал основание Москве задуматься.

Обращение Ирана в ООН, холодный тон переговоров с советским послом, продолжение перевозок советских военных грузов в Азербайджан создавали панику в Тегеране. Говорили о бегстве шаха и премьер-министра

из столицы. Госсекретарь США Бирнс дал указание американскому послу в Иране, чтобы тот в случае оставления шахом и правительством Тегерана выделил людей для их сопровождения.

21 марта 1946 г. президент США Трумэн заявил о намерении послать в Иран части морской пехоты. По сведениям ряда западных авторов, одновременно Трумэн пригрозил Сталину сбросить ядерную бомбу на территорию Советского Союза. Следует заметить, что все угрозы США были в значительной степени блефом. Несколько ядерных бомб было недостаточно для нанесения серьезного ущерба СССР, а носители бомб бомбардировщики Б-29 «Летающая крепость» были весьма уязвимы для средств ПВО. Это позже выяснилось в ходе Корейской войны. В случае же начала войны в 1946 г. янки и их союзники были бы выброшены из Европы максимум за пару недель. Да и Ла-Манш не стал бы серьезным препятствием для советских войск — вспомним Днепр, Керченский пролив и другие примеры форсирования водных преград частями РККА.

Но по каким-то неизвестным нам причинам Сталин уступил Трумэну. 24 марта 1946 г. правительство СССР заявило о выводе своих войск из Ирана в течение шести недель. Кстати, наши части еще в сентябре

1945 г. были выведены из районов, близких к Тегерану, а 2—26 февраля

1946 г. — с южного побережья Каспийского моря и районов, сопредельных с туркменской границей. И, наконец, 9 мая 1946 г. был завершён вывод войск из Иранского Азербайджана.

Не исключено, что на решение Сталина о выводе войск повлияли уступки правительства Ирана. Так, 4 апреля 1946 г. премьер-министр Гавам согласился на предоставление СССР нефтяных концессий в Иране.

13 июня 1946 г. в Тебризе делегация тегеранского правительства под предводительством второго лица в кабинете министров Мозаффера Фируза встретилась с лидерами Демократической партии Азербайджана. На встрече был подписан документ, который можно назвать соглашением о разграничении полномочий. Так, в Азербайджане допускалось самоуправление, и три четверти доходов Тегеран обязался тратить на местные нужды. Согласно этому соглашению азербайджанский меджлис стал называться Областной энджомен Азербайджана. Правительственная делегация от имени комитета обязалась подготовить новый демократический проект положения о выборах и направить его на утверждение меджлиса XV созыва. В этом проекте содержался пункт о предоставлении избирательного права женщинам. 13-й пункт соглашения гласил, что правительство обязывалось все права, предоставленные

азербайджанцам, распространить и на курдов Азербайджана. В школах и высших учебных заведениях занятия должны были проводиться на персидском и тюркском (азербайджанском) языках. Шахское правительство вроде бы признавало автономию Азербайджана и не мешало проводить реформы.

Правительство Пешевари открыло азербайджанские школы и первый университет в Тебризе. У помещиков, бежавших в Тегеран от советских войск, изымались земли и передавали безземельным крестьянам. В их пользу перераспределялись и государственные земли.

А между тем Тегеран готовился к расправе над азербайджанцами и курдами. 30 сентября 1946 г. премьер Гавам сообщил американскому послу в Тегеране Дж. Аллену, что для полного восстановления своего суверенитета Иран нуждается в американских военных поставках и займах, с чем посол был абсолютно согласен. Он принимал во внимание то, что Гавам может противостоять «советскому давлению» только с помощью усиления своего правительства.

18 октября Гавам получил от Госдепартамента США гарантию поддержки, включавшую обязательство о предоставлении займа, оружия, расширения состава американской миссии в Тегеране и т.д.

А Гавам тем временем 19 октября снова переформировал свое правительство, в результате чего члены партии Туде и их союзники были сняты со своих министерских должностей.

Вывод советских войск с территории Ирана предопределил судьбу правительства Пешевари. Накануне вывода войск Багиров позвонил Сталину и сказал: «Если наши войска уйдут, Азербайджанская Республика рухнет». На что Сталин ответил: «Мы должны уйти, так как не можем сопротивляться всему миру Я сожалею, но наши войска должны быть выведены»^[203].

Сталин, выводя войска, отказался предоставить достаточно вооружения азербайджанцам и курдам. 8 мая 1946 г. Сталин писал Пешевари: «Обстановка не позволит достичь ваших целей. Вы исходите из ленинского положения о том, что надо использовать кризис, как это сделал Ленин в России. Но в Иране нет сейчас такого кризиса, какой был в России в 1917 году. Конечно, если бы советские войска оставались в Иране, для ваших преобразований были б все условия. Но мы не в состоянии оставаться в Иране, так как у нас репутация освободителей многих народов Европы. И если мы не выведем войска, что скажет мир? Англичане в этом случае не уйдут из Египта, Греции, Сирии, Индонезии. Американцы будут находиться в Китае, Исландии, Дании. Поэтому мы с ними договорились о

том, что мы уйдем из Ирана, а они из Китая. Вы как революционер должны понять, что мы обязаны вывести войска. Хотя известно, что Гавам — реакционный деятель, тем не менее он провел ряд реформ, встреченных в штывки англофилами. Мы должны использовать внутренние противоречия в Иране, чтобы Гавам сделал шаг в сторону реформ, улучшения положения левых сил. Мы не может порвать отношения с правительством Гавама. Как мне стало известно, Вы заявили, что мы сперва подняли Вас до небес, а потом столкнули в бездну, опозорили. Если Вы действительно сказали это, то мы удивлены. Что же на самом деле произошло? Мы воспользовались революционным приемом, известным каждому. Используя момент, мы добились того, чтобы правительство Гавама выполнило определенные требования. Но не может быть и речи о позоре для Вас, этого мы никогда бы не допустили. Международная обстановка, ситуация в Иране не позволяют нам действовать свободно. Но если Вы будете вести себя мудро и добьетесь фактической легализации тех уступок, которые были сделаны в отношении Азербайджана, проблема его освобождения разрешится в других условиях, а Вы все равно останетесь одним из пионеров развития демократического движения на Среднем Востоке и для азербайджанцев, и для всех иранцев»^[204].

В начале декабря 1946 г. шахские войска вторглись в Азербайджанскую область, а 4 декабря они вошли в Тебриз. К этому времени Азербайджанская Республика существовала почти год. Предлогом для подобной акции было обеспечение безопасности кампании по выборам в меджлис, а фактической же целью ставилось подавление демократического движения в Азербайджане и изгнание правительства Пешевари. Вторгшимися войсками командовал американец Норман Шварцкопф, с 1943 г. возглавлявший американскую миссию в Иране, где он занимался реформой иранской жандармерии.

Следует заметить, что сопротивление азербайджанцев было весьма слабым. Однако шахские войска устроили кровавый погром в Азербайджане. По разным источникам они убили от 14 до 20 тысяч человек от активистов ДПА и до простых крестьян. Пешевари и несколько тысяч его сторонников бежали в Советский Азербайджан. День «освобождения Азербайджана» был объявлен в Иране национальным праздником.

Участь азербайджанцев разделили и курды. Шахские войска двинулись на Курдистан. Среди мехабадского руководства возникли разногласия относительно плана дальнейших действий: Барзани предложил всему правительству уйти в горы и сражаться до последнего. Однако Кази Мухаммед надеялся решить дело мирным путем, тем более что шах обещал

амнистию. В сущности, Кази Мухаммед, при всем своем курдском национализме, всегда оставался лояльным подданным Ирана. Очень порядочный и культурный человек, он, однако, оказался явно не готов к роли национального лидера. Кази Мухаммед решил выйти навстречу иранским войскам и заявить о верности курдов иранскому правительству, о поддержке курдскими демократами целостности и независимости Ирана. Этим своим поступком он надеялся предотвратить или хотя бы уменьшить масштабы кровавой расправы с курдами, что ему частично удалось.

Барзани же ушел в горы, взяв с собой флаг республики, а Кази Мухаммед и члены правительства остались в Мехабаде. 16 декабря Мехабад был занят иранскими войсками, однако вопреки всем обещаниям члены курдского правительства были арестованы.

30 марта 1947 г. Кази Мухаммед, его брат Садр Кази и двоюродный брат Сейф Кази (бывший министром обороны республики) были повешены на той самой площади Чарчера, где 14 месяцев назад было провозглашено курдское государство. 15 патриотов — участников движения — были расстреляны по приговору военно-полевого суда.

После кровавой расправы над азербайджанцами и курдами тегеранское правительство в январе 1947 г. провело выборы в меджлис XV созыва. По данным иранского журнала «Разм», из 122 депутатов меджлиса было 62 крупных помещика, 10 собственников промышленных предприятий, 22 высших чиновника и 28 адвокатов. Но тем не менее впервые в истории страны в меджлис была избрана и достаточно большая группа иранских националистов-демократов (порядка 25 человек).

Затем шахское правительство во второй раз обмануло Советский Союз, отказавшись реализовать достигнутые в 1946 г. соглашения о нефтяных концессиях.

Глава 26

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ МОХАММЕДА МОСАДДЫКА

После расправы над курдами и азербайджанцами влияние СССР на правительство Ирана упало почти до нуля. Взамен постепенно усиливалось влияние США. 20 июня 1947 г. Ирак получил от янки кредит на 25 млн. долларов на закупку оружия и военного снаряжения.

4 февраля 1949 г. корреспондент газеты «Парчам-е ислам», близкой к религиозной экстремистской организации «Федаян-е ислам» («Поборники ислама»), Наср Фахроран совершил покушение на шаха. Агенты охраны «нашли» у него в кармане членский билет партии Туде, что дало повод для расправы над левыми. Партийные организации были разгромлены, газеты закрыты, многие руководители и активисты Туде брошены в тюрьмы. Тринадцать руководителей Туде заочно приговорили к смертной казни. Партия была вынуждена уйти в подполье.

Меджлис расширил права шаха. Теперь шах имел право объявлять войну, заключать мир, назначать сенаторов и чиновников, на три месяца задерживать закон, принятый обеими палатами, и передавать его в новое рассмотрение. С согласия сената шах мог досрочно распустить меджлис. Исполнительная власть осуществлялась от имени шаха Советом министров. Кандидатура премьер-министра выдвигалась меджлисом и утверждалась шахом.

В октябре 1949 г. доктор Мохаммед Мосаддык^[205] основал националистическую партию Национальный фронт. Главным требованием новой партии была национализация Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК).

Компания получила концессию еще в 1933 пив течение последующих лет нарушала самые важные статьи соглашений. Так, АИНК в расчетах с иранским правительством не учитывала колебаний цен на золото и не выплачивала Ирану предусмотренную соглашением компенсацию. Послевоенное увеличение английским правительством подоходного налога с АИНК привело к резкому сокращению доходов Ирана от нефти. Система исчисления концессионных платежей Ирану была крайне несправедлива. Не принималось во внимание падение курса фунта стерлингов, и АИНК из

года в год выплачивала иранскому правительству все меньшие суммы по отношению к фактической стоимости нефти. В 1933 г. сумма концессионных платежей Ирану относительно общей стоимости добытой нефти составляла 33%, а в 1947 г. уже 9%. Иранское правительство считало незаконным продажу нефтепродуктов британскому адмиралтейству и ВВС, а также американским монополиям по ценам ниже мировых.

Большой ущерб экономике Ирана нанесло освобождение АИНК от подоходного налога и таможенных пошлин на экспортируемые и импортируемые компанией товары.

В начале апреля 1950 г. было официально объявлено о победе на выборах в меджлис Национального фронта. 27 июня того же года шах назначил премьер-министром генерала Хаджали Размару^[206].

Выдвинуть Размару на пост премьер-министра шаху посоветовали послы США и Великобритании. Список членов кабинета был составлен при участии американского и английского послов еще до того, как Размаре предложили пост премьер-министра.

Новый премьер сразу же предпринял ряд внутривнутриполитических и внешнеполитических акций, направленных на усмирение левых и националистов. Так, в октябре 1950 г. было подписано новое торговое соглашение с СССР, что заметно улучшило отношения с Москвой. А американским советникам Размара предложил отправиться на родину, группу же иранских офицеров, находившихся на стажировке в США, он вернул в Иран.

Вместе с тем Размара вступил в тайные переговоры с АИНК. Но движение за национализацию АИНК ширилось. В конце декабря 1950 г. при обсуждении на заседании меджлиса отчета нефтяной комиссии студенты Тегеранского университета устроили перед зданием парламента митинг. Принятое на митинге решение было зачитано на заседании меджлиса — студенты требовали аннулирования концессии АИНК. 22 декабря «Общество борцов за ислам» и аятолла Кашани организовали митинг в мечети «Шах», на котором потребовали национализации нефтяной промышленности. 24 декабря вновь заволновались студенты, требуя аннулирования соглашения 1933 года. 29 декабря в Тегеране состоялся общенародный митинг, в котором участвовали рабочие, ремесленники, студенты, члены и сторонники партии «Иран» и «Общества борцов за ислам». В результате была принята резолюция, требовавшая прекратить преследования представителей прессы, отменить военное положение и национализировать нефтяную промышленность. В итоге иранское правительство 9 января 1951 г. издало новый закон о печати, а 23

января вышел закон, запрещающий объявление военного положения без предварительной санкции меджлиса.

В начале 1951 г. иранцам стало известно, что американская нефтяная компания АРАМКО («Арабиен-Америкен ойл Компани») и правительство Саудовской Аравии подписали соглашение, предусматривавшее равное распределение прибыли от добытой нефти. Премьер Размара в это время вел переговоры с представителями АИНК и предложил им включить в новое соглашение пункт о равном распределении прибыли. Однако англичане категорически отказались.

26 января 1951 г. собрались на митинг в мечети «Шах» тысячи тегеранцев, созванных туда аятоллой Кашани. Резолюция, принятая на митинге, содержала требования о национализации нефтяной промышленности. Призывы Кашани поддержали и многие крупные духовные лица Ирана. Аятолла Сейид Мохаммед-Таги — популярный в Иране «мардж'е ат-таклид»^[207] и другие муджтахиды издали специальные фетвы, призывавшие верующих иранцев поддержать движение за национализацию.

Массовые митинги, призывавшие ликвидировать АИНК, вызвали озабоченность британского правительства. 24 января английский посол Френсис Шеперд вручил Размаре ноту МИДа Великобритании, где говорилось, что АИНК и английское правительство готовы к переговорам об увеличении доли Ирана в доходах от добычи нефти до 50%, но под угрозой национализации они вести их не будут.

3 марта Размара обнародовал доклад, в котором отвергал национализацию иранской нефти. В докладе говорилось, что, национализировав АИНК, Иран должен будет выплатить компании компенсацию в размере 300—500 млн. фунтов стерлингов. В стране нет достаточного количества научных и технических кадров для управления нефтяной промышленностью. Поэтому премьер предлагал заключить «справедливое соглашение» с АИНК.

Этот доклад был воспринят общественностью и прессой как защита интересов британской компании. Мосаддык направил в меджлис письмо, в котором называл все доводы Размары необоснованными и утверждал, что Иран способен самостоятельно управлять нефтяной промышленностью и продавать добытую нефть.

А 7 марта 1951 г. Хаджали Размара был убит членом подпольной исламской организации «Федаян-е ислам».

На следующий же день нефтяная комиссия меджлиса единогласно приняла решение, одобрявшее предложение Национального фронта о

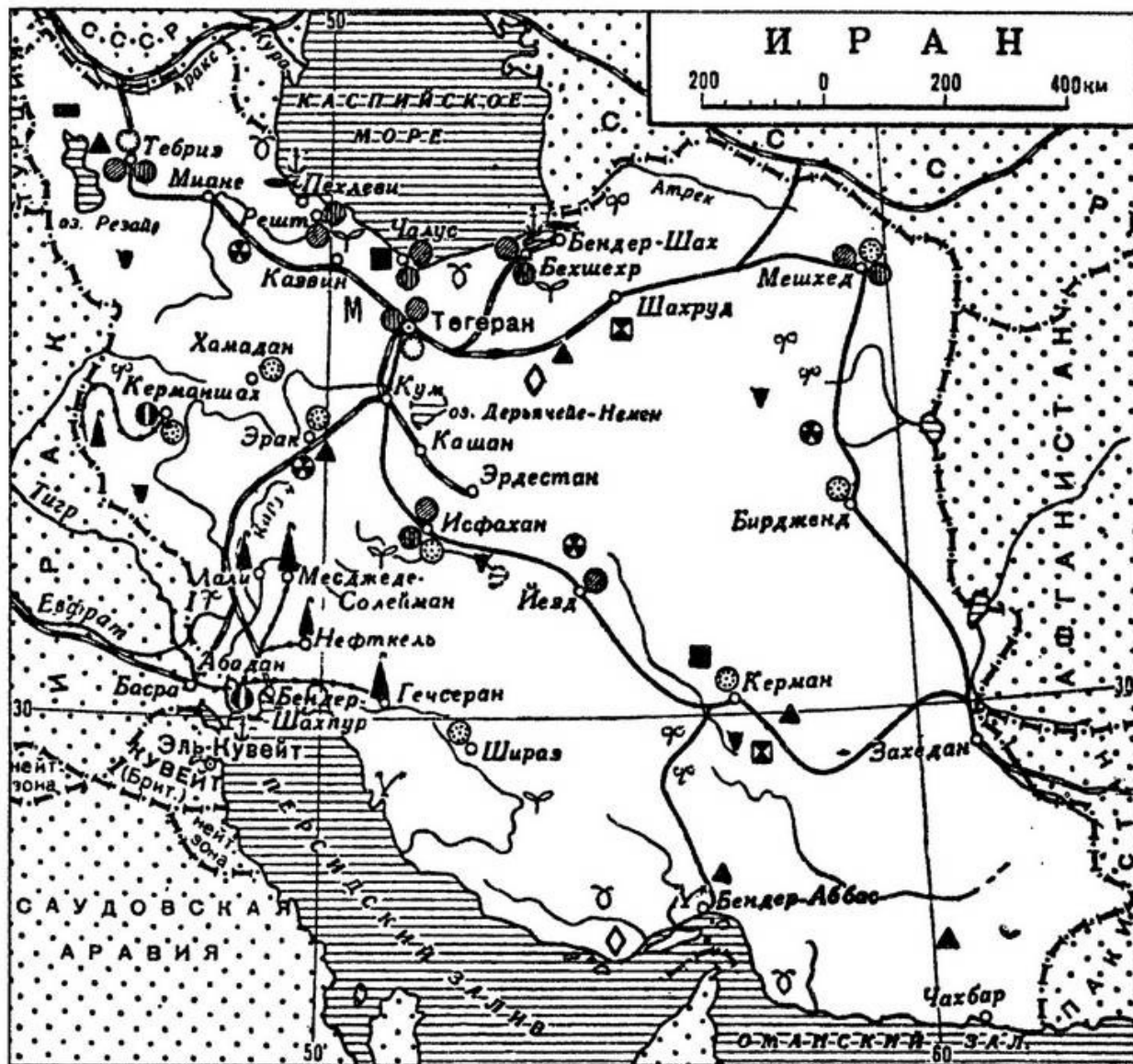
национализации нефтяной промышленности. 15 марта меджлис утвердил решение комиссии и продлил ее полномочия на 2 месяца для выработки предложений по проведению национализации. 20 марта это решение одобрил сенат.

11 марта 1951 г. премьер-министром стал Хосейн Ала — ярый противник национализации АИНК. 14 марта он издал циркуляр, запрещающий митинги и демонстрации и ввел на два месяца военное положение в Тегеране и в Хузестане. Но, несмотря на грозный циркуляр, уже 16 марта в Тегеране Национальным обществом борьбы против АИНК был организован многотысячный митинг, на котором выдвигались требования национализации нефтяной промышленности юга страны. В ответ на это АИНК прекратила выплату дотаций нефтяникам Бендер-Машура, Агаджари и Нефтесефида. Тогда нефтяники Бендер-Машура 21 марта объявили забастовку. Вскоре их поддержали и нефтяники Агаджари и Нефтесефида. К забастовщикам присоединились и рабочие Месджеде-Солеймана и Абадана.

26 марта премьер Хосейн Ала ввел в зоне деятельности АИНК военное положение, направив в Абадан и в нефтепромысловые районы войска. Английская эскадра патрулировала в территориальных водах Ирана в Персидском заливе. 29 марта в Абадане войска обстреляли забастовщиков, убив троих рабочих и ранив еще несколько человек.

12 апреля в Бендер-Машуре войска обстреляли мирную демонстрацию рабочих, было убито 13 человек, в том числе трое детей. В тот же день в Абадане от рук правительственных войск погибли 6 рабочих и 13 получили ранения.

В ответ рабочие Тегерана, Тебриза, Исфахана, Ахваза и ряда других городов в знак солидарности с нефтяниками выступили с протестом против действий властей. 13 апреля по инициативе Народной партии Ирана, демократических профсоюзов, Центрального объединенного совета профсоюзов Ирана и Национального общества борьбы против АИНК в Тегеране состоялся многотысячный митинг. Участники митинга требовали ликвидации АИНК, вывода британской флотилии из зоны нефтяных районов. 22 апреля в Тегеране прошел еще один многотысячный митинг, собравший студентов и учащихся, выразивших свою солидарность с нефтяниками юга и требовавших немедленной ликвидации АИНК.

Добыча нефти и других полезных ископаемых на территории Ирана в середине 1950-х гг.

Теперь Хосейну Ала ничего не оставалось делать, как уйти. 27 апреля 1951 г. он и его кабинет подали в отставку. 28 апреля меджлис единогласно одобрил закон о национализации нефтяной промышленности. Премьер-министром был назначен лидер Национального фронта Мохаммед Мосаддык.

Закон о национализации нефтяной промышленности предусматривал передачу имущества АИНК в собственность Ирана. Правительство обязывалось под наблюдением специальной комиссии провести ревизию финансового состояния компании. Эта же комиссия должна была

разработать устав Иранской национальной нефтяной компании (ИННК) и программу подготовки иранских специалистов по нефти. Законом предусматривалось справедливое рассмотрение претензий ИННК и АИНК под наблюдением смешанной комиссии, которая затем представляла свои предложения сенату и меджлису. Законом предусматривалась и выплата компенсации АИНК.

Принятие закона о национализации нефтяной промышленности в Иране вызвало бурю возмущения в правящих кругах и СМИ Великобритании, и уже 26 мая 1951 г. Англия обратилась в Международный суд в Гааге с жалобой на действия иранских властей. Но, увы, проку от этого суда не было никакого, кроме, разумеется, пропагандистской шумихи. 22 октября 1952 г. Англия разорвала дипломатические отношения с Ираном.

Англия и США сумели организовать довольно эффективный бойкот иранской нефти, как это видно из приведенной таблицы.

Таблица 4. Добыча нефти (млн. т)^[208]

1950 г. —	32,5
1951 г. —	16,8
1952 г. —	1,3
1953 г. —	1,2
1954 г. —	2,5
1955 г. —	16,2
1956 г. —	26,5

Мосаддык поначалу пытался сыграть на разногласиях в вопросах нефтяной политики США и Великобритании. Президент Трумэн в известной степени был готов к переговорам с Ираном. В июле 1951 г. Иран посетил специальный представитель президента Уильям Гарриман. А в октябре Мосаддык сам прибыл в США с официальным визитом и встретился с Трумэном.

Все изменилось в начале 1953 г., когда Трумэна сменил Дуайт Эйзенхауэр. 23 июня госсекретарь Джон Даллес провел совещание, на которое были приглашены Аллен Даллес, назначенный директором ЦРУ, Уолтер Смит, ставший в новой администрации заместителем госсекретаря, высшие генералы и дипломаты. Вопрос о перевороте в Иране был решен окончательно и бесповоротно. Аллен Даллес имел и свой личный интерес — его юридическая фирма вела дела АИНК. Операции было присвоено кодовое наименование «Аякс». Руководство доверили Кермиту Рузвельту,

который уговорил вернуться в Иран бывшего начальника полиции Нью-Джерси, командовавшего шахской гвардией, Нормана Шварцкопфа (кстати, отца командующего американскими войсками во время войны в Персидском заливе). Ему предстояло склонить армию на сторону шаха.

Летом 1952 г. иранским реакционером удалось одержать победу. Мосаддык потребовал себе на шесть месяцев чрезвычайные полномочия. Он также добивался поста военного министра и права назначения начальника Генштаба и командующих трех родов войск. Если бы Мосаддык получил пост военного министра, то у него появлялся шанс лишить шаха использовать промонархически настроенных офицеров в противодействии правительству. Однако шах резко отрицательно высказался о притязаниях Мосаддыка и при встрече 16 июля 1952 г. напомнил ему, что должность военного министра по традиции всегда занимал представитель генералитета, кандидатура которого предварительно согласовывалась с шахом. После этого разговора Мосаддык объявил об отставке своего кабинета.

Новым премьером стал Ахмед Кавам. Он в первом же официальном выступлении обвинил Мосаддыка в преднамеренном ухудшении отношений между Ираном и Англией. «Мосаддык пожертвовал целью во имя средства, и законные притязания к одной компании превратил в источник вражды между двумя народами», — говорил Кавам.

Новый премьер пригрозил жестокими расправами со всеми участниками движения Мосаддыка, называл их преступниками и обещал в ближайшее время разрешить нефтяной вопрос и восстановить порядок и законность в государстве. Кавам осудил тех, кто, как он говорил, «под предлогом борьбы с красным экстремизмом усилил черную реакцию [намек на шиитское духовенство], нанеся сильный урон свободе. Они свели на нет полувековые усилия, направленные на утверждение конституционного строя. Питая уважение к священному учению ислама, — говорил Кавам, — я вместе с тем добьюсь отделения веры от политики и буду препятствовать распространению фанатизма и ретроградских убеждений»^[209].

Заявление Кавама вызвало бурную реакцию по всей стране. Многие иранские города охватили антиправительственные демонстрации, митинги и стачки. 17 июля 28 сторонников Мосаддыка (все депутаты меджлиса) провозгласили воззвание, в котором требовали отставки Кавама и утверждали, что развитие национального движения может быть продолжено только под руководством Мосаддыка.

19 июля в Тебризе в знак протеста закрылись все лавки и магазины, а в

Реште произошли столкновения между полицией и сторонниками Мосаддыка. В Абадане, Керманшахе, Исфахане, Ахвазе и других городах состоялись многолюдные митинги в поддержку бывшего премьера. Восстановить Мосаддыка на своем посту требовали кашкайцы и некоторые полукочевые племена Хузестана. В Исфахане демонстранты совершили нападение на здание американской миссии. А 21 июля в Тегеране состоялась всеобщая забастовка и манифестации, переросшие в восстание, в ходе которого шах вынужден был вывести на улицы армейские части, в том числе и танковые. В этом восстании, впервые в истории страны, активно участвовали и женщины. Опасаясь перехода армии на сторону народа, шах был вынужден отступить. Позже он писал: «Чтобы предотвратить гражданскую войну, я был вынужден 22 июля принять условия Мосаддыка и вновь утвердить его премьер-министром»^[210].

Вновь придя к власти, Мосаддык выдвинул тезис: «Экономика без нефти». Суть этого тезиса заключалась в том, чтобы стабилизировать государственный бюджет без доходов от нефти. Поэтому были подготовлены законы и постановления, содействовавшие развитию хозяйственной деятельности страны. Изданные правительством постановления стимулировали развитие частного сектора. Это были законы, поддерживающие экспорт, освобождающие от таможенных сборов импорта машин и оборудования, необходимых для развития промышленности и др. Для расширения экспорта в 1952 г. открылся коммерческий Банк по добыче и экспорту ископаемых, а в 1953 г. — Банк развития экспорта. В июне 1952 г. иранское правительство заключило с американскими фирмами контракт на строительство в Тегеране и Фарсе текстильных фабрик и цементных заводов в Рее и Фарсе. В 1950—1952 гг. в Иранском Азербайджане и Хорасане были построены сахарные заводы, увеличившие производство сахара в стране на 14 тыс. т в год. (Всего Иран потреблял 70 тыс. т сахара в год, из которых 15 тыс. т были импортными.)

Потеряв надежду в смещении Мосаддыка, шах прибег к старому трюку обанкротившихся правителей — угрозе отъезда (вспомним Ивана Грозного, египетского президента Гамалы Насра в 1967 г. и т.д.). 24 февраля 1953 г. шах заявил, что он временно решил покинуть Иран.

Одновременно промонархические круги, включая часть духовенства, начали кампанию с целью упросить шаха остаться. Любопытно, что Мохаммед Реза в своей книге «Мое служение Родине», изданной в 1961 г., совсем по-иному объясняет свой отъезд. Он пишет, что 28 февраля Мосаддык посоветовал ему на некоторое время уехать из страны. «Я согласился с его предложением, чтобы дать ему свободу рук для

исполнения задуманной им политики и, в некоторой степени, находиться вдали от его интриг и подстрекательства»^[211], — пишет бывший монарх.

Государственный переворот в Иране был осуществлен хорошо скоординированными действиями США и Великобритании. Но непосредственно в подготовке и осуществлении этого переворота активно сотрудничали разведки двух великих держав — США и Великобритании. Однако организовал операцию директор ЦРУ Аллен Уэлш Даллес (1893—1969), младший брат госсекретаря США Джона Фостера Даллеса (1888—1959).

В мае 1953 г. госсекретарь США Джон Даллес отправился с официальным визитом в страны Среднего Востока. В июле 1953 г., находясь в Карачи (Пакистан), он заявил: «Любое иранское правительство, не являющееся коммунистическим, будет для нас лучше нынешнего правительства. Мы считаем невозможным иметь дело с Мосаддыком».

Аллен Даллес и американский посол в Иране Лой Хендерсон встретились в Женеве с принцессой Ашраф, сводной сестрой шаха. Эта энергичная дама тут же направилась в Иран, чтобы сообщить брату о полной поддержке американцев. Находясь в Швейцарии, Даллес уточнил детали плана государственного переворота в Иране, распределил роли и направил соответствующие директивы представителям ЦРУ в Тегеране.

На подкуп офицеров и государственных чиновников ЦРУ выделило 19 млн. долларов, которые генерал Шварцкопф реализовал среди сторонников генерала Фазулы Захеда.

Шах утром 9 августа подписал фирманы о смещении Мосаддыка и назначении на вакантное место генерала Захеда. Подписанные фирманы агенты ЦРУ принялись размножать среди населения. О начале переворота доложили Мосаддыку, который незамедлительно стянул в столицу лояльные войсковые части. Возникла реальная угроза срыва намеченного плана. К утру 16 августа правительство Мосаддыка объявило о предотвращении военного путча. Узнав об этом, Мохаммед Пехлеви вместе с шахиней Сорайей вынужден был 16 августа покинуть пределы Ирана, вылетев из Рамсара (Гилян) через Багдад в Италию.

16 августа видные члены мосаддыковского правительства — министр иностранных дел Хоссейн Фатеми, Зиракзаде и другие — в своих выступлениях перед народом обрушились на шаха и представителей рода Пехлеви и придворных кругов, призывая к ликвидации монархии.

Хоссейн Фатеми был настроен оптимистично, считая свержение Мохаммеда Реза Шаха Пехлеви уже делом совершенным, он, в частности, говорил: «...Сегодня мы восстали и опрокинули позорное учреждение,

основы которого были заложены английским полковником (имеется в виду Реза-Шах) тридцать два года назад для защиты интересов Великобритании в отношении южной нефти Ирана. Сегодня вы должны протянуть руку помощи отважному сыну нашего отечества доктору Мосаддыку, с тем, чтобы заложить основы нового Ирана, Ирана благоустроенного, свободного от иностранных заговоров. Соотечественники, слава Аллаху, что последняя опора английского влияния, бесславный дворец Пехлеви, разрушен. Кроме вашей воли никакая иная воля не была бы в состоянии без всякого кровопролития уничтожить это гнездо интриг и позора»^[212].

19 августа утром в Тегеране вспыхнуло восстание. Небольшая демонстрация в поддержку шаха вдруг переросла в огромную орущую толпу. Все возрастая, толпа хлынула в центр города, возвещая о своей ненависти к Мосаддыку и о поддержке шаха. Внезапно повсюду появились портреты шаха. Машины зажгли фары, что тоже означало поддержку монарха. Начались столкновения между антимонархистами и сторонниками монархии. К вечеру верные Мосаддыку войска и поддерживавшие правительство тегеранцы были окружены мятежниками и вскоре сдались. Мосаддыку же удалось скрыться. Но уже на следующий день сам премьер вместе с некоторыми членами своего кабинета были обнаружены мятежниками в северной части Тегерана и схвачены.

Позже американский генерал Стюарт рассказал о роли военной миссии США в перевороте: «Когда кризис наступил и дело шло к коллапсу, мы нарушили обычные порядки. Среди других шагов, предпринятых нами, было немедленное снабжение армии запасными одеялами, обувью, обмундированием, электрогенераторами, медикаментами, что позволило создать условия, в которых они [личный состав армейских подразделений] могли поддержать шаха... Винтовки, которые они держали в руках, грузовики, на которых они проезжали, бронемашины, на которых они курсировали по улицам, средства связи, которые обеспечивали контроль, — все было им предоставлено по программе военной помощи. Если бы не было этой программы, то, вероятно, у властей сейчас там стояло бы правительство, недружественное США»^[213].

Надо отметить, что прокоммунистические силы, возглавляемые партией Туде, заняли непоследовательную позицию по отношению к правительству Мосаддыка.

22 августа шах с большим триумфом вернулся на родину, в Тегеран. На следующий день в шахский дворец был приглашен Кермит Рузвельт, которому монарх официально объявил благодарность, как представителю

ЦРУ. Мосаддыка и его ближайших соратников в октябре 1953 г. судил военный трибунал, длившийся 43 дня. Предъявленное Мосаддыку обвинение содержало 14 пунктов: государственная измена, неподчинение шаху, покушение на корону, попытка свержения монархии, намерение провозгласить республику и т.д.

Наконец, 21 декабря трибунал приговорил Мосаддыка к смертной казни, но шах так и не решился привести этот приговор в исполнение. Наказание смягчили до трех лет тюремного заключения, по истечении которых Мосаддыка сослали под надзор властей в свое имение Ахмедабад под Тегераном, где он и умер в марте 1967 г.

Из ближайших соратников Мосаддыка был казнен лишь Х. Фатели. После зверских пыток 10 октября 1954 г. он был повешен. Зато активистов Туде расстреливали десятками.

Новым премьером был назначен отставной генерал Фазулла Захеда.

Глава 27

«ПЕРЕСТРОЙКА» ПО-ПЕРСИДСКИ

Сразу же после переворота американский президент Эйзенхауэр заявил о предоставлении новому иранскому правительству срочной безвозмездной ссуды в 45 млн долларов. Одновременно под эгидой правительства США стали рассматриваться возможные пути разрешения проблемы иранской нефти. Этим занялся советник госсекретаря по нефти Герберт Гувер-младший, и к октябрю 1953 г. он предоставил проект концессионного соглашения по иранской нефти.

В декабре 1953 г. в Лондоне собрались на совещание представители семи крупнейших англо-американских нефтяных корпораций, которые решили для организации добычи и сбыта иранской нефти создать Международный нефтяной консорциум (МНК).

После долгих переговоров, в сентябре 1954 г., иранское правительство заключило с Международным нефтяным консорциумом соглашение о добыче и реализации иранской нефти сроком на 25 лет с последующим продлением этого срока еще на 15 лет. Акции консорциума распространялись между «Бритиш петролеум К0» (бывшей АИНК) — 40%, пятью американскими компаниями: «Сокони Мобил ойл К°», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Гальф ойл корпорейшн», «Стандард ойл компани оф Калифорния», «Тексас ойл компани» — 40% (5% этих акций были приобретены в 1955 г. девятью американскими компаниями, образовавшими единую компанию «Ирикон эйдженси»), англо-голландской «Роял датч шелл» — 14%, французской «Компани франсэз дю петроль» — 6%. На основании соглашения с консорциумом были созданы две эксплуатационные компании по добыче и переработке нефти. 12,5% добытой нефти могло быть реализовано непосредственно Иранской национальной нефтяной компанией, самостоятельная роль которой в нефтяной промышленности Ирана была сведена до минимума.

В ведении иранского правительства сохранились промыслы в районе Нафтешаха (150 тыс. т нефти ежегодно), обеспечивавшие 10% потребностей страны. Остальное количество необходимой нефти Иран вынужден был покупать у консорциума.

Несмотря на установление реакционного режима в Иране, Н.С. Хрущев предпринял ряд шагов к улучшению советско-иранских отношений. Так, в

декабре 1954 г. было заключено соглашение по пограничным и финансовым вопросам. В том числе были удовлетворены финансовые претензии Ирана, связанные с периодом Второй мировой войны, а также разрешены некоторые другие вопросы.

В апреле 1957 г. обе стороны на встрече в Тегеране подписали протоколы о декларации редемаркации советско-иранской границы и соглашение о транзите через территорию Советского Союза.

В августе 1957 г. СССР и Иран заключили соглашение о совместном использовании ирригационных и энергетических ресурсов пограничных участков рек Араке и Атрек. В январе 1958 г. было подписано соглашение о железнодорожном сообщении между Москвой и Тегераном.

Казалось бы, улучшение отношений с СССР дает Ирану возможность вести политику нейтралитета, балансируя между блоками и получая от этого определенные экономические и политические выгоды. Однако шах и его окружение продолжали наращивать объемы военного сотрудничества с США.

Еще 24 февраля 1955 г. под нажимом американской дипломатии в Багдаде состоялось подписание «Пакта о взаимном сотрудничестве между Ираком и Турцией», получившего название «Багдадский пакт». В принятых документах предусматривалась возможность присоединения к пакту других стран.

Создание блока сопровождалось заключением двусторонних соглашений стран Востока с США и Великобританией. В 1954 г. было заключено соглашение между Турцией и США, по которому США получили возможность использовать турецкие военные базы. 19 мая 1954 г. в Карачи состоялось подписание американо-пакистанского соглашения о взаимной помощи и обороне.

Англия официально присоединилась к Багдадскому пакту, подписав 4 апреля 1955 г. англо-иракское соглашение.

16 апреля 1955 г. МИД СССР сделал заявление о безопасности на Ближнем и Среднем Востоке, в котором указывалось, что западные державы втягивают страны Востока в военно-политические блоки с целью сохранения своего господства вопреки жизненным интересам народов этих стран. Причиной создания блоков, отмечалось в заявлении, является не «советская угроза», а корыстные интересы западных держав и правительств стран, вступающих в антисоветские пакты.

23 сентября 1955 г. к Багдадскому пакту присоединился Пакистан, а 3 ноября — Иран. Вступление Ирана в блок было не в последнюю очередь обусловлено получением Ираном от США экономической помощи на

сумму около 100 млн. долларов.

Позже шах напишет, что нейтралитет, которого придерживался Иран в области внешней политики в течение 150 лет, ничего хорошего не принес, и «поэтому необходимо смело избрать свой путь, чтобы, с одной стороны, приобрести себе достойных союзников, а с другой — добиться уважения других государств»^[214].

В связи с вступлением Ирана в Багдадский пакт МИД СССР заявил, что такая политика правительства Ирана может привести к использованию иранской территории для создания иностранных баз. В ответной ноте МИД Ирана от имени своего правительства заверил Советский Союз, что оно «не предоставит никакому государству права иметь ракетные базы всех видов на территории Ирана»^[215].

Окончательное оформление блока состоялось 21—22 ноября 1955 г. в Багдаде на учредительной сессии. В его состав вошло пять государств: Ирак, Турция, Великобритания, Пакистан и Иран. США, хотя и являлись одним из главных организаторов Багдадского пакта, сами официально в него не вошли, а сохранили за собой статус наблюдателя.

Увы, после победы националистической революции в Ираке в июле 1958 г. Багдадский пакт остался без Багдада и стал именоваться СЕНТО (The Central Treaty Orgsnization).

В 1970-х годах цены на нефть резко возросли. Нефтяной бум и большие поступления валюты на время стабилизировали монархию в Иране. Мохаммед Реза почувствовал себя в седле и приступил к осуществлению так называемой «белой революции».

Так, весной 1975 г. произошел переход к однопартийной системе. По инициативе шаха была создана «Партия возрождения иранской нации» («Хозб-е растахиз-е меллат-е Иран»). Основными идейно-политическими постулатами этой партии являлись верность «шахиншахскому строю», конституции (хотя сам шах и нарушал ее) и программе «революции шаха и народа». Монархия провозглашалась единственной формой правления, соответствующей «национальным чаяниям» иранского народа. Шах именовался «командующим» и «вождем» иранской нации, а роль «вождя» в общественной жизни страны называлась «решающей». Программа «революции шаха и народа» подразумевала великодержавный персидский шовинизм.

Мохаммед Реза утверждал, что история иранского государства «в своем величии и самобытности представляет исключение во всеобщей истории». В программе «белой революции» шах писал: «Мы предложили

ее [революцию] народу в качестве импортного товара. В течение целых тысячелетий мы сами являлись творцами идей, философии и логики. Для нас было бы недостойно рядиться сегодня в чужие одежды»^[216].

24 апреля 1975 г. шах издал указ о включении реформы «расширение собственности в промышленности» в программу «революции шаха и народа». По идее шаха предполагалась массовая продажа трудящимся акций частных и государственных предприятий. Планировалось проводить распродажу поэтапно до октября 1978 г. 49% акций частных и 99% акций государственных и других крупных производственных предприятий (капитал каждого из которых составлял 1 — 1,5 млн. долларов) промышленным и сельскохозяйственным рабочим, крестьянам и представителям других классов. Однако реформа не распространялась на предприятия металлургической, нефтехимической, нефтедобывающей промышленности и на другие ключевые отрасли государственных секторов. (Как не вспомнить «ваучеризацию» в некотором царстве-государстве!)

К тому времени 54% иранцев жили ниже порога бедности — их семьи расходовали в год менее 800 долларов. Понятно, что покупать акции им было просто не на что. К тому же мы сейчас хорошо знаем на собственном опыте, как подлинный владелец предприятия обманывает мелких держателей акций.

Шахские власти, естественно, знали о бедности населения, и, чтобы помочь народу приобрести акции промышленных предприятий, были созданы специальные финансово-административные учреждения, обязанные приобретать акции фирм и предприятий, а затем, используя систему кредитов, продавать их рабочим и другим бедным слоям населения. Однако деятельность этих учреждений привела лишь к разворовыванию выделенных средств. В итоге реформа «расширения собственности в промышленности» провалилась.

При создании Партии единой иранской нации тоже возникли проблемы. Дабы избежать обвинений в проведении аналогий, процитирую С.М. Алиева: «Весьма показательным был провал попытки Мохаммеда Резы Пехлеви создать массовую партию. Несмотря на все формальные признаки существования партии "Растахиз", она оставалась организацией высокопоставленных чиновников и не пользовалась популярностью среди широкой общественности. Это публично признал даже такой лояльный к шаху политический деятель, как Эбрахим Хадженури. В письме, направленном генеральному секретарю партии "Растахиз" Дж. Амузегару, Хадженури писал, что абсолютное большинство народа до сих пор не

уверенно в необходимости существования этой партии. Далее он отмечал, что формальное участие многих деятелей в работе партийных центров происходит "из почитания директив шаха, который призвал весь иранский народ к участию в ее деятельности". Да и сам Мохаммед Реза Пехлеви (правда, несколько позже, в разгар революционных событий летом 1978 г.) заявил, что руководство партии "Растахиз" не сумело выполнить задачу, возложенную на него режимом»^[217].

С треском провалились и другие реформы шаха. Так, в 1962 г. он затеял кампанию по борьбе с неграмотностью, а спустя 14 лет после начала этой кампании более трех миллионов иранских детей школьного возраста не посещали школы. Всего неграмотных в стране насчитывалось 14,2 млн. человек, то есть на 2 миллиона больше, чем в 1965 г.

Страна остро нуждалась в квалифицированных рабочих, инженерах, врачах, учителях и многих других специалистах. Однако большинство иранцев, получивших высшее образование за границей, не хотели возвращаться на родину, в основном из политических соображений. Поэтому правительство приглашало в Иран иностранных специалистов и квалифицированных рабочих, однако это лишь частично решало проблему. Шах же был против расширения сети высших учебных заведений в стране, считая студенчество нежелательным элементом для режима.

По тем же причинам опять предоставляю слово Алиеву: «Ограниченное число функционирующих государственных больниц и других учреждений здравоохранения, почти полное отсутствие таковых во многих сельских районах, острая нехватка врачей лишали смысла реформу о защите материнства и младенчества. По этим же причинам правительство обладало ограниченными возможностями для реализации реформы, предусматривавшей улучшение социального обеспечения.

Что касается борьбы с коррупцией, то эта реформа была, видимо, продиктована стремлением шаха обелить себя и свое окружение в глазах общественности. Казнокрадство, коррупция, взяточничество стали неотъемлемой чертой верхушки бюрократической буржуазии, включая высшие чины армий и полиции. Время от времени шах и его окружение вынуждены были принимать какие-то меры в отношении наиболее отъявленных казнокрадов. Иногда шах использовал эти меры, чтобы убрать с политической арены деятелей, в лояльности которых у него возникали сомнения.

Расширение функций государственного сектора и превращение его в самый мощный экономический организм страны, резкое увеличение доходов от нефти, рост объема импорта, особенно военных закупок в

развитых капиталистических странах, сопровождались расширением масштабов финансовых злоупотреблений и коррупции. Вместе с тем закон о борьбе с коррупцией был составлен таким образом, чтобы не мог служить основой для организации эффективной борьбы с этим социальным злом, ибо против коррупции и других злоупотреблений финансово-экономического характера должны были бороться сами представители бюрократической буржуазии, в частности, действовавшие под руководством шаха "Организация шахиншахской инспекции" и "шахиншахская комиссия", без всякого участия широкой общественности. Реформа обязывала высокопоставленных чиновников извещать власти о размерах капитала и недвижимой собственности своего семейства. В период пребывания представителя семьи на государственной службе его капитал должен был быть обращен в ценные бумаги или вложен в анонимные компании, указанные правительством. Одним словом, капитал высокопоставленного чиновника должен был находиться под контролем правительства. Подобное "ограничение" отнюдь не закрывало путь к коррупции и другим финансовым злоупотреблениям, тем более что многие представители иранской элиты хранили большую часть своих капиталов в зарубежных банках»^[218].

Шах проводил и аграрную реформу. В первой половине 1960-х г. площадь землевладения ограничивалась землями одной деревни, а остальные угодья передавались безземельным крестьянам в рассрочку на 15 лет. В середине 1960-х гг. был введен максимум землевладения, составлявший 30 гектаров орошаемых и 200 гектаров богарных земель. Хозяйствам, применяющим современные методы сельхозпроизводства, устанавливалась привилегия до 500 гектаров. В начале 1970-х гг. государство создавало условия для кооперативного движения и для крупных зерноводческих хозяйств на государственных землях. В целях общекультурного подъема села туда были направлены добровольцы-военнообязанные из Корпусов просвещения и здравоохранения.

Последствия аграрных преобразований были неоднозначны и противоречивы. Так, в 1960-х гг. крестьянское безземелье (60% крестьян) сменилось крестьянским малоземельем (иного при ограниченности пахотных угодий в Иране и не могло быть), но социальная база шахского режима в деревне за указанное десятилетие резко увеличилась. С другой стороны, раздробленное на мелкие наделы сельское хозяйство в эти годы само стало потреблять большую часть производимой продукции, и в связи с необеспеченностью городов продовольствием Иран был вынужден прибегнуть к импорту сельхозтоваров. Таким образом, уже в 1960-х гг.

наблюдаются противоположные социальные и экономические последствия аграрных преобразований.

В 1970-е же гг. стало ясно, что темпы аграрных преобразований в стране оказались слишком высокими: на смену феодальному безземелью крестьянства через короткий период малоземелья приходит процесс обезземеливания обуржуазивающейся деревни, земли которой интенсивно переходят в руки деревенской кулацкой верхушки и тех же бывших помещиков (около 30% деревенского населения). До 41% крестьянства были вынуждены в 1970-х гг. мигрировать в города, не нуждавшиеся в таком количестве рабочей силы, и составили там значительный слой безработных, взрывоопасный в плане социального протеста, традиционно массового в этой стране.

Период «белой революции» характеризуется быстрыми темпами промышленного роста благодаря политике реформизма, проводимой шахом, и притоку нефтедолларов, особенно с 1973 г. ВВП на душу населения увеличился за 1963—1978 гг. со 100 долларов в год до 1521 долларов. Темпы прироста промышленного производства составляли 8,8% в год в 1962-1968 гг., 11,5% - в 1969-1972 гг., 26% - в 1973-1978 гг. Однако эти блестящие показатели были достигнуты в основном за счет развития сборочного производства, не укрепляющего экономической самостоятельности страны и, что самое существенное, на путях развития капитализма сверху, блокирующего возможности демократического развития капитализма снизу с втягиванием в буржуазно-рыночные отношения основной массы населения.

Разрыв между сельским хозяйством и другими отраслями экономики все более углублялся. Если в 1973 г. доля сельхозпродукции в ВВП составляла 18,1%, то к 1977 г. она снизилась до 8%. Даже без нефти между 1972 г. и 1976 г. доля сельского хозяйства в ВВП упала с 23% до 15%. Стоимость закупок импортных продовольственных товаров за тот же период возросла с 32 млн. до 1,5—2 млн. долларов, а к 1978 г. достигла 2,5 млрд. долларов.

Позже аятолла Хомейни скажет: «На весь мир шах и его приспешники растрезвонили о своей политике индустриализации, которая, в сущности, была основана на импорте частей и деталей для сборки в стране заграничной техники с использованием дешевой местной рабочей силы. Кому нужны созданные на такой основе сверхсовременные отрасли промышленности...

...А сколько писала пропаганда шаха о женской эмансипации, являющейся будто бы одним из важнейших компонентов и достижений

"белой революции"? Сколько раз нападала на духовенство, которое во время выступлений начала 60-х годов высказывалось против мероприятий шахского режима? Да, женщинам разрешили ходить без чадры, предоставили избирательные права, а мужчин ограничили двумя женами вместо предусмотренных шариатом четырех. И зачем? Чтобы получить дешевую рабочую силу и создать новые гнезда разврата?..»^[219]

Итак, «белая революция» («национальные проекты») не только не создала всенародную поддержку шаху, но и крайне обозлила население. Единственной надеждой и опорой режима стали карательные органы.

В 1955 г. при помощи американских экспертов и специалистов началось формирование секретных шахских структур. Официально САВАК (шахская секретная служба) был основан в октябре 1957 г. и просуществовал до февраля 1979 г. Сформированный при активной помощи американского ЦРУ, британской службы «Intelligence Service» (Ми-6) и израильскими офицерами из МОССАД, шахская охранка САВАК довольно быстро превратилось в эффективное секретное агентство внутренней безопасности и допроса, первичная цель которой состояла в том, чтобы устранить угрозы шаху. Некоторое влияние на формирование шахской тайной полиции оказали также турецкая МИТ и спецслужбы Франции (основатель иранской шахской разведки генерал Теймур Бахтияр окончил в Париже военную академию при Генштабе французской армии).

Израиль направил в Иран своих спецпредставителей из МОССАД, одним из которых был Яков Нимроди. Еще до войны за независимость 1948 года Яков Нимроди вступил в ударно-диверсионный отряд «Пальмах». Затем оказался в израильской Военной разведке «Аман», которая в 1955 г. направила 30-летнего полковника в Тегеран в качестве военного атташе.

Выполняя поручения как «Амана», так и МОССАД, заинтересованного в установлении более тесных связей с Ираном, Нимроди участвовал в становлении шахской спецслужбы САВАК. Ему же отводят одну из ключевых ролей в раскручивании курдской проблемы, столь болезненной для всегда враждебного Ирану Ирака.

По своей сущности шахский САВАК был организацией открыто промонархической направленности, в элитный состав которой входили монархисты ультраправых взглядов. САВАК также представлял собой тайную политическую полицию шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, Министерство госбезопасности, Военную разведку (под начальством генерала Киа), орган разведки и контрразведки в одном лице. Его миссия состояла в том, чтобы защитить шаха; предотвращать деятельность групп,

идеология которых противоречила принципам конституции; предотвращать заговоры, которые были направлены против безопасности, и контролировать всю оппозицию, особенно политическую оппозицию. Естественно, под понятием «национальная безопасность» подразумевалась безопасность верховной власти шаха и в целом безопасность существовавшей иранской монархической политической системы.

Первым директором секретной службы назначен генерал Теймур Бахтияр (родственник второй жены шаха Сорайи Эсфадиари). Спецслужбы США сумели завербовать главу шахской разведки САВАК. Шах Пехлеви его все-таки уволил в 1961 г. и выгнал из страны: «саваковцы» расправились с опальным генералом несколькими годами позже по прямому приказанию шаха. Организация САВАК с самого начала ее возникновения была под крылом ЦРУ. Вашингтон, как он это делает во всем мире, сквозь пальцы смотрел на пытки, убийства и прочие безобразия САВАК и генерала Бахтияра, пока они служили американским интересам. Как только шах убрал Бахтияра и восстановил свой контроль над САВАК, западная пресса стала оценивать эту службу как злодейскую организацию, о чем годами говорили иранские коммунисты и демократы.

На освободившийся пост тайной полиции шах назначил генерала Хассана Пакравана.

10 апреля 1965 г. в Мраморном дворце на жизнь шаха было совершено неудавшееся покушение. В результате перестрелки погибло 12 человек, включая охрану шаха. В Тегеране было введено осадное положение, агентура САВАК развернула активную деятельность по поиску заказчиков. В результате молниеносного расследования через несколько дней стало известно, что охранников подкупили аятоллы. Вскоре были арестованы и уничтожены в саваковских застенках все зачинщики и участники это покушения.

Однако меры, принятые по обузданию оппозиций, особенно против исламистов аятоллы Хомейни, не принесли ожидаемых результатов. В 1965 г. специальным указом шаха генерала Пакравана освободили от занимаемой должности и направили послом Шахского Ирана в Пакистан. Выдвигалась версия, что основной причиной увольнения Пакравана было то, что его секретная контора вовремя не пресекла попытку убийства шаха.

Его место занял профессионал в этом деле — генерал Нематолла Нассири, который был одноклассником и другом детства шаха. Мохаммед Реза Шах Пехлеви дал генералу Нассири свободу действия и соответствующие инструкции — восстановить и укрепить охранку САВАК и должным образом служить монарху.

Генерал Нематолла Нассири идеально справился с поставленной перед ним задачей: была создана довольно сложная и эффективная система тотального сыска и доносительства, которая контролировала все аспекты политической и общественной жизни страны. Например, был установлен Офис цензуры, чтобы контролировать журналистов, литературных деятелей и академиков по всей стране. Кто отступал от официальной линии, к тем САВАК применяло соответствующие меры. Один из лидеров, идеологически обосновывавших «белую революцию шаха и народа», Але Ахмад — автор «Западничества», в 1961 г. опубликовал первый вариант своей книги (более точный перевод «Заражение Западом»), которая насторожила придворную элиту. В результате Але Ахмад был взят под надзор «саваковцев». В отчетах САВАК книга «Западничество» отнесена к категории «особо опасных для существующего режима», а ее автор охарактеризован следующим образом: «...этот человек на протяжении всей своей жизни действовал против государственного порядка. Его прозвище в политических кругах — "старый партизан"».

В это же время полномочия САВАК были расширены в области сбора ценных сведений и нейтрализации противников монархического режима как внутри страны, так и за рубежом. Университеты, профсоюзы и крестьянские организации находились под интенсивным наблюдением агентов САВАК и платных осведомителей. В общественной жизни дела обходились так же: от приема на работу или государственную службу и вплоть до выдачи паспортов, пенсий и пособий — все контролировал вездесущий САВАК. Вовсе не является вымыслом тот факт, что в Иран невозможно было попасть, не оказавшись в поле зрения сотрудников тайной полиции САВАК.

Сотрудники и агентура САВАК вели систематическую слежку не только за оппозиционными организациями и деятелями, за инакомыслящими, но фактически и за всеми высокопоставленными государственными служащими, лояльными к шаху политическими деятелями, журналистами, предпринимателями, писателями и т.д. Не полагаясь вначале полностью на САВАК, шах в 1958 г. учредил специальную «шахскую инспекцию», назначив ее руководителем своего друга генерала Хоссейна Фардуста, товарища по учебе в Швейцарии. Эта секретная организация предоставляла монарху данные относительно «темных сторон» в деятельности иранской элиты.

Мансур Рафизаде, директор САВАК в Соединенных Штатах Америки в 1970-х гг., утверждал, что телефон генерала Нассири прослушивали агенты САВАК и записывали на диск, а затем непосредственно сообщали

шаху об уровне преданности Нассири монархии.

После свержения шахского режима были опубликованы мемуары генерала Хоссейна Фардуста, в которых он раскрывает особенность правления Мохаммеда Реза Пехлеви, где немалый интерес вызывают данные, которые позволяют вскрыть методы использования получаемых у разведслужб сведений в личных интересах, прежде всего для упрочения своей верховной власти. Генерал Фардуст, например, пишет о том, что, получая от него данные относительно фактов казнокрадства, коррупции и других неблагоприятных действий среди представителей высшего эшелона власти, шах на них порою не реагировал. На первых порах у генерала это вызывало удивление, поскольку как глава шахской инспекции он вел расследование деятельности определенных лиц или организаций по поручению самого шаха. Но все стало на свое место, когда глава шахской инспекции понял, что подобная информация использовалась шахом для того, чтобы держать свое близкое окружение и всю политическую верхушку в повиновении и постоянном страхе.

В конце 1970-х гг. в Иране сложилась парадоксальная ситуация — налицо имелся быстрый экономический рост, армия и флот страны занимали первое место на Ближнем Востоке, САВАК обеспечивал видимость стабильности и всенародной любви к шаху, а тем не менее режим шел к гибели.

Глава 28

ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

18 февраля 1978 г. в городе Тебриз, в центре Иранского Азербайджана, началось антишахское восстание, в котором приняли участие не менее 100 тысяч человек. Полицейские Тебриза отказались стрелять по восставшим. Тогда в город были направлены армейские части, танковые подразделения и боевые вертолеты. В результате сотни людей были убиты и ранены. Однако к лету 1978 г. антиправительственным восстанием были охвачены уже многие города страны. Особенно сильные волнения вспыхнули в Мешхеде, Исфахане и других городах провинции Исфахан.

4 сентября, в день праздника «фитра», в Тегеране прошли организованные оппозицией мирные демонстрации, заранее согласованные с властями. В этот день впервые исламский религиозный праздник получил политическую окраску. По всей стране в демонстрациях приняли участие более 4 миллионов человек. Самыми популярными лозунгами демонстрантов были: «Аллаху Акбар, Хомейни рахбар» («Аллах велик — Хомейни вождь»), «Смерть шаху и империалистам», «Мы требуем исламскую республику». Нетрудно догадаться, что демонстрации управлялись из-за рубежа аятоллой Хомейни.

Будущий духовный вождь революции Рухолла Мусави Хомейни родился в 1900 г. в Хомейне — небольшом городке к югу от Тегерана, в семье потомственного богослова. Еще в младенчестве он потерял отца, а в 15 лет — и мать. Но родители успели сделать все, чтобы религия стала смыслом жизни юного Хомейни. Даже имя его — Рухолла — по-персидски означает «дух Аллаха». Хомейни учился в религиозных школах Хомейна, затем в «шиитском Ватикане» — священном городе Кума, где и остался жить, преподавая философию, мистику и этику в самом авторитетном учебном заведении Ирана, центре исламских исследований — Файзие.

В неполные 27 лет Хомейни получил звание муджтахида, то есть ученого богослова, имеющего право практиковать юридические нормы ислама. В 1937 г. он совершил паломничество в Мекку.

В конце 1950-х гг. Хомейни был провозглашен аятоллой («божественным знаменьем»), а в 1961 г. — великим аятоллой.

В январе 1963 г. в ответ на проведение в Тегеране по повелению шаха марша эмансипированных женщин Хомейни призвал к свержению

монархии вооруженным путем. В ноябре 1964 г. великий аятолла был выслан из Ирана в Анкару. А к 1978 г. Хомейни проживал в Париже.

6 сентября аятолла Хомейни направил иранцам послание, в котором благодарил армию за то, что она не выступала против демонстрантов ни в Тегеране, ни в других городах, но одновременно Хомейни призывал к усилению давления на династию Пехлеви.

Шах был вынужден пойти на уступки, и в июне 1978 г. правительство объявило о введении некоторых демократических прав и свобод. Разрешено было и образование партий, но действующих исключительно в «рамках закона».

Но ситуация в стране продолжала накаляться. Так, 7 сентября полумиллионная толпа тегеранцев направилась к зданию меджлиса. Многие демонстранты облачились в белые саваны, показывая тем самым, что готовы погибнуть в борьбе с шахской диктатурой. Лозунги демонстрантов были те же, что и в день праздника «фитра».

Реза понял, что от «пряника» надо переходить к «кнуту», и назначил генерала Голам-Али Овейси военным губернатором Тегерана. А 8 сентября с 6 часов утра в столице и еще в одиннадцати городах было введено военное положение. В этот день правительственные войска совершили самое жестокое избиение мирных демонстрантов. Случилось это в пятницу, в день общественной молитвы. Ранним утром на площади Жале на востоке Тегерана собралась демонстрация, состоявшая в основном из мелких торговцев и рабочих базара. К 8 часам их окружили армейские части и танки, которые без предупреждения открыли по демонстрантам огонь из автоматического оружия. К месту побоища прибыли и военные вертолеты.

В бедных районах южного Тегерана начали строиться баррикады, а полицию и солдат встречали выстрелами и бутылками с зажигательной смесью. Но силы были явно не равны. В этот день, 8 сентября, правительственные войска убили более 4,5 тысячи демонстрантов. В последующие дни только на одном кладбище Тегерана — Бехешт-е Захра — было погребено 4290 человек.

Примечательно, что на этот раз борьбу с шахом возглавило шиитское духовенство. В октябре—ноябре 1978 г. забастовочное движение охватило как государственные, так и частные предприятия. Забастовки были хорошо организованы: они начинались одновременно на всех или почти всех предприятиях одной отрасли или промышленной группы. Так, рабочие Бехшахрской промышленной группы (сорок производственных объектов) начали бастовать одновременно. Забастовку нефтяников провинции Хузестан поддержали рабочие всех нефтяных и газовых предприятий

страны. А поскольку экономика и финансы Ирана к этому времени держались в основном на «нефтяной трубе», то забастовка вела страну к хаосу.

16 января 1979 г. шах Мохаммед Реза Пехлеви и шахиня Ферах отправились в тегеранский аэропорт Мехрабад. «Я еду в отпуск, — сказал шах провожавшим, — потому что чувствую себя очень усталым». Придерживая под руку закутанную в меха супругу, с коробочкой иранской земли в кармане, шах прошел под Кораном, как принято у мусульман перед началом путешествия, и направился к своему «Боингу-707». «В глазах шахиншаха — царя царей — стояли слезы, когда с верхней ступени трапа он помахал рукой провожавшим и бросил последний взгляд на гору Эльбрус. Затем он прошел к креслу пилота, поднял самолет в воздух, сделал круг над Тегераном и... отправился в политическое небытие»^[220].

А уже через две недели, 1 февраля, 80 тысяч жителей страны пришли на небывалое по массовости богослужение. Верующие ожидали посланца Аллаха.

А в воздухе уже появился лайнер «Боинг-747» авиакомпании «Эр-Франс», летевший из Парижа в Тегеран. На его борту находился великий аятолла со своей свитой из 50 помощников и приближенных, в сопровождении 150 журналистов. С.Л. Агиев писал: «Многие из 35-миллионного населения Ирана ждали его прибытия так, словно на землю спускался шиитский мессия — 12-й имам Махди, таинственно исчезнувший в последней трети IX века и, по преданию, скрытый на небе, чтобы, вернувшись в день Страшного суда, установить среди людей на вечные времена царство истины и справедливости. Сам пассажир "Боинга" — Рухолла Мусави Хомейни — отнюдь не претендовал на столь высокую роль, считая себя лишь помощником, наместником 12-го имама, призванным подготовить народ к тому дню, который будет освящен явлением Махди»^[221].

В Мехрабадском аэропорту аятолле встречало людское море, скандировавшее «Аллах велик! Шах ушел, имам пришел!» С этого момента Хомейни превратился в главную политическую фигуру страны.

5 февраля 1979 г. Хомейни объявил о незаконности правительства Ш. Бахтияра и назначил Мехди Базаргана главой временного революционного правительства. Это был тактически верный ход аятоллы. 73-летний Мехди Базарган получил инженерное образование в Париже. В свое время он был сподвижником Мосаддыка и одним из видных деятелей Национального фронта. Шахская охранка четыре раза бросала его в тюрьму. Базарган

пользовался поддержкой как либералов, так и левых.

Одновременно сторонники Хомейни и активисты левых радикалов — «народных муджахидов» и федаинов приступили к созданию вооруженных отрядов.

Сторону Хомейни приняли хомафары, то есть технический состав ВВС Ирана, дислоцированных на военно-воздушной базе Довшантапе под Тегераном. Вечером 9 февраля подразделения «бессмертных» (шахской гвардии) атаковали Довшантапе. С полудня 10 февраля на стороне хомафаров выступили федаины, а затем муджахиды, небольшие вооруженные группы членов Народной партии и других революционных организаций.

Утром 11 февраля восстание охватило все население. Люди разбирали оружие в арсеналах, казармах и полицейских участках. Восставшие захватили главные управления полиции и жандармерии, штаб-квартиру САВАК, тюрьмы, здания меджлиса, радио и телевидение, шахские дворцы. Положение в городе полностью вышло из-под контроля религиозного руководства, которое даже в это время — вечером 10 февраля и утром 11 февраля — продолжало вести переговоры с Бахтияром и военным командованием.

В 14 часов 11 февраля Высший военный совет заявил о своем нейтралитете в отношении политических событий и отдал приказ всем войскам вернуться в казармы. Это была капитуляция шахских вооруженных сил, последние очаги сопротивления которых подавили к утру 12 февраля.

Согласно полуофициальным сообщениям, в ходе восстания в Тегеране погибло 654 человека и ранено 2804 человека.

В результате восстания власть окончательно перешла в руки Хомейни и созданного им Революционного совета.

«После падения монархии массы уверовали чуть ли не в сверхъестественную, божественную природу Хомейни. На время для десятков миллионов иранских мусульман он превратился в чудодейственного идола, которому стали поклоняться и у которого искали защиты, покровительства и даже избавления от недугов для себя и своих близких. К нему (в г. Кум) шли за благословением из всех уголков страны: слабые за вдохновением, больные за исцелением, матери — чтобы получить его благодать для своих детей... И вождь выходил к народу, бросал в толпу несколько фраз о величии ислама и мусульман Ирана, о необходимости сохранять единство и бороться с врагами ислама и т.д., а затем давал возможность прикоснуться к его руке, "освящая" своим прикосновением взрослых и младенцев, куски ткани, становившиеся

отныне священными реликвиями. В этих условиях массы иранских мусульман в своем подавляющем большинстве были готовы к выполнению любых распоряжений вождя, которого они боготворили»^[222].

Надо ли говорить, что подобная ситуация не радовала премьера М. Базаргана и его министров, не желавших исполнять роль «свадебных генералов» при Революционном совете.

Одним из важных моментов в разногласии правительства при Революционном совете стал вопрос о взаимоотношениях с США. Президент Дж. Картер и Госдепартамент США были крайне недовольны падением шахского режима, но поначалу действовали крайне осторожно. Так, им удалось договориться с новыми иранскими властями об эвакуации оставшихся в Иране 7 тысяч граждан США, а главное, беспрепятственного вывоза американского электронно-разведывательного оборудования, установленного во время шахского режима вдоль советской границы.

Однако американцы отказались поставить запрашиваемые иранским правительством новые партии вооружения, в том числе эсминцы (а фактически — крейсера-ракетоносцы), заказанные еще при шахе, без приглашения военных советников и экспертов из США.

В начале октября 1979 г. министр иностранных дел Ирана Ибрагим Язди встретился в США с госсекретарем Сайрусом Вэнсом по вопросам ирано-американских отношений. После переговоров Язди сообщил иранским журналистам, что просил госсекретаря проявить «добрую волю» в вопросе о сотнях соглашений между двумя странами, воздействовал на те американские корпорации, которые, требуя возмещения нанесенного им революцией ущерба, фактически заблокировали иранские финансовые авуары в банках США. Поэтому иранское правительство пыталось доказать общественности Ирана, что давние экономические связи с США не могут быть прерваны, так как денонсация существующих договоров — ввиду неизбежности выплаты больших неустоек и штрафов — принесла бы больше ущерба Ирану, чем его американским контрагентам.

21 октября администрация США известила иранское правительство, что шаху предоставляется временная виза для госпитализации в Соединенных Штатах, а на следующий день концерн Рокфеллера организовал перелет шаха в Нью-Йорк, где его поместили в клинику. Это дало повод сторонникам Хомейни для решительных действий. Они решили одним выстрелом убить двух зайцев — оказать давление на США и убрать правительство Базаргана.

4 ноября 1979 г. толпа из 400 человек, заявившая, что они члены

Организации мусульманских студентов — последователей курса имама Хомейни, напала на дипломатическое представительство США. Сотрудники посольства обратились за помощью к иранской полиции, которая, кстати, в этот день не выставила у посольства свой обычный караульный отряд. Однако просьбы эти остались без ответа. Через пару часов нападавшим удалось смять 13 американских морских пехотинцев, бросавших в толпу гранаты со слезоточивым газом. Посольство было захвачено, а организаторы нападения публично заявили, что эта акция была предпринята в знак протеста против того, что Соединенные Штаты предоставили убежище бывшему иранскому шаху, а также с целью сорвать заговоры американского империализма и международного сионизма против «исламской революции» в Иране. Студенты требовали выдачи шаха для предания его революционному суду.

До глубокой ночи в районе американского посольства проходили многочисленные митинги и демонстрации, на которых сжигались государственные флаги США и Израиля. Демонстранты скандировали лозунги: «Смерть Картеру и его гостю — свергнутому шаху!», «Долой американский империализм!», «Долой двустороннее ирано-американское военное соглашение!», «Посольство США, гнездо ЦРУ, должно быть закрыто!»

Иранское телевидение и радио весь день транслировали штурм посольства и последовавшие за ним митинги. В эфир передавались заявления различных религиозных, политических и общественных организаций Ирана в поддержку предпринятой акции, нескончаемый поток телеграмм и посланий от различных групп населения и отдельных граждан.

Из пропагандистских целей захватчики освободили 14 человек: неграждан США, негров и женщин. В плену студентов осталось 52 человека.

После захвата посольства Госдепартамент США выразил «озабоченность», на что правительство Базаргана ответило, что «предпримет все усилия для удовлетворительного решения проблемы» и освобождения сотрудников диппредставительства.

Однако Базарган и его правительство были бессильны что-либо сделать для освобождения заложников, и 6 ноября тегеранское радио передало прошение премьер-министра на имя Хомейни об отставке. Аятолла немедленно удовлетворил просьбу Базаргана, и по радио передали указ Хомейни о принятии отставки и передаче всех государственных дел Исламскому революционному совету, которому поручалась подготовка референдума по «исламской конституции», выборам президента и

меджлиса, а также проведение в госаппарате «революционной, решительной чистки». Осуществление этих мероприятий и составили основное содержание «второй революции», победа которой, по словам Хомейни, должна была благодетельствовать «обитателей хижин, а не дворцов».

Таким образом, организовав захват посольства, сторонники Хомейни, используя антиамериканские настроения всего населения Ирана, создали новые государственные структуры.

В декабре 1979 г. состоялся всенародный референдум, одоббивший «исламскую конституцию». В январе 1980 г. прошли выборы президента, а в марте—мае того же года был избран парламент. В августе-сентябре было создано новое, постоянное правительство.

В ответ на захват посольства президент Картер заморозил иранские счета в американских банках, объявил об эмбарго на иранскую нефть (несмотря на энергетический кризис), объявил о разрыве дипломатических отношений с Ираном, введении полного экономического эмбарго против Ирана. Всем иранским дипломатам было предписано покинуть США в течение 24 часов.

Поскольку на уступки обе стороны идти были явно не намерены, то Картер попытался разрешить политический кризис другими средствами. В Иран был направлен американский самолет-разведчик, который незамеченным проник в воздушное пространство Ирана и даже пролетел над Тегераном. 24 апреля 1980 г. началась сверхсекретная операция Eagle Claw («Орлиный коготь»), которая неоднократно отрабатывалась на учениях с декабря 1979 г.

Шесть самолетов С-130 вылетели с авиабазы на острове Масира, принадлежавшем Оману. Одновременно с атомного авианосца «Нимитц», находившегося у берегов Ирана, стартовало шесть больших вертолетов RH-53D, каждый из которых мог поднять 50 человек.

План спасения заложников был довольно сложным. В первую ночь три С-130 должны были доставить в Иран 118 бойцов спецназа «Дельта». За ними три заправщика С-130 совершают посадку и дозаправляют вертолеты, прилетевшие с «Нимитца». Сразу после дозаправки вертолеты принимают на борт спецназ и доставляют его на окраины Тегерана, где их встречают тайные агенты и сопровождают в безопасное укрытие до следующей ночи.

На вторую ночь транспортные самолеты и заправщики С-130 вновь отправляются в Иран, к аэропорту Манзари. Сотня рейнджеров захватывает взлетно-посадочные полосы и удерживает их до посадки реактивных транспортно-заправочных самолетов С-141. Три самолета огневой

поддержки AC-130 обеспечивают прикрытие рейнджеров в Манзари, поддерживают операцию «Дельты» и подавляют любую попытку противодействия иранских ВВС с авиабазы Мехрабад.

Группа «Дельта» на шести грузовиках в сопровождении агентов ЦРУ тем временем проникает в Тегеран, берет штурмом посольство, освобождает заложников и на вертолетах эвакуирует их с расположенного рядом футбольного поля в Манзари. Там все пересаживаются на C-141 и вылетают из страны. Позже вертолеты следовало уничтожить.

При необходимости авианосцы «Нимитц» и «Корал Си», находившиеся в Аравийском море, должны были оказать поддержку своими истребителями F-14A «Томкэт», штурмовиками A-6E «Интродер» и A-7E «Корсар».

Первое место посадки было выбрано неудачно. После посадки головного C-130 по песчаной дороге прошел автобус. Его водитель и около 40 пассажиров были задержаны до отлета американцев. Вслед за автобусом подъехала груженная горючим автоцистерна, которую американские спецназовцы решили уничтожить. Вверх взметнулся столп пламени, видный издали. Кроме того, два вертолета уже были потеряны, а один вернулся на авианосец. Командовавший операцией полковник Бекквит решил прекратить операцию.

И тут произошла катастрофа. Один из вертолетов после заправки не рассчитал маневр и врезался в «Геркулес»-топливозаправщик.

Раздался мощнейший взрыв, и обе машины превратились в факелы. Горело все топливо для операции. Рвались боеприпасы. Началась паника. Расположившейся недалеко группе коммандос показалось, что это атака иранцев. Они открыли беспорядочный огонь. Вертолетчики, нарушив устав, бросили свои машины и побежали в безопасное место. В кабинах остались секретные карты, шифры, таблицы, новейшее оборудование, тысячи долларов и реалов. Полковники Бекквит и Кайл ничего не могли сделать. Оставалось только одно — быстрее убраться отсюда. Такой приказ последовал. Полковник Бекквит приказал бросить все, загрузиться на «Геркулесы» и ретироваться. Полковники тоже нарушили устав, не ликвидировав оставшиеся вертолеты. Когда янки поднялись в воздух, на земле остались стоять пять вертолетов RH-53D. Операция «Орлиный коготь» обошлась в 150 млн. долларов и восемь погибших летчиков.

Позже, когда вооруженное вторжение на иранскую территорию стало достоянием гласности, султан Омана заявил протест и расторг договор с США, разрешавший их ВВС и ВМС использовать Масиру для своих нужд.

6 мая 1980 г. президент Картер приказал объявить в стране траур по

восьми «погибшим парням».

На мой взгляд, операция «Орлиный коготь» была обречена на неудачу при самом благоприятном стечении обстоятельств. Даже если бы отряду «Дельта» удалось прорваться к посольству, то хорошо вооруженные студенты, да и находившиеся неподалеку армейские подразделения оказали бы ожесточенное сопротивление. Бомбардировка с воздуха Тегерана американской авианосной авиацией неизбежно привела бы к большим потерям среди мирного населения. Тем не менее уйти бы не удалось ни десантникам, ни заложникам, зато Тегерану пришлось бы пойти на союз с Москвой.

Теперь янки вновь пришлось переходить с кнута на пряник — начались переговоры с иранскими властями. К концу января 1981 г. иранская делегация под руководством Бахзада Набави в Алжире достигла соглашения с США относительно освобождения 52 американских заложников. Вашингтон разморозил иранские активы на сумму 12 млрд. долларов. Огромная часть этих денег (4 млрд. долларов) пошла на выплаты по искам 330 американских компаний и частных лиц. Иран согласился на возвращение своих долгов различным иностранным банкам (3,7 млрд. долларов). Так что иранское правительство получило «чистыми» только 2,3 млрд. долларов. 52 американских заложника, пережив 444 дня плена, 20 января 1981 г. были освобождены и на «Боинге-727» вылетели из Мехабата на американскую военную базу в ФРГ Висбаден.

Разрешение кризиса с американскими заложниками еще раз доказывает нам, что политические риторики правительств Ирана и США и их практические действия зачастую лежат в противоположных областях. С начала «исламской революции» в Иране и по сей день все политические и духовные лица с большим усердием проклинают Израиль и даже призывают снести его с лица земли. А под шумок в начале 1980-х гг. Израиль и «революционный» Иран заключили соглашение о поставках запчастей к американскому вооружению и нового военного оборудования в обмен на предоставление выездных виз иранским евреям, выезжающим в Израиль.

Дальше — больше. В 1985—1986 гг. США заключают секретное соглашение с «гнездом терроризма» Ираном о продаже больших партий суперсовременного вооружения — новейших вариантов зенитных ракет «Хоук», противотанковых ракет «ТОУ» и т.п. Полученные же от этих сделок средства американцы пустили на военную помощь «контрос», воевавших в Никарагуа против законно избранного правительства сандинистов. Самое же любопытное, что перевалочной базой для

самолетов, везущих оружие в Иран, был... Израиль. Понятно, что израильские дипломаты и разведчики сыграли самую активную роль в афере «Иран—контрас».

Особый интерес представляет отношение к исламской революции прокоммунистической партии Туде (Народная партия Ирана НПИ). Уже в конце февраля 1979 г. в Восточном Берлине (ГДР) прошло заседание XVI пленума Центрального Комитета НПИ, где была высказана поддержка создания Исламской Республики в Иране. На пленуме были даже выдвинуты теоретические тезисы о совместимости идей марксизма-ленинизма с исламской революцией.

С 11 марта 1979 г. НПИ возобновила легальную деятельность в Иране. Были восстановлены и созданы новые партийные ячейки в Тегеране, Тебризе, Исфагане, Абадане и других городах. НПИ заявила о своей поддержке тех положений социально-политической программы лидера иранской революции аятоллы Хомейни, которые имели объективно прогрессивный характер и касались ограничения власти крупного капитала и крупного землевладения, необходимости защиты интересов широких слоев трудящихся и освобождения Ирана от иностранной зависимости.

НПИ приняла активное участие в обсуждении проекта новой иранской конституции, внесла ряд предложений по приданию ей более демократического характера. Партия участвовала в президентских и парламентских выборах в Иране.

Руководство Туде установило тесные связи с известными исламскими лидерами — аятоллой Махмудом Талегани и другими. Опыт, профессионализм, контакты, с одной стороны, а с другой — финансовая поддержка правительства СССР дали возможность Туде на короткий срок заполнить существовавший в Иране политический вакуум в лагере левых. Влияние партии особенно сильно возросло благодаря примкнувшим к ней некоторым молодежным левым организациям.

Однако все эти обстоятельства сильно взволновали как религиозно-политических деятелей, так и сотрудничавших с ними буржуазных либералов — Мехди Базаргана, Банисадра и других.

В итоге иранские власти начали постепенно выдавливать Туде с политических подмошков. Так, летом 1981 г. был закрыт официальный орган партии — газета «Мардом» («Народ»), а в 1982 г. власти приостановили выпуск других партийных изданий. Официальные лица открыто критиковали Туде и ее союзников. Так, спикер меджлиса А.А. Рафсанджани в одном из своих публичных выступлений заявил, что Туде и организация «Федаины народа» («большинство») «поощряются из-за

рубежа» и что «они на деле выражают помыслы русских». Министр иностранных дел Али-Акбар Велаяти резко критиковал руководителей Туде, сравнивая их с лидерами народно-демократической партии Афганистана.

Однако Туде продолжала свое сотрудничество с Исламской республиканской партией, в частности, в ее противодействии левой молодежной организации «Моджахеды народа».

Иранским властям для расправы с Туде нужен был повод. И, как всегда бывает в таких случаях, он нашелся.

2 июня 1982 г. из советского посольства ушел и не вернулся Владимир Кузичкин, секретарь консульского отдела, в ранге атташе. Ну а по совместительству он был майором КГБ и работал в подразделении «С» Первого Главного управления этой конторы.

Кузичкин был завербован британской разведкой «МИ-6». В июне 1982 г. британская разведка нелегально вывезла своего агента из Ирана.

Лондон передал иранским властям данные о сотрудничестве функционеров Туде с КГБ и получении денег от СССР.

В Иране немедленно началась «охота на ведьм». В феврале 1983 г. был арестован генеральный секретарь Туде Нуреддин Киянури, а также члены Центрального комитета и многие ответственные работники партии — всего более тысячи человек. В апреле 1983 г. восемнадцать советских дипломатов были выдворены из Ирана в связи с судебным делом партии Туде.

Как сообщали коммунистические газеты Индии и других стран, заключенные в тюрьмы члены Туде и организации «Федаины народа» подвергались там физическим и психическим пыткам. Так или иначе, но в феврале 1983 г. многие видные деятели партии в своих интервью по телевидению признавались в шпионаже в пользу СССР и измене родине. А Нуреддин Киянури заявил, что члены партии проникали в различные государственные организации для того, чтобы содействовать свержению руководства ИРИ. В своих выступлениях по телевидению Киянури призывал молодежь отвернуться от левых течений, поскольку они «являются источником предательства».

Эсхан Табари — главный идеолог Туде, автор нескольких работ по теории, будучи в тюрьме, написал исследование, в котором отвергал основы марксистской философии.

Через некоторое время после всей этой кампании Туде и связанные с ней организации прекратили свою легальную деятельность на территории Ирана.

Глава 29

РЕАКЦИЯ ИРИ НА ВВОД СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАН

12 декабря 1979 г. было принято Постановление ЦК КПСС № 176/125, предусматривавшее ввод советских войск в Афганистан. Надо ли говорить, что реакция Тегерана на ввод «ограниченного контингента» была резко отрицательной.

Однако столь эффективной помощи моджахедам, которую оказал Пакистан, Иран предоставить не смог, причем не столько по политическим, сколько по религиозным причинам.

Тегеран оказывал помощь только шиитским группировкам. Среди них были:

— «Наср» («Победа»), сформированная в 1980 г. Лидер группировки — шейх Мазари. Боевики «Наср», численность которых достигала 4 тысяч человек, действовали в центральных провинциях Афганистана, в районе Хазараджата. Группы и отряды «Наср» отличались хорошей военной подготовкой и были хорошо снабжены персами оружием и боеприпасами. Штаб-квартира «Наср» находилась в Куме.

Любопытно, что «Наср» имела финансовую поддержку Китая и США, несмотря на конфликт последних с ИРИ.

— «Хезбе аллах» («Партия аллаха»), созданная иранским руководством в 1982 г. с целью консолидации сил афганских моджахедов и осуществления экспорта «исламской революции» в Афганистан. Лидер группировки — Кари Ахмад Екдасте. «Хазбе аллах» наибольшую активность проявляла в западных провинциях Афганистана. Штаб-квартира ее находилась в Мешхеде, отделения партии имелись в Тегеране, Нишапуре, Заболе. Численность боевиков достигала 4 тысяч человек.

— «Сепохи пасдар» (корпус стражей исламской революции) — организация, находившаяся под контролем иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Среди членов группировки довольно сильное распространение имели маоистские идеи, поэтому она пользовалась поддержкой КНР. В ее отрядах и группах работали китайские инструкторы. «Сепохи пасдар» координировала свои операции с группировкой «Наср». Районами наибольшей концентрации боевиков этой группировки были провинции Гур и Бамиан. Лидер организации —

Акбари. Численность боевых отрядов — до тысячи человек. Штаб-квартира «Сепохи пасдан» располагалась в Куме.

— Исламское движение Афганистана (ИДА) — одна из наиболее крупных шиитских группировок моджахедов. Она тесно взаимодействовала с хазарейским подпольем в Газни, Кандагаре, Герате и Кабуле. Имели место случаи взаимодействия ИДА с пропакистанскими организациями ИОА и ИПА. Со стороны иранского духовенства группировка пользовалась ограниченным доверием. Отряды и группы оперировали в провинциях Вардак, Бамиан, Балх, Гильменд, Нимруз. Лидер ИДА— Мохаммад Асеф Мохсени (Кандагари). Штаб-квартира находилась в Мешхеде, отделения — в Куме, Мешхеде, Ширазе, За-боле, Тайабаде, а также в Кветте (Пакистан). Численность боевых отрядов — более 3 тысяч человек.

— Совет исламского согласия (СИС) — националистическая шиитская организация хазарейцев, лидером которой был Али Бехешти, а военным руководителем — Сайд Джагран. Группировка пользовалась ограниченным доверием аятоллы Хомейни, поскольку Бехешти поддерживал связи с иракским духовенством. Политическая платформа организации содержала требования о выводе советских войск с территории Афганистана и предоставлении Хазараджату автономии. Отряды и группы, численность которых превышала 2 тысячи человек, находились в провинциях Газни и Бамиан.

С 1984 г. шиитские группировки активных действий против кабульского правительства и «ограниченного контингента» не вели, а были заняты «междусобойчиками» с соседними группировками, в особенности с суннитами.

К середине 1980-х гг. в Иране было создано до 18 центров подготовки афганских боевиков с максимальной численностью 10 тысяч человек. Для сравнения, в Пакистане имелось 154 таких центра с ежегодным выпуском 50 тысяч боевиков.

Переброска оружия и боевиков из Ирана в Афганистан производилась по 31 караванному маршруту, а из Пакистана — по 68 маршрутам. Наиболее же активно использовалось 33 караванных маршрута (24 — из Пакистана и 9 — из Ирана).

С территории Ирана доставка оружия и боеприпасов велась по караванным маршрутам фарахского направления. В основном использовался автомобильный транспорт. Караваны от 5 до 10 автомашин формировались в приграничной зоне. Протяженность границы ирано-афганской на этом направлении составляет 340 км.

Гератское направление использовалось для переброски оружия и боеприпасов в провинции Герат, Гур, Бадгиз, Фарьяб, Джаузджан, Бамиан и др. Протяженность границы — 480 км. Тут имелась довольно разветвленная сеть автомобильных дорог как на территории Ирана, так и в Афганистане, поэтому моджахеды для транспортировки грузов использовали автомобили. Маршруты Гератского направления функционировали круглый год.

Насколько мне известно, непосредственных столкновений советских и иранских регулярных войск в ходе всей Афганской войны отмечено не было.

Вывод советских войск из Афганистана в феврале 1989 г. привел к заметному улучшению отношений между странами.

Глава 30

ИРАНО-ИРАКСКАЯ ВОЙНА

Ирано-иракская война 1980—1988 гг. формально находится несколько в стороне от темы российско-иранских отношений. Но это только на первый взгляд. Так, например, «танкерная война» в Персидском заливе вполне может вспыхнуть в XXI веке как в том же месте, так и на Каспии.

22 сентября 1980 г. иракские войска внезапно напали на территорию Ирана. Иракская авиация бомбардировала Тегеран. На следующий день, 23 сентября, около 150 иранских самолетов атаковали Багдад. По заявлению иракской стороны, их ПВО, в том числе комплексы С-75 и С-125, сбила 67 самолетов противника.

К этому времени в Ираке находилось около 1200 советских военных специалистов, которые в учебных центрах, соединениях и частях национальных вооруженных сил обучали иракцев владению нашими вооружением и военной техникой.

А в Исламской Республике Иран находилось всего два советских специалиста. Это было связано в первую очередь с поддержкой Ираном афганских моджахидов. Напомню, что в конце декабря 1979 г. СССР ввел «ограниченный контингент войск» на территорию Афганистана. Правительство Ирана резко осудило эту акцию, а вот иракский президент Саддам Хусейн полностью одобрил ввод войск.

К началу войны в приграничной зоне с Ираном было дислоцировано около 140 тысяч человек, 1300 танков, 1700 орудий и минометов и 350 боевых самолетов. Ираку же противостояло 70 тысяч человек, 620 танков, 710 орудий и минометов и 150 боевых самолетов, то есть иракские вооруженные силы превосходили иранские по личному составу и танкам — в два раза, по самолетам — в 2,3 раза, по орудиям и минометам — в 2,4 раза.

Состав флотов приведен в таблице.

Таблица 5. Состав иранских и иракских ВМС на начало 1980-х годов

Класс кораблей	Флот Ирана	Флот Ирака
Эсминцы УРО	3	—
Фрегаты УРО	4	5
Корветы	4	6
Ракетные катера	12	12
Танкодесантные корабли	4	3
Базовые тральщики	3	2
Рейдовые тральщики	2	6
Катера различных типов	Около 100	Около 60

Как видно из таблицы, к началу конфликта в ВМС Ирана и Ирака числилось одинаковое количество ракетных катеров. Но три катера «Комбатант 2» еще не были получены Ираном и находились во Франции. На вооружении двенадцати иранских ракетных катеров имелось по четыре пусковые установки противокорабельных ракет (ПКР) П-15 (всего 48 пусковых установок). Иранские ракетные катера имели по четыре пусковые установки ПКР «Гарпун» (всего, без учета трех катеров, 36 пусковых установок). При этом советские ПКР П-15 были единственным образцом ракетного оружия на вооружении ВМС Ирака.

На вооружении ВМС Ирана имелось также семь ракетно-артиллерийских кораблей основных классов, вооруженных противокорабельными и зенитно-ракетными комплексами американского и итальянского производства. На кораблях ВМС Ирана к началу войны имелось 36 пусковых установок ПКР «Гарпун», четыре пятиконтейнерные пусковые установки ПКР «Си Киллер», одна четырехконтейнерная пусковая установка ПКР «Стандарт» (всего 60 пусковых установок ПКР), а также пять зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) «Си Кэт» и один ЗРК «Стандарт». Таким образом, соотношение пусковых установок противокорабельных ракет на надводных кораблях составляло 1,2: 1 в пользу Ирана.

Кроме того, авиация ВМС Ирана имела на вооружении управляемые ракеты американского производства «Мейверик». Надо заметить, что более современные ПКР «Гарпун» (по сравнению с ПКР П-15) имели большую дальность стрельбы — 60 миль против 23 миль у П-15.

В корабельной артиллерии ВМС Ирана еще больше превосходили ВМС Ирака. Иракские корабли и катера имели на вооружении в основном артустановки калибра 30 и 25 мм, а артиллерийское вооружение иранских кораблей основных классов состояло из 127-мм, 115-мм и 76-мм орудий, ракетные катера имели 76-мм и 40-мм артустановки. Даже иранские

патрульные катера типов «Парвин» и «Кейван» были вооружены 40-мм пушками.

В первый же день войны армия Хусейна вклинилась на 20 км на территорию Ирана, а через 10 дней иранские войска отступили от границы уже на 40 км. Иракцы захватили несколько приграничных городов: Бустан, Мехран, Дехлоран и др. Но к концу ноября 1980 г. иракские войска прекратили наступление. Иракский диктатор надеялся, захватив эти территории, навязать Ирану мир. Но Хомейни был непреклонен, и война продолжалась.

Анализ боевых действий на суше выходит за рамки книги, и я ограничусь лишь некоторыми деталями этой войны.

Удары иранской авиации по аэродромам вынудили иракское командование до конца 1980 г. использовать для своей авиации аэродромы арабских стран, поддерживавших Багдад. Так, иракские самолеты действовали с аэродромов Иордании, Саудовской Аравии, Омана, Объединенных Арабских Эмиратов, Северного Йемена и Кувейта. После того как в качестве первого предупреждения ВВС Ирана отбомбились по одному из объектов в Кувейте, и возникла опасность расползания войны в регионе, Ираку пришлось вернуть свою авиацию на свои базы, чтобы не подвергать риску союзников.

В свою очередь Тегеран, по утверждению Багдада, использовал аэродромы Сирии. Отбомбившись по нефтеперерабатывающему комплексу «Н-3» в районе Эль-Валид и базе бомбардировщиков Ту-22 и Ил-28 и преодолев 810 км со своей приграничной базы Резайя, иранские F-4 садились в Сирии, дозаправлялись и возвращались обратно.

С марта 1985 г. Иран начал пуски ракет «Скад» по Багдаду. Название «Скад» — натовское, присвоенное советской ракете Р-17 (8К14). Ракета была принята на вооружение в СССР в 1968 г. Стартовый вес ее составлял 5864 кг, а вес боевой части — 989 кг. В Иран ракеты попали через Сирию и КНДР. А в Ирак «Скады» поставлялись напрямую. Ирак с помощью советских, а по другим сведениям, западногерманских специалистов модернизировал «Скад», увеличив его дальность, и с февраля 1988 г. начал обстреливать ими Тегеран.

Затяжная война истощила запасы вооружения обеих сторон, и они начали закупать оружие буквально по всему миру. Иран закупал оружие и запасные части в Китае, КНДР, Швейцарии, Аргентине, Сирии и Ливии. Израиль снабжал по воздуху Тегеран запасными частями к американскому вооружению. Ирак, в свою очередь, закупал оружие во Франции, Испании, Бразилии.

Нападение Ирака на Иран вызвало явное раздражение в Москве, на что были веские основания: президент Ирака Хусейн начал войну без всяких предварительных консультаций с советским руководством, несмотря на существование советско-иракского договора о дружбе и сотрудничестве от 1972 года. Один из пунктов этого договора определял необходимость подобных консультаций.

Тем не менее советские военные специалисты не были отозваны из Ирака. Эвакуировали через Сирию лишь их жен и детей. Однако министерство обороны СССР категорически запретило советским офицерами принимать участие в операциях иракских войск во избежание случаев их пленения. Поставки же советской военной техники в Ирак продолжались, хотя и с некоторыми перерывами.

Бывший начальник 6-го управления ГИУ ГКЭС (Главного инженерного управления Государственного комитета по экономическим связям) полковник в отставке Василий Долбанов рассказывал: «Поскольку наше управление занималось поставками на экспорт в Ирак автобронетанковой, инженерной и ракетно-артиллерийской техники, то мне не раз приходилось выезжать в эту воюющую страну. На месте я воочию убедился в высоких характеристиках наших ВВТ^[223].

Иракский солдат во время боя

Так, осенью 1980 г. эскадрильей иракских вертолетов Ми-25 в скоротечном бою на северном направлении был полностью уничтожен иранский танковый батальон на марше. Эффективно использовались Ираком 105-мм и 122-мм гаубицы, 130-мм пушки, 155-мм и 203,2-мм самоходные гаубицы, БМ-21 "Град", БМП-1 с ПТРК "Малютка".

Но особую гордость составляли на тот период советские танки.

Например, анализ боевых действий сторон показал, что в тех случаях, когда различий в профессиональной подготовке личного состава воевавших армий не было, отечественные машины Т-62 с блеском громили танки производства США М-60, М-48 и английские "Чифтены". Даже иранские офицеры отмечали более высокую климатическую надежность и простоту эксплуатации танков Т-55 и Т-62, захваченных у иракцев, по сравнению с танками американского и английского производства.

Лучшим же танком был признан Т-72 Нижне-Тагильского Уралвагонзавода. Так, в январе 1981 г. в долине Хархи в районе Сусенгерд во встречном сражении впервые участвовавшая в боях 3-я президентская иракская бронетанковая бригада с 300 танками Т-72 полностью разбила 91-ю королевскую иранскую дивизию на 300 "Чифтенах" и М-60. Иранцы потеряли 214 машин, а иракцы — 50. Один из уцелевших "Чифтенов" с многослойной броней наш Главный военный советник переправил в Союз, за что получил орден "За службу Родине". В районе Касри-Ширин иракский танковый батальон на "семидесятидвойках" в скоротечном бою разгромил танковый батальон иранцев на "Чифтенах", не понеся при этом потерь. В июле 1982 г. в боях северо-восточнее Басры 10-я бригада Ирака ударила во фланг 9-й дивизии Ирана. В результате иранцы оставили на поле боя несколько десятков танков западного производства.

Один из военных руководителей Ирана Афзали был вынужден заявить: "Танк Т-72 имеет такую маневренность и огневую мощь, что английские танки "Чифтены" не идут ни в какое сравнение с ним. Иран не имеет эффективных средств борьбы с Т-72". После первых же столкновений с Т-72 иранские танкисты, воевавшие и на американских М-60, получили приказ вступать в открытый бой с ними только при численном превосходстве не менее 5: 1. Неслучайно еще до заключения мира с Багдадом иранское правительство постаралось получить лицензию на производство танков типа Т-72 и позже закупило довольно большую партию этих машин»^[224].

«К сентябрю 1980 г., к началу ирано-иракской войны, в Багдаде при техническом содействии французских специалистов (до 20 чел.) был построен пятисотмегаваттный ядерный реактор. Он был установлен рядом с уже действовавшим, но менее мощным двухваттным исследовательским советским реактором, в заново отстроенном подземном ядерном центре имени Июльской революции ("Сабааташр таммуз"). Фактически каждый из реакторов обладал почти абсолютной степенью автономности, защиты и безопасности, поскольку их разделяла массивная железобетонная перегородка. Первоначально запуск нового реактора, именовавшегося

"Озирак", планировался на июль 1981 года. По оценкам отечественных и западных спецслужб, французский реактор позволил бы Ираку производить до 10 кг оружейного плутония в год и к 1985 г. создать 5 атомных бомб, что обеспечило бы ему статус второй (после Израиля) ядерной державы на Ближнем Востоке. Данное обстоятельство серьезно беспокоило Тель-Авив — "давнего и заклятого врага" Багдада.

В.Я.: — Поскольку шла ирано-иракская война, то С. Хусейн, обладая ядерным оружием, мог бы не только диктовать свои условия "сионистскому образованию" в лице Израиля, но и защищать "восточные границы арабской родины" от "агрессии" Хомейни, навязывать соседнему Ирану свою позицию по спорным территориям. Это также отчетливо осознавали и в Тегеране. Вот почему в течение первых 8 месяцев войны иранцы предприняли 10 попыток разбомбить "Озирак". Но лишь однажды их "Фантомы" частично повредили внешнюю систему его охлаждения, в остальных случаях истребители-бомбардировщики уничтожались плотным зенитно-ракетным огнем иракской ПВО.

Жертвы Ирано-иракской войны

На середину 1981 г. в Ираке имелось 14 бригад ПВО, 1 зенитная ракетная группа и 2 отдельных зенитных ракетных дивизиона. На их вооружении находились 20 ЗРК С-75М, 37 — С-125, 35 "Квадратов" и 4 "Осы". Авиация в своем распоряжении имела более 100 самолетов-

перехватчиков в основном советского производства.

Тем не менее время "Ч" пробило для "Озирака" 7 июня 1981 года. В тот злопамятный день я находился в одном из дивизионов "Квадрат" в каких-то 300 м от ядерного центра. Нашу группу советских военных специалистов по ЗРК из Ленинградского военного округа в количестве 10 человек перебросили по тревоге в Багдад еще в апреле с ирако-иранской границы (г. Ханакин). Нам была поставлена задача прикрыть "объект" — ядерный центр или, как его еще называли, "бункер в пустыне Тхувайтха" от воздушных налетов противника на малых и средних высотах. Основное внимание при этом уделялось прикрытию восточного, иранского направления.

Один из боев

Иранский солдат в противогазе

Где-то около 18.00 7 июня на мониторе нашей СРЦ (станции разведки и целеуказания) появилась крупная отметка, но... следовавшая с запада. На запрос "свой — чужой" цель не отвечала. Через пару минут экран радара стал "белым". Помехи? Активные? Но ведь иранцы доселе никогда не баловались подобными "игрушками"?! Один наш убеленный сединой майор-ленинградец, занимавшийся настройкой индикатора кругового обзора, попросил иракского оператора-наводчика сорвать пломбу и перейти на запасную частоту. Тот обратился за разрешением к своему капитану. Действуя в соответствии с инструкциями, которые он крепко усвоил со времен недавней учебы в Одесском военном училище, офицер бросился к городскому телефону, чтобы получить на это санкцию у оперативного дежурного по штабу ВВС и ПВО Ирака. Пока продолжалась эта чехарда, на моих глазах из-за пальм, буквально касаясь их верхушек, появился тот самый "неопознанный объект" — шестерка F-15, с громадной скоростью

пронесшаяся в сторону близрасположенного ядерного центра. По площади центр занимал территорию примерно со стадион с обвалованием высотой около 10 м и двухметровым бетонным забором. Вслед за этим последовал первый глухой взрыв, от которого вздрогнула вся округа. Затем в течение минуты взрывы повторялись. Самолеты же, сделав крутой вираж с удалением до 6 км, поочередно уходили в обратном направлении. Получив "добро" на запасную частоту, наша СРЦ засекала более 10 целей противника. Тут же местные ракетчики выпустили вдогон несколько ракет, но тщетно. Истребители были уже недосягаемы. Стреляли и соседние дивизионы ЗРК С-75 и С-125. И также безрезультатно. Поднятые на перехват иракские истребители попросту не догнали агрессоров. Минут через десять установилась мертвая тишина.

Только намного позже нам стало известно, что этот налет осуществили израильтяне. Хотя радиостанция Би-би-си передала об этом в тот же вечер. Информацию о бомбежке получили и в КГБ, а в 21.00 того же дня и в МИДе СССР через посла в Багдаде Анатолия Барковского, которого проинформировал министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз. Более полными сведениями мы стали располагать только сегодня.

Уничтожение французского реактора израильтяне спланировали еще в октябре 1980 г., за 8 месяцев до осуществленной операции, получившей кодовое наименование "Вавилон". План начальника генштаба вооруженных сил Израиля Рафаэля Эйтана утвердил лично премьер-министр Менахем Бегин. Он же и первым сообщил принародно в конце июня в ходе своей предвыборной кампании о своей роли "в недавнем уничтожении иракской бомбы".

Для выполнения боевой задачи были созданы две группы истребителей: ударная — из 6 F-15, несущих по одной девятисоткилограммовой бомбе, и прикрытия — из 8 F-16. Старт — с авиабазы Эйцион, пересечение юга Иордании и северо-восточной части Саудовской Аравии, откуда до Багдада 2,5 часа лета. В целях маскировки самолеты летели в режиме полного радиомолчания, с подвесными топливными баками, на предельно малых высотах (от 40 до 100 м), в плотном строю, чтобы в случае обнаружения казаться на экранах радаров, подобно большому гражданскому лайнеру, одной крупной "точкой". При подходе к иракской столице группа прикрытия и постановки помех уходила вверх с набором высоты до 5 км, а ударные F-15 выполняли бомбардировку реактора с высоты 20 м с интервалом в 15 секунд. При этом бомбы были снабжены тормозными парашютами. Для более точного привода и бомбометания израильская разведка Моссад завербовала нескольких

французов, работавших на реакторе, которые по их заданию установили на нем радиомаяки. Характерно, но израильтяне проделали все крайне осторожно, чтобы не повредить соседний советский реактор и избежать ненужных для них осложнений с Советским Союзом. Операция выполнялась в воскресенье, когда все французские специалисты отдыхали»^[225].

Глава 31

ТАНКЕРНАЯ ВОЙНА

А теперь перейдем к наиболее интересующей нас теме — танкерной войне. Действия против танкеров и нефтеперерабатывающих объектов обе стороны предприняли уже в первые дни войны. С 23 сентября 1980 г. иракские ВВС начали нанесение ударов по иранским военно-морским базам, пунктам базирования, кораблям — в первую очередь нефтеперерабатывающим и нефтеэкспортным. В этот день был атакован и подожжен нефтеперерабатывающий завод в Абадане. 24 сентября проведен первый налет на нефтяной терминал на острове Харк. Иран ответил авианалетом по нефтехимическому комплексу в районе города Басра, а корабли иранских ВМС обстреляли нефтяные сооружения на полуострове Фао, рейдовые причалы Мин-эль-Бакр и Хор-эль-Амая.

С 24 сентября оба государства были вынуждены прекратить отгрузку нефти на танкеры и приостановить переходы нефтеналивных и иных судов в северной части Персидского залива.

В конце ноября 1980 г. иракские ВМС неожиданно провели рейд в удаленный от побережья район и захватили несколько иранских платформ нефтедобычи морского месторождения «Ноуруз» (29°32' с. ш.; 49°26' в. д.). При их освобождении 28 ноября произошел морской бой между иранскими и иракскими кораблями, в котором с каждой стороны приняли участие по четыре корабля при поддержке авиации. При этом один из четырех иракских ракетных катеров был потоплен.

После этой окончившейся неудачей попытки захвата и удержания нефтяных платформ, которые могли быть использованы в качестве передовых пунктов базирования для расширения операционной зоны ударных сил флота в северной части Персидского залива, ВМС Ирака провели набеговую операцию по нарушению коммуникаций на маршруте перехода иранских судов от острова Харк к порту Бендер-Хомейни, атаковав иранские суда и корабли охранения в районе входа в канал Хор-Муса.

Ирак закупил во Франции свыше 40 противокорабельных ракет «Экзосет» АМ-39. 27 марта и 22 апреля 1984 г. иракская авиация использовала ракеты «Экзосет» южнее острова Харк против танкеров — греческого «Филикон I» дедвейтом ^[226] 83 тыс. т и панамского «Ровер

Стар». В первом случае боеголовка ракеты не сдетонировала, а во втором — судно взрывом были нанесены незначительные повреждения, и, видимо, поэтому, эти эпизоды не привлекли должного внимания.

25 апреля иракской ракетой «Экзосет» AM-39 был поражен саудовский супертанкер «Сафина-аль-Араб» дедвейтом 357 тыс. т. В результате попадания ракеты на судне возник пожар, в море было разлито до 10 тыс. т нефти, а ущерб составил около 20 млн. долларов. Удар был нанесен в 120 милях южнее острова Харк.

С начала 1984 г. и до 3 июня было зафиксировано 14 пусков ракет «Экзосет» по тринадцати морским целям (по одной цели пущено две ракеты), но только в одном случае получившее повреждение судно затонуло. Это был панамский танкер «Фиделити» дедвейтом 28 тыс. т, атакованный 19 мая 1984 г. самолетом «Супер Этандар» южнее Бушира. По пяти судам удары были нанесены при подходах к порту Бендер-Хомейни с использованием береговых противокорабельных ракетных комплексов, развернутых на платформах иракских рейдовых причалов Мина-аль-Бакир и Хор-эль-Амая в 20 милях от иранского судоходного канала Хор-Муса. Все пять судов не принадлежали Ирану, три из них были либерийскими, один — греческий и один — кипрский.

Остальные восемь пораженных иракскими ракетами целей, за исключением танкера «Фиделити», были атакованы в районе острова Харк или южнее его. Из них лишь один танкер «Тебриз» принадлежал Ирану.

Таким образом, из тринадцати атакованных ракетами «Экзосет» морских целей, включая танкеры в районе острова Харк и балкеры, осуществлявшие доставку грузов в порты Бендер-Хомейни и Бушир, двенадцать принадлежали не участвовавшим в войне странам. Боевая эффективность использования ракет «Экзосет» была низкой из-за конструктивных недостатков взрывателей, в ряде случаев не срабатывавших при попадании в цель.

Всего в 1984 г. нападениям подверглось 37 гражданских судов, из них 21 танкер, при этом ни один из танкеров потоплен не был. У военных аналитиков большой интерес вызвал тот факт, что точность использовавшихся в войне на море противокорабельных систем значительно превосходила их боевую эффективность. Так, Дэвид Айсби, анализируя на страницах журнала «Джейнс диффенс уикли» результаты иракских налетов на торговые суда, отмечает, что к концу 1984 г. было потоплено лишь четыре судна общим водоизмещением 48 486 т пятью ракетами, из которых, по меньшей мере, две были ракетами «Экзосет» AM-39. Серьезные конструктивные повреждения были нанесены 21 судну

общим водоизмещением 927 073 т, включая четыре супертанкера водоизмещением более 100 тыс. т. При этом было использовано 24 ракеты и одна авиабомба. Одно судно было поражено ракетой П-15 и одно судно — стоявшее у причала плавказарма ВМС Ирана «Рафаэль» — ракетой советского производства с самолета Ту-16 (видимо, ракетой КСР-2). Большинство ракет попадали в центр отражающей поверхности, захваченной радиолокационной головкой самонаведения, то есть под кормовую надстройку, возвышающуюся над палубой. Исключение составляли случаи, когда пуск осуществлялся с носовых курсовых углов. Попадания в район ниже кормовой надстройки, где расположено машинное отделение, приводил, как правило, к пожарам и жертвам среди экипажа.

Определенный интерес представляет инцидент с американским фрегатом УРО «Старк». 17 мая 1987 г. в 9 ч. 10 мин. фрегат вышел из порта Манама (Бахрейн), где пополнял запасы воды, топлива и продовольствия. В 13 ч. 30 мин. он занял линию дозора и приступил к патрулированию в 65—85 милях северо-восточнее побережья Бахрейна. В 20 часов американский самолет раннего радиолокационного обнаружения Е-3 засек взлет иракского самолета Р-1 «Мираж», который вначале летел на юг, а затем пошел вдоль Персидского залива.

В 21 ч. 09 мин. с борта «Старка» была передана радиограмма: «Неизвестный самолет — это боевой корабль ВМС США. Ваш курс 78 градусов, дистанция 12 миль. Прошу сообщить ваши намерения». В это же время вахтенный офицер приказал подготовить пусковые установки неуправляемых ракет с противолокационными отражателями и инфракрасными ловушками. Сигнальщик, находившийся на мостике с левого борта корабля, доложил, что он визуально наблюдал на линии горизонта яркую вспышку. На фрегате объявили боевую тревогу. В это же время на самолет повторно передали предупредительную радиограмму.

В 21 ч. 10 мин., выпустив вторую ракету, «Мираж» резко отвернул влево и, прибавив скорость, ушел в сторону иракской территории. В течение одной-двух минут сигнальщик несколько раз докладывал о приближении ракеты с левого борта фрегата. С главного командного пункта были даны команды: «Поставить пассивные помехи! По ракете огонь!» Но было уже поздно. В это время в левый борт «Старка» в район второй палубы на 110-м шпангоуте попала первая ракета. В борту образовалась пробоина размером 3 4,5 м, при этом боевая часть не взорвалась.

Через 25 секунд почти в то же место, но несколько выше, попала вторая «летающая рыбка». Замечу, что оба попадания были в мертвой зоне зенитного комплекса «Вулкан-Фаланкс», установленного в кормовой части

корабля. На сей раз боевая часть разорвалась в матросском кубрике, что привело к большим жертвам. Было убито 37 человек и ранено 21, то есть выбыла из строя треть экипажа. Вообще-то нашли только 35 тел, а два тела бесследно исчезли (сгорели?).

Зона разрушения достигла ходовой рубки, был разрушен главный командный пункт и смежные помещения. От большого количества воды, принятой в верхние помещения для тушения пожара, остойчивость корабля приблизилась к критической величине (метацентрическая высота сократилась до 13—15 см), появился сильный крен на левый борт.

Сразу после взрыва команда начала борьбу за живучесть. Вскоре пожар был локализован, а фрегат спрямили путем затопления отсеков, противоположных уже затопленным.

Находившиеся же неподалеку американские эсминцы DDG 24 «Waddell» и DDG 17 «Gonyngham» отбуксировали «Старк» в близлежащий порт Манона, принадлежавший Бахрейну.

Любопытен и политический момент инцидента — для Ирака он не имел никаких последствий. Неплохо бы запомнить нашим не в меру осторожным адмиралам, что инциденты на море могут привести к началу боевых действий лишь при сильном желании «обиженной» стороны. Так, в 1967 г. израильская авиация сильно повредила американское судно электронной разведки типа «Либерти». И тоже никаких реакций США! А вот несколько дырок диаметром с большой палец в борту американского эсминца, которые якобы были проделаны из автомата северовьетнамского сторожевого катера, причем в территориальных водах ДРВ, привели к началу бомбардировок Северного Вьетнама.

Но вернемся к войне в Персидском заливе. Осенью 1985 г. ВМС Ирана приступили к досмотру судов в Ормузском проливе с целью изъятия предназначавшихся Ираку грузов, перевозившихся иностранными судами в порты Кувейта и других арабских стран Персидского залива для последующей доставки в Ирак наземным транспортом. Командующий ВМС Ирана Малекзадеган в интервью тегеранской газете «Джомхури-йе ислами» предупредил международные судоходные компании, что каждое судно, заподозренное в перевозке грузов Ираку, будет подвергаться досмотру, а территориальные воды стран Персидского залива не будут гарантировать свободный проход судов, которые, «воспользовавшись безопасностью этих вод, попробовали бы доставить свой груз противнику».

Иранские корабли останавливали подозреваемое судно и производили проверку судовых документов и накладных на груз. Если удавалось доказать, что груз принадлежит Ираку, то судно сопровождалось в

иранские территориальные воды для досмотра и уточнения характера груза, а при необходимости изъятия груза судно отводилось в порт Бендер-Аббас для разгрузки.

Для задержания иностранных судов корабли ВМС Ирана угрожали применить оружие, даже если судно находилось в терводах Омана, в пределах которых располагалась система разделения движения судов, пользовавшихся правом транзитного прохода через Ормузский пролив. Так, кувейтское судно «Аль-Ваттия» было остановлено в оманских терводах, отконвоировано в порт Бендер-Аббас, разгружено там, а груз конфискован.

В 1986 г. иранские корабли продолжали досмотры судов в Ормузском проливе. Только в январе—феврале они задержали и досмотрели около 600 иностранных судов, выявив при этом 11 судов с грузом для Ирака, который и был конфискован.

К концу 1986 г. иранцы перешли от угроз применения оружия к его применению против невооруженных торговых судов. По ночам фрегаты типа «Саам» обстреливали иностранные суда у побережья ОАЭ и Омана в Ормузском проливе. Для доразведки цели, наблюдение за которой начиналось еще в Оманском заливе силами и средствами, привлекаемыми для контроля за судоходством, с корабля по радио уточнялись национальная принадлежность судна, характер груза и порт назначения. После этого судно обстреливалось корабельной артиллерией и противокорабельными ракетами «Си Киллер». Так, 17 октября в 5 милях от оманского берега ракета «Си Киллер» поразила следовавший в Кувейт гонконгский танкер «Файв Брукс», а в ноябре иранские ракеты попали в судно «Огест Стар» и цементовоз «Шаам».

С 1986 г. в «танкерной войне» начали принимать участие и ВМС Корпуса стражей исламской революции (КСИР), организационно оформленного весной 1987 г. Для решения боевых задач на море морское крыло Корпуса было укомплектовано быстроходными катерами малого водоизмещения (около 100 катеров), сведенными в бригады, которые базировались в Бендер-Аббасе и Бушире. Передовыми пунктами базирования катеров были острова Абу-Муса, Томбе-Бозорг и Сирри в зоне 1-го военно-морского района, остров Фарси и захваченный у Ирака полуостров Фао в зоне 2-го военно-морского района, а также разбросанные по всему Персидскому заливу иранские искусственные сооружения нефтедобычи.

Катера ВМС КСИР были вооружены стрелковым и тяжелым пехотным оружием как стационарного типа, так и носимым, в основном противотанковым. Как показал последующий ход боевых действий, это

оружие оказалось вполне пригодно для использования в специфических условиях войны в Персидском заливе. Также на катерах устанавливались специально изготовленные направляющие реактивных систем залпового огня типа БМ-13 — «Миникатюши», как их окрестили иранцы. Катера вооружались и 106-мм безоткатными орудиями, противотанковыми гранатометами РПГ-7, противотанковыми управляемыми ракетами «ТОУ» американского производства, американскими же зенитно-ракетными комплексами «Стингер», поступавшими в Иран от афганских муджахидов.

С мая 1987 г. катера КСИР стали использоваться для нарушения морских перевозок южнее и юго-восточнее острова Абу-Муса и западнее и северо-западнее острова Фарси. Катера выходили в море по ночам, что обеспечивало им скрытность и внезапность нападений, поскольку обнаружить такие быстроходные и малоразмерные цели с помощью РЛС было достаточно сложно.

6 мая катера КСИР атаковали в северной части Персидского залива советский сухогруз «Иван Коротеев».

В марте 1987 г. командование КСИР Ирана в целях усиления контроля над стратегически важным Ормузским проливом, в северную часть которого с 1986 г. были перемещены основные нефтеэкспортные операции страны, развернуло на островах Кешм, Хенгам, Хормоз и северо-восточном побережье пролива противокорабельные ракетные комплексы «Силкуорм» китайского производства — всего 12 пусковых установок с боекомплектом 40 ракет. Эти комплексы были созданы в Китае на базе советских ПКР П-15 и обладали мощной боевой частью. Такие же комплексы были размещены на полуострове Фао для поражения морских целей в северной части Персидского залива и береговых объектов в Кувейте. Боевые расчеты ракетных комплексов были сведены в два дивизиона — «Сулейман 26» и «Асиф Фао 36».

Осенью 1987 г. ракеты комплекса «Силкуорм» были применены против торговых судов и береговых объектов. Так, 3 сентября запущенная с полуострова Фао ракета «Силкуорм» упала в двух милях от кувейтского нефтяного комплекса. Через два дня двумя ракетами был нанесен удар по другим кувейтским объектам — порту Мин-Абдаллах и острову Файлака. 15 октября американский танкер под либерийским флагом был поражен иранской ракетой в порту Эш-Шуайба, а на следующий день кувейтский танкер «Си Айс Сити» под американским флагом загорелся после попадания ракеты в 7 милях от порта Мин-эль-Ахмади.

В свою очередь иракские ВВС продолжали атаки иранских терминалов и транспортов с иранской нефтью. Для участия в рейдах привлекались

многоцелевые истребители «Мираж» F-1, взлетавшие с минимальным запасом топлива и максимальной бомбовой нагрузкой. В ходе выполнения задачи они дважды дозаправлялись в воздухе. Наиболее успешными были два последних налета на суда терминала острова Ларк. 22 декабря 1987 г., используя авиабомбы с лазерной системой наведения, иракские самолеты поразили крупнейший в мире танкер «Сивайз Джайат» водоизмещением 564 739 т и танкер «Уорлд Петробраз» водоизмещением 411 508 т, шедшие под либерийскими флагами. В это же время авиабомбы поразили и нанесли повреждения британским танкерам «Бурман Энтерпрайз» и «Бритиш Респект». Однако возникшие в результате попадания бомб пожары были ликвидированы. Только на танкере «Уорлд Петробраз» пожар принял серьезный характер, но в течение девяти часов нефть с него была откачена на другие танкеры.

14 мая 1988 г. иракские ВВС произвели еще один налет на нефтяной терминал в Ормузском проливе. Вновь пострадал «Сивайз Джайат», и на этот раз настолько серьезно, что танкер было решено не восстанавливать. На испанском танкере «Барселона» в результате взрыва авиабомбы погибло 17 человек. Получили повреждения и британский танкер «Бурман Энтерпрайз», кипрский танкер «Аргоси» и иранский танкер «Харк».

Налеты иракской авиации еще раз показали, что боевые части западных противокорабельных ракет, в том числе «Экзосет», недостаточны для поражения крупнотоннажных торговых судов. Однако возникшие в результате применения оружия пожары могли привести к потере судна. Поэтому для оказания помощи судовым расчетам по борьбе за живучесть руководство иранской судоходной компании привлекло несколько зафрахтованных судов-спасателей, которые включались в состав конвоев и постоянно находились в районах, подвергавшихся налетам.

Осенью 1987 г. иракская авиация попыталась уничтожить суда-спасатели, обеспечивавшие челночные рейсы танкеров в районе острова Харк. 13 октября иракская ракета поразила спасательное судно «Сальваторе», которое в момент нападения тушило пожар на танкере «Фортуна шип Л». Еще через несколько дней ракета «Экзосет» поразила другое спасательное судно «Салвива».

Многие танкеры были атакованы по несколько раз, но после ремонта они снова возвращались в строй. Иранский танкер «Дена» выдержал шесть ударов, кипрский танкер «Поликон» — пять, иранский танкер «Тебриз» — четыре; либерийский танкер «Медуза», кипрский «Сьюпиер», южнокорейский «Ройал Коломбо», мальтийский «Фри энтерпрайз» и иранский «Ширван» получили по три удара.

Иранские же атаки были еще менее результативными. Так, 9 июля 1987 г. либерийский танкер «Пеконик» дедвейтом 273 тыс. т в балластном рейсе получил повреждения от попадания 18 реактивных противотанковых гранат, но остался на плаву. Однако в декабре того же года иранские катера в Оманском заливе атаковали и подожгли зарегистрированный в Сингапуре танкер «Норман Атлантик» водоизмещением 85 129 т. Команда покинула судно, а спасательные буксиры не смогли приблизиться к полностью загруженному кувейтской нефтью танкеру, так как вокруг него горела разлившаяся нефть. Танкер выгорел полностью и затонул.

Всего же с начала «танкерной войны» в 1984 г., поданным страховых компаний, в результате иранских ударов затонуло два судна, не считая «Норман Атлантик». Еще одно судно иранцы уничтожили в декабре 1987 г. Иранский фрегат в Ормузском проливе поразил противокорабельной ракетой «Си Киллер» греческий танкер «Ариадна», шедший с грузом нефти из саудовского порта Рас-Таннура. Танкер получил пробоину диаметром около 30 м, затем произошел взрыв, в результате которого судно переломилось пополам.

Однако основной целью нападений иранских катеров было не столько уничтожение отдельных судов, сколько создание таких условий на международных судоходных линиях в Персидском заливе, которые бы вынудили судовладельцев и экипажи судов отказаться от их обслуживания. И в этом Иран добился определенного успеха. Так, в порту Хаур-эль-Факкан (ОАЭ) образовалось целое «кладбище» судов, брошенных командами. Моряки отказывались входить в Персидский залив и сбегали на берег. То же коснулось и каботажного судоходства. Так, 2 сентября 1987 г. команда кувейтского судна «Джебель Али», атакованного в этот день иранским катером, отказалась продолжать рейс и потребовала списания на берег.

Катера ВМС КСИР «Богаммер», построенные в Швеции, действовали на коммуникациях, используя многочисленные передовые пункты базирования, созданные на островах и искусственных сооружениях нефтедобычи в районах оживленных судоходных линий. Катера сводились в тактические группы по 2—4 единицы (иногда до 15 единиц) и применяли методы «свободной охоты» и «засады» на небольшом удалении от своих передовых пунктов базирования.

Удары по судам наносились в районах западнее островов Сирри, Абу-Муса, районов нефтедобычи «Рашадат», «Салман» и «Носрат» в восточной части Персидского залива, в Ормузском проливе и предпроливных зонах. В качестве средств поражения использовались отдельные направляющие

реактивных систем залпового огня («Миникатюши»), безоткатные орудия, противотанковые гранатометы, ПТУРСы и стрелковое оружие. Удары наносились с небольших дистанций, не превышающих 3 кабельтовых.

Катера ВМС КСИР проводили минные постановки на самых оживленных маршрутах судоходства и в узлах морских коммуникаций.

В конце марта 1986 г. в Персидском заливе иранские суда обстреляли и задержали советский теплоход «Петр Емцов». После этого СССР начал осуществлять проводку своих судов кораблями ВМФ в Персидском заливе. Корабли 8-й оперативной эскадры ВМФ СССР начали сопровождение и трех зафрахтованных Кувейтом советских танкеров — «Махачкала», «Победа» и «Генерал Тюленев». Для решения этой задачи был сформирован отряд боевых кораблей, который включал, как правило, 4 корабля (по состоянию на январь 1988 г., эсминец «Стойкий», большой противолодочный корабль «Адмирал Трибуц», малый противолодочный корабль «Комсомолец Грузии» и тральщик «Турбинист»).

Советские корабли не имели баз в заливе и не использовали порты прибрежных стран для пополнения запасов и отдыха личного состава. Тыловое обеспечение кораблей осуществлялось в море от вспомогательных судов ВМФ — танкеров и рефрижераторов. В зоне Персидского залива выполняли задачи экипажи кораблей севастопольских бригад тральщиков и ОВРа, в том числе тральщики «Курский комсомолец», «Снайпер», «Вице-адмирал Жуков», «Зенитчик», «Сигнальщик», «Харьковский комсомолец», «Рулевой», сторожевой корабль «Ладный» и др.

Особо отличился тральщик «Курский Комсомолец». Он провел 14 конвоев из 27 судов, шесть раз тральщик длительное время непосредственно находился в Персидском заливе, проводил суда и ожидал их возвращения на границе территориальных вод Кувейта или у берегов Бахрейна, Эмиратов или Катара. Самое длительное пребывание в отрыве от плавбазы при автономности корабля 15 суток составило 23 суток (с 31 июля по 22 августа), а самой сложной задачей было прохождение судов ГИУ ГКЭС. Попросту говоря, это были суда, перевозившие наше оружие в Ирак.

Всего с 1987 по 1990 г. корабли 8-й оперативной эскадры в Персидском и Оманском заливах, не вступая в боевое столкновение с иранскими силами, в 178 конвоях без потерь и повреждений провели 374 торговых судна, в том числе эсминец «Стойкий» провел 86 судов в 44 конвоях, сторожевой корабль «Порывистый» — 67 судов в 30 конвоях, эсминец «Боевой» — 50 судов в 29 конвоях.

Куда более активное участие в войне в Персидском заливе приняли

американцы. В разгар «танкерной войны» для защиты судоходства в район Персидского залива была направлена крупная группировка ВМС США. Обычно она состояла из 20—25 боевых кораблей и судов обеспечения, в том числе многоцелевого авианосца, крейсеров УРО, эсминцев УРО и фрегатов. Все эти корабли вошли в 109-е оперативное соединение.

Для управления силами, развернутыми в районе Персидского залива, в сентябре 1987 г. было создано объединенное командование ВМС США на Среднем Востоке во главе с контр-адмиралом Д. Бруксом, которому было подчинено и 109-е оперативное соединение (силы США в Персидском заливе). В Аравийском море патрулировали корабли 70-го оперативного соединения (силы США в Аравийском море).

Организуя защиту морских коммуникаций, американское командование сочетало два метода: конвоирование судов и оборону района судоходства. Для удобства управления силами Персидский залив был разделен на три зоны — северную, центральную и восточную, и за каждой зоной закреплены свои силы. В районе постоянно велась воздушная разведка, осуществлявшаяся палубной авиацией и самолетами системы АВАКС, действовавшими с авиабазы Эр-Рияд (Саудовская Аравия).

Конвоирование танкеров начиналось в портах погрузки (разгрузки) и велось до выхода их из Персидского залива в Оманский залив. Конвои обычно были небольшими — 2—3 танкера и столько же кораблей охраны. На отдельных участках конвои прикрывались палубной авиацией. Авианосцы с охранением маневрировали в Аравийском море.

В миноопасных районах организовывалась противоминная оборона, для чего в зону Персидского залива американцы доставили 8 вертолето-тральщиков RH-53D, 4 катера-тральщика типа MSB и 6 океанских тральщиков типа «Агрессив». В ордер включали по два тральщика, которые располагались на траверзных курсовых углах головного корабля (судна) и производили поиск мин с помощью гидроакустических станций. В наиболее опасных районах осуществлялась проводка судов за тралями. В этом случае тральщики с тралями следовали впереди в сомкнутом строю уступа.

Тыловое обеспечение ВМС США в Персидском заливе осуществлялось с привлечением специальных плавучих баз, представляющих собой крупнотоннажные баржи-секции. Две такие плавбазы были установлены в 30 милях к западу и к югу от острова Фарси. На каждой из них находились до двухсот морских пехотинцев и обслуживающий персонал, по два вертолета, резервуары с топливом, запасы материальных средств и т.д. Баржи являлись также временными

пунктами базирования для тральщиков и катеров подразделений десантно-диверсионных групп.

Произошло несколько боевых столкновений кораблей американского флота с ВМС Ирана. Так, 22 сентября 1987 г. американский вертолет с фрегата «Джаррет» обстрелял ракетами иранский транспорт «Иран-Алжир», вызвав пожар на корабле, при тушении которого 4 члена экипажа погибли. 19 октября 1987 г. американские эсминцы «Кидд», «Лефтуич», «Янг» и «Хоэл» обстреляли иранские нефтедобывающие платформы, выпустив по ним около тысячи снарядов. Действия эсминцев прикрывали палубные самолеты. 3 июля 1988 г. американский крейсер «Винсеннес» выпустил две зенитные ракеты «Стандарт-2» по пролетавшему мимо на дистанции 17 км пассажирскому иранскому самолету А-300, совершавшему регулярный рейс из Бендер-Аббаса в Дубай. Самолет был сбит, все 298 человек на его борту, включая 117 женщин и детей, погибли. В 1996 г. США согласились выплатить семьям погибших пассажиров компенсацию в 61 млн. долларов, но отказались компенсировать стоимость самого самолета.

За все время войны подтвержденные потери ВМС Ирана составили: два фрегата типа RF-103 («Миланиян» и «Кахнамуи»), два тральщика: базовый «Симорг» и рейдовый «Харисчи», два ракетных катера типа «Комбатант 2» («Пейкан» и «Джоушан»), один большой патрульный катер типа «Кейван», один катер на воздушной подушке типа ВН-7 и 72 боевых катера водоизмещением менее 50 т (в том числе и катера КСИР). Из вспомогательных судов иранских ВМС за годы войны были уничтожены в море или у причалов танкер «Хормоз», водолей «Ленге», плавказарма «Рафаэль», транспорт «Иран-Алжир», буксир «Бахманшир» и бывшая шахская яхта «Киш».

Около 70% всех иранских боевых кораблей и катеров водоизмещением более 50 т были потеряны от действий иракской авиации. Корабли ВМС США нанесли повреждения двум иранским фрегатам — «Саханд» и «Саблан», потопили ракетой катер «Джоушан» и транспорт «Иран-Алжир», а также уничтожили несколько катеров КСИР. Для уничтожения иранских кораблей ВМС США использовали ракетные комплексы «Гарпун», корабельную артиллерию среднего калибра, противокорабельные ракеты и авиабомбы с лазерной системой наведения с самолетов палубной авиации. Против катеров КСИР и транспорта «Иран-Алжир» применялись также огневые средства бортовых вертолетов.

В течение 8 лет войны Иран потерял в общей сложности 36% своих кораблей основного класса (вместе с выведенными из строя фрегатами

типа «Саам»), 16% ракетных катеров, 40% тральщиков, 14% патрульных катеров водоизмещением более 50 т, около 7% судов на воздушной подушке, около 30% вспомогательных судов ВМС (без зафрахтованных).

Ирак в ходе войны потерял пять ракетных катеров (два «Оса 1» и три «Оса 2») из двенадцати, что составило 40%; шесть торпедных катеров типа Р6 из двенадцати (50%); пять патрульных катеров типа РВ-90 из девяти (56%); один танкодесантный корабль типа «Полночный» из четырех и несколько боевых катеров водоизмещением менее 50 т и вспомогательных судов. Ни одного тральщика иракские ВМС не потеряли, поскольку они мало применялись в ходе войны, так как Иран практически не использовал минные постановки против иракских судов в северной части Персидского залива.

Иранские береговые батареи, расположенные в районах пролива Хор-Абдаллах, рейдовых причалов Мин-эль-Бакр и Хор-эль-Амая, а также на реке Шатт-аль-Апраб нанесли наибольшие потери иракским кораблям. Один ракетный катер типа «Оса» (проекта 205) был потоплен в районе нефтяной платформы «Ноуруз» (северная часть Персидского залива) при ее освобождении иранскими кораблями в первый период войны.

Однако в ходе войны Иранские ВМС постоянно пополнялись и усиливались. Иран продолжал получать заказанные еще при шахе корабли и суда обеспечения. В 1981 г. Франция передала Ирану три оставшиеся из двенадцати заказанных ракетных катеров типа «Комбатант 2» («Нейзе», «Табарзин» и «Ханджар»), а в 1984 г. из Великобритании прибыл универсальный транспорт снабжения «Харк». В 1985 г. англичане поставили два танкодесантных корабля «Тонб» и «Лаван». Кроме того, уже в годы войны Иран заказал в Кореи три и в Пакистане четыре танкодесантных корабля. Официально они строились для торгового флота и благополучно вошли в состав ВМС Ирана. Таким же образом Иран заказал три танкодесантных корабля в Дании, построенные там по гражданскому проекту. Командование иранских ВМС широко использовало суда, зафрахтованные у иранских судоходных компаний и частных лиц. Они находили применение в качестве патрульных кораблей, для доставки боеприпасов и других грузов, для смены гарнизонов островов и нефтяных сооружений, а также для проведения минных постановок. В состав ВМС были переданы транспорты «Иран-Алжир» и «Иран-Аср», а также малотоннажные суда.

Как уже говорилось, начале 1987 г. было создано морское крыло КСИР, что значительно усилило позиции Ирана в Персидском заливе. В Китае и Северной Корее для этих катеров были закуплены береговые

противокорабельные ракетные комплексы «Силкуорм». А из Швеции прибыли 50 быстроходных катеров типа «Богаммер».

Уже в декабре 1980 г. Ирак попытался достигнуть паритета с Ираном в военно-морских вооружениях, и заказал итальянской фирме «Каниери навале риунити» четыре фрегата типа «Лупо», шесть корветов (малых ракетных кораблей) типа «Ассад» и транспорт снабжения типа «Стромболи». Но итальянское правительство из-за войны наложило эмбарго на передачу этих кораблей, построенных в 1982—1985 гг. Несколько лет они простояли в порту Муджиано. Однако и после окончания войны Иран помешал Ираку получить эти корабли, пригрозив пресечь силой любую попытку прохода иракских кораблей через Ормузский пролив. В итоге Ирак так и не получил эти корабли. А с августа 1990 г. решающую роль в их судьбе играл уже новый кризис в Персидском заливе.

Помимо боевых кораблей, заказанных в Италии, и танкодесантных кораблей, построенных для Ирака в Дании, Ирак в 1983 г. добился поставки из Югославии девяти больших патрульных катеров типа РВ-90 водоизмещением 90 т, вооруженных 40-мм установками «Бофорс» и 22-мм автоматами «Эрликон». Это были самые современные катера в иракских ВМС, они активно использовались в северной части Персидского залива. Пять из них в ходе боевых действий были потеряны. Кроме того, Ирак заказал в Великобритании и получил шесть судов на воздушной подушке типа «Винчестер» SR.N6, построенных в 1981 г. Эти катера доставили морем в иорданский порт Акаба, а оттуда — наземным транспортом в Басру. Однако участие этих катеров в боевых действиях во время ирано-иракской войны не отмечено.

По данным ООН, с сентября 1980 г. до наступления перемирия (август 1988 г.) в зоне Персидского залива было атаковано и повреждено около 400 судов, суммарный тоннаж которых составил более 30 млн. брт.

К лету 1988 г. в боевых действиях между Ираном и Ираком сложилась патовая ситуация — на суше шла позиционная война практически вдоль довоенных границ. В такой ситуации в июле 1988 г. обе стороны согласились принять условия резолюции № 598 Совета Безопасности ООН о прекращении огня. На этом все боевые действия закончились.

Глава 32

ИСЛАМСКИЕ ВЛАСТИ И РОССИЯ

Исламские власти в Иране приветствовали «перестройку», затеянную Горбачевым. Хомейни прозорливо заметил, что политика Горбачева нанесла окончательный удар по коммунистической идеологии. В то же время мудрый аятолла предостерегал Михаила Сергеевича от перехода к другой крайности — к утрате суверенитета и подчинения США.

Приведу текст этого исторического послания Его Святейшества Имама Хомейни, ныне покойного вождя Исламской революции, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Михаилу Горбачеву от 1 января 1989 года, врученное господину Горбачеву специальным представителем Имама аятоллой Джавади Амоли:

«Во имя Аллаха Милостивого Милосердного!

Ваше Превосходительство господин Горбачев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, примите пожелания благополучия и счастья Вам и Вашему народу. С Вашим приходом к власти ощущается новый подход к анализу мировых политических событий и, в особенности, к вопросам, касающимся Советского Союза. Ваша смелость и дерзание в подходе к реальным мировым событиям могут стать источником преобразований, которые изменят общую ситуацию в мире. Поэтому я счел необходимым привлечь Ваше внимание к некоторым проблемам.

Вполне возможно, что круг Ваших размышлений и новых решений не выйдет за пределы попыток преодоления внутривластных трудностей, а также вопросов, касающихся исключительно Вашего народа. Однако даже в этом случае Ваша смелость в пересмотре учения, которое долгие годы держало за железной стеной революционных сынов мира, достойна всяческой похвалы и одобрения. Однако если Вы решите пойти дальше по этому пути, то первым делом, которое, несомненно, послужит успеху Вашего начинания, является пересмотр политики Ваших предшественников, заключавшейся в отречении общества от Бога и от религии, что, безусловно, нанесло сильнейший удар народу Советского государства. Знайте, что нет более объективного подхода к мировым событиям.

Конечно, неправильные методы и ошибочные действия прежних коммунистических руководителей в сфере экономики могли привести к

тому, что Вам явился цветущий сад Запада и заморозил Вас, но знайте, что истина не там. Если Вы пожелаете на этом этапе распутать только клубок экономических проблем социализма и коммунизма, обратившись с этой целью к очагам капитализма на Западе, то не только не излечите свое общество от недугов, но и придете к тому, что другие будут вынуждены исправлять Ваши ошибки, ибо если ныне марксизм зашел в тупик в своих экономических и социальных исканиях, то и западный мир погряз в тех же проблемах, только в другой форме и других сферах.

Господин Горбачев!

Следует обратиться к истине. Основная проблема Вашей страны лежит не в вопросах собственности, экономики и свободы. Ваши трудности заключаются в отсутствии истинной веры в Бога, и это ведет и будет вести Запад в трясину пошлости, в тупик. Ваша основная трудность заключается в тщетной длительной борьбе против Бога, основного источника бытия и всего сущего.

Господин Горбачев!

Всем ясно, что отныне коммунизм следует искать в музеях политической истории, ибо марксизм не отвечает ни одной из истинных человеческих потребностей, потому что это материалистическое учение, а материализмом нельзя спасти человека от кризиса веры и духовности, который является главной болезнью человеческого общества на Западе и на Востоке.

Господин Горбачев!

Возможно, Вы еще не отвернулись от марксизма, доказывая его правоту, и впредь будете говорить о своей вере в него, однако Вы и сами понимаете, что это не доказуемо. Первым нанес удар по коммунизму вождь Китая [Мао Цзэдун. — *А.Ш.*], второй и, видимо, последний удар нанесли Вы. Ныне уже не существует в мире того, что называется коммунизмом. Однако я настоятельно призываю Вас к тому, чтобы, разрушая здание марксистских иллюзий, Вы не оказались в плену Запада и Великого дьявола. Надеюсь, что Вы удостоитесь великой чести того, кто сметет со страниц мировой истории и истории Вашей страны последние следы загнившего коммунистического мира, существовавшего 70 лет. Отныне союзные вам государства, сердца руководителей которых верны своей родине и народу, уже никогда не пойдут на то, чтобы растрчивать более свои природные ресурсы на доказательство успехов коммунизма, хруст костей которого уже услышан потомками.

Господин Горбачев!

Когда с минаретов мечетей в некоторых Ваших республиках семьдесят

лет спустя раздалось "Аллах Акбар! " и свидетельство о пророческой миссии Последнего Посланника Аллаха (да благословит Аллах его и род его!), все исповедующие подлинный ислам Мухаммеда заплакали от восторга. Поэтому я счел необходимым призвать Вас вновь обратиться к размышлению относительно материалистического и божественного мировоззрения.

Материалисты избрали критерием познания ощущение. Они выносят неосязаемое за рамки науки, а бытие считают тождественным материи и отрицают нематериальное. Следовательно, они считают фикцией существование Всевышнего, божественное откровение, пророчество и день Страшного суда. Тогда как критерием познания в божественном мировоззрении является ощущение и разум. Разумное подвластно познанию, даже если оно не дано в ощущении. Поэтому бытие распространяется на объективно существующее и невидимое, которое может существовать вне материи. Так же, как материальная сущность воплощается в отдельном объекте, эмпирическое познание опирается на разум.

Священный Коран критикует основу материального мышления и тех, кто считает, что если Бог не видим, то он не существует на самом деле. Такие люди говорят: "Мы тебе не поверим, пока открыто лик господен не увидим". Коран отвечает: "Не постигают его взоры, а Он постигает взоры. Он пронизателен и сведущ". Оставим Священный и Благословенный Коран и его объяснения по поводу откровения, пророчества и Страшного суда, поскольку для Вас это лишь начало пути. Я вовсе не хотел вводить Вас в лабиринты философских проблем, особенно проблем исламской философии, и поэтому ограничусь только несколькими простыми примерами, исходящими из самой сущности и совести человеческой и которые могут быть полезны и для политиков.

Очевидно, что материя и материальный предмет, какими бы они ни были, не осознают сами себя. Каждая сторона каменной скульптуры или материального образа человека не ведаёт о другой стороне. Однако очевидно и то, что человек или животное осведомлены о своем окружении. Они знают, где находятся и что происходит в окружающем их мире. Следовательно, в человеке и животном заключено нечто более высокое, чем материя, и отличное от нее. Это нечто не исчезает с гибелью материи и продолжает свое существование: плоть, прекратив свое существование, одухотворяется и живет.

Человек по своей природе пытается во всем достичь абсолютного совершенства. Вы хорошо знаете, что человек стремится к абсолютной

власти и его не удовлетворяет несовершенная сила. И если он станет властелином мира, то узнает о существовании другого мира и по своей натуре будет стремиться к тому, чтобы завладеть и этим миром. Какой бы ученой степени он ни достиг, все равно, узнав о существовании других наук, он захочет изучить эти науки. Следовательно, должны существовать абсолютная власть и абсолютное знание, которая притягивает человека. Это и есть Всемогущий Бог, к которому мы все обращаемся, сами того не ведая.

Человек стремится к абсолютной истине, чтобы раствориться в ней, в Господе. И, вообще, стремление к вечной жизни заложено в каждом человеке, и оно свидетельствует о существовании бессмертного мира.

Если Ваше Превосходительство пожелает исследовать эти проблемы, Вы можете дать указание специалистам обратиться не только к западным источникам, но и к трудам Фараби и Абу Али ибн Сины (да успокоит Бог их души!) в качестве последователей Аристотеля, чтобы уяснить, что закон причинно-следственной связи, составляющий основу познания, постижим разумом, а не ощущением, а также пониманием общего смысла и общих закономерностей, на которые опирается любое рассуждение. Они могут обратиться также к книгам Сохреварди (да благословит его Бог!), последователя мудрого учения Платона, чтобы прояснить, что "материя и любой другой материальный объект нуждается в истинном Свете, не достигаемом для ощущения, а эмпирическое знание человека о самом себе не нуждается в материальных проявлениях". Вы можете попросить их обратиться к возвышенному учению Муллы Сафра, дабы понять, что "истинное знание есть сущность, не зависящая от материи, и любое размышление нематериально и не подчиняется правилам материи".

Не буду больше утомлять Вас выдержками из философских трактатов и не стану говорить, в частности, о Мухеддине бен Араби, ибо если Вы пожелаете изучить труды этого великого человека, направьте к нам в Кум нескольких компетентных и сведущих в этой области лиц, чтобы они смогли за несколько лет познать всю тонкость и глубину этих наук, ибо истинное познание без такой поездки не представляется возможным.

Уважаемый господин Горбачев!

Изложив эти проблемы в качестве введения, прошу Вас обратить особое внимание и со всей серьезностью подойти к исследованию ислама, и не только потому, что ислам и мусульмане нуждаются в Вас, а ради высоких ценностей, которыми обладает исламский мир и которые могут принести успокоение и спасение всем народам и распутать клубок основных проблем, волнующих человечество. Серьезный подход к исламу, возможно, навсегда избавит Вас от таких проблем, как Афганистан и т.п.

Мы не отделяем себя от мусульман всего мира и всегда заботимся об их судьбе.

Предоставив относительную свободу в совершении религиозных обрядов в некоторых республиках Советского Союза, Вы продемонстрировали, что уже не считаете, что религия — это опиум для народа. Разве религия, превратившая Иран в неприступную скалу перед лицом сверхдержав, опиум для народа? Разве можно назвать опиумом для народа религию, устремленную к установлению справедливости в мире и желающую освободить человека от оков материальных и душевных забот? Да, безусловно, та религия, которая станет средством предоставления материальных и духовных богатств исламских и неисламских стран сверхдержавам и будет кричать об отделении религии от политики, и есть опиум для народа. Но это уже не настоящая вера, а то, что наш народ называет "проамериканской" религией.

В заключение, хочу твердо заявить, что Исламская Республика Иран как самый могущественный оплот исламского мира может с легкостью заполнить вакуум, образовавшийся в идеологической системе Вашего общества. Как бы то ни было, наша страна по-прежнему придерживается принципов добрососедства и развития двусторонних отношений и уважает эти принципы.

Желаю благословения тем, кто следует праведным путем.

Рухолла Аль-Мусови Аль-Хомейни.

11.10.1367 г.»^[227].

Ответ Горбачева аятолле до сих пор держится в секрете. Зато уже в феврале 1989 г. в Тегеран отправился министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе. Через четыре месяца в Москву с ответным визитом прибыл председатель иранского парламента и исполняющий обязанности Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Али-Акбар Рафсанджани.

Горбачев и Рафсанджани подписали «Декларацию о принципах отношений и дружественного сотрудничества между СССР и Исламской Республикой Иран. Новым моментом этой Декларации стало заявление о согласии СССР «сотрудничать с иранской стороной в деле укрепления ее обороноспособности». Также Декларацией намечалась долгосрочная экономическая программа.

Уже в 1989 г. — начале 1990-х гг. СССР продал Ирану большую партию вооружения, в том числе истребители-бомбардировщики Су-24, МиГ-29, танки Т-72 и другие виды новейшей военной техники. Помимо

этого, в Иран были проданы и «неконвекционные» виды оружия. В 1987—1990 гг. СССР продал Ирану военной техники на сумму 2,5 млрд. долларов, а в 1991—1994 гг. — на 1,2 млрд. долларов.

«После расчленения СССР Иран оказался в некоторой степени в более сложной ситуации, поскольку он потерял возможность играть на противоречиях основных мировых сил. Теперь его противостояние с США уже не поддерживалось второй сверхдержавой планеты, исчезнувшей с карты мира словно по мановению мастера иллюзий. С этим пришлось считаться. Отношения Ирана с США должны были перейти на новую стадию. На стадию более откровенного, но пока сдержанного диалога геополитических конкурентов. Именно конкурентов, а не врагов. Это было обусловлено тем, что "демократическое" руководство России, ставшей правопреемницей СССР, превратилось в безотказного союзника Соединенных Штатов, в результате чего Россия начала все более заметно утрачивать даже атрибуты независимого государства (вооруженные силы, разведка, сельское хозяйство, промышленность и т.д.).

В этих условиях надежды Ирана на сотрудничество с Россией сводились к тому минимуму, который возможен при дружбе российских политиков с их американскими друзьями, рассматривавшими иранский режим как враждебный. Поскольку Россия на многие годы утратила возможность проводить независимый внешнеполитический курс, а в ИРИ быстро поняли, кто стал хозяином, а точнее — управляющим России, иранцы стали на путь сотрудничества с действительно влиятельными силами, в том числе и враждебными России. Это сотрудничество продолжается и по сей день. Часть неофициально, разумеется»^[228].

Исламское руководство в 1990-х годах осуждало РФ за помощь Сербии. Замечу, что на самом деле реальной военной помощи Россия сербам не оказала. Тогда в иранской прессе активно обсуждался вопрос об организации исламскими странами торгово-экономического бойкота России за поддержку Москвой «сербских преступников». Слышались даже призывы к разрыву дипломатических отношений с Россией.

Сами же иранские власти организовали доставку в Боснию свыше трех тысяч мусульман-добровольцев из стран Ближнего Востока. Поначалу они действовали отдельными подразделениями, а затем были объединены в специальную Бригаду моджахедов. Замечу, что оказание Ираном военной помощи и нарушение им международного эмбарго на поставки вооружения сепаратистам в Боснии на Западе вызвали лишь весьма вялую реакцию.

В некоторых отечественных и зарубежных СМИ говорилось о поддержке оказываемой Ираном боевикам, действовавшим в Чечне и

Дагестане. Однако достаточно убедительных фактов приведено не было.

Тут гораздо легче рассказать об официальной позиции Исламской Республики Иран. До ноября 2000 г. Иран являлся председателем Организации Исламская конференция — ОИК. И именно во время его председательствования — осенью 1999 г. — руководство обратилось с просьбой о приеме в России делегации ОИК для ознакомления с положением на Северном Кавказе.

6—7 декабря эта делегация, возглавляемая министром иностранных дел Ирана К. Харрази, посетила Москву, Дагестан, Северную Осетию и Ингушетию. Вернувшись в Тегеран, Харрази публично заявил о необходимости поиска мирного разрешения кризиса в Чечне и проявления Россией максимальной сдержанности.

17—18 января 2000 г. в Москву прибыла делегация старших должностных лиц внешнеполитических ведомств стран — членов ОИК. Эту делегацию возглавлял заместитель министра иностранных дел Ирана Д. Зафир. Члены делегации были приняты министром иностранных дел И.С. Ивановым и его заместителем Г.Б. Карасиным, с которыми провели переговоры. Также состоялись встречи членов делегации с министром по делам федерации и национальностей А.В. Блохиным, заместителем министра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных действий С.В. Хетагуровым и председателем Духовного управления мусульман Европейской части России Р. Гайнутдином.

Для России было крайне важно, чтобы зарубежные партнеры с пониманием отнеслись к действиям федеральных сил по ликвидации очага международного терроризма в Чечне, мерам, предпринимаемым федеральной властью для налаживания в республике мирной жизни, усилиям по облегчению положения беженцев из Чечни и обеспечению условий для их возвращения на родину.

Министр иностранных дел Иванов в разговоре с членами делегации подчеркнул, что «терроризм, в какие бы одежды он не рядился, является как для нас, так и для мусульманских стран общим врагом, которому следует давать отпор совместными усилиями». Ведя борьбу с чеченскими бандформированиями, Россия выполняет свои международные обязательства и пресекает угрозу распространения терроризма в сопредельные регионы.

Российская сторона выразила надежду, что Исламская Республика Иран и другие государства — члены ОИК будут и впредь твердо придерживаться позиции в поддержку суверенитета и целостности

Российской Федерации, невмешательства в ее внутренние дела. Отмечалось также, что Россия признательна за гуманитарную помощь, оказываемую мусульманскими странами по каналам МЧС России временно перемещенным лицам.

Делегация ОИК подтвердила неизменность позиции своей организации относительно сохранения территориальной целостности РФ и невмешательства в ее внутренние дела. Делегаты осудили терроризм как явление, полностью противоречащее основополагающим принципам ислама. Также было высказано беспокойство в связи с опасностью распространения экстремизма с территории Северного Кавказа на прилегающие к этому региону мусульманские страны. Отмечалось стремление государств — членов ОИК направлять в северокавказский регион дополнительную гуманитарную помощь.

Члены делегации подчеркнули заинтересованность мусульманских стран в сохранении за Россией активной роли в международных делах, наращивании с ней политического взаимодействия.

В ходе рабочего визита в Тегеран 28 ноября 1999 г. министра иностранных дел И.С. Иванова представители ИРИ подтвердили свою принципиальную линию в отношении Чечни. Той же позиции власти Ирана придерживались во время визита в Москву секретаря Высшего Совета национальной безопасности Ирана Х. Роухани 11—14 января 2000 г., а также во время регулярных контактов на уровне заместителей министров иностранных дел двух стран и других высокопоставленных лиц.

По сообщению ИТАР-ТАСС, высокие должностные лица Исламской Республики Иран, выезжавшие в составе делегации ОИК в Россию и посетившие Северный Кавказ, заявили, что они убедились в стремлении России к урегулированию ситуации в Чечне.

Обобщив все эти факты, можно оценить официальную позицию Ирана в связи с ситуацией на Северном Кавказе. Она включает в себя следующие элементы: 1. События на Кавказе являются внутренним делом России. 2. Иран уважает территориальную целостность России. 3. Иранские представители неизменно подтверждают свое принципиальное неприятие терроризма во всех его проявлениях. 4. Иран обеспокоен жертвами мирного населения, выступает против углубления кризиса на Северном Кавказе, расширения его географических рамок, за скорейшее политическое урегулирование ситуации, восстановление мира и спокойствия.

«Следует отметить, и это очень важно, что Иран направлял гуманитарную помощь перемещенным лицам на Северном Кавказе. Самолеты с иранской гуманитарной помощью доставляли ее во

Владикавказ и Махачкалу. Партия гуманитарных грузов была также направлена автомобильным транспортом.

Нельзя обойти вниманием и то, что в Иране не ведется сбор средств в пользу чеченских боевиков, не производится вербовка наемников. Насколько известно, на территории страны нет каких-либо чеченских представительств, имеется лишь группа студентов из Чечни, проходящих обучение в иранских учебных заведениях»^[229].

Несколько слов стоит сказать об отношениях ИРИ с новообразованными государствами Средней Азии, бывшими советскими республиками. Как мы знаем, связи Персии со Средней (Центральной) Азией возникли еще до появления ислама и христианства. В течение многих веков Средняя Азия была частью Персидского государства.

«Благодаря заимствованной у древних иранцев системе обучения и воспитания школы Центральной Азии приобрели особое развитие и стали центрами воспитания великих ученых, благодаря этой системе в регионе успешно развивались исламская культура, наука, техника, образование, философия, искусство и литература. Даже находясь под властью правителей-тюрков, имевших тесные связи с Аббасидским халифатом и препятствовавших распространению шиизма, не допускавших иранцев к власти, иранцы обладали огромным влиянием в политической и культурной жизни. Культура и цивилизация, существующая в Центральной Азии, с появлением ислама в регионе воспринимается как прямая заслуга Ирана. В языках народов Центральной Азии можно встретить много персидских слов. Местное население использует в разговорной речи персидские поговорки, стихи. Таджикский язык относится к иранским. В Узбекистане большинство исламских ритуалов народ выполняет на персидском языке. Благодаря влиянию иранской системы образования на многих летописцев XV—XVII столетий история народов Центральной Азии писалась на персидском языке. В исторических зданиях сохранились следы иранской архитектуры и ремесла. Почитаемые поэты народов Центральной Азии — Фараги, Навои, Айни, Кунанбаев — считали себя учениками иранских поэтов и придерживались их взглядов. Все народы Центральной Азии хорошо знают и любят известных иранских поэтов — Хафиза, Фирдоуси, Саади, Хайама. Известные ученые, родившиеся на территории Центральной Азии, признаются продуктами ирано-исламской культуры, и отмечается, что, например, на мировом уровне такие ученые, как Рудаки, Улугбек, Бухари, ибн Сина, Балами, Бируни, Наср Хосров, известны как иранские деятели. У народов Ирана и Центральной Азии много общих традиций, например, празднование Нооруза. Многие традиции и обычаи

сформированы под влиянием ислама, который отразился на менталитете и быте народов центрально-азиатского региона, занял прочное место в их повседневной жизни. Мощным консолидирующим фактором в жизни народов региона была признана философия и поэзия суфизма, представленного в регионе в основном орденами Накшбандие, Кобревию, Яссауи, Кадирие, Чаштия. Одна из причин тесной связи Ирана с Центральной Азией заключается в присутствии национальных меньшинств по обеим сторонам общей границы...

В 1992 г. ИРИ открывает практически во всех республиках Центральной Азии свои посольства, где специальные сотрудники занимаются вопросами культуры, образования и науки. Кроме того, именно в этот период министерство культуры и исламской ориентации открывает в городе Алма-Ата (Алматы) специальное представительство, которое выполняет функции иранского культурного центра в регионе...

В мае 1992 г. Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан и Туркменистан принимают участие в международной выставке книг в Тегеране. В дни работы выставки подписывается ряд двусторонних документов о сотрудничестве в области культуры, библиотековедения и полиграфической индустрии, открывающие также пополнение книжной продукции национальных библиотек соответствующих стран. В эти же годы в Иране издается целая серия учебников, словарей, журналов для республик Центральной Азии. Заключаются многочисленные соглашения в области культурного сотрудничества, договоренности о культурном обмене, соглашения между университетами Ирана и ВУЗами центрально-азиатских стран; проводятся фестивали иранских фильмов, обмен концертными и театральными группами, открываются книжные магазины иранских издательств: студенты, изучающие персидский язык, направляются на стажировку в Иран, проводятся культурные встречи и мероприятия, представители центрально-азиатских стран регулярно принимают участие в организуемых иранской стороной конференциях, симпозиумах по различной тематике. Проводятся дни культуры Ирана в центрально-азиатских республиках и дни культуры стран Центральной Азии в Иране и многие другие мероприятия.

Иран уделяет огромное внимание изучению персидского языка в странах Центральной Азии. В университетах центрально-азиатских стран создаются новые кафедры персидского языка, персидский начинает преподаваться в ряде средних общеобразовательных школ. ИРИ направляет преподавателей персидского языка в университеты республик, организывает курсы повышения квалификации и стажировки для

преподавателей и практику для студентов, проводит семинары, обеспечивает необходимыми учебно-методическими материалами и техническими средствами обучения, издает учебную литературу на персидском и национальных языках»^[230].

Иран проявляет активность в предоставлении новым государствам Средней Азии помощи с их телевизионными программами, оказывая таким образом непосредственное влияние на широкую аудиторию. Однако Иран снабжает, к примеру, таджикское телевидение, в основном телесериалами, и в меньшей степени — программами религиозной тематики, которыми изобилует собственно иранское телевидение.

Иранская пропаганда характеризует советские времена как мрачное прошлое среднеазиатских республик, говорит о попытках центрального московского руководства лишить народы Средней Азии их культуры и самобытности, превратить их в составляющую часть единой безликой социалистической нации.

В целом иранская пропаганда пытается создать негативный образ России и русских.

Эффективность иранской пропаганды снижается из-за отсутствия больших по численности шиитских меньшинств в республиках Средней Азии.

«Угроза с севера» для Ирана исчезла вместе с исчезновением сухопутной границы с Россией, но проблемы с морскими границами остаются.

Еще в 1960—1970-х гг. у советского правительства вызвала серьезную озабоченность недружественная политика шахского режима в Иране. С иранской территории летали американские самолеты-разведчики, вторгавшиеся в воздушное пространство СССР, запускались воздушные шары с разведывательной аппаратурой и контейнерами с материалами антисоветского содержания. А свободное плавание иранских судов в Северном Каспии давало возможность спецслужбам НАТО забрасывать на территорию Советского Союза диверсионно-разведывательные группы. По данным Ф.А. Мошкова, в Каспийском море вели разведку американские сверхмалые подводные лодки.

В таких условиях советское правительство стало рассматривать вопрос о необходимости закрепления линии Астара — Гасан-Кули в качестве морской границы с Ираном. Так, в нотах и министерства иностранных дел СССР от 14 апреля 1954 г., 22 декабря 1956 г. и 30 июля 1958 г., направленных посольству Ирана в Москве в связи с вторжениями иностранных самолетов в воздушное пространство Советского Союза над

акваторией Каспийского моря линия Астара — Гасан-Кули упоминалась уже как государственная граница.

В ноте от 30 июля 1958 г. говорилось, что эта линия признается государственной границей СССР, а ее пересечение расценивается как грубое нарушение американским самолетом советско-иранской границы. В ответ на эту ноту иранское правительство 14 августа 1958 г. заявило, что ему неизвестно о нарушении советско-иранской границы авиацией США. Такой ответ советские дипломаты расценили как косвенное признание иранской стороной наличия границы между Ираном и СССР на Каспийском море.

3 августа 1975 г. МИД и КГБ СССР предоставили в ЦК КПСС записку о целесообразности разграничения вод Каспийского моря по линии Астара — Гасан-Кули. 1 сентября того же года это предложение было одобрено Политбюро ЦК КПСС. Министерству иностранных дел поручалось изучить возможность постановки перед иранской стороной вопроса об официальном закреплении указанной линии в качестве государственной границы.

Однако реакция соседа была крайне негативной. 26 февраля 1976 г. советский посол в Тегеране сообщил, что иранский МИД выразил удивление «бытующим мнением» о существовании морской границы на Каспии, поскольку никакого официального документа по этому вопросу не подписывалось. Таким образом, установить морскую границу на Каспии не удалось.

После распада СССР на берегах Каспийского моря оказалось не два, а целых пять государств — Российская Федерация, Азербайджан, Иран, Туркменистан и Казахстан.

В начале 1990-х гг. российский МИД выступил против раздела Каспия на национальные участки, за использование его богатств на основе многосторонних соглашений, не ущемляющих права и интересы ни одного из прибрежных государств, за создание региональной организации прикаспийских государств.

Российские дипломаты исходили из того, что, во-первых, Каспий является внутренним морем, не имеющим выхода в океан, в котором за многие десятилетия сформировался уникальный и наиболее приемлемый для этого региона правовой режим. А во-вторых, международно-правовая ситуация вокруг Каспия после распада СССР принципиально не изменилась. Из этого следовало, что правовой статус Каспия требует минимальной корректировки, и в основном должен соответствовать тем принципам, которые определены советско-иранскими договорами 1921 и

1940 г.

Однако политика Ельцина в этом вопросе, как, впрочем, и везде, была противоречива и бестолкова. Так, 20 ноября 1993 г. между правительствами Российской Федерации и Азербайджана было подписано соглашение «О сотрудничестве в области разведки и разработки нефтяных и газовых месторождений на территории Азербайджанской Республики». В тексте соглашения говорилось и об «азербайджанском секторе Каспийского моря», который, таким образом, признавался территорией Азербайджана.

Азербайджан с самого начала очень активно выступал за раздел Каспийского моря на пять секторов, каждый из которых будет представлять территориальные воды соответствующего государства, владеющего данной водной территорией на основе исключительного права. При реализации этого плана самые нефтеносные районы отходили бы к Азербайджану и Казахстану. Поэтому Азербайджан долгое время жестко требовал только секторного раздела Каспия. Правительство Азербайджана объявило прилегающий к его стране участок Каспийского моря (как водное пространство, так и дно) полностью национальным сектором. Это закреплено в Конституции Азербайджана, и теперь сектор активно осваивается.

В 1970 г. Министерство нефтедобывающей промышленности СССР поделило дно советской части Каспийского моря на секторы, закрепленные за всеми прибрежными республиками. За основу взяли срединную линию. Совместным постановлением Совета министров Азербайджанской ССР и Министерства нефтяной и газовой промышленности от 18 января 1991 г. была уточнена граница между секторами Азербайджанской и Туркменской ССР.

К 2003 г. Россия, Азербайджан и Казахстан уже практически поделили каспийское дно и заключили соответствующие двусторонние соглашения. Раздел базировался на так называемой срединной линии и не учитывал позицию Ирана, который отстаивал иной принцип деления Каспия. Линия раздела проводилась через точки, равноудаленные от береговой линии. Получившаяся кривая соединялась с берегом перемычками от стыков сухопутных границ. В результате получились национальные сектора, размер которых зависит от длины побережья каждой из прикаспийских стран. В соответствии с этой формулой самый большой сектор будет у Казахстана (30%), наименьший — у Ирана (около 14%), России, Азербайджану и Туркмении достается по 18—19%. Иран же предложил дележ поровну — каждой стране по 20%.

Принцип модифицированной срединной линии, предложенный

Россией, означает, что границы секторов могут пересматриваться по согласию сторон, исходя из географических и «исторических» факторов. России и Казахстану при разграничении своих секторов это удалось вполне. В середине мая 2002 г. президенты двух стран подписали Протокол к «Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование», подписанному 6 июля 1998 г. Протокол содержит географические координаты проведения модифицированной средней линии. Россия и Казахстан договорились, что будут вместе разрабатывать месторождения, находящиеся на морской границе двух государств.

Тем не менее деление каспийского дна нельзя считать завершенным. Замечу, к примеру, что побережье Каспия постоянно меняется как в длину, так и в ширину. Так, в 60-х гг. XX века уровень Каспия понижался. Это было видно по расширению прибрежной полосы и появлению больших новых пляжей. Забили тревогу: надо спасать море. Тогда-то и появились пресловутые проекты переброски северных рек в Волгу. В качестве первоочередной меры решили отсечь от Каспия залив Кара-Богаз-Гол, работавший как огромный мелководный испаритель. Построили плотину, залив отсекли, а Каспийское море все продолжало отступать.

Пока шло обсуждение причин, пока уточнялись и отвергались проекты переброски рек, время шло, и в 1978 г. с удивлением заметили, что уровень Каспия стал повышаться. Вначале море «съело» пляжи и подтопило только что построенные пансионаты у Махачкалы на низкой равнинной части берега, потом оно придвинулось к железной дороге. Теперь уже надо было не Каспий спасать, а самим спасаться от него. Срочно взорвали плотину, перекрывающую залив Кара-Богаз-Гол. Залив начал испарять воду, но море продолжало подниматься.

А в 1995 г. подъем воды на Каспии вдруг прекратился. Все стабилизировалось. Однако в 2001 г. море снова показало свой нрав: недалеко от Баку произошло извержение грязевого вулкана, и в 4 км от берега в море родился новый остров в несколько сотен квадратных метров.

Но вернемся к военно-морским силам на Каспии. В октябре 1992 г. по договоренности с азербайджанским правительством большая часть кораблей и катеров Каспийской военной флотилии и пограничной Бакинской отдельной бригады кораблей были перебазированы в Астрахань. Часть судов и катеров передали новообразованным государствам.

К началу 2005 г. флот Азербайджана состоял из шести патрульных катеров, трех базовых тральщиков проекта 1265, одного рейдового

тральщика проекта 1258 и четырех малых десантных кораблей (два проекта 770МА и два проекта 106К), а также семи вспомогательных судов. Все катера и корабли получены из состава Каспийской военной флотилии, за исключением патрульного катера «Ароз» (АВ25) водоизмещением 170 т, поставленным Турцией.

Крылатых ракет и торпедных аппаратов суда азербайджанского флота не имеют. Единственный современный катер проекта 10410 вооружен одной 76-мм пушкой АК-176. Остальные имеют на вооружении автоматы калибра не выше 30 мм.

ВМС Казахстана состоят из девяти патрульных катеров водоизмещением от 170 т до 11 т. Самый большой катер (водоизмещением 170 т) вооружен одной 40-мм установкой «Бофорс», одной 20-мм пушкой и двумя 12,7-мм пулеметами, полученными от Турции. Четыре катера водоизмещением 70 т построены в Германии, и один катер (11т) получен от США. Все эти катера вооружены автоматами калибра 20—7,62-мм.

Казахские ВМС базируются на Каспии в портах Актай и Баутино.

ВМС Туркменистана состоят из одиннадцати патрульных катеров. Один из них, водоизмещением 69 т, вооружен двумя 12,7-мм пулеметами и построен в США. Остальные десять катеров типа «Гриф» водоизмещением 39 т построены в Феодосии и поставлены Украиной.

Единственная база туркменских ВМС — порт Туркменбоши, бывший Красноводск.

По-прежнему единственной реальной силой на Каспии является Каспийская военная флотилия. Ее главной ударной силой к 1997 г. была 106-я бригада надводных кораблей, базировавшаяся в Махачкале. В ее составе имелось 10 ракетных катеров, два базовых тральщика проекта 1265, а также 11-я отдельная авиагруппа в составе двух десантных экранопланов проекта 904 «Орленок», экраноплана «Лунь» проекта 903, вооруженного шестью ракетами «Москит», и экраноплана «Спасатель-1». Замечу, что советские экранопланы были первыми в мире и по сей день не имеют себе равных. Однако из-за недостатка финансирования и забвения высокого начальства уже к 2004 г. они были небоеспособны, а летно-технический состав давно разъехался по другим флотам или уволился из ВМФ.

33-й дивизион сторожевых кораблей базировался в Астрахани в Золотом затоне. В его составе было 11 кораблей и катеров.

48-й дивизион ОВР базировался в поселке Николо-Комарово.

Кроме того, в состав флотилии входили несколько десятков судов обеспечения, а также 20 самолетов и 18 вертолетов.

Летом 2002 г. в Махачкалу прибыл первый (после 1991 г.) новый корабль — СКР «Татарстан». История этого корабля довольно любопытна. В 1988 г. был разработан проект 11660 «Гепард» с мощным противолодочным вооружением. В конце 1988 г. в Зеленодольске был заложен первый корабль этого типа, но позже, в связи с «перестройкой» и недостаточным финансированием, сдан на лом прямо на стапели. В такой ситуации Зеленодольское ПКБ доработало проект 11660 и создало экспортный вариант — проект 11661.

Первый корабль по экспортному проекту был заложен в Зеленодольске в 1993 г. Первоначально планировалось построить серию СКР проекта 11661 для Индии, но позже индусы расторгли контракт. Несколько месяцев заложенный корпус СКР-200 простоял на стапели, пока правительство Татарстана не выделило средства на его достройку. В итоге корабль получил название «Татарстан» и был введен в состав Каспийской военной флотилии.

Однотипный корабль СКР-201, заложенный в 1994 г., так и стоит недостроенным в Зеленодольске. По некоторым сведениям, ему присвоили название «Дагестан». По плану он должен быть введен в состав Каспийской военной флотилии в 2007 г. Однако, судя по всему, корабль не введен в строй и на май 2010 г.

Полное водоизмещение «Татарстана» составляет 1930 т. Две газотурбинные установки общей мощностью 26 тыс. л. с. позволяют ему развивать ход в 28 узлов. Вооружение: две счетверенные пусковые установки крылатых ракет «Уран» ЗМ24, спаренная пусковая установка зенитно-ракетного комплекса «Оса-МА», одна 76-мм установка АК-176 и две 30-мм шестиствольные установки А-630М.

Следует заметить, что ракеты ЗМ24 ни разу не были испытаны на полную (объявленную) дальность в 130 км. На Черном море этого не позволяют делать украинские власти, а на Каспии боятся стрелять сами наши «политкорректные» адмиралы.

Для Каспийской военной флотилии на судостроительном заводе «Алмаз» в Петербурге строятся три малых артиллерийских корабля (МАК) проекта 21630 «Буян». Головной МАК «Астрахань» был заложен 30 января 2004 г. и спущен на воду 7 октября 2005 г. 25 февраля 2005 г. состоялась закладка второго корабля «Каспийск», а 24 марта 2006 г. — третьего — «Махачкала».

Полное водоизмещение малых артиллерийских кораблей составляет около 600 т. Наибольшая осадка едва превышает 2 м и позволяет действовать в мелководных районах и на реках. Дизельные двигатели дают

возможность развивать скорость 26 узлов. Водометные движители не только менее подвержены повреждениям в условиях мелководья, но и придают «Буянам» высокую маневренность, повышают управляемость, снижают шумность и ходовую вибрацию. Автономность корабля — 10 суток, а дальность плавания — 1500 миль. Архитектура «Буяна» отвечает современным требованиям обеспечения малой радиолокационной заметности.

Вооружение состоит из новой 100-мм артустановки АК-190 с темпом стрельбы 80 выстрелов в минуту. Правда, «новой» ее окрестили наши адмиралы, а на самом деле ее разрабатывали с 1986 г., причем еще тогда создавали к ней ряд управляемых (корректируемых) снарядов — «Арбалет» и др. Но управляемые снаряды так и не смогли довести.

На корме МАКС установлена пусковая установка А-212, качающаяся часть которой состоит из двух двадцатиствольных пакетов полевой системы залпового огня «Град». Дальность стрельбы штатным снарядом 9М22У — 20 км, но сейчас разработан и снаряд повышенной дальности (свыше 30 км). Недостаток комплекса А-212 на МАК проекта 21630 — ручное заряжание.

ПВО «Буяна» обеспечивает зенитно-ракетный комплект «Гибка». Фактически это стационарная установка для четырех переносных труб комплекса «Игла». Кроме того, имеются две шестиствольные автоматические 30-мм артустановки АК-306 и два крупнокалиберных 14,5-мм пулемета КПВ, установленных побортно на надстройке за ходовой рубкой для ведения огня по надводным и береговым целям.

Введение в строй КВФ двух новых судов широко рекламировалось средствами пропаганды Российской Федерации как для внутреннего, так и для внешнего пользования. На «Татарстане» не преминул побывать президент Путин.

В заключение следует заметить, что примерно с 1992 г. азербайджанские дипломаты и СМИ начали кампанию за «демилитаризацию Каспия». В поддержку этого выступил и президент Казахстана Назарбаев. Смысл этой кампании заключается в том, чтобы запретить не только заход в Каспийское море кораблей других стран (причем не только военных), но и всяческую военную деятельность прибрежных государств, кроме пограничной охраны, и даже размещение военных флотов. Эта же позиция была зафиксирована в совместном заявлении членов рабочей группы по правовому статусу Каспия четырех прикаспийских государств, сделанном на втором заседании этой группы 27 сентября 1995 г. в Алма-Ате. Россия в этом заседании не участвовала.

В очередной раз призывы к демилитаризации Каспия прозвучали в совместном «Заявлении по вопросам Каспийского моря», подписанном президентами Азербайджана и Казахстана во время визита последнего в Баку в сентябре 1996 г.

Азербайджан и позже неоднократно поддерживал эту позицию. Так, на встрече с первым заместителем министра иностранных дел России Б. Пастуховым, которая состоялась в Баку 27 марта 1998 г., Алиев заявил, что на Каспии нет надобности в военных флотах, которые, в частности, есть только у России и Азербайджана. Он попросил Пастухова считать это заявление официальным и довести его до сведения правительства Российской Федерации. Эту же позицию он подтвердил на встрече с первым заместителем министра иностранных дел Ирана в связи с инцидентом 23 июля 2001 г., о котором будет рассказано позже.

Какой смысл в идее демилитаризации Каспия? С одной стороны, Россия никогда не пойдет на ликвидацию Каспийской военной флотилии. А с другой стороны, с учетом угрозы международного терроризма, ряда конфликтных ситуаций у прибрежных государств: Азербайджан — Армения, Иран — США и т.д., демилитаризация Каспия создала бы угрозу для всех прикаспийских стран.

Глава 33

СТРАСТИ ПО КАСПИЙСКОЙ НЕФТИ

В последние два десятилетия XX века выяснилось, что на берегах Каспия и его дне находится гораздо больше нефти и газа, чем считалось раньше. Наибольшие запасы углеводородов находятся в Казахстане, Азербайджане, Узбекистане и Туркмении. Таджикистан и Киргизия имеют ограниченные запасы нефти и газа, которые на данный момент не привлекательны для иностранных инвесторов. Самые крупные месторождения нефти, как и три самых крупных нефтяных проекта, находятся в Казахстане и Азербайджане, а именно месторождения Тенгиз и Карачаганак в Казахстане и месторождение Азери-Чираг-Гюнешли (подводное) в Азербайджане. В каждом проекте участвуют основные западные нефтяные компании в качестве акционеров.

— Тенгиз: Tengiz Chevroil (50% — Chevron Техасо, 25% — Exxon Mobil, 20% — Казахское правительство);

— Карачаганак: Консорциум Karachaganak (по 32,5% Agip и British Gas, 20% - Техасо, 15% - LUKoil);

— Азери-Чираг-Гюнешли: Azerbaijan International Oil Company (акционеры — Unocal, LUKoil, Statoil, ExxonMobil, ТРАО, Devon Energy, Itochu, Delta Hess и SOCAR).

Потенциальные запасы нефти Туркмении в прибрежной зоне на Каспийском море еще не исследованы и не могут разрабатываться из-за споров между Туркменией, Азербайджаном и Ираном по поводу разграничения южной части моря.

По различным оценкам, месторождения нефти Центральной Азии к 2015 г. будут давать приблизительно около 4 миллионов баррелей в день, что примерно эквивалентно сегодняшней ежедневной добыче Ирака и Кувейта вместе взятых.

При этом, если государственные границы на суше в известной мере не вызывают споров, за исключением конфликта Азербайджана и Армении из-за Нагорного Карабаха, то конфликты из-за морского дна Каспия еще только начинаются.

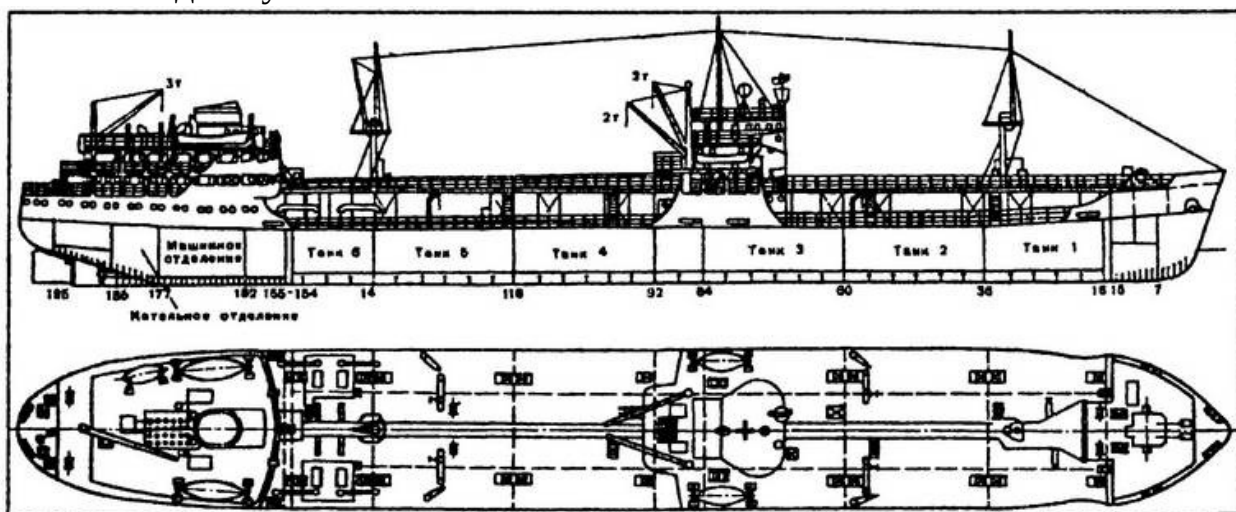
Одной из «первых ласточек» стал инцидент 23 июля 2001 г., когда судно «Геофизик-3» начало вести разведку нефтяных месторождений в спорной с Ираном зоне. Замечу, что судно шло под азербайджанским

флагом, но фактически принадлежало компании «Бритиш Петролеум».

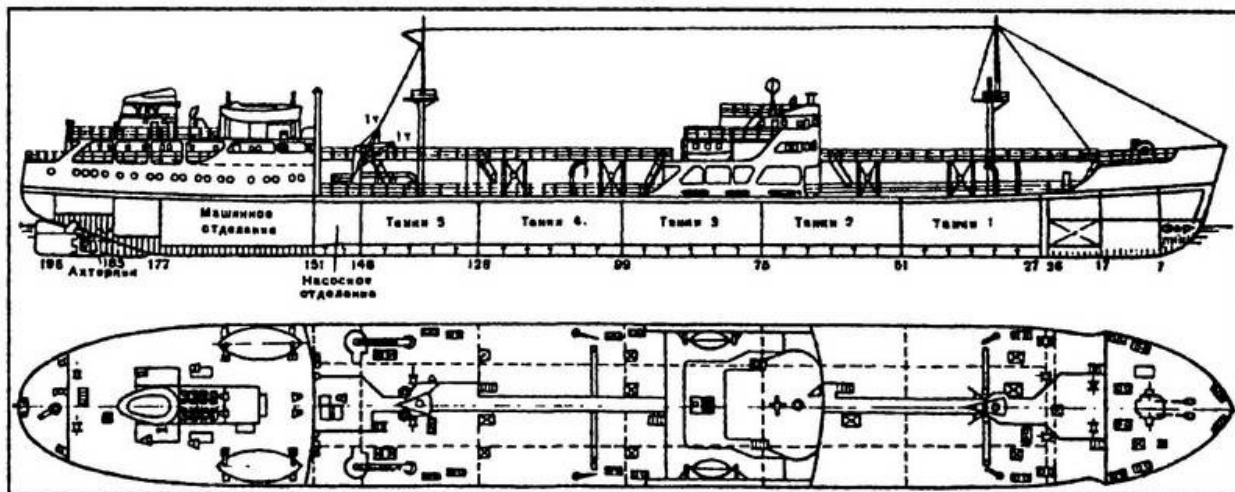
Иранский сторожевой корабль потребовал, чтобы «Геофизик-3» убрался восвояси, угрожая открыть огонь на поражение, а по некоторым сведениям, несколько выстрелов все же было сделано.

Стороны обменялись официальными заявлениями, в которых обвиняли друг друга в незаконных действиях на своей территории. По заявлению азербайджанского правительства, начиная с 23 июня самолеты иранских ВВС неоднократно нарушали воздушное пространство Азербайджана в районе Каспийского моря, а вертолеты иранских пограничников вели интенсивное наблюдение вдоль границ двух стран. Иран же обвинил в нарушении границ азербайджанцев, которые якобы с помощью военного корабля пытались захватить месторождение «Альборз».

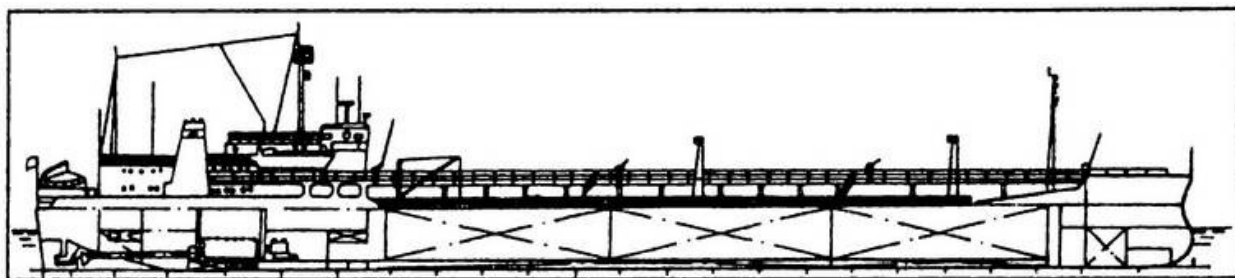
В результате запланированный на осень 2001 г. визит в Тегеран президента Алиева был сорван. Не обошлось и без угроз представителей военных ведомств обеих стран. Разумеется, в конфликт сразу же вмешались США и Турция, приняв сторону Азербайджана. Турция устроила вызывающий демарш — десять истребителей F-5 американского производства сели на азербайджанский аэродром и провели несколько полетов над Баку.

Танкер «Олег Кошевой» постройки 1954 г.

Танкер «Инженер Пустошкин»

Танкер «Олег Кошевой» постройки 1980 г.

Следует заметить, что в Прикаспии и на самом дне моря важно не только добыть нефть и газ, но и еще важнее доставить его потребителю, причем с минимальными финансовыми затратами.

В советское время основным средством транспортировки нефти на Каспии были танкеры. С середины 1950-х годов танкерный флот почти весь обновился. В 1954—1956 гг. для Каспия было построено восемь танкеров типа «Олег Кошевой» дедвейтом 4700 т, со скоростью хода 11 узлов и максимальной осадкой 4 м.

Развитием этого типа стала новая серия из 30 единиц ^[231]. Головной танкер получил название «Инженер Пустошкин».

Кроме того, в 1962 г. на заводе № 112 в Сормово был построен паром «Советский Азербайджан» для линии Баку — Красноводск. Его

местимость — 30 железнодорожных вагонов и 290 пассажиров. Скорость хода 16 узлов. Водоизмещение 5800 т. Всего для этой линии было построено пять паромов.

В 1971 г. на Астраханском судостроительном заводе был построен головной танкер проекта 1560 «Никифор Рогов». За ним последовали еще четыре однотипных танкера дедвейтом 12 300 т. Эти танкеры могли проходить Волго-Донским каналом.

В 1976 г. на Херсонском судостроительном заводе построили танкер дедвейтом 25 тыс. т «Командарм Федько» (проекта 1596), а затем — еще 16 таких же танкеров.

В 1979 г. началось строительство новой серии танкеров для Каспийского моря, чтобы заменить ими списываемые танкеры типа «Олег Кошевой» постройки 1950-х гг. Проект 1677М был разработан отделом главного конструктора Волгоградского судостроительного завода (под руководством Н.М. Чемоданова). Головное судно нового проекта, построенное на Волгоградском судостроительном заводе в 1980 г., получило название списанного танкера — «Олег Кошевой».

Танкеры постройки 1950-х гг. имели одно дно, а новые танкеры имели двойное дно и двойные борта. Корпус разделен на шесть грузовых танков общей вместимостью 5900 кубометров, которые отделены от наружных бортов и днища отсеками чистого балласта, объем которых составляет 2735 кубометров.

Танкеры проекта 1677М строились до 1989 г. Всего было построено 16 судов этого типа.

Все морские танкеры входили в состав Каспийского морского пароходства, главное учреждение которого находилось в Баку. Однако строительство судов и финансирование пароходства велось за счет союзного бюджета, а правительство Азербайджанской ССР к нему никакого отношения не имело.

С 1987 г. Каспийское морское пароходство и все предприятия, находящиеся в его подчинении, переводятся на самофинансирование и полный хозрасчет. А в 1992 г. Ельцин подарил Каспийское морское пароходство и вообще весь морской каспийский флот Азербайджану. (Небольшая часть судов досталась Туркменистану.)

И лишь небольшая часть судов, базировавшихся в Астрахани, осталась за Россией. Они вошли в состав Северо-Каспийского морского Пароходства (СКМП). Северо-Каспийское морское пароходство до последнего времени являлось крупнейшим предприятием, осуществлявшим на Нижней Волге и Северном Каспии дноуглубительные и гидротехнические работы. В состав

пароходства входили судоремонтный завод, паромный комплекс порта Оля, дноуглубительный и торговый флот. С февраля 2004 г. СКМП находилось в состоянии банкротства, а к концу 2005 г. оно фактически прекратило свое существование.

Зато азербайджанское Каспийское морское пароходство (КМП), пользующееся поддержкой государства, процветает. К 2005 г. в его состав входило 34 танкера и 35 сухогрузов. Средний дедвейт одного корабля составляет 4768 т. Грузы, доставленные в Каспийское море из портов бассейнов Балтийского и Черного моря — Средиземного моря, с переходом через Волжско-Балтийскую и Волго-Донскую мореходные системы, без погрузки-разгрузки отправляются в иранские порты. Корабли Каспийского пароходства, плавающие в бассейне Черного моря — Азовского залива, осуществляют перевозку грузов зарубежных арендаторов судов в порты Европы, Ближнего Востока и Северной Африки.

В 2004 г. танкерный флот КМП перевез 9,335 млн. тонн нефти и нефтепродуктов, что на 5,1% превысило показатели 2003 года. Общий же объем транспортированных грузов составил 13,208 млн. т. КМП продолжает размещать заказы на производство новых судов главным образом в России. Основным судостроительным заводом для КМП уже на протяжении многих десятилетий остается Сормовское предприятие в Нижнем Новгороде. В 2004 г. там был построен и сдан в эксплуатацию танкер «Президент Гейдар Алиев». Это судно грузоподъемностью в 13,4 тыс. т сейчас по праву считается флагманом торгового флота на Каспии.

Ранее на службу в КМП поступили новые танкеры «Профессор Азиз Алиев», «Джалил Мамедкулизаде», «Бабек» и «Шоллар». Они построены по новым международным правилам и являются двубортными для предотвращения разливов нефти при столкновениях. До 2007 г. в Нижнем Новгороде планировалось приобрести еще три современных танкера и два сухогруза. К этому времени перевозки нефти увеличатся примерно в два раза (с 2002 г.) — с введением в эксплуатацию новых месторождений на шельфе Каспийского моря и планируемым транзитом казахстанской нефти через нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан.

Конкурентами КМП являются иранские предприятия: Ирано-Индийская судоходная компания, Судоходные линии Исламской Республики Иран и Национальная иранская танкерная компания. Торговый флот Ирана в 1999 г. насчитывал 138 судов (водоизмещением более 1000 регистровых тонн) общим водоизмещением 3 517 751 регистровых тонн.

Транспортировка нефти и газа на судах гораздо менее выгодна, чем использование трубопроводов. К концу 2006 г. в районе Каспия

действовали или строились следующие нефтепроводы:

1. Трубопровод Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД), пропускной способностью более 1 млн. баррелей в день, идет от азербайджанского побережья Каспийского моря к средиземноморскому побережью Турции. Его главные акционеры формируют консорциум, который включает British Petroleum, SOCAR, Chevron, Statoil, Total, ENI, Itochu, Conoco&Phillips и ExxonMobil.

2. «Северный» (Баку — Новороссийск) и «Западный» (Баку — Супса) нефтепроводы, с пропускной способностью от 100 до 115 тыс. баррелей в день соответственно. Они начинаются на азербайджанском побережье Каспийского моря и идут к российскому порту Новороссийск и грузинскому порту на Черном море в Супсе.

3. В 2007 г. подписано соглашение о маршруте (баржи) между Казахстаном и Азербайджаном по поставкам 10 млн. т (приблизительно 733 млн. баррелей) казахстанской нефти ежегодно для трубопровода БТД.

4. Российский трубопровод Атырау — Самара, который идет из Атырау в Казахстане к Самаре в России. Его пропускная способность составляет 300 тыс. баррелей в день, но Россия обязалась увеличивать ее вместимость до 500 тыс.

5. Казахско-китайский трубопровод, первая часть которого соединяет казахские месторождения нефти Актобе с казахским нефтяным центром Атыптау, который уже готов. Вторая часть, которая еще строится, будет идти от Атасу (Северо-Западный Казахстан) к Алашканоу (Синьцзян, Китай) и будет стоить приблизительно 850 млн. долларов. Начальная пропускная способность составит 200 тыс. баррелей в день, а максимальная — 400 тыс.

6. Каспийский трубопроводный консорциум (Caspian Pipeline Consortium — CPC), который соединяет казахские нефтяные месторождения с российским портом Новороссийск. Им владеют и управляют западные частные компании и государственные компании России, Казахстана и Омана. Пропускная способность составляет 560 тыс. баррелей в день.

7. Трубопровод от Чимкента в Казахстане к Чарджоу в Туркмении (через Узбекистан).

Переходя к газу, следует заметить, что самые большие запасы газа среди центрально-азиатских стран на сегодня имеются у Туркмении и Узбекистана, хотя относительно богатые месторождения есть и в Казахстане (особенно на Карачаганаке в Западном Казахстане) и Азербайджане (Шах Дениз). Возможности центрально-азиатских

маршрутов транзита газа, которые не контролируются Россией, пока ограничены еще незаконченным трубопроводом БТД от Азербайджана до Турции и коротким трубопроводом Корпедже — Курт-Куй, который идет из Туркмении в Иран. Будущие проекты характеризуются повышенным политическим риском и неблагоприятным инвестиционным климатом.

Кроме трубопровода Корпедже — Курт-Куй, весь туркменский и узбекский экспорт природного газа контролируется Газпромом, и почти весь туркменский газ экспортируется в Россию через Узбекистан или на Украину через Россию.

Существующие газопроводы:

1. Центральная Азия — Центр — трубопровод перекачивает туркменский газ в Россию через Казахстан в систему газопроводов Газпрома, восточная и западная ветви которого имеют пропускную способность 3,53 трлн. кубических футов в год, в будущем есть планы ее увеличения.

2. Корпедже — Курт-Куй — объединенный проект туркменского и иранского правительств по доставке туркменского газа в Иран. Этот первый нероссийский газопровод в Центральной Азии имеет ежегодную пропускную способность около 300 млрд. кубических футов.

3. Ташкент — Бишкек — Алматы — трубопровод, который принадлежит России и транспортирует узбекский газ в Южный Казахстан. Это главный экспортный газопровод Узбекистана, он также используется для поставок газа Кыргызстану. Пропускная способность — приблизительно 777 млрд. кубических футов.

Будущие газовые транзитные проекты: Трансафганский Трубопровод (ТАФ) и Южнокавказский трубопровод (Баку — Тбилиси — Эрзерум — БТЭ).

ТАФ предназначен для транспортировки газа из Туркмении через Афганистан до Фазилика — порта на индийско-пакистанской границе. Правительства Туркмении, Афганистана и Пакистана подписали меморандум о намерениях в феврале 2006 г. начать строительство трубопровода, заинтересованность в котором проявляет и Индия. Американские чиновники продвигают ТАФ, который будет переименован в ТАПИ, когда Индия подпишет под меморандумом, отказавшись от идеи альтернативного ирано-индийского трубопровода. Однако нестабильная обстановка в Афганистане и вопросы, касающиеся коммерческой жизнеспособности проекта (запланированная пропускная способность трубопровода 1,1 млрд. куб. футов) надолго отложили его реализацию.

БТЭ в настоящее время еще строится. Он будет идти параллельно

нефтепроводу БТД от месторождения газа Шаха Дениз в Азербайджане к Греции и будет тогда связан с Nabucco — планируемым газопроводом по транспортировке центрально-азиатского и каспийского газа в Грецию, Италию и Австрию. Запланированная пропускная способность БТЭ — 1,5 млрд. куб. футов — была увеличена до 3 млрд. в 2007 г. Главные акционеры — BP Statoil, SOCAR, LukAgip, Nico (Иран) и Total.

Россия через Газпром продолжает получать прибыль как самый крупный потребитель газового экспорта из Центральной Азии. Газпром покупает центрально-азиатский газ по низким ценам, которые составляют от одной четверти до одной трети рыночных цен в Европе, а затем перепродает газ по рыночному курсу. В 2003 г. Туркмения подписала соглашение, по которому начнет продавать почти весь свой газ России, начиная с 2009 г.

Однако недавно Китай также проявил интерес к туркменскому газу. 3 апреля 2006 г. лидеры этих двух стран подписали договор, по которому экспортный трубопровод будет построен от Туркмении до Китая, и Китай будет покупать 30 млрд. кубометров туркменского газа каждый год в течение 30 лет, начиная с 2009 г. На первый взгляд, этот китайско-туркменский договор служит хорошим предзнаменованием для иностранных инвестиций в Центральной Азии. Однако есть большие сомнения в том, что Туркмения реально оценила объем своих запасов природного газа. Таким образом, есть предположение, что Туркмения, подписывая договор с Китаем, дважды продала свои запасы газа. Такая вероятность выдвигает на первый план отсутствие прозрачности нефтяных и газовых рынков Центральной Азии.

Итак, к 2007 г. существовало пять маршрутов для нефте- и газопроводов.

Первый — через Россию и Северный Кавказ.

Второй — в обход России через Азербайджан и Грузию.

Третий — через Иран.

Четвертый — через Казахстан в Китай.

Пятый — через Афганистан и Пакистан.

США являются главным спонсором проекта строительства нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан (Турция) в обход территории России. Вариант транзита через Афганистан также был выгоден янки, но боевые действия там препятствуют строительству нефте- и газопроводов. Все остальные варианты транзита не удовлетворяют Вашингтон.

Правительство США объявило район Каспия зоной жизненно важных интересов США и всячески старается найти повод для «военного

присутствия» на Каспии.

В заключении стоит сказать пару слов о нынешнем объеме нефтедобычи в Ираке в целом. Так, 12 апреля 2010 г. генеральный директор Иранской компании нефтяных терминалов Мохаммед Реза Моваххед в интервью агентству ИРНА сообщил, что в прошлом, 1388 г. (21 марта 2009 г. — 20 марта 2010 г.) через нефтяные терминалы страны было экспортировано 844 млн. 210 тыс. 304 барреля сырой нефти.

Кроме того, за указанный период в порту Нека на севере страны в рамках своповых поставок (поставок по схеме замещения) из прикаспийских стран было получено 32 млн. 740 тыс. 524 баррелей сырой нефти. Из южных иранских портов Харк и Джаск было отправлено потребителям эквивалентное количество нефти.

В настоящее время Иранская компания нефтяных терминалов осуществляет экспортно-импортные поставки через терминалы портов Мехшехр, Харк и Южный Парс на юге и порта Нека на севере страны.

В 2009 г. иранская нефть экспортировалась зарубежным потребителям в такие страны, как Япония, Китай, Южная Африка, Бразилия, Сьерра-Лион, Индия и Голландия. По словам М.Р. Моваххеда, на терминалах компании используется высокоточная измерительная аппаратура, которая позволяет значительно снизить погрешность измерений количества нефти при ее закачке в танкеры.

На терминалах Иранской компании нефтяных терминалов могут пришвартовываться самые крупные суда водоизмещением до 564 тыс. т. Кроме того, они оборудованы причалами от отгрузки нефти и нефтепродуктов с танкера на танкер^[232]. На территории Ирана постоянно открываются все новые и новые месторождения нефти и газа. Новое месторождение нефти Суман открыто в западной провинции Керманшах. Приблизительная емкость месторождения — 475 млн. баррелей нефти. Еще одно газовое месторождение открыто в 70 км от порта Ассаля. Предполагается, что в течение ближайших 20 лет из него удастся извлечь около 50 млн. кубометров газа.

Глава 34

НАПАДЕТ ЛИ США НА ИРАН?

Основная причина антииранской политики Вашингтона — желание поставить под контроль иранскую нефть. Формально правящие круги Ирана со времен исламской революции продолжают именовать США Сатаной, а Израиль — Малым Сатаной. Но никаких активных действий против них Иран не предпринимал. Исламская Республика Иран вела политику строго нейтралитета в ходе всех развязанных США войн — против Ирака в 1991 г. и 2003 г. и против Афганистана в 2001 г.

В 2005 г. президентом Ирана был избран Махмуд Ахмадинежад. Вот краткая биография этого выдающегося деятеля. Он родился в 1335 г. по иранскому календарю (1956 г. — март 1957 г.). В возрасте 19 лет Ахмадинежад получил диплом о среднем образовании и, сдав экзамены, был принят в тегеранский Университет науки и промышленности для обучения по специальности «городское благоустройство». По окончании бакалавриата Ахмадинежад продолжил обучение в магистратуре того же университета и в 1368 г. (1989/1990 г.), окончив образование, стал членом научного совета ВУЗа.

Махмуд Ахмадинежад обладает степенью доктора технических наук по направлению «транспорт и дорожное движение».

В годы Ирано-иракской войны 1980—1988 гг. Ахмадинежад добровольцем пошел в армию и служил в рядах вооруженных сил Исламской Республики Иран.

В 1990-е гг., прежде чем стать губернатором вновь созданной провинции Ардебиль на северо-западе Ирана, Ахмадинежад четыре года занимал пост заместителя, а затем и префекта городов Маку и Хой.

В начале 2004 г. Исламский совет Тегерана избрал Махмуда Ахмадинежада мэром иранской столицы.

Любопытно, что сразу после избрания Ахмадинежада президентом пятеро американцев узнали в нем террориста, который 25 лет назад держал их в заложниках.

Увидев Ахмадинежада в новостях во время президентской кампании, четверо бывших заложников (Чак Скотт, Дэвид Ройдер, Уильям Догерти и Дон Шарер) списались по электронной почте и обнаружили, что пришли к одному выводу: Ахмадинежад был среди тех, кто захватил посольство.

Пятый согласился с ними позже, посмотрев фотографии. «Я могу определенно гарантировать, что он был не просто одним из захватчиков, он присутствовал на моих допросах», — утверждает Ройдер.

Догерти, который в то время работал на ЦРУ, утверждает, что Ахмадинежад был одним из лидеров банды. Он, в частности, сопровождал представителя Ватикана, который вскоре после начала кризиса предпринял попытку договориться со студентами. «Он был очень жесток, — добавил Шарер. — Был из тех, кто придерживался жесткой линии. Так что вы уже можете делать выводы о том, как будет себя вести их правительство следующие 4—5 лет»^[233].

Судя по всему, эта «клюква» является продукцией ЦРУ. Далеко не все участники трагедии 25-летней давности согласны с этими пятерыми американцами. Еще один бывший заложник, полковник авиации в отставке Томас Шефер сказал, что не узнает в Ахмадинежаде террориста.

Несколько бывших студентов из числа участников теракта так-: же подтвердили, что избранный президент Ирака не захватывал посольство. То же говорит и его помощник Мейсан Роухани. Недавно в частной беседе Ахмадинежада спросили, участвовал ли он раньше в захватах заложников. Он ответил: «Нет. Я считал, что если мы будем это делать, мир нас проглотит».

Ахмадинежад в своих официальных выступлениях довольно резко высказывается об Израиле. Каждый раз это вызывает антииранскую истерику в Вашингтоне и Тель-Авиве, а также невнятные бормотания на Смоленской площади в Москве.

Думаю, что любому психически здоровому человеку ясно — ирано-израильская война в настоящий момент физически невозможна. Зато США и Израиль вполне серьезно грозят Исламской Республике массированными бомбардировками. Повод — работы над ядерным оружием в Иране. Позиция этих стран явно неубедительная. В 2003 г. США напали на Ирак под тем же предлогом, но до сих пор не нашли никаких следов работ там над ядерным или биологическим оружием. А Израиль сам не является участником договора о нераспространении ядерного оружия и отказывается официально признать или опровергнуть факт наличия оно́го в Армии самообороны Израиля. При этом и евреи, и американцы утверждают, что-де Израиль — «хороший мальчик», и ему положено иметь ядерную бомбу, а Иран — «плохой парень», и ему вообще нельзя иметь никакого оружия, даже обычного.

Можно только сожалеть, что у нас на Смоленской площади не понимают, что израильское ядерное оружие и его средства доставки

намного опаснее для Российской Федерации, чем несколько примитивных ядерных бомб, создаваемых в Иране. По сведениям западных СМИ, к настоящему времени в Израиле изготовлено 100—300 ядерных бомб, а также их средства доставки. Среди последних — баллистические ракеты средней дальности, сверхзвуковые самолеты F-15, которые с помощью воздушных танкеров-заправщиков могут достичь Центрально-европейской части России.

Интересно, что еще в 1970-х гг. правительство США заключило с шахом серию контрактов на сумму свыше 20 миллиардов долларов для строительства двадцати атомных реакторов. Понятно, что сейчас в Вашингтоне предпочитают не вспоминать об этих сделках.

В 1976 г. по договору с Ираном дочерняя организация немецкой компании «Сименс» (Siemens A.G.) — Kraftwerk Union A. G. (KWU) — начала строить атомную электростанцию (АЭС), состоящую из двух легководяных реакторов, в районе портового города Бушир в Персидском заливе. В 1979 г., после того как случилась исламская революция, а затем и захват американского посольства в Иране, Германия прекратила строительство АЭС.

Россия начала сотрудничество с Ираном в области ядерной энергетики в августе 1992 г. Тогда были подписаны межправительственные соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии и сооружении атомной электростанции в Иране. Российские специалисты также приняли участие в изучении иранских урановых месторождений, подготовили проект строительства завода по отделению урансодержащей руды от пустой породы.

В январе 1995 г. глава Минатома РФ Виктор Михайлов, буквально «на крыле самолета», подписал «Протокол переговоров между министром РФ по атомной энергии и Вице-президентом Исламской Республики Иран, Президентом Организации по атомной энергии Ирана доктором Р. Амроллахи». Протокол, в частности, предусматривал в шестимесячный срок «провести переговоры по подписанию контракта на строительство центрифужного завода по обогащению урана». После того как этот документ попал в руки американцев, разгорелся скандал, поскольку центрифужная технология обогащения урана позволяет наработать материал для создания ядерного оружия.

В дальнейшем Россия выразила готовность поставить в Иран атомный реактор на тяжелой воде. Этот реактор также позволял выработать плутоний, который можно было использовать для создания атомной бомбы. Министр Михайлов пресек эту инициативу.

Американцы ввели санкции против нескольких предприятий ядерного комплекса РФ.

Кроме России и Германии с Ираном в области ядерной энергетики в разное время сотрудничали Аргентина (контракт был сорван под давлением США), Венгрия, Чехословакия (изучение месторождений урана), Китай (завод по изготовлению оболочек для ядерного топлива строится, несмотря на давление США). Китайцы также поставили в Иран тяжеловодный ядерный реактор нулевой мощности, непригодный для наработки оружейного плутония.

В последнее время российский «Атомстройэкспорт» участвует в создании атомной электростанции в Бушире.

23 декабря 2006 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию о вводе санкций против Ирана. Эти санкции заключаются в запрете на экспорт оборудования для ядерных программ Ирана. По заявлению представителей МИД РФ санкции не должны помешать российско-иранскому сотрудничеству в строительстве АЭС в Бушире.

Остановят ли принятые санкции работы над ядерным оружием? Весьма маловероятно, и правительство Ирана это косвенно подтвердило. Поэтому возникает весьма важный вопрос — нападут ли США на Иран, и какова в этом случае будет позиция Российской Федерации?

Сейчас вооруженные силы Исламской Республики Иран являются крупнейшими по численности на Ближнем и Среднем Востоке. Они имеют опыт ведения боевых действий, полученный в ходе Ирано-иракской войны 1980—1988 гг.

На 1 января 2000 г. боевой состав вооруженных сил Ирана насчитывал: 44 дивизии (32 пехотные, три механизированные, семь бронетанковых, одна воздушно-десантная и одна воздушно-штурмовая); 24 отдельные бригады (17 пехотных, две бронетанковые и пять воздушно-десантных); 7 ракетных бригад; 10 артиллерийских групп; 18 групп ПВО и зенитной артиллерии; 8 инженерных бригад (различного назначения); 2 бригады химических войск; 4 бригады армейской авиации; 25 эскадрилий боевой авиации; 14 эскадрилий вспомогательной авиации; шесть бригад кораблей и катеров и две бригады морской пехоты. На вооружении соединений и частей иранских вооруженных сил имеются: 32 пусковые установки оперативно-тактических ракет; 84 пусковых установок тактических ракет; 30 пусковых установок противокорабельных ракет; 2400 боевых танков; 1800 орудий полевой артиллерии; 700 реактивных систем залпового огня; 4000 минометов; 600 противотанковых ракетных комплексов; 900 безоткатных орудий; 270 самолетов боевой авиации; 375 боевых

вертолетов; 164 пусковые установки зенитных управляемых ракет; 1500 орудий зенитной артиллерии; 1700 зенитных ракетных комплексов; 26 надводных боевых кораблей; три подводные лодки и 170 боевых катеров.

Всего в составе вооруженных сил Ирана насчитывается 853 тыс. человек, из них 403 тыс. относятся непосредственно к армии. В сухопутных войсках — 300 тыс. человек, в ВВС и ПВО — 85 тыс. человек, в ВМС — 18 тыс. человек. В составе Корпуса стражей исламской революции (КСИР) — 450 тыс. человек.

Иранская армия комплектуется в соответствии с законом о всеобщей воинской повинности. Военнообязанными считаются лица мужского пола, достигшие 19 лет. Срок службы для рядового и сержантского состава — 2 года, пребывание в резерве — до 55 лет. Комплектование КСИР проводится на добровольных началах из гражданского населения, в основном из религиозных фанатиков старше 16 лет.

Мобилизационные возможности ИРИ, по расчетам американских военных, составляют примерно 7 млн. человек, однако, как утверждает официальный Тегеран, в случае необходимости под ружье могут встать еще несколько миллионов иранских граждан. На модернизацию собственно армии и КСИР (без военной техники и строительства) Тегеран планирует выделить 8 млрд. долларов в течение ближайших 20—25 лет.

19 августа 2006 г. в Иране были проведены крупномасштабные общевойсковые учения «Удар Зольфакара». В маневрах участвовало 120 тысяч военных, было задействовано 12 дивизий сухопутных войск. В ходе учения были закончены войсковые испытания истребителя-бомбардировщика «Саека» («Молния»). Новая машина представляет собой глубокую модернизацию американского истребителя-бомбардировщика F-18. К 2010 г. в строй вошла одна эскадрилья, вооруженная этими самолетами.

Главнокомандующий Армией Исламской Республики Иран дивизионный генерал Атаоллах Салехи заявил, что самолет целиком и полностью спроектирован, произведен и модернизирован специалистами Университета им. Шахида Сатгари ВВС Армии Ирана. «Ни одна страна не помогала нам в этой области, мы были вынуждены действовать самостоятельно, опираясь на собственные силы и знания», — утверждает главком.

Далее генерал Салехи заявил, что «Истребитель "Саека" намного мощнее своего американского аналога F-18. Самолет ранее успешно прошел летные испытания, а в ходе учений "Удар Зольфакара" выполнил боевую стрельбу ракетами класса "воздух—земля" и бомбометание. По

итогах испытаний истребитель "Саека" принят на вооружение ВВС Армии Ирана».

По сообщениям прессы, в рамках тех же учений были проведены испытания легкого истребителя-бомбардировщика «Азарахш», созданного на базе американского истребителя F-5.

В ходе маневров успешно прошли испытания новых авиабомб с лазерным наведением, модернизированных управляемых ракет класса «воздух—земля», новой системы противоракетной обороны, модифицированных ракет «Hawk» класса «воздух—воздух» и новых оружейных и противорадарных систем на самолетах F-5.

Ранее в ходе морской фазы учений состоялись пуски ракет морского базирования «Сакеб» («Пронзающая»). Кроме того, на полигоне близ города Кашан была испытана тактическая ракета «Саека» («Молния») радиусом действия до 250 км.

Экспорт российского оружия в Иран невелик. Так, в 1990-х гг. туда были поставлены три сравнительно современные дизельные подводные лодки проекта 877ЭКМ.

В 2004 г. был подписан контракт на поставку зенитно-ракетного комплекса средней дальности «Тор М1». А в 2006 г. была закончена поставка 29 мобильных установок «Тор М1».

Еще в начале 1990-х гг. РФ продала Ираку два комплекса (всего 20 пусковых установок) зенитных управляемых ракет дальнего действия С-200ВЭ. А в 2007 г. в СМИ появилась информация, что между РФ и ИРИ был заключен контракт на поставку 5 дивизионов ЗРК С-300 ПМУ-1 за 800 миллионов долларов. Однако российская сторона продолжает тянуть с поставкой С-300 из-за давления США и Израиля. В интервью GZT.RU глава правящей коалиции в израильском парламенте Зеэв Элькин говорил о том, что, как только Иран получит С-300, Тель-Авив будет вынужден начать военную операцию на территории страны. Он заявил: «Дело в том, что возможность поставок современных средств противоракетной защиты Ирану — это угроза своей безопасности Израиля».

7 сентября 2009 г. в Москву с секретным визитом прибыл премьер-министр Израиля Нетаньяху. Любопытно, что премьер прилетел не как обычно на самолете израильских ВВС, а на частном самолете Миарбера Йоси Маймона — владельца компании «Мерхав». Власти обеих стран признали факт четырнадцатичасового визита спустя несколько дней после его окончания.

Судя по сообщениям СМИ, на секретных переговорах речь шла о разрыве контракта на С-300. На следующий день после московского визита

Нетаньяху Россия в очередной раз задержала иранские поставки. Директор Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству Михаил Дмитриев заявил журналистам, что поставки С-300 Ирану откладываются из-за технических неполадок. «Когда конкретно будут поставки — будет решено позднее», — добавил он. Но в тот же день Владимир Каспарьянц, один из конструкторов С-300 и сотрудник концерна «Алмаз-Антей», заявил РИА «Новости»: «Технических вопросов нет, это политическая проблема».

Получается любопытная картинка: отечественный ВПК уже двадцать лет «лежит на боку», а Вашингтон и Тель-Авив блокируют поставки российских зенитных, то есть чисто оборонительных комплексов в Иран, Венесуэлу, Сирию и другие страны.

8 западных СМИ появилась информация о том, что С-300 могут быть получены Ираном от Беларуси. Ее президенту Лукашенко нечего терять в отношениях с США, а стоимость этих ЗРК достаточно высока.

27 октября 2005 г. с космодрома Плесецк ракета «Космос-3М» (11К65М) вывела на орбиту иранский спутник «Сина-1». Спутник был создан в омском ПО «Полет» по заказу иранского Института прикладной механики. Вес спутника 160 кг. На его борту установлены телевизионные камеры, передающие изображение наземных целей с разрешающей способностью 50 м.

У разведывательных спутников США и РФ разрешающая способность намного выше, но и такой спутник позволяет вести разведку кораблей, аэродромов и других военных объектов. Я уж не говорю о том, что 50 м — это объявленная разрешающая способность. А вдруг в «Полете» «перевыполнили план»?

3 февраля 2009 г. иранская ракета «Сафир-2» вывела на орбиту с параметрами перигей — 250 км, апогей — 450 км иранский спутник «Омид» весом 27 кг. Согласно заранее объявленной программе, 30 апреля 2009 г. «Омид» вошел в плотные слои атмосферы и сгорел.

Западные военные аналитики считают, что американское нападение на Иран будет развиваться по иракскому сценарию. Действительно, американские самолеты и ракеты могут нанести удар по Ирану со всех сторон — с авиабаз в Ираке, Афганистане, Пакистане, с бывших советских аэродромов в Средней Азии. ВМФ из Персидского залива и Аравийского моря может нанести удар силами авианосной авиации, а также крылатыми ракетами «Томагавк», запущенными с подводных лодок, крейсеров и эсминцев.

Существующие силы ПВО Ирана не смогут отразить эти удары, и американцам удастся поразить большую часть запланированных объектов.

Но на этом сравнения Ирана с Ираком заканчиваются. В Ираке янки удалось подкупить высший командный состав и добиться легкой победы. Поддержка населением Ирака Саддама Хусейна была далеко не полной.

В Иране же духовенство поддерживает свое правительство, а народ безоговорочно верит духовенству. Среди генералитета, безусловно, могут найтись предатели, но личный состав иранских войск никогда не допустит развала армии, как в Ираке. Нападение на Иран может превратиться в войну Запада с Исламом.

В колоде американцев есть затасканная «шестерка» — сын свергнутого в 1979 г. шаха Реза Пехлеви. Этот «шах» с 1978 г. живет в Америке, дослужился до полковника ВВС США. Сейчас он живет с женой и тремя дочерьми в штате Мэриленд. В беседе с корреспондентом газеты «Известия» Реза Пехлеви заявил: «Мы призываем иранцев к массовым акциям гражданского неповиновения. А от мирового сообщества требуем ввести санкции — такие, которые накажут режим, но не навредят народу. Например, можно объявить членов правительства Махмуда Ахмадинежада персонами нон грата. Когда режим будет свергнут, мы организуем общенациональный референдум — чтобы иранский народ сам решил, какое политическое будущее для себя хочет. Проведем демократические выборы»^[234].

Увы, корреспондент забыла спросить: кто такие «мы»? Это, может быть, сам Его Величество говорит о себе во множественном числе, а может, речь идет об армии США, ведь он является ее резервистом? Во всяком случае, речь не идет об иранском народе. Ни в самом Иране, ни среди примерно 3,5 млн. иранцев, живущих в США, Реза Пехлеви не пользуется популярностью. Зато у американских спецслужб болит голова, что делать в случае войны с этими 3,5 млн. человек — то ли отправлять их в концлагеря, как людей с примесью японской крови в 1941 г., то ли ждать масштабных терактов.

Не следует забывать, что Иран имеет огромную сухопутную границу с Ираком и Афганистаном и, соответственно, может оказать существенную поддержку антиамериканским силам в обеих странах.

В случае удара американской или израильской авиации по Ирану ракетные бригады аэрокосмических сил (АКС) КСИР могут нанести ответные удары по израильской территории. Для этого КСИР имеет около 150 баллистических ракет средней дальности, таких как «Шехаб-3» и «Шехаб-3М», с кассетными боевыми частями (дальность пуска до 2000 км).

Уничтожение американских целей в Катаре, Бахрейне, Ираке и

Афганистане может быть произведено ракетными комплексами оперативно-тактических ракет «Шехаб-1» (дальность до 330 км) и «Шехаб-2» (дальность до 700 км), а также тактическими ракетами «Назеат» и «Зелзаль» различных модификаций (дальность пуска от 80 до 300 км). Причем последний тип ракет может быть доставлен на территорию Ливана без последующего обстрела Ливана.

Главной же угрозой США и НАТО по-прежнему является возможное возобновление «танкерной» войны на фронте в 1000 км в водах Персидского залива.

Самым уязвимым местом является Ормузский пролив. Длина пролива 195 км. Пролив сравнительно мелководный: предельная глубина 229 м, а на фарватере глубина до 27,5 м. Это позволяет эффективно использовать все типы донных мин.

В настоящее время движение судов в Ормузском проливе осуществляется по двум транспортным коридорам шириной в 2,5 км каждый. А между коридорами находится буферная зона шириной в 5 км. Эта зона создана, чтобы исключить столкновение встречных судов.

На берегах пролива Иран разместил несколько десятков пусковых установок противокорабельных ракет с дальностью стрельбы от 45 до 200 км. Большинство установок мобильные.

В составе иранского флота имеется пять корветов-ракетносцев (полным водоизмещением 1350 т), а также тридцать ракетных катеров.

Большими возможностями обладают и свыше 200 быстроходных моторных катеров, принадлежащих как ВМФ, так и КСИР. Многие из них укомплектованы смертниками.

Для борьбы с кораблями противника в зоне Персидского залива, уничтожения объектов береговой инфраструктуры и нарушения деятельности нефтедобывающей отрасли в структуре ВВС КСИР сформирован первый отряд «летчиков-смертников». Для этого планируется использовать имеющиеся в распоряжении КСИР иракские самолеты, перелетевшие в Иран в период проведения США военной операции «Буря в пустыне». Силами специалистов организации авиационной промышленности МОПВС ИРИ проведен срочный ремонт данных самолетов и их подготовка для решения поставленных задач. С них снято все рабочее оборудование, за исключением того, что необходимо для пилотирования и навигации.

Еще одним способом блокирования Ормузского пролива является затопление крупных танкеров на фарватере. Американцы в настоящее время отмечают факт постоянного барражирования в районе острова Ларк

(20 км южнее Бендер-Аббаса) нескольких устаревших иранских танкеров. Надо ли говорить, что блокада Ормузского пролива приведет к крушению всей западной экономики. Так что с точки зрения здравого смысла нападение на Иран для США и НАТО явно «нерентабельно». Но, увы, у американских политиков весьма часто возобладает иррациональность мышления.

Какова же должна быть позиция России? Она должна определяться следующими очевидными постулатами.

Создание атомного оружия в Иране, безусловно, противоречит интересам России, но ядерное оружие Израиля создает куда большую угрозу. Поэтому резонно нашему МИДу выдвинуть предложение о создании безъядерной зоны на Ближнем Востоке, включая Иран и Израиль. В любых высказываниях наших деятелей и СМИ на предмет нераспространения ядерного оружия эти страны должны упоминаться только вместе и рядом.

Лично я полностью исключаю возможность применения Ираном своего «потенциала» ядерного оружия против РФ. Можно предположить какой-либо конфликт РФ с ИРИ из-за ресурсов дна Каспия. Можно предположить, что в случае обострения вялотекущей войны на Северном Кавказе Иран окажет дипломатическую и финансовую поддержку боевикам, а также тайно отправит туда легкое вооружение. Но ядерный конфликт с Ираном невозможен в любом случае.

Что же касается эксцессов на Северном Кавказе, то нашему правительству пора использовать «большой кнут» и «большой пряник». Кнут — это беспощадное уничтожение боевиков и их пособников, а пряник — переманивание колеблющихся людей. Помимо всего, пора прекратить «американизацию» нашего общества, которая резко противоречит как мусульманской, так и православной культуре. Так, государство не должно лезть в устои семьи. Под предлогом пресечения отдельных эксцессов государство разрушает патриархальную семью. Следствием же является рост разводов, снижение рождаемости, пьянство, наркомания, резкое увеличение числа однополых связей и т.д.

Характерный пример: при разводе у мусульман сын безоговорочно остается у отца, а согласно американскому менталитету, после развода мать является хозяйкой детей и алиментов, получаемых от отца. Она имеет законное право лишить отца встреч с детьми, заставить их называть «папой» своего сожителя, тратить алиментные деньги на свои развлечения, на содержание сожителя, на детей от сожителя и т.п.

Мусульман подобное не устраивает, и они готовы воевать за свои

семьи и своих детей. Но хотят ли наши парни умирать за «американский образ жизни»?

Почти каждая семья не может жить по своей вере, так, как жили ее предки. И определять закон, по которому будет жить семья, должны только два человека — жених и невеста, подписывая брачный контракт. Лишь бы сей контракт не противоречил уголовному кодексу. Ну а те, кто не желает подписывать контракт, пусть живут по ныне действующему Семейному кодексу РФ.

Я упомянул лишь об одном аспекте, а существуют десятки моментов, явно неприемлемых для мусульман. Российская Федерация — православно-мусульманская страна, и те, кому импонирует «американский образ жизни», пусть наслаждаются им, но не навязывают нравы янки всей стране.

Так что поставлять оружие Ирану, безусловно, в интересах России. А объем поставок должен зависеть от степени американской угрозы. Нельзя забывать, что победа янки в этой войне неизбежно приведет к созданию на территории Ирана военно-воздушных баз, а на Каспийском море — военно-морских баз США. А это неизбежно будет способствовать полному выдворению России с берегов Каспия.

Россия может предоставлять Ирану информацию со своих разведывательных спутников «в режиме реального времени», что основательно затруднит действия США. Документально доказать факт такого сотрудничества почти невозможно.

Большую роль в усовершенствовании ПВО нашего соседа могут сыграть комплексы С-300 «Фаворит» и последние разработки ПЗРК «Игла», обеспечивающие повышенную помехоустойчивость.

Российская Федерация обладает огромными запасами морских мин. Нужды в таком объеме минных арсеналов нет, и их хранение обходится государству «в копейку». Все эти запасы легко могут быть выставлены на путях танкеров в Персидском заливе. Почему бы их не продать Ирану?

Немного истории. В октябре 1950 г. армада американских кораблей как минимум две недели не могли высадить десант в северокорейском порту Воньсань. А там были древние якорные мины контактного действия, поставленные с рыбацких парусных джонок.

В 1972 г. американская авиация заминировала порт Хайфон. Причем советские и вьетнамские тральные силы в течение многих месяцев не могли разминировать порт Хайфон, и полное очищение порта от мин было произведено только после окончания войны с помощью американцев.

В 1971 г. индусы поставили заграждение из старых мин у

пакистанского порта Читтатонг. После войны индусы сами не смогли очистить подходы к порту, и советское соединение тральных сил с марта 1972 г. по июнь 1974 г., то есть более двух лет, тралило этот район.

Мины, выставленные ВМФ Египта в 1973 г., в течение почти двух лет тралились чуть ли не всем миром: страны НАТО — у средиземноморских берегов Египта, а советский флот (10 тральщиков и 4 вертолета-тральщика) — в Красном море.

В ходе войны в Персидском заливе в январе—феврале 1991 г. («Буря в пустыне») американцы и их союзники так и не сумели высадить морской десант на юге Ирака из-за минной опасности. Ирак произвел минирование северной части Персидского залива, особенно на подступах к десантоопасным участкам побережья Кувейта, выставив оценочно 2000 мин шестнадцати различных типов. В тралении этих мин приняли участие морские тральщики и вертолеты-тральщики США, Англии, Бельгии и ФРГ. Всего за январь—февраль 1991 г. ими было вытралено 112 мин, в основном советского производства, типа АМД, КМД «Краб». Тем не менее до конца боевых действий ни одно подразделение союзных войск не было десантировано на берег. Это было крупнейшее поражение ВМФ США в послевоенный период.

С 1960 г. в СССР были созданы реактивные всплывающие мины с углублением от 40 до 300 м. Причем последние образцы мин-ракет (ПМР-1) обладают способностью самоприцеливания. То есть донная мина обнаруживает и идентифицирует цель, а затем направляет на нее ракету и производит выстрел. Кроме того, создано несколько образцов мин-торпед. Такие мины обнаруживают и идентифицируют цель, а затем выпускают по ней самонаводящуюся торпеду.

Наконец, в СССР в конце 1970-х гг. были приняты на вооружение самотранспортирующиеся мины. Такие мины предназначены для подводных лодок, но они могут ставиться даже с небольших надводных судов и катеров. Мины созданы на базе 533-мм и 650-мм дальних торпед (у первых дальность хода — 17 км, у вторых — 50 км). Самотранспортирующиеся торпеды, выпущенные с катеров, вертолетов, нефтяных платформ или береговых торпедных аппаратов, проходят заданное расстояние и ложатся на грунт, становясь донными минами. Подобные мины идеально подходят для Персидского залива.

Коктейль из небольшого числа (100—500) современных мин и нескольких тысяч старых мин, изготовленных в 1945—1960 гг., может фактически парализовать судоходство в Персидском заливе. Не стоит забывать, что даже небольшое повышение цен на нефть дает большие

барыши российским нефтяным компаниям. А полное прекращение транзита нефти из Персидского залива неизбежно приведет западную экономику к катастрофе.

Большую помощь Ирану в предвоенный период могут оказать и российские дипломаты, если они решительно заявят о том, что РФ будет защищать любыми средствами свои экономические интересы.

Так, например, нетрудно догадаться, что боевые действия ВВС и ВМФ США на Каспии могут привести к уничтожению танкеров и нефтяных терминалов и к загрязнению моря. Вспомним хотя бы о том, что на Каспии сосредоточено 80% мировых запасов осетровых рыб, а главным их экспортером является Россия.

Почему бы России не заявить, что она не потерпит никаких боевых действий на Каспийском море и не допустит экологической катастрофы? А любое воздушное или морское судно, обнаруженное на Каспийском море и заведомо не принадлежащее прикаспийским государствам, будет уничтожено силами ПВО или Каспийской военной флотилии.

Соответственно, если на Каспии, даже в нейтральных водах, будут обнаружены диверсанты неприбрежных стран, какие-нибудь рейнджеры или «морские котики», то с ними будут поступать как с обычными бандитами и международными террористами.

А возможность появления американских самолетов и даже военных кораблей на Каспии вполне реальна. Западные СМИ давно сообщают о том, что США договорились с Азербайджаном на случай войны с Ираном. В этом случае Азербайджан предоставит янки свои аэродромы и порты. Оплата — миллионы долларов и санкция на «освобождение» Нагорного Карабаха. Нетрудно представить, что в этом случае в Закавказье начнется большая война.

Россия любой ценой, даже угрозой начала тотальной войны, должна остановить проникновение США в прикаспийский регион. Уже сейчас РФ занимает позиции на Каспии на уровне владений Ивана Грозного. Уйдя совсем с Каспия, России будет уже негде остановиться, разве что в пределах Московского княжества Ивана Калиты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Curzon G. N. Persia and the Persian question. London, 1892.
- Агаев С.Л.* Иран: рождение республики. М.: Политиздат, 1984.
- Алиев С.М.* История Ирана. XX век. М.: ИВ РАН-Крафт+, 2004.
- Бизертский морской сборник. 1921—1923. Избранные страницы / Сост. В.В. Лобыцын. М.: Согласие, 2003.
- Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. М.: РОССПЭН, 1996.
- Брук С.И.* Населения мира. Этно-демографический справочник. М.: Наука, 1981.
- Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28—29 августа 2000 года. Казань: Мастер-Лайн, 2001.
- Висковатов А.* Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. М.: Воениздат, 1946.
- Во славу российской нефти: Материалы научно-исторической конференции «Роль частного предпринимательства в развитии нефтяной промышленности России во второй половине XIX века», 28 февраля 2006 г. М.: ЗАО «Мосиздатинвест», 2006.
- Военная энциклопедия. / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 т. Петербург, 1911 — 1915.
- Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. 1918-1920 гг. Баку, 1971.
- Гегер О.* История Древняя. СПб., 1904.
- Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных 1944—1951 / Составит.: В.Г. Макаров, В.С. Христофоров. М.: Международный фонд «Демократия», 2009.
- Генис В.Л.* Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906—1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2003.
- Гусейнов В.А.* Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922).

- Сборник документов в 4 т. М.: Воениздат, 1974.
- Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1952.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники / Составит. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М.: Русский фонд Содействия Образованию и Науке, 2009.
- Жильцов С.С., Зонн И.С.* США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения, 2009.
- Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России. Казань, 1909.
- Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004
- Зарубежные страны. Справочник. М.: Государственное издательство политической литературы. 1957.
- Зейналов Р.Э.* Военное строительство в Азербайджанской ССР 1920—июнь 1941 гг. Баку: Элм, 1990.
- Зоннештраль-Пискорский А.А.* Международные торговые договоры Персии. М., 1931.
- Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в 1905—1907 гг. М.: Наука, 1986.
- Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969.
- Иран: ислам и власть. М.: Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2002.
- Исаков И.С.* Каспий, год 1920. М.: Советский писатель, 1973.
- Историко-археологический альманах. Выпуск 6. Армавир, 2000.
- История дипломатии. Т. II. Дипломатия в новое время 1871—1914. Автор тома В.М. Хвостов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963.
- История железнодорожного транспорта России и Советского Союза./ Под ред. В.Е. Павлова, М.М. Уздина. Т. 2. 1917—1945 гг. СПб.: ОАО «Иван Федоров», 1997.
- История отечественного судостроения. В 5 т. / Под ред. И.П. Спасского. СПб.: Судостроение, 1996.
- История стран Азии и Африки в Средние века / Под ред. Л.В. Симоновской и Ф.М. Ацамба. М.: Издательство Московского университета, 1968.
- Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф», 2004.

Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов. М.: Восточная литература, 1994.

Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. М.: Голос, 1999.

Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977.

Коган В.М., Добровский-Шалагин В.И. Князь Рюрик и его потомки. Историко-генеалогический свод. СПб.: Паритет, 2004.

Корсун Н.Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

Кусаинова Е.Б. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV—XVII веке. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2005.

Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637—1667). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009.

Ленин В.И. Военная переписка (1917—1920). М.: Воениздат, 1956.

Ленский А. Г. Цыбин М.М. Советские сухопутные войска в последний год Союза ССР. Справочник. СПб.: В&К, 2001.

Лишин Н.Н. На Каспийском море год белой борьбы. Прага: Морской журнал, 1938.

Лукоянов А.К. Исламская революция. Иран — опыт первый 1979—2009. М., 2010.

Мавродин В.В. Начало мореходства на Руси. Ленинград, 1950.

Маковский А.А., Радненко Б.М. Каспийская Краснознаменная. М.: Воениздат, 1982.

Морской атлас. Т. III. Военно-исторический. Ч. 2. Описания к картам. / Под ред. С.Г. Горшкова. М.: Издание Главного Штаба ВМФ, 1966.

Мошков Ф.А. Морская пограничная охрана России: от Петра I до наших дней: краткий исторический очерк. М.: Граница, 2003.

На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник / Под ред. А.А. Черно-баева. М.: Новый хронограф, 2010.

Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920—1921 гг. М.: Издательский Дом «Муравей-Гайд», 1999.

Першке С. и Л. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913.

Пехлеви М.Р. Белая революция. Париж, 1967.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Сборник документов. / Составит. А.И. Чугунов, Т.Ф. Каряева, Е.В. Сахарова, В.А. Червяков, А.Н. Шестопалова. М.: Наука, 1968.

Пограничные войска СССР. 1918—1928. Сборник документов и материалов. / Составит. Е.Д. Соловьев, А.И. Чугунов, Е.В. Сахарова, Н.А. Скворцова, В.А. Червяков. М.: Наука, 1973.

Пограничные войска СССР. 1929—1938. Сборник документов и материалов. / Составит. П.А. Иванчишин, А.И. Чугунов. М.: Наука, 1972.

Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сборник документов и материалов. / Составит. Е.В. Цыбульский, А.И. Чугунов, А.И. Юхт. М.: Наука, 1970.

Под стягом России. Сборник архивных документов/Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М.: Русская книга, 1992.

Политические партии. Справочник. / Под ред. В.В. Загладина, Г.А. Киселева. М.: Политиздат, 1981.

Попова О.И. А.С. Грибоедов в Персии. 1818—1823. М.: Знание и Сила, 1929.

Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000.

Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник/ Ред.-составит. А.М. Анфимов, А.П. Корелин. СПб.: Блиц, 1995.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. В 2-х кн. /Сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Рыжов К.В. Мусульманский восток VII—XV вв. М.: Вече, 2004.

Рыжов К.В. Мусульманский восток XV—XX вв. М.: Вече, 2004.

Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2002.

Сахаров А.Н. Степан Разин. М.: Молодая гвардия, 1987.

Семенов Л. С Путешествие Афанасия Никитина. М.: Наука, 1980.

Симонян Р.Г. Военные блоки империализма. М.: Воениздат, 1976.

Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1986.

Славяне и скандинавы / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986.

Слинкин М.М. Ирано-иракская война 1980—1988 гг. Борьба на море. Симферополь: Таврический национальный университет, 2001.

Смирнов А.А. Морская история казачества. М.: Яуза, Эксмо, 2006.

Соловьев С.М. История Руси с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.

Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1983.

Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М.: Вече, 2000.

Стреляное П.Н. (Калабухов). Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909-1914 гг. М.: Рейтар, 2001.

Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.

Сухоруков С.А. Иран между Британией и Россией от политики до экономики. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2009.

Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. М.: Наука, 1977.

Тьюгендхэт К., Гамильтон А. Нефть. Самый большой бизнес. М.: Прогресс, 1978.

Флот в белой борьбе / Сост. С.В. Вроков. М.: Центрполиграф, 2002

Хождение купца Федота Котова в Персию /Перевод Н.А. Кузнецовой. М.: Издательство восточной литературы, 1958.

Цыбин В.М., Ашанин Е.А. История волжского казачества. Саратов: Приволжское книжное издательство, 2002.

Широкоград А.Б. Великая речная война. 1918—1920 г. М.: Вече, 2006.

Широкоград А.Б. Война и мир Закавказья за три тысячи лет. М.: АСТ, 2009.

Широкоград А.Б. Каспий — русское озеро. Великий волжский путь. Большая нефть и большая политика. М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.

Широкоград А.Б. Россия—Англия: неизвестная война, 1857—1907. М.: АСТ, 2003.

Широкоград А.Б. Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М.: Вече, 2006.

Шкуро А.Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004.

Штылько А. Волжско-каспийское судоходство в старину. СПб., 1892.

Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927.

Эдлинский С.Ф. Каспийский транспортный флот в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. М.: Морской транспорт, 1963.

http://www.kmgosvet.ru/enc/istoriya/PERSIYA_DREVNYAYA_TSIVILIZATSIYA.html

<http://filobiblon.narod.ru/ПРОЕКТ/MILN/GeneralMILN.html>

http://www.portalus.ru/modules/history/rus__readme.php?subaction=showfull&id=1210697616&archive=&startFrom=&ucat=&

<http://livinghistory.ru/lofiversion/index.php/t5945.html>

<http://www.dostani.com/content/view/649/20/>

<http://www.neftegazexpert.ru/neftegazline/55>

<http://www.grani.ru/Events/Terror/rn.91478.html>
<http://narodna.pravda.com.ua/history/4a6b31e8fl4c4/>
<http://kurdissue.narod.ru/10u.html>
<http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Kotov/frametext.htm>
http://eil918.ru/foreign_history/shahinshah.html
http://kunduz.ru/sily_afganskoy__kontrrevolyuciH__ta

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фатх Али-шах (1798-1834)

Мухаммад-шах (1834-1848)

Сын Мухаммед-шаха наследник престола Аббас-Мирза (1789—1833) в юности

Аббас-Мирза в зрелые годы

Подписание Туркманнайсого мира 10 февраля 1828 г.

А. С. Грибоедов

Пушка, подаренная Персии после подписания Туркманчайского мирного договора. Надпись на пушке гласит: «Пушка сия подарена уполномоченному от персидского двора в Туркманчае 1828 года наследнику престола Аббасу-Мирзе от Российского Императора Николая I в знак дружбы» (военный музей в Тегеране). Фото с сайта <http://dic.aeacademic.ru/die.nsf/rumki/1150715>

Шах Наср ад-Дин (1848-1896)

Шах Мозаффар ад-Дан (1896-1907)

Жены шаха Наср ад-Дина, наряженные им в балетные пачки. Фотографии сделаны самим шахом. <http://surtaMt.ua/publ/1-1-0-849>

Таврские фedaи. В центре их вожак Саттар-хан. 1908 г.

Казаки в Персии

Мухаммад Али-шах (1907-1909)

Генерал-майор Оскар фон Нидермайер (Фото 1940-х годов)

Вооруженные курды. 1915 г.

Полковник Владимир Платонович Ляхов — командир Персидской казачьей бригады

Федор Раскольников — последний флибустьер Каспия

Танкеры, возвращенные в Баку из Энзели. 1920 г. На переднем плане судно «Экватор»

Канонерская лодка «Роза Люксембург»

Канонерская лодка "Красный Азербайджан»

*Шах Мохаммад Реза Пехлеви (слева)
(1941—1979)*

*Реза-шах Пехлеви
(1925—1941)*

Ввод советских войск в Иран. На переднем плане горная пушка в конной запряжке. Сентябрь 1941 г.

Советские и английские солдаты в совместном патруле на улицах г. Мехабда. Иран. Сентябрь 1941г. (РГАКФД)

Оружие ленд-лиза идет через Иран

Майор Чернев, полковник Мак Вег и майор Робинсон обсуждают план размещения советских и британских войск. Иран. Сентябрь 1941г. (РГАКФД)

Руководитель политработников из Советского Азербайджана А. Алиев. Тбрыз. 1942 г.

Англичане осматривают советский танк Т-26. Иран

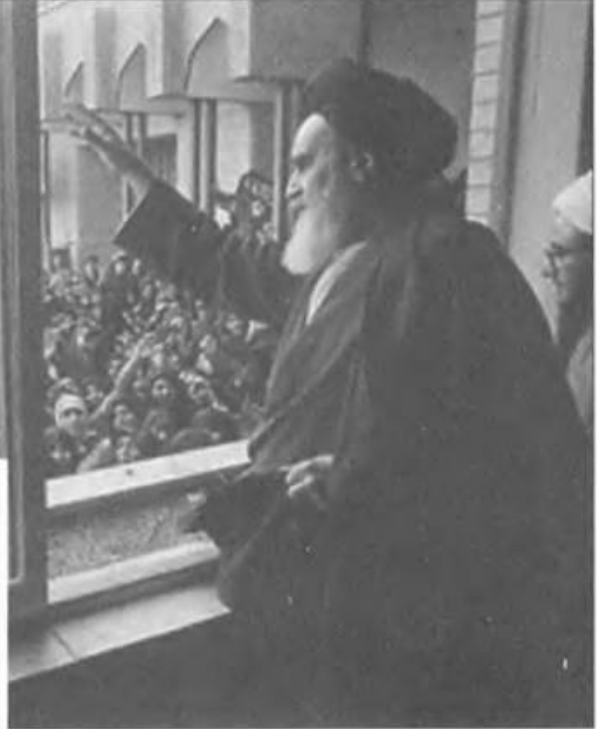
Слева направо: М. Сайд, И. В. Сталин, Мохаммад Реза Пехлеви, В. Молотов. Тегеран, 1943 г.

*Встреча Л.И. Брежнева
с шахом Мохаммадом Реза Пехлеви*

*Рухолла Мусави Хомейни в годы учебы
в священном городе Кума.
Фото с сайта [http://inoforum.freehostia.com/
2010/01/ayatolla-khomejini-ego-zhizn/](http://inoforum.freehostia.com/2010/01/ayatolla-khomejini-ego-zhizn/)*

Аятолла Хомейни. Фото с сайта <http://inoforum.freehostia.com/2010/01/ayatolla-khomejini-ego-zhizn/>

Большие толпы верующих встречали аятоллу Хомейни везде, где бы он не появлялся. Фото с сайта <http://inoforum.freehostia.com/2010/01/ayatolla-khomejini-ego-zhizn/>

В корпус «Стражи Исламской революции», основанный Хомейни в 1979 г., вступали и иранские девушки.

Сотрудники посольства США в Тегеране, захваченные иранской молодежью в заложники в отместку за разрешение президента Картера на въезд бывшего шаха в США. Заложников продержали 444 дня. Фото с сайта <http://inoforum.freehostia.com/2010/01/ayato/la-khomejini-ego-zhiz'i/>

Свергнутый шах Мохаммад Реза Пехлеви в изгнании

Сын свергнутого в 1979 г. шаха Реза Пехлеви на фоне учебно-тренировочного американского истребителя

Полковник ВВС США в отставке, сын последнего персидского шаха Али Реза Пехлеви со своей матерью шахиней Ферах. 2002 г.

В окопах ирано-иракской войны

Малый артиллерийский корабль проекта 21630 «Астрахань»

Большой иранский сухогруз «IRAN ANIRAB» на Средней Волге. Август 2007 г. Фото А. Широкограда

Друзья и враги России

Иран — одно из древнейших государств в мире. Долгое время эта страна играла ключевую роль на Востоке. При Дарии I персидская империя простиралась от Греции и Ливии до реки Инд. Вплоть до XVIII века Персия была сильна, но под конец XIX века она превратилась в полуколониальное государство. В 1935 году Персия изменила название страны на Иран. После Исламской революции в 1979 году Иран был провозглашен Исламской Республикой. В современном мире политическая и экономическая роль Ирана растет из года в год. С ним теперь вынуждены считаться крупнейшие страны запада. Торговые связи между Персией и Россией не прерывались более тысячи лет. А для русских людей это была сказочная страна. И в самом деле, Персия — это не Запад, но и не Восток. Это — особый мир. В юнге рассказывается о непростых отношениях России с нашим великим южным соседом.

notes

Брук С.И. Население мира. Этно-демографический справочник. М.: Наука, 1981. С. 447.

Предки Сефи были не арабского и не азербайджанского (тюркского), а курдского происхождения, а сам шейх Сефи был суннитом, а не шиитом и потомком Али, как это позднее стала приписывать ему официальная сефевидская генеалогия. Из политических соображений его потомки приняли шиизм.

Древняя Русь в свете зарубежных источников/ Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 223.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Указ. соч. С. 221—222.

Книга испытаний народов и осуществления заданий // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники / Составит. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М.: Русский фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 101 — 102.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. С. 209.

Древняя Русь... С. 210—211.

Там же. С. 211-212.

Там же. С. 212.

Коган В.М., Добровский-Шалагин В.И. Князь Рюрик и его потомки. Историко-генеалогический свод. СПб.: Паритет, 2004. С. 554.

Плетнева С.А. Оборонительная стена в Маматерхе-Тмутаракани // Историко-археологический альманах. Выпуск 6. Армавир, 2000. С. 21—22.

Соловьев С.М. История Руси с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Кн. IV. С. 279.

По титулу — царь, а фактически — малоземельный князек.

Соловьев С.М. Указ. соч. С. 278—279.

Кусаинова Е.Б. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV — XVII веке. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2005. С. 108.

Соловьев С.М. История Руси с древнейших времен. Кн. V. С. 67.

Соловьев С.М. Указ. соч.

Там же. С. 150-151.

Хождение купца Федота Котова в Персию /Перевод Н.А. Кузнецовой.
М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 73—74, 76—84.

Хождение купца Федота Котова в Персию /Перевод Н.А. Кузнецовой.
М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 86—95.

Смирнов А.А. Морская история казачества. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 86.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. С. 228.

Там же.

Там же.

Сахаров А.Н. Степан Разин. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 107.

Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 106—107.

Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 110.

Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 126.

Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 92.

Шубин И.А. Указ. соч. С. 68.

Там же.

Шубин И.А. Указ. соч. С. 70.

Оно же Дедиово и Дедилово.

А.С. Пушкин. История Петра/ Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. IX. С. 413.

Область в Грузии.

Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. С. 364-365.

Пушкин А.С. История Петра / Полное собрание сочинений. Т. IX. С. 424-425.

Ластовые суда — грузовые суда средних размеров.

То есть встали твердою ногою.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX. С. 372.

Гекбот — трехмачтовое парусное судно длиной 30,5 м и шириной 8,2 м. Обычно гекботы использовались как транспорты, но в этой экспедиции они действовали в качестве бомбардирских кораблей.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX. С. 374—375.

Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. X. С. 387.

Зоннештраль-Пискорский А.А. Международные торговые договоры Персии. М., 1931. С. 71.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX. С. 318.

Соловьев С.М. Указ. соч. С. 438.

Соловьев С.М. Указ. соч. С. 439.

Там же. С 479.

Соловьев С.М. Указ. соч. С. 479—480.

Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. М.: Голос, 1999. Т. 1.
С 209.

Военная энциклопедия. / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 т. Петербург, 1911-1915. Т. XIV. С. 579.

Под стягом России. Сборник архивных документов / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М.: Русская книга, 1992. С. 304.

Цит. по: Под стягом России. Сборник архивных документов. С. 319.

Попова О.И. А.С. Грибоедов в Персии. 1818—1823 гг.: Знание и Сила, 1929.

История дипломатии. Т. II. Дипломатия в новое время 1871 —1914. Автор тома В.М. Хвостов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. С. 79.

История дипломатии. Указ. соч. С. 81.

Там же. С. 82.

Першке С. и Л. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913. С. 13.

Там же.

Цит. по: Тютюнник В.Н., Чернов А.С. Династия Нобелей и развитие нефтяного дела в России во второй половине XIX — XX веке // Во славу российской нефти: Материалы научно-исторической конференции «Роль частного предпринимательства в развитии нефтяной промышленности России во второй половине XIX века», 28 февраля 2006 г. М.: ЗАО «Мосиздатинвест», 2006. С 53.

Цит. по: Василенко А.Б. Геополитические аспекты нефтяной политики США и Российской империи во второй половине XIX века// Во славу российской нефти. С. 18.

История отечественного судостроения. В 5 т. / Под ред. И.П. Спасского. СПб.: Судостроение, 1996. Т. II Паровое и металлическое судостроение во второй половине XIX в. С. 466.

В 50—60-х годах XIX века в России крупнокалиберные гладкоствольные пушки имели номера 1—4. Самым длинным и, соответственно, имевшим лучшую баллистику, давался № 1.

Номинальная л. с. — это расчетная мощность машины. Она у первых пароходов была близка к фактической или, как ее тогда называли, индикаторной, но по мере совершенствования машин все больше расходилась с ней.

Под стягом России. С. 304.

Там же. С. 317.

В те годы Бакинская губерния официально не считалась Азербайджаном.

Цит. по: Алиев СМ. История Ирана. XX век. М.: ИВ РАН-Крафт+, 2004. С. 57.

Curzon G.N. Persia and the Persian question. London, 1892. T. II C. 621.

Красный архив, 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 13.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф», 2004. С. 330.

Там же.

Казем-Заде Ф. Указ. соч. С. 421.

Цит. по: Стрелянов П.Н. (Калабухов). Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909—1914 гг. М.: Рейтар, 2001. С. 9.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. С. 425.

Энджомен — орган местной власти, городского или областного управления в Персии.

Стрелянов П.Н. (Калабухов). Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909-1914 гг. С. 13.

Стрелянов П.Н. (Калабухов). Указ. соч. С. 19.

Там же.

Там же. С. 20.

Стрелянов П.Н. (Калабухов). Указ. соч. С. 22—23.

Там же. С. 28.

Цит. по: Генис В.Л. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906—1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2003. СП.

Цит. по: Стрелянов П.Н. (Калабухов). Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909—1914 гг. С. 29—30.

Стрелянов П.Н. (Калабухов). Указ. соч. С. 30—31.

Там же. С. 38.

Цит. по: Бровко В. Казаки в Персии. Забытая история. Ч. 2 //
Материалы сайта: <http://narodna.prawda.com.ua/history/4a6b31e8f14c4/>

Цит. по: Стрелянов П.Н. (Калабухов). Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909—1914 гг. С. 45.

Цит. по: Стрелянов П.Н. (Калабухов). С. 33.

Цит. по: Стрелянов П.Н. (Калабухов). С. 33—34.

Цит. по: Стрелянов П.Н. (Калабухов). С. 48.

Протокол допроса генерал-майора О. фон Нидермайера 28 августа 1945 г. // Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных 1944—1951 / Составит.: Макаров В.Г., Христофоров В.С. М.: Международный фонд «Демократия», 2009. С. 351 — 352.

Там же. 350.

Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 75—77.

Цит. по: Алиев С.М. История Ирана. С. 88.

Цит. по: Алиев С.М. История Ирана. С. 90—91.

Там же. С. 91-92.

Цит. по: Алиев С.М. История Ирана. С. 93.

Лишин Николай Николаевич родился в 1893 г., окончил Морской корпус, мичман Балтийского флота. В эмиграции Лишин написал книгу «На Каспийском море год белой борьбы», изданную «Морским журналом» в Праге в 1938 г. Здесь и далее автор цитирует Лишина по этому изданию.

Лишин Н.Н. На Каспийском море год белой борьбы. Прага: Морской журнал, 1938. С. 37—38.

Лишин Н.Н. Указ. соч. С. 40—41.

Судя по всему, сей инженер имел и чин в британской разведке.

Ротаст Петр Михайлович родился в 1892 г., окончил Морской корпус в 1914 г.

Материалы сайта [http://filobiblon.narod.ru/PROEKT/MILN/
GeneralMILN.html](http://filobiblon.narod.ru/PROEKT/MILN/GeneralMILN.html)

ЦГАВМФ. Ф. р-562. Оп. 1. Д. 125.

Лишин Н.Н. На Каспийском море год белой борьбы. С. 68—72.

Подробнее об этом рейде будет рассказано ниже.

ЦГАС. Ф. 108. Оп. 1.Д. 109.

Лишин Н.Н. На Каспийском море год белой борьбы. С. 72—74.

Лишин Н.Н. Указ. соч. С. 75.

Там же. С. 76.

Лишин Н.Н. Указ. соч. С. 80-81.

Лишин Н.Н. Указ. соч. С. 99-102.

Лишин Н.Н. Указ. соч. С. 108-110.

Эрдели Иван Георгиевич, родился в 1870 г., генерал от кавалерии. С 16 апреля 1919 г. Главнокомандующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа).

Лагань — посёлок на одноимённом острове.

Ленин В.И. Сочинения. Издание 4-е. Т. 35. С. 317.

Ленин В.И. Военная переписка (1917—1920). М.: Воениздат, 1956. С. 58.

Лишин. Н.Н. На Каспийском море год белой борьбы. С. 163.

ЦГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 379.

ЦГАВМФ. Ф.р-55.оп. 1. Д.35.

123

ЦГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 379.

Лишин Н.Н. На Каспийском море год белой борьбы. С. 166—168.

ЦГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 379.

Из донесения Р. Фреймана. ЦГАВМФ. Ф. р-562. Оп. 2. Д. 507.

Всего в бою 21 мая флотилия выпустила 792 снаряда по форту Александровскому. *(Прим. автора.)*

Лишин Н.Н. На Каспийском море год белой борьбы. С. 168—173.

ЦГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 379.

О действиях в районе Царицына подробно рассказано в моей книге «Великая речная война. 1918—1920» (М.: Вече, 2006).

Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. 1918-1920 гг. Баку, 1971. С. 142-143.

Шуберт К.К. Русский отряд парусных судов на Каспийском море // Флот в белой борьбе / Сост. С.В. Вроков. М.: Центрполиграф, 2002. С. 367.

Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. 1918-1920 гг. С. 153-154.

СМВ — Coast Motor Boat (береговая моторная лодка, так англичане «для конспирации» именовали свои торпедные катера).

Шуберт К.К. Каспийская военная флотилия 1918—1919 годов// Флот в белой борьбе. С. 384—386.

Дальномеры были британские и выдавали расстояние в ярдах.

Сигнал прекращения огня.

Крейсер «Дмитрий Донской» — бывший наливной теплоход «Эммануил Нобель», построен в 1909 г. в Коломне. Водоизмещение 3800 т. Длина 116 м, ширина 14,2 м, осадка 4,6 м. Два дизеля общей мощностью 2800 л. с. Скорость 10 узлов. Вооружение: три 152-мм, одна 102-мм английская пушка, один 40-мм автомат Виккерса.

В.Л. Бжезинский позже стал известным кораблестроителем.
Репрессирован в 1937 г.

ЦГАВМФ. Ф.р-1. оп. 3. Д. 27.

Ваксмут А.П. Конец Каспийской флотилии времени Гражданской войны под командой генерала Деникина // Флот в белой борьбе. С. 398.

Ваксмут А.П.Указ. соч. С. 399.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). М.: Воениздат, 1974. С. 307.

Исаков И.С. Каспий, 1920 год. С. 99-101.

Бизертский морской сборник. 1921 — 1923. Избранные страницы /
Сост. В.В. Лобыцын. М.: Согласие, 2003. С. 344.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). С. 307.

Исаков И.С. Каспий, 1920 год. С. 84.

По другим данным, это было 5 или 6 мая.

ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. III.
С. 310.

С правовой точки зрения вторжение Красной Армии в Азербайджан имеет много нюансов. С одной стороны, Азербайджан не воевал с РСФСР, а, с другой стороны, границы этого государственного образования не были признаны ни одним государством мира, включая Англию. Советская Россия была единственной правопреемницей Российской империи и, соответственно, обладала соответствующими правами по всей территории бывшей империи.

По другим источникам бронепоезд № 55 назывался «Дагестанец».

Исаков И.С. Каспий, 1920 год. С. 140.

Персии А.М. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920—1921 гг. М.: Муравей-Гайд, 1999.

Немитц Александр Васильевич (1879—1967) по происхождению из дворян, контр-адмирал. В августе—декабре 1917 г. командовал Черноморским флотом. С февраля 1920 г. по декабрь 1921 г. командовал всеми Морскими Силами республики и одновременно был управляющим делами Наркомата по морским делам. Затем на преподавательской работе в военных училищах. В советском флоте имел звание вице-адмирала.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). С 313.

ЦГАВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 589.

Исаков И.С. Каспий, год 1920. С. 226-227.

Ваксмут А.П. Конец Каспийской флотилии времени Гражданской войны под командой генерала Деникина // Флот в белой борьбе. С. 402—403.

Исаков И.С. Каспий, год 1920. С. 241.

Позже отражение этой торпедной атаки стало изучаться во всех советских трудах по военно-морской истории.

Газета «Известия», 23 мая 1920 г.

Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1952. Т. II. С. 542-543.

Ваксмут А.П. Конец Каспийской флотилии времени Гражданской войны под командой генерала Деникина // Флот в белой борьбе. С. 403.

Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. М.: РОССПЭН.

Большевистское руководство... С. 129.

РЦХИДНИ. Ф. 562. Оп. 1, Д. 21.

РЦХИДНИ. Ф. 85. Оп. 2. Д. 26.

Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 121.

В. Мурзаков. Доклад II (РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 16).

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). С. 330.

Из «Доклада штаба фронта в полевой штаб об организации обороны Баку». Там же. С. 334.

Цит. по: Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 129.

РЦХИДНИ. Ф. 17. оп.3. Д. 165.

Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 177.

Цит по: Мошков Ф.А. Морская пограничная охрана России: от Петра I до наших дней: краткий исторический очерк. М.: Граница, 2003. С. 83.

Пограничные войска СССР. 1918—1928. Сборник документов и материалов. М: Наука, 1973. С. 555—556.

Пограничные войска СССР. 1929—1938. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1972. С. 113—114.

Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 192.

По данным сайта: http://idelsong.livejournal.com/l_53337.html

Цит. по: Оришев А.Б. Нацистская Германия в Иране: политико-идеологическая экспансия накануне Второй мировой войны. // Материалы Сайта [http://www.poitalusTu/modules/histoi7/ms._readme.php?subaction=showfullc&id= 1210697616&archive=&start from=&ucat=&](http://www.poitalusTu/modules/histoi7/ms._readme.php?subaction=showfullc&id=1210697616&archive=&start from=&ucat=&)

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941 — 1945. Сборник документов. / Составит. А.И. Чугунов, Т.Ф. Каряева, Е.В. Сахарова, В.А. Червяков, А.Н. Шестопалова. М.: Наука, 1968. С. 602—603.

ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1089. Д. 13.

Эдлинский С.Ф. Каспийский транспортный флот в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941 — 1945 гг. М.: Морской транспорт, 1963. С. 25.

Цит. по: Рыжов К.В. Мусульманский восток XV—XX вв. М.: Вече, 2004. С. 384.

Материалы сайта: http://eil918.ru/foreign_history/shahinshah.html

Цит. по: Рыжов К.В. Мусульманский восток XV—XX вв. С. 332.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. С. 604—605.

Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 209-210.

Стёттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М.: Вече, 2000.

Стёттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М.: Вече, 2000.

Баржи-гаражи грузоподъемностью 1000 т принадлежали Волжскому пароходству и строились для перевозки автомашин (отсюда и название «гаражи»). Они были переданы «Каспфлоту» в связи с сокращением навигации на Волге.

Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 211.

Багиров Мир Джафар Аббасович (5 сентября 1896 г., Куба Бакинской губернии — 7 мая 1956 г., Баку) — партийный деятель, один из руководителей органов государственной безопасности. Сын крестьянина. В 1932—1933 гг. ответственный инструктор ЦК ВКП(б), председатель Совнаркома АзССР. С 1933 г. занимал пост 1-го секретаря ЦК Компартии Азербайджана и Бакинского горкома партии. С 1934 г. кандидат в члены, в 1939—1953 гг. член ЦК ВКП(б). С 1937 г. депутат Верховного Совета СССР. Был одним из ближайших друзей Берии. После ареста (расстрела) Берии Багиров был арестован и «за нарушение социалистической законности» приговорен к смертной казни.

Цит. по: Гасанлы Дж. Первая битва холодной войны // «Независимое военное обозрение» за 23 июня 2006 г.

Там же.

Там же.

Цит. по: Гасанлы Дж. Первая битва холодной войны // «Независимое военное обозрение» за 23 июня 2006 г.

Цит по: Гасанлы Дж. Первая битва холодной войны // «Независимое военное обозрение» за 23 июня 2006 г.

201

Материалы сайта <http://www.dostani.com/content/view/649/20/>

Цит. по: Гасанлы Дж. Первая битва холодной войны // «Независимое военное обозрение» за 23 июня 2006 г.

Цит. по: Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 226.

Цит. по: Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 226—227.

Мохаммед Мосаддык (22 мая 1882 г. — 5 марта 1967 г.) — сын богатого помещика. Его мать была внучкой знаменитого каджарского принца Аббас Мирзы, сына Фахт-Али-шаха Каджара. Юрист по образованию, автор ряда работ по мусульманскому праву, финансовым и другим вопросам, Мохаммед Мосаддык в 1921 — 1924 гг. занимал министерские посты, затем долгие годы был вне большой политики. В июне 1940 г. был арестован по обвинению в антигосударственной деятельности, но в декабре того же года освобожден. Находился под надзором полиции в своем имении Ахмедабад. После отречения шаха Реза в 1943 г. Мосаддык был избран в меджлис XIV созыва, где стал лидером внефракционной группы депутатов и приобрел широкую популярность своими разоблачениями вернувшегося в Иран в 1943 г. известного англофила Сеида Зии. В 1942—1945 гг. Мосаддык выступал с тезисом о необходимости проведения Ираном курса «пассивного равновесия» во внешней политике, то есть недопущения преобладания в Иране какой-либо великой державы, отказ от участия в противоборстве между великими державами и соблюдение строгого нейтралитета во внешней политике.

Хаджали Размара родился в 1901 г. в офицерской семье. Военное образование получил в Тегеране и во Франции (закончил Сен-Сир), в 1937 г. получил звание генерала. Был одним из самых образованных военачальников Ирана. С конце 1947 г., после карательных операций вооруженных сил в Иранском Азербайджане и Северном Курдистане, Размала начал проявлять свои политические амбиции.

Мардж'е ат-таклид — «источник подражания», «объект для подражания» — так называют высших шиитских авторитетов, отличающихся большим количеством «мутакаллидов», то есть последователей.

Зарубежные страны. Справочник. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 390.

Цит по: Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 266—267.

Там же. С. 267.

Цит. по: Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 281.

Материалы сайта <http://livinghistory.ru/lofiversion/index.php/t5945.html>

Цит. по: Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 290—291.

Цит. по: Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 304.

Цит. по: Симонян Р.Г. Военные блоки империализма. М.: Воениздат, 1976. С. 146.

Пехлеви М.Р. Белая революция. Париж, 1967. С. 17.

Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 400.

Алиев С.М. История Ирана. XX век. С. 404—405.

Агаев С.Л. Иран: рождение республики. М.: Политиздат, 1984. С. 31, 33.

Агаев С.Л. Иран: рождение республики. М.: Политиздат, 1984. С. 287.

Там же. С. 27.

Лукоянов А.К. Исламская революция. Иран — опыт первый 1979—2009. М., 2010. С. 105.

ВВТ — вооружение и военная техника.

Почтарев А. Сражающийся «Вавилон» / «Сын отечества», 24 мая 2003 г.

Почтарев А. Сражающийся «Вавилон» / «Сын отечества», 24 мая 2003 г.

Дедвейт — полная грузоподъемность торгового судна.

Во имя Аллаха //Материалы сайта <http://mamont4.chat.ni/Statya2.htm>

Лукоянов А.К. Исламская революция. Иран — опыт первый. 1979—2009. С. 237-238.

Иран: ислам и власть. М.: Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2002. С. 191.

Там же. С. 225-227.

231

Всего было построено 34 единицы, но на Каспии ходило около 30 танкеров этого типа.

Материалы сайта <http://www.neftegazexpert.m/neftegazline/55>

Материалы сайта <http://www.gram.m/Events/Terror/m.91478.html>

«Известия» за 30 мая 2006 г.